

Н. Задонский

Денис Давыдов

1

Н. Задонский

Денис Давыдов

Историческая хроника

Книга первая

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1962

Р2
З-15

В 1962 году исполняется 150 лет со времени Отечественной войны 1812 года.

В памяти нашего народа навсегда сохранится славное имя героя Отечественной войны — Дениса Давыдова, одного из инициаторов партизанского движения.

В исторической хронике «Денис Давыдов», изданной в двух книгах, писатель Николай Задонский создал образ героя, оставившего яркий след и своими поэтическими произведениями в русской литературе.

Первая книга посвящена подвигам Дениса Давыдова в дни войны. Во второй — рассказывается о поэте Денисе Давыдове, его литературных связях и интересах, знакомстве и дружбе с Вяземским, Жуковским, о встречах с Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем и другими писателями.

Работая над книгой, автор использовал многочисленные архивные материалы.

Писатель Н. А. Задонский родился в Воронежской области, в 1900 году. Был организатором комсомола в Задонском уезде, редактировал уездную газету в первые годы советской власти.

Н. А. Задонский автор исторических хроник «Смутная пора» и «Донская либерия», многих очерков и пьес.

Оформление С. Пожарского
Иллюстрации Б. Лебедева

Денис Давыдов... примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин — не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности.

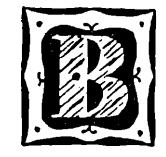
В. Г. Белинский

Славы звучной
И прекрасной
Два венка ты заслужил!
Знать, Суворов не напрасно
Грудь твою перекрестил...

Н. Языков

I

конце ноября 1792 года полковник Василий Денисович Давыдов, командир Полтавского легкоконного полка, расквартированного в селе Грушевке, близ Днепра, получил неожиданное известие: командующим войсками Екатеринославского корпуса, в состав которого входил его полк, назначался генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов.

Новость эта полтавцами была встречена восторженно. Имя великого полководца давно уже получило широкую известность. Молниеносные суворовские марши, недавние блестящие победы при Фокшанах

и Рымнике, взятие неприступного и гордого Измаила... Кого не восхищали эти славные дела, какой командир и солдат не мечтал попасть под команду Суворова! Вместе с тем все знали, как требовательно относится Суворов к службе, какими язвительными бывают его насмешки над «немогузнайками», над ленивыми и нерадивыми воинами. Назначение Суворова всех приободрило и подтянуло. В полку начались усиленные учебные занятия; командиры и солдаты понимали, как легко, допустив малейшую оплошность, можно уронить честь полка при встрече с прославленным полководцем [1*].

О дне этой встречи никто не знал. Корпусная квартира находилась в Херсоне. Там среди штабных офицеров у Василия Денисовича имелось немало друзей, которые всегда заранее предупреждали, когда начальство предполагает произвести очередной смотр или маневры. Теперь об этом нечего было и думать. Суворов своих намерений никому не сообщал, смотры производил неожиданно, среди войска появлялся внезапно.

— Тоже суворовская тактика, — улыбаясь, говорил Василий Денисович. — У нас никогда, кажется, столь успешно учения не проводились, как нынче.

Семейство полкового командира занимало в Грушевке обширный деревянный дом, построенный на скорую руку для императрицы Екатерины, останавливавшейся здесь несколько лет тому назад проездом в Крым.

Василий Денисович, небольшого роста, плотный мужчина с сильной проседью в густых черных волосах, славился веселым характером, остроумием и хлебосольством. Жена его, Елена Евдокимовна, бывши на пятнадцать лет моложе мужа, смотрела на него с обожанием, в походах редко с ним разлучалась. Дочь новороссийского наместника генерал-поручика Щербинина, она получила образование в одном из частных пансионов, много читала, отлично играла на клавикордах. Елена Евдокимовна, во всем

* Смотри примечания в конце книги.

уступавшая мужу, не разделяла его пристрастия к картам. Небольшие раздоры между супругами возникали чаще всего на этой почве.

Офицеры полка, среди которых были ветераны суворовских кампаний, почти каждый вечер собирались в просторном, уютно обставленном кабинете любезного командира. Разговоры между ними сводились теперь к обсуждению выигранных Суворовым сражений, к личным воспоминаниям о нем. Хозяева принимали в таких беседах живое участие. Василию Денисовичу уже приходилось служить в суворовских войсках. А Елена Евдокимовна еще девочкой встречала полководца в доме своего отца.

Но никто, пожалуй, не слушал этих рассказов с таким жадным любопытством, как кареглазый, курносый мальчик в бархатной курточке, обычно выбиравший себе местечко где-нибудь в сторонке. Мальчика звали Денисом. Он был старшим сыном Давыдовых. Ему шел девятый год.

Образ Суворова давно уже занимал воображение Дениса. А мысль о возможности в скором времени увидеть своего героя вызывала у впечатлительного мальчика даже нервную дрожь.

Познания о Суворове не ограничивались у Дениса теми рассказами, какие приходилось слушать в кабинете отца. Денис и брат его Евдоким, бывший на полтора года моложе, имели двух воспитателей. Один из них — маленький и пухленький француз Шарль Фремон — был найден и принят матерью. Другой — пожилой и степенный донской казак Филипп Михайлович Ежов — взят и приставлен к мальчикам в «дядьки» по настоянию отца. Шарль Фремон учил детей французскому языку, танцам, благородным манерам. Филипп Михайлович сопровождал мальчиков на прогулках, обучал езде на лошади, знакомил с военным делом [2].

Мальчики характерами и вкусами резко друг от друга отличались. Спокойный, толстенький, медлительный в движениях Евдоким предпочитал сидеть в комнате и слушать пространные наставления француза. С пяти лет Евдоким показывал прекрасные

способности к плавным менуэтам и котильонам, а ножкой шаркал, как «настоящий маркиз», по выражению мосье Шарля.

Денису никогда на одном месте не сиделось. Резвый и любознательный, он отличался хорошей памятью, быстро научился читать и писать, неплохо и танцевал, зато манеры, которым обучал мосье Шарль, явно ему не давались.

— Он способный мальчик, но у него нет терпения и выдержки, — говорил наставник Елене Евдокимовне, огорчавшейся иной раз поведением старшего сына. И многозначительно, с ревнивой ноткой в голосе, добавлял: — Мне кажется, его несколько портит общество этого казака...

— Что поделаешь, вы же знаете, это непременное желание Василия Денисовича, — вздыхала мать.

— О, я понимаю, сударыня! — восклицал мосье Шарль, прикладывая к сердцу коротенькую ручку. — Нам приходится со многим мириться... Я ничего кроме не могу сказать.

Денис и в самом деле предпочитал чопорному французу своего дядьку Филиппа Михайловича. Простой донской казак, дослужившийся к пятидесяти годам до чина сотника, Ежов участвовал во многих битвах, не раз находился в войсках Потемкина, Румянцева, Суворова, знал много любопытных историй. Филипп Михайлович, кажется, первый пробудил в мальчике особый интерес к военному делу. А его рассказы о Суворове были не менее привлекательны, чем те, которые Денису часто приходилось слышать в кабинете отца. Там какой-нибудь усатый ротмистр, подробно повествуя о Кинбурнской битве или штурме Измаила, говорил о Суворове как о гениальном полководце, стратегия и тактика которого определяли успех. Филипп Михайлович неизменно останавливался на иных качествах Суворова, снискавших ему необыкновенную популярность и любовь среди солдат российской армии.

Суворов, не боявшийся в глаза насмехаться над могущественными сановниками, относился к «нижним чинам» по-человечески, без тени высокомерия и

надменности, свойственных в то время большинству дворян-офицеров. Суворов был строгим, требовательным командиром, но никогда не допускал, чтобы строгость и требовательность переходили в жестокость: сам он ни разу не ударил солдата. В походах и лагерях Суворов жил среди войска, на виду у всех. Спал на охапке сена, питался из солдатского котла, говорил народным языком.

Таким представлялся маленькому Денису образ любимого полководца по рассказам дядьки.

II

Зима и весна прошли в беспокойном ожидании. Суворов словно забыл о кавалерии, стоявшей у села Грушевки. А ведь здесь, помимо Полтавского, располагались Переяславский конноегерский, Стародубский и Черниговский карабинерные полки.

От знакомых штабных офицеров Василию Денисовичу стало известно, что Суворов совместно с инженером Деволантом занят постройкой крепостей в Приднестровье и до осени вряд ли сумеет произвести маневры. Об этом Василий Денисович никому не сказал. Нельзя же расхолаживать людей, столь ревностно овладевающих военными знаниями, чтобы при встрече с командующим не ударить лицом в грязь!

В мае, как обычно, полтавцы перешли в лагерь, расположенный близ села. Боевые учения и марши проводились днем и ночью. Денис, находившийся в лихорадочном состоянии и грезивший Суворовым, обратился с просьбой, чтобы его и брата отец взял к себе в лагерь. Василий Денисович, понимавший настроение сына, охотно согласился. Мать тоже не возражала. Пожить детям на свежем воздухе всегда полезно. К тому же, сказать по правде, Елена Евдокимовна хотела немного отдохнуть от шума и вечных проказ Дениса. Как только наступили теплые дни, Денис и Евдоким в сопровождении своих воспитателей переселились в лагерную палатку. Мать осталась дома с младшими — трехлетней Сашенькой и Левушкой, которому недавно пошел второй год.

И вот, проснувшись однажды ночью, Денис услышал какой-то странный шум. Мальчик выбежал из палатки — и остолбенел. Весь полк был на конях. Призывно играли трубачи. Командиры и солдаты находились в крайнем возбуждении. Оказалось, Суворов поздно вечером приехал из Херсона и, остановившись верстах в десяти от полтавцев, приказал всем полкам немедленно прибыть на маневры.

Спустя несколько минут в лагере уже никого не было. От досады Денис кусал губы. Рассчитывать сегодня на встречу со своим героем не приходилось. А так хотелось увидеть Суворова!

Полк возвратился тот день к полудню. Василий Денисович, сопровождаемый офицерами, вошел в палатку усталый, запыленный, но сияющий и довольный. Полтавцы показали себя молодцами, заслужили благодарность. Недаром столько времени прилежно готовились. Оживленным разговорам о маневрах не было конца.

Денис сидел молча. Ему не терпелось поговорить с отцом о своем желании видеть Суворова, но он никак не мог выбрать удобной минуты. Заметив беспокойный взгляд сына, Василий Денисович сам разгадал его мысли.

— Ну что, дружок? — ласково обратился он к мальчику. — Хочется посмотреть маневры?

Денис, красный от волнения, благодарно взглянул на отца и молча кивнул головой.

— Что ж, это, пожалуй, можно устроить, — продолжал Василий Денисович. — Александр Васильевич ночует у черниговцев; там и поле рядом, где завтра будем отличаться. Поезжайте пораньше утром в коляске...

Денис торжествовал. Брат Евдоким, остававшийся до сих пор невозмутимым, тоже заинтересовался предстоящей поездкой. Мальчики сговорились не спать всю ночь, но, разумеется, не выдержали. Их с трудом разбудили перед рассветом, когда полк выступил уже из лагеря.

Охотников поглядеть на маневры собралось немало. Поросший полынью и дикой ромашкой пригорок,

откуда все обширное маневровое поле было видно как на ладони, заполнился чуть свет народом из ближних сел и деревень.

Мальчикам удалось выбрать удобное для наблюдений местечко, однако, как они ни напрягали зрение, разглядеть что-нибудь в густых клубах пыли, поднятой кавалерией, было невозможно. Лишь изредка среди скачущих кавалеристов появлялся какой-то всадник в белой рубашке, и тогда вокруг раздавались восторженные возгласы:

— Вот он, вот он! Батюшка наш Александр Васильевич!

Между тем солнце поднялось высоко, обещая знойный день. На небе — ни облачка. Сухой ветер обжигал лица. Горячая пыль слепила глаза. Мальчики, уставшие и разочарованные, спускались с пригорка к лагерю, намереваясь отправиться домой. И вдруг в толпе произошло движение, все куда-то побежали и закричали:

— Скачет! Скачет!

Денис повернулся и сразу увидел Суворова. На калмыцком коне он скакал к тому месту, где стояли мальчики. Суворов был в простой белой рубашке, довольно узких полотняных брюках, тонких ботфортах и легкой солдатской каске. На нем не было ни ленты, ни крестов, ни медалей.

Денис с замирающим сердцем смотрел на полководца. Глаза мальчика радостно светились. Оригинальные черты Суворова запомнились ему навсегда. Сухое, продолговатое, в частых морщинах, лицо полководца отличалось особой выразительностью. А высоко поднятые брови и небольшой рот, по обе стороны которого залегли глубокие складки, придавали этому лицу необъяснимое очарование. Большие светлые глаза словно искрились. Вся фигура, взгляд, движения поражали необычайной живостью, каким-то юношеским проворством и задором.

Суворова сопровождали штабные офицеры, адъютанты, ординарцы, а также командиры маневрирующих полков. Среди них находился и Василий Денисович.

Когда взмыленный калмыцкий конь поравнялся с мальчиками, один из адъютантов Суворова, скакавший следом за ним, крикнул:

— Граф! Посмотрите, вот дети Василия Денисовича!

— Где они? Где? — живо отозвался Суворов, сдерживая лошадь.

Денис смело шагнул вперед. Брат последовал за ним. Подскакавший на черкесском коне Василий Денисович представил мальчиков:

— Этот старший — Денис, ваше сиятельство... А младшего назвали Евдокимом, в честь деда...

Добрая улыбка озарила лицо полководца. Он важно перекрестил ребят, протянул маленькую сухую руку. Они почтительно ее поцеловали.

— Любишь ли ты солдат, друг мой? — обратился Суворов к Денису.

— Я люблю графа Суворова, — весь сияя восторгом, прерывающимся от волнения тонким голосом крикнул Денис, — в нем все: и солдаты, и победа, и слава!

— О, помилуй бог, какой удалой! — сказал с улыбкой Суворов. — Этот будет военным человеком! Я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот, — указал он на Евдокима, — пойдет по гражданской службе.

И, продолжая улыбаться, Суворов круто повернул коня и поскакал дальше, сопровождаемый свитой.

Денис, взволнованный встречей, весь день провел словно во сне. Слова Суворова поразили впечатлительного мальчика. Он не мог ничем заниматься, был тих и послушен необычайно.

А вечером опять ожидала приятная новость. Отец, возвратившись домой с маневров, объявил:

— Завтра Александр Васильевич у нас обедает.

В доме поднялся переполох. Казалось бы, приготовить обед для такого нетребовательного и скромного человека, каким был Суворов, не представляет особых трудностей. Но именно нетребовательность и простота знаменитого гостя беспокоили Давыдовых.

Тот богатый, широкий образ жизни, который они вели, никак не соответствовал привычкам и вкусам Суворова. Нужно было не только позаботиться о любимых и простых кушаньях, но и соответствующим образом подготовить весь дом. Хозяева знали, что Суворов не терпит роскоши. Поэтому мягкую мебель, драгоценные вещи и безделушки из комнат убрали. В гостиной поставили один круглый стол с постными закусками, графином водки и рюмками «благородного» размера. В столовой посредине комнаты установили длинный стол, накрытый на двадцать три прибора. Никаких ваз с фруктами, лишней посуды, даже суповых мисок ставить на стол у Суворова не полагалось. Кушанья должны были всем подаваться «кипячие», прямо из кухни, с огня.

В отдельной комнате были приготовлены ванна, привезенные заранее из лагеря простыни, белье и одежда.

Суворов прямо с маневров, закончившихся в семь часов утра, раньше всех прискакал в Грушевку с одним из своих ординарцев. И сразу прошел в комнату, где помещалась ванна.

Вскоре начали съезжаться генералы и офицеры, приглашенные на обед. Все были в парадной форме и шарфах. Василий Денисович и Елена Евдокимовна принимали в гостиной. Тут же находились и принаряженные старшие мальчики и дичившаяся всех маленькая Сашенька.

Суворов на этот раз появился совсем в другом виде, чем вчера. Генеральский расшитый золотом мундир — нараспашку. По белому летнему жилету — лента Георгия первого класса. Заметив хозяйку, Суворов быстрыми шагами направился к ней, расцеловал в обе щеки.

— Красавица! И на отца похожа, — улыбнувшись, заметил он. — Помню, помню... С покойным твоим батюшкой не раз хлеб-соль водили... Ну, а эти, — он повернулся к мальчикам, — мои знакомые... Какие славные!

Денис стоял впереди, вытянувшись по-солдатски: руки по швам, грудь колесом. «Спросит сегодня о чем-

нибудь или не спросит?» — думал беспокойно он, неотрывно наблюдая за каждым жестом Суворова. Но ожидания были напрасны. Суворов не спросил. Он лишь окинул Дениса беглым взглядом и, усмехнувшись, повторил:

— Этот будет военным человеком! Вижу! Я не умру, а он три сражения выиграет!

Маленькая Сашенька, держась за мать, с любопытством смотрела на чужого дядю. Елена Евдокимовна ее представила:

— Это наша младшая, Сашенька...

Суворов наклонился, нежно погладил ее по голове.

— Что с тобой, моя голубушка? Что ты так худа и бледна?

— Лихорадка покоя не дает, — пояснила мать.

— Это нехорошо! Надо лихорадку высечь розгами, чтобы она ушла и не возвращалась к тебе, — обратился Суворов к девочке.

Сашенька поняла слова по-своему, неожиданно сморщила лобик и чуть не заплакала. Мать взяла ее на руки.

А Суворов, спокойно подойдя к столу, уставленному закусками, налил рюмку водки, выпил одним духом и стал так плотно завтракать, что смотреть любо. Все последовали его примеру [3].

Так второй раз видел Денис великого полководца. С той поры мальчик считал, что судьба его решена окончательно: он должен стать военным.

III

Денис родился в Москве 16 июля 1784 года *. Еще в детстве от отца он узнал, что Давыдовы принадлежат к одному из старых дворянских родов. Отец уверял, будто по прямой линии они происходят от татарского князя Тангрикула Кайсыма. У Кайсыма был сын Минчак. Он выехал из Большой орды на службу к великому князю московскому, крестился,

* Все даты в хронике даны по старому стилю.

стал называться Симеоном Косаевичем. А его сын, Давыд Симеонович, положил начало фамилии.

Многие Давыдовы за верную службу царям московским были «жалованы» дальними вотчинами, служили стольниками и воеводами. Дед, Денис Васильевич, принадлежал к числу просвещенных людей своего времени. Он знал несколько языков, имел большую библиотеку. Водил дружбу с Ломоносовым. И не жалел средств на образование детей.

Кроме Василия Денисовича, у него имелись еще два сына и дочь. Все они брачными узами соединились с известными тогда фамилиями. Мария Денисовна находилась в первом браке за смоленским дворянином, ротмистром в отставке, Михаилом Ивановичем Каховским. От этого брака остался у нее сын — Александр Михайлович, один из любимых адъютантов Суворова. Вторично Мария Денисовна вышла замуж за Петра Алексеевича Ермолова, от которого родился известный впоследствии Алексей Петрович Ермолов. Лев Денисович, будучи офицером, женился на племяннице всемогущего Потемкина, Екатерине Николаевне Самойловой, по первому браку — Раевской.

Родственные связи широко открывали Василию Денисовичу двери аристократических салонов. Он имел возможность встречаться с видными военными и общественными деятелями екатерининского времени, о чем любил рассказывать в семейном кругу.

Владея несколькими имениями в Московской, Орловской и Оренбургской губерниях, Василий Денисович считался человеком богатым. Когда Давыдовым приходилось жить в Москве, их старинный барский особняк на Пречистенке постоянно светился праздничными огнями. Знакомых наезжало много. Веселый шум, музыка не смолкали ни днем, ни ночью. Балы, пикники, псовая охота — все на широкую ногу.

Детские годы Дениса ничем не омрачались. Отец любил его, баловал, на проказы смотрел сквозь пальцы.

Вскоре после памятного посещения Полтавского

полка Суворовым Василий Денисович получил чин бригадира и надеялся в ближайшее время принять под команду одну из кавалерийских дивизий, стоявших близ Москвы, о чем давно уже хлопотал. Василий Денисович любил Москву, постоянно о ней скучал. Но неожиданно все изменилось.

6 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина Вторая. На престол вступил сын ее Павел, сумасбродный характер которого давно всем был известен. Екатерина не допускала его к государственным делам. Павел относился к матери враждебно, резко осуждал и ненавидел всех ее фаворитов, зато обожал короля прусского Фридриха, считал его величайшим полководцем в мире и старался во всем ему подражать. Павел жил в Гатчине, где проводил «военные занятия» по методам прусского короля, в войсках которого «солдаты боялись палки капрала более, чем пули противника».

Рассказывали, будто, узнав о смерти Екатерины, Павел примчался во дворец, не снимая шляпы, с палкой в руках, молча, со зловещим видом прошел мимо собравшихся придворных в комнату умершей императрицы. Затем вышел и, повернувшись на каблуках, стукнув палкой, сиплым голосом возгласил:

— Я ваш государь! Попа сюда!

Так началось новое царствование, не предвещавшее ничего доброго. Любимец императора невежественный и жестокий Аракчеев, произведенный в генералы, был назначен петербургским комендантом. Аракчеев поселился в Зимнем дворце. Осматривая боевые знамена, покрытые славой прошлых походов, Аракчеев презрительно усмехнулся:

— Екатерининские юбки...

Всех, кто так или иначе — родством, дружбой, знакомством — был связан с екатерининскими деятелями, постигла опала.

Василий Денисович чуть ли не каждый день получал печальные известия. Выслан из Петербурга брат Владимир Денисович. Уволен со службы брат Лев Денисович, а его пасынок, Николай Николаевич Раевский, служивший на Кавказе, отставлен.

Приезжавшие из Петербурга передавали, что столица превращена в военный лагерь. На заставах приказано построить шлагбаумы, учредить караулы. Гвардию переодели в прусскую форму, заставили мочить волосы квасом, посыпать мукой, пристраивать к вискам войлочные букли, а сзади — на железном пруту — подвязывать косу. Солдата, чтобы выровнять его фигуру, зажимали в станок, а под колени, чтоб не сгибал ноги на параде, подвязывали лубки. С раннего утра звонко били барабаны. Вахтпарады и военные экзерциции сопровождались невиданными жестокостями. Аракчеев за малейшую провинность собственноручно вырывал усы у гренадер.

— Солдат есть простой механизм, артикулом предусмотренный, — поучал Павел командиров.

Фельдмаршал Суворов, вызванный во дворец, отказался от немецкого мундира и ответил едкой насмешкой:

— Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак, а сам я не немец, а природный русак.

Павел сослал его в Кончанское. Тысячи офицеров, разделявших взгляды полководца, были уволены из гвардии и армии [4].

В доме Давыдовых стало тихо. Василий Денисович ходил сам не свой. Дурные вести следовали одна за другой. Арестован племянник Александр Михайлович Каховский, посажен в Петропавловскую крепость другой племянник — подполковник Алексей Петрович Ермолов. Оба были горячими сторонниками суворовских методов. Оба в мать Марию Денисовну, остры на язык. Василий Денисович, тяжело вздыхая, чувствовал, что гроза его тоже не минует. И не ошибся. Дошла очередь и до него.

Приехали какие-то люди в гатчинской форме. Сначала отрешили от должности. Потом устроили ревизию. Василий Денисович в хозяйственных делах разбирался плохо и терпеть не мог бумажной волокиты. Возможно, в канцелярии на самом деле было что-то запущено. Ревизорам на руку. Отмечая каждую оплошность, они насчитали около ста тысяч казен-

ных денег за полковым командиром и определили отдать его под суд.

Василия Денисовича от такого известия, полученного уже в Москве, куда переехала семья, чуть удар не хватил. Оправившись, он едет в Петербург с намерением добиться аудиенции у императора, найти у него защиту.

Но в Петербурге нашлись благоразумные люди. Они доказали, как невыгодна была бы для Василия Денисовича подобная встреча.

— Ваши племянники, Каховский и Ермолов, — под секретом сообщили Василию Денисовичу, — обвиняются в том, что состояли в тайном обществе, подготовлявшем насильственное устранение государя и введение такого правления, как во Франции...

— Но я же никогда не был сторонником таких мер! — воскликнул испуганный Василий Денисович.

— Посему вы и не находитесь в крепости, как они, однако согласитесь, государь не может относиться к вам, близкому родственнику заговорщиков, с прежним доверием... [5]

Василий Денисович согласился. Искать аудиенции у Павла не решился. Вообще времена переменились. Будучи таким же ярым крепостником, как и мать, искореняя «вольнодумство» и «якобинство», Павел в то же время сильно ущемлял права крупнопоместного дворянства. Он запретил поездки за границу, казнил и миловал, как хотел, вмешивался в частную жизнь. Приказывал жителям столицы в определенный час вставать, обедать, ложиться спать, да еще и меню обедов предписывал. Однажды, вальсируя на балу с княжной Лопухиной, Павел поскользнулся и упал. На другой день особым приказом танцевать вальс строжайше всем запретил. Самодурство Павла не знало пределов. Даже близкие к нему люди выражали тайно свое недовольство. Из уст в уста передавали, будто великий князь Константин Павлович высказался про отца:

— Он объявил войну здравому смыслу с намерением никогда не заключать с ним мира и перемирия...

Василию Денисовичу посоветовали, что лучше всего, не дожидаясь решения суда, заложить часть своих имений, уплатить насчитанные на него деньги. Он так и поступил. Но стоило заложить подмосковную, как сразу же выявились значительные частные долги. Проигрывая в карты, Василий Денисович частенько выдавал долговые обязательства. Некоторые из кредиторов, узнав о закладе имения, подали эти обязательства ко взысканию. Общая сумма долгов возросла. Пришлось продать остальные поместья. И все же, хотя судебное дело прекратили, полностью расплатиться не удалось. За Василием Денисовичем осталось около тридцати тысяч казенного долга; выплатить эти деньги он обязался в рассрочку.

Вместо проданных имений Василий Денисович купил в Можайском уезде у помещика Савелова небольшое село Бородино, сам взялся за хозяйство. Кроме того, осталась орловская деревушка Денисовка. С ней Василий Денисович не захотел расстаться: там прошло его детство.

Однако доходы от этих имений были незначительны. Положение семьи резко ухудшилось. Пришлось отказаться от прежнего образа жизни и от многих старых привычек.

Денису шел уже пятнадцатый год. Несмотря на изменившиеся обстоятельства, он по-прежнему думал лишь о военной карьере. Денис был мал ростом, но крепко сложен. Он старался всячески себя закалять. По-суворовски вставал чуть свет, обливался холодной водой, спал на жесткой постели. Научился превосходно обращаться с оружием, метко стрелял, а на лошади ездил, как опытный кавалерист. Отец не раз любовался его молодецкой посадкой.

Летнее время Давыдовы проводили теперь в Денисовке или Бородине. Бородино нравилось Денису больше. Там как-то привольнее дышалось, а какая чудесная была охота! Денис мог сутками не слезать с коня, рыская за лисами и зайцами по обширным бородинским полям.

Однажды день охоты для него выдался неудачный. Ни одного зайца затравить не удалось, дважды

стрелял и обидно промазал; к тому же лошадь неизвестно почему начала сильно прихрамывать. Последнее обстоятельство Дениса особенно огорчало. Он знал, что в глазах отца, болезненно любившего лошадей, человек, хотя бы случайно повредивший коня, сразу терял цену.

Возвращаясь под вечер домой, Денис нагнал по дороге босоногого деревенского мальчика, нагруженного огромной вязанкой хвороста. Заметив подъехавшего сзади молодого барина, мальчик посторонился, опустил свою ношу на землю и, тяжело дыша, вытирая рукавом посконной рубахи обильно катившиеся по лицу капли пота, с любопытством стал смотреть на Дениса.

Он был примерно в одних с Денисом годах, только чуть повыше ростом и поу́же в плечах. С открытым, почерневшим от загара лицом, светловолосый, голубоглазый, он невольно располагал к себе.

Остановив лошадь, Денис полюбопытствовал:

— Куда же ты столько хворосту несешь?

— Известно, домой... Нужно на зиму-то припасать...

— А сам откуда?

— Бородинский... Савелия-кузнеца большак, Никишка... — бойко отозвался мальчик и, сделав шаг вперед, неожиданно спросил: — А чего это с конем у вас приключилось?

Денис рассказал. Никишка внимательно выслушал, поскреб в затылке и посоветовал:

— Надо моему деду Михею пока́зать... Он всякие снадобья знает и враз коня поправить может...

— А живете вы далеко?

— Да вон она, хата наша, — указал Никишка на выглядывавшую из-за пригорка соломенную крышу. — Почитай, на самом отшибе села построились.

Денис советом воспользовался. И не раскаялся. Дед Михей, высокий, седобородый и радушный старик, осмотрев коня, обнаружил обычный малый вывих и выправил его без труда.

— Где же ты, дедушка, лекарить обучился? — спросил Денис.

— И-их, баринок, — ответил с легкой усмешкой старик, — за тридцать годов в солдатах чему не научишься... Оно верно говорится, что солдат на все руки мастак: шилом бреется, дымом греется...

— В каких же войсках тебе служить пришлось?

— В конных гренадерах состоял... С покойным Салтыковым-генералом еще походы делал, немцев били... Потом с Румянцевым турок замиряли... Много кой-чего на белом свете повидать довелось, баринок! Захаживай, коли милости твоей угодно солдатские байки послушать...

Денис с той поры стал частенько навещать старика. Привлекали не только любопытные военные истории, но и особенное умение их рассказывать. Простой, образный народный язык, меткие словечки, шутки и прибаутки деда Михея крепко запоминались, обогащая невольно язык самого Дениса. Да и Никишка все более удивлял своей смышленостью: то лисий или волчий выводок выследит, то еще чем угодит.

Денис упросил отца сделать Никишке сапоги и подарить старое ружье. Вскоре Никишка сделался постоянным товарищем в охотничьих забавах.

Впрочем, Денису приходилось участвовать и в большой, настоящей охоте, которую устраивал Василий Денисович совместно с соседями-помещиками.

Поездка куда бы то ни было вместе с отцом доставляла Денису большое удовольствие. Отношения между ними не оставляли желать лучшего. После происшедших изменений в судьбе отца привязанность к нему Дениса возросла. Да и отец, кажется, любил старшего сына больше других детей.

Однажды они поехали в коляске к соседу-помещику покупать лошадей. Денис оказался хорошим помощником. С видом знатока он осматривал каждого коня, подавал весьма дельные советы. Когда возвращались обратно, Василий Денисович сказал:

— Ну вот, дружок, ты становишься совсем взрослым... И, право, нам давно следует поговорить о твоем будущем...

Денис насторожился. Он никогда не скрывал от отца своего твердого решения идти на военную службу. Зачем же затевался такой разговор?

— Вы знаете, батюшка, — тихо и почтительно ответил он, — я буду служить...

Василий Денисович грустными глазами посмотрел на сына и тяжело вздохнул:

— Я понимаю... Но тебе известно, дружок, как ограничены наши средства. А чтобы не умалить своего достоинства, молодому офицеру, особливо гвардейцу, необходимы лишние расходы... И немалые. Знаю по себе... — Он сделал короткую паузу, вытер платком лоб и с неожиданной резкостью добавил: — Достоинства же своего и чести Давыдовы никогда не роняли! Запомни!

— Чего же вы желаете, батюшка? — низко склонив голову, дрогнувшим голосом спросил Денис.

— Я желаю, чтобы ты сам хорошенько подумал, — произнес Василий Денисович. — Есть много способов служить с пользой для отечества и необременительно для семьи... Мне сообщили, что тебя и Евдокима можно записать в архив иностранной коллегии...

— Нет, нет, батюшка! — горячо перебил Денис, схватив руку отца. — Я избрал военное поприще. Я не прошу ничего, кроме вашего благословения! Я соглашусь скорее служить простым солдатом, чем сидеть в канцеляриях... Мне даже слово это противно... Не принуждайте меня, батюшка!

Взволнованность сына до глубины души тронула Василия Денисовича. Он понял, что никакие уговоры не помогут. Да и сам на месте сына поступил бы так же! «Что ж, может быть, прав окажется Суворов, пусть идет мальчик своей дорогой. Одного как-нибудь устроим, а Евдокима определим в гражданскую».

И Василий Денисович нежно привлек к себе сына, поцеловал в горячий лоб.

— Успокойся, дружочек... Неволить тебя никто не собирается. Пусть будет по-твоему!

IV

Среди московских знакомых Василия Денисовича своим умом и образованностью выделялся симбирский помещик и масон Иван Петрович Тургенев. Когда-то он принадлежал к кружку известного просветителя Николая Ивановича Новикова, был за это даже выслан и лишь недавно опять появился в Москве.

Денис подружился со старшими его сыновьями — Андреем и Александром, учившимися в Московском университетском пансионе. Мальчики были общительны, любили поспорить на литературные и философские темы. Правда, многие вопросы, интересовавшие братьев, Денису были непонятны и чужды, но литература его увлекала. Братья наизусть читали стихи Державина, басни Хемницера и Дмитриева. Они познакомили Дениса с альманахами, изданными Николаем Михайловичем Карамзиным. Андрей Тургенев, бывший года на три старше однолеток Дениса и Александра, сам пробовал сочинять. Некоторые его стихи уже печатались.

Как-то раз Александр, всегда оживленный и любезный, встретив Дениса, сказал:

— Приходи вечером к нам... Один пансионный приятель свои стихи читать будет... Чудо! Гений! Сам Карамзин хвалит!

Денис, давно подметивший в Александре склонность всех производить в гении, приглашение все же принял и вечером отправился к Тургеневым.

Юноша, которого он там встретил, произвел приятное впечатление. Среднего роста, волосы темные, густые, лоб широкий. В продолговатых восточных глазах задумчивость. С толстых, но правильно очерченных губ, казалось, не сходит легкая и добрая улыбка.

Дениса представили. Юноша приветливо протянул руку:

— Василий Жуковской...

Андрей Тургенев тотчас же поправил:

— Не Жуковской, а Жуковский... Карамзин гово-

рит — так более правильно и благозвучно. Василий Андреевич Жуковский.

Денис заметил, как юноша почему-то смутился, покраснел и, опустив глаза, поспешно открыл лежавшую перед ним книжку.

В комнате находилось еще несколько товарищей братьев Тургеневых. Среди них самый старший — Александр Воейков. Он беспрерывно суетился, размахивал руками. Маленькие черные глазки смотрели на всех насмешливо. А самым младшим был десятилетний мальчик, сидевший смирно в углу на широком диване. Это брат Тургеневых, Николаша. Серыми строгими глазами он молча наблюдал за всеми и кусал ногти на коротких пальцах. Денис вспомнил, как возмущался мосье Шарль, отучавший его самого от этой привычки, и невольно улыбнулся мальчику. Но тот не обратил на него внимания и продолжал свое занятие, пока брат Александр не сказал ему:

— Николаша! Пальцы! Сколько раз тебе говорили!

Мальчик, ничуть не смутившись, медленно опустил руку. Выражение лица его осталось серьезным.

Жуковский начал читать. Голос у него мягкий, приятный, а стихи печальные.

В туманном сумраке окрестность исчезает,
Повсюду тишина, повсюду мертвый сон...

Товарищи слушали молодого поэта с напряженным вниманием. Светлые круглые глаза Андрея скоро сделались влажными. Александр Тургенев, сидевший рядом с Денисом, несколько раз толкал его в бок и восторженно шептал:

— Я же тебе говорил! Прелесть! Чудо! Гений!

Когда Жуковский кончил читать, его окружили, начали поздравлять. В комнате стало шумно. Все наперебой старались сказать что-нибудь приятное молодому поэту. Андрей, взволнованный и раскрасневшийся, крикнул даже, что теперь сам Карамзин может подавать в отставку. Один лишь Николаша, соскочив с дивана, заметно прихрамывая на левую ногу, молча скрылся из комнаты.

Денис испытывал какое-то странное чувство. Стихи, по правде сказать, ему не понравились, но в то же время он немного завидовал Жуковскому. Мысль, что этот тихий и приятный юноша, его ровесник, уже вышел на дорогу к славе, задела самолюбие. К славе Денис был ревнив! Чары поэзии не коснулись еще пылкого сердца, а любопытство к стихам пробудилось. Созревало страстное желание самому попробовать свои силы в стихах. Разумеется, никому в этом Денис не признавался. Но, прощаясь с Тургеневыми, взял у них несколько новейших альманахов и книг. И две недели прилежно постигал стихотворную мудрость. Порой казалось ему, что нет ничего проще, как складывать слова в гладкие строфы, а стоило взять в руки перо, и мысли куда-то исчезали, а слова порхали перед глазами, словно бабочки на весеннем лугу. Нет, писать стихи оказывалось не так-то просто!

Перемарав несколько листов бумаги, испортив десяток перьев, Денис сочинил, наконец, нечто такое, что сгоряча принял за стихи:

Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О, милая овечка! Когда я думала,
что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!»

Следует отдать справедливость молодому поэту: в качестве первых своих стихов он все-таки усомнился и на строгий суд братьев Тургеневых представить постеснялся. Показать стихи, после долгого размышления, решил одному Жуковскому. Денис уже знал, почему тогда у Тургеневых смутился этот юноша. Он был незаконнорожденным сыном тульского помещика Бунина. Приживальщик Андрей Жуковской усыновил его по приказу барина. Эти подробности, сообщенные под секретом всезнающим Александром Тургеневым, возбудили особый интерес к Жуковскому. К тому же

он оказался на редкость мягким и душевным юношей. Денис несколько раз встречался с ним. Подружился. Надеялся на его правдивость и скромность.

Прочитав стихи, Жуковский грустно покачал головой:

— Мне не хочется огорчать тебя, Денис, но не могу и душой кривить... В стихах твоих нет ни одной поэтической строчки. А между тем, — сделав короткую паузу, продолжал Жуковский, — слушая твои рассказы о войне, я вижу явственно, что поэтическое воображение тебе не чуждо... Надо писать о близких предметах, милый Денис, а не об этих овечках, кои во множестве пасутся близ Парнаса.

Стихи Денис спрятал. Совет Жуковского запомнил, но тайно ото всех продолжал сочинять в том же духе, испытывая большую внутреннюю радость творчества.

Вместе с тем Денис настойчиво пополнял свои военные знания. Много читал и не упускал ни одного случая, чтобы не поговорить с ветеранами прошлых войн, частенько навещавшими отца.

Обладая отличной памятью, Денис научился живо и занимательно передавать многие исторические и военные события. Воспитанники Московского университетского пансиона отдавали ему должное. Разумеется, больше всего интересовались тогда Суворовым.

В начале 1799 года Москва жила слухами о военных приготовлениях. Россия в союзе с Австрией и Англией выступила против Франции. В феврале пришло известие, что император Павел скрепя сердце вызвал в Петербург Суворова. Кончанское заточение великого полководца окончилось. Он был назначен главнокомандующим соединенных русско-австрийских сил. Павел вынужден был уступить требованию союзников. Лучшего полководца, чем Суворов, в Европе не оказалось. В середине марта Суворов находился уже в Вене. Началась знаменитая итальянская кампания.

Появлявшиеся в журналах и газетах сведения об этих событиях были сухи и коротки. Павел ввел же-

стокую цензуру. Неприязнь императора к Суворову чувствовалась постоянно. Восторгаться действиями Суворова цензоры считали неуместным.

И все же скрыть правду не удавалось. Она просачивалась всюду, как весенние ручейки из-под снежных сугробов. Частные известия в той или иной форме приходили из армии ежедневно. Имя Суворова у всех было на устах. Рассказывали, что полководец ни в чем не уступил императору Павлу. По прибытии к войскам отменил ношение буклей и кос, порядки установил свои, суворовские. Передавали, как он отказался подчиниться австрийскому гофкригсрату и послал русских офицеров обучать австрийцев штыковому бою, или, как он саркастически выразился, «таинству побивания неприятеля холодным оружием». Наконец начали приходить подробные реляции о блестящих победах суворовских чудо-богатырей над войсками прославленных французских генералов Моро, Макдональда, Жубера.

В доме Давыдовых военные известия обсуждались оживленно. Василий Денисович благодаря обширным связям лучше других был осведомлен о действиях Суворова.

Денис, больно переживавший опалу любимого полководца, находился теперь в приподнятом настроении, жадно ловил каждую весточку из армии. Картины суворовского похода рисовались ему необыкновенно ярко. И своим товарищам о Суворове Денис рассказывал с таким жаром и вдохновением, что Александр Тургенев однажды заметил:

— Чудо, какая эрудиция! Словно сам ты при фельдмаршале состоишь неотлучно...

— Завидую каждому его солдату, — с искренним чувством отозвался Денис. — Как счастлив был бы я служить под командой Суворова!

Возможно, рассказы Дениса иной раз окрашивались юношеской фантазией. Недаром Жуковский заметил в нем поэтическое воображение. Впрочем, дело было не в этом. Среди военных имелись тогда люди, склонные объяснять суворовские победы счастливой случайностью, порывами бестолковой отважности,

хотя сам полководец, как было известно, не раз иронизировал над подобными людьми:

— Помилуй бог! Все счастье да счастье, надо ж когда-нибудь и уменье! Беда без фортуны, горе без таланта!

Василий Денисович, к счастью сына, принадлежал к той группе военных, которые в действиях Суворова видели прежде всего разумный план, известную систему, вникали в намерения полководца, угадывали их. С помощью отца Денис имел возможность ближе познакомиться с методами и тактикой полководца. Жизнь этого изумительного человека стала образцом для Дениса. Суворовская военная система воспринималась органически, как бесспорно лучшая из всех систем.

Денису шел шестнадцатый год. Отец писал уже письма в Петербург родным и знакомым, желая как можно лучше устроить сына. Шестнадцатилетних на действительную службу принимали. Оставалось лишь терпеливо ждать. Легко сказать — целый год! Денис вздыхал после каждого нового известия о суворовских победах. Ему не терпелось. Время движется слишком медленно. Пожалуй, на его долю не достанется славы!

V

Осень стояла холодная, дождливая. У Давыдовых все шло своим чередом. Денис готовился к военной службе, Евдоким — в иностранную коллегию. Десятилетняя хрупкая и нежная Сашенька училась в пансионе. Самый младший, Левушка, любимец матери, обычно послушный и тихий, ни с того ни с сего вдруг стал озорничать. На днях отрубил хвост собаке. А мальчику всего восемь лет. Что-то с ним будет! Елена Евдокимовна с грустью замечала, что Левушка ведет себя точь-в-точь как старший... Нет, теперь, слава богу, Денис, кажется, утихомирился, а вот когда был поменьше...

Неожиданно, проездом из Петербурга, прибыл на-

вестить дядю кавалергард-ротмистр Александр Львович Давыдов. Он толст, важен. И при разговоре чуть-чуть картавит. Денису двоюродный брат не понравился, но нарядная кавалергардская форма произвела сильное впечатление.

Александр Львович привез скверные известия. Австрийцы настаивали, чтобы русские войска были переброшены в Швейцарию, где находилась чуть не стотысячная армия французского генерала Массена. Правда, в помощь Суворову послали двадцатичетырехтысячный корпус генерала Римского-Корсакова, но все же положение создавалось трудное. К тому же Суворов, говорят, начал в последнее время сильно прихварывать. Довели австрийцы, суют нос куда не надо.

Александр Львович уехал. Переданные им сведения быстро подтвердились. Австрийские генералы, завидовавшие воинской славе русского полководца, отвергли все его предложения и сумели убедить Павла, что их план кампании, разработанный по всем правилам австрийского военного искусства, является самым лучшим.

Суворову предстояло перейти через Альпы, чтобы соединиться с корпусом Римского-Корсакова. Австрийцы обещали, но не подготовили для русских войск ни провианта, ни одежды, ни боевых припасов.

Стояли холода. Горные дороги обледенели. Сам Суворов был болен, еле держался в седле. А у французов свежая, вчетверо сильнейшая армия, удобные позиции, превосходное снабжение. Казалось, в таких условиях гибель небольшого суворовского корпуса неминуема.

Москва словно застыла в напряженном ожидании. Василий Денисович ходил хмурый. Как человек военный, он более других сознавал безвыходность положения.

— Австрийцы нарочно устроили ловушку, — негодовал он. — Просто непостижимо, как государь согласился с австрийским планом?

Денис похудел, плохо спал. Драматизм развертывавшихся событий захватил его. Как поступит при

таких обстоятельствах полководец? Отец говорил, будто есть возможность отступить, обойти горы... Нет, Суворов отступать не будет. Значит, должно произойти что-то необычайное, может быть, ужасное...

Однако был один человек, который относился к событиям с невозмутимым спокойствием, — это старый дядька Филипп Михайлович. Он доживал во флигеле последние дни. Денис частенько забегал проведать старика, делился с ним новостями. Филипп Михайлович никаких предположений не делал, но свято верил, что Суворов сумеет найти выход из любого положения.

— Никто его, батюшку нашего Лександра Васильевича, не осилит, — задыхаясь от кашля, говорил старик, — сумлеваться нечего... И всякие горы пройдет и неприятеля побьет...

Разговор с дядькой всегда успокаивал Дениса. А вскоре и впрямь Москва узнала, что суворовские чудо-богатыри преодолели все преграды: Сен-Готард, Чертов мост, угрюмый и страшный Паникс.

Рассказывали, что Суворов мужественно делил с войсками все невзгоды. Он ехал верхом на казацкой лошади, в старом плаще, плохо укрывавшем от студеных горных ветров ослабленное лихорадкой тело. Обильные снегопады и густые туманы затрудняли движение. Над головой нависали скалы. Внизу зияли бездонные пропасти. Бесилась вьюга, заметая следы. Порой пробираться приходилось по узкой горной тропинке, где один неверный шаг — гибель.

— Ничего, мы русские, — ободрял войска полководец. — Где олень проходит, там и русский солдат пройдет...

Часть орудий пришлось уничтожить. Патроны кончились. Любимец Суворова, молодой генерал Багратион, раненный в левую ногу, прикрывал небольшим отрядом движение главных сил, отбивал наседавших французов штыковыми атаками.

Наконец беспримерный по героизму поход закончился. Войска соединились, стали на отдых.

— Орлы русские облетели орлов римских! —

с гордостью воскликнул Суворов, объезжая поредевшие шеренги изнуренных, но бодрых духом солдат.

Денис чувствовал себя именинником. Ходил с гордо поднятой головой и сияющими глазами. Суворов снова удивил мир своей гениальностью! Непобедимый полководец жив, невредим, возвращается в Россию! Теперь, когда оставались считанные месяцы до поступления Дениса на военную службу, особенно ярко оживала в его памяти незабвенная встреча с Суворовым. «Я не умру, а он уже три сражения выиграет». Кто знает! Может быть, этому предсказанию суждено осуществиться? Старый дядька Филипп Михайлович по крайней мере не сомневался, да и отец как будто тоже. Денис был полон самых радужных надежд.

Время шло. Наступила зима. Весело пролетели святки. И вдруг поползли слухи, будто злопамятный император подготовляет великому полководцу новое заточение... Сначала слухам не поверили. Правительственная газета «Петербургские ведомости» чуть не каждый день сообщала о высочайшем внимании к полководцу. По приказанию Павла, недовольного союзниками, армия возвращалась домой. Всем участникам похода выданы награды. Суворову присвоено звание генералиссимуса российских войск. Петербург готовил торжественную встречу с пушечной пальбой и колокольным звоном. Однако к весне имя Суворова на страницах газет стало появляться все реже. А слухи росли и начали подтверждаться.

Суворов, совсем больной, ехал медленно, с длительными остановками. Силы уходили. Он чувствовал: конец его близок. Узнав о присвоении звания генералиссимуса, Суворов только вздохнул и с грустью заметил:

— Велик чин! Он меня раздавит! Жить осталось недолго...

Состояние больного требовало полного покоя. Император избрал удобный момент, чтобы окончательно сразить ненавистного человека. Суворову было поставлено в вину, что он держал при себе дежурного генерала, а в войсках ввел «обыкновенный шаг, ни-

мало не сходный с предписанным уставом». Высочайшие рескрипты, выражающие неудовольствие, были вручены больному в карете, недалеко от столицы. Неожиданная опала походила на предательский удар в спину. Возражать против смехотворных обвинений не имело смысла. Да не было уже и сил!

Суворова привезли в Петербург темной апрельской ночью. Торжественную встречу император отменил. Приезжать во дворец запретил. Адъютантов отобрал. Народ, стекавшийся к дому Хвостова на Крюковом канале, где остановился великий полководец, разгоняла полиция.

А Суворов не вставал уже с постели, метался в бреду, не узнавал окружающих. Разум его медленно угасал. 6 мая 1800 года Суворов скончался.

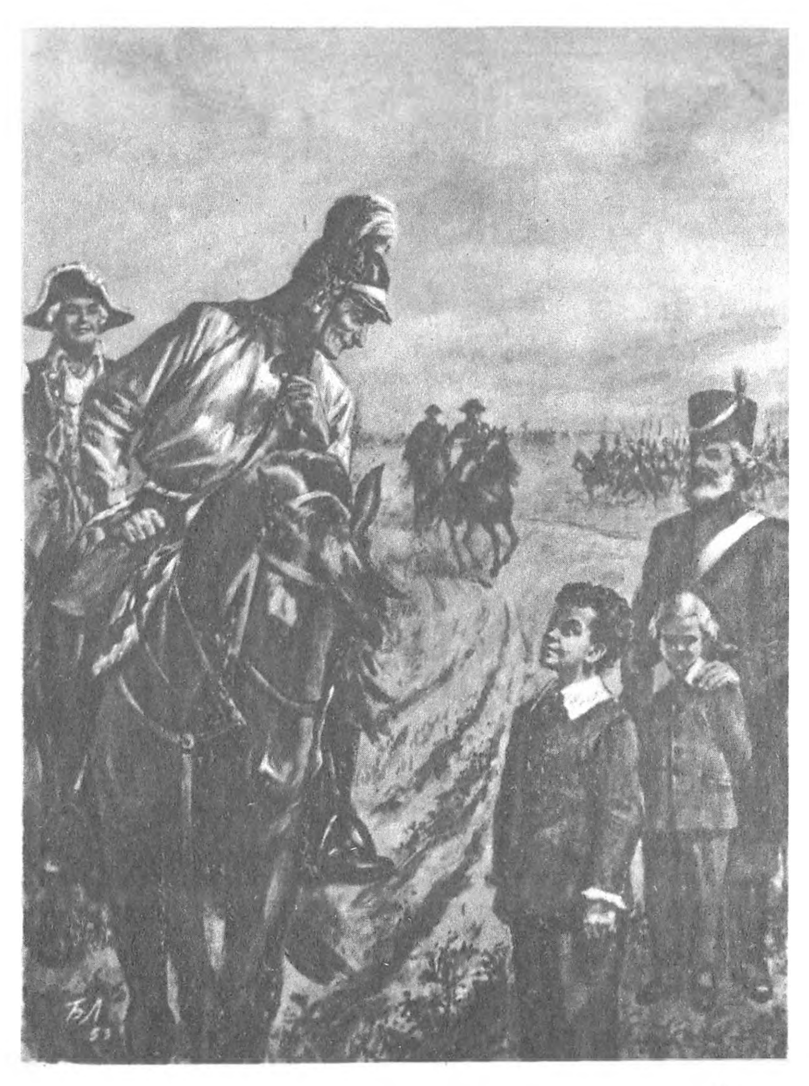
...Несмотря на то, что «Петербургские ведомости» по распоряжению императора не сообщали ни о кончине, ни о дне похорон полководца, скорбная весть быстро облетела страну. В Москве повсюду наблюдалось скопление народа. Москвичи не скрывали своего негодования действиями императора. Губернатор распорядился усилить полицейский надзор.

В церквах беспрерывно служили панихиды. Слышались рыдания. Многие военные и чиновники надели траур. Подробности о смерти и похоронах Суворова обсуждались в каждом доме, в каждой семье. Рассказывали, что император запретил придворным и гвардии участвовать в похоронах, но все население столицы вышло проводить полководца в последний путь. Гроб везли на катафалке с высоким балдахином. Когда похоронная процессия приблизилась к воротам Александро-Невской лавры, шествие остановилось. Опасались, что катафалк не пройдет в ворота, гроб нужно будет нести на руках.

— Не бойтесь, пройдет! Суворов везде проходил! — крикнул суворовский старый гренадер.

И в самом деле, катафалк в ворота прошел.

...Все эти события словно тяжелым камнем придавили Дениса. Слишком многое связывалось для него с именем Суворова! С детских лет волновало его это имя... потом произошла неизгладимая встре-

К стр. 12

ча... потом детское обожание полководца сменилось чувством глубокого преклонения перед его гениальностью... И вот Суворова не стало.

Сначала эта весть просто ошеломила. Горе было огромно, причиняло почти физическую боль. Но тяжесть утраты, вызвав крушение каких-то честолюбивых мечтаний, стала более ощутительной, когда появились мысли о том, что же будет дальше, без Суворова? Денис смутно догадывался о причинах резкого охлаждения императора к полководцу. Выработанная Суворовым военная система никак не походила на военную организацию Павла, создаваемую по прусским образцам. Суворов, конечно, никогда бы не согласился признать необходимость всех этих вахтпарадов и жестокой муштры, над чем ядовито всегда издевался. Смерть Суворова окончательно развязала руки Павлу. Отныне военная доблесть будет определяться не действиями на бранном поле в суворовском духе, а точным соблюдением правил маршировки, предписанных уставом. Глухая неприязнь к императору, давно бродившая в душе Дениса, продолжала расти... Военное поприще уже не казалось таким заманчивым, как раньше. Денис не собирался гарцевать на Царскосельском плацу перед сановной публикой в немецких мундирах. Он мечтал об ином.

Домашние редко видели теперь его веселым. Страстного желания как можно скорее надеть военный мундир он уже не испытывал. Прежний пыл погас. Приближался день поступления на военную службу, а Денис никому об этом даже не напоминал.

Родителям не казалась странной такая перемена в сыне. Смерть Суворова их тоже расстроила. Служить в гвардии, несомненно, сейчас тяжело. Командные посты заняты ставленниками невежественного Аракчеева, от произвола и капризов которых не спасали ни возраст, ни чины, ни звания. Василий Денисович решил, что со службой лучше всего подождать. Денис еще молод. Авось времена, даст бог, переменятся к лучшему! Так думали тогда во многих дворянских семьях.

Лето, как обычно, семья проводила в Бородине. Денис помогал отцу по хозяйству. По-прежнему часто бывал на охоте. Много читал. У Тургеневых достал голиковские «Деяния Петра Великого», просиживал над ними ночи. Образ Петра увлекал его с каждым днем все больше.

Как-то вечером, разговаривая с отцом о делах Петра, Денис заметил:

— А наш государь на своего прадеда ничем не походит... Хуже, должно быть, царя и не было...

Василий Денисович нахмурился, ответил строго:

— Вот что я тебе скажу. Денис... Не нам государей судить. Ты эти мысли якобинские не смей в голове держать. Слышишь?

— Простите, батюшка... Просто с языка сорвалось... — Денис покраснел.

Подобные разговоры между отцом и сыном больше никогда не возникали. Денис жил в семье, где иной раз подвергали умеренной критике действия правительства, роптали, когда ущемлялись дворянские права, но где никогда не сомневались в необходимости монархического режима. Революционные события во Франции здесь безусловно осуждались. Бонапарта, ставшего консулом, считали безбожником и узурпатором.

О тайном заговоре, в котором участвовали племянники, говорилось шепотом, как и о сочинителе Радищеве, авторе конфискованной книги «Путешествие из Петербурга в Москву», лишь недавно возвращенном из сибирской ссылки.

Прошло несколько месяцев. Зимой в Москве Денис часто встречался со своими приятелями — воспитанниками университетского пансиона. Вместе они обсуждали карамзинские альманахи, читали стихи, спорили. Дениса заинтересовали басни. Прочитал все, что было написано Хемницером и Дмитриевым. Среди французских книг матери обнаружил томик Лафонтена и басни Сегюра. Пробовал делать переводы.

Интерес к басням возник, конечно, не случайно. Мысли, которые отец запретил держать в голове, все же продолжали беспокоить. Дома строго соблюдали

установленные правила: о политических делах, по крайней мере при детях, не говорили. Но кое-кто из молодых приятелей без стеснения называл императора деспотом. Денис знал, что не он один осуждает человека, причинившего всем столько зла и погубившего великого полководца. Ему казалось, что басня очень удобное прикрытие для небольшой атаки на неприятеля.

Одна из басен Сегюра — «Дитя, зеркало и река» — особенно понравилась. Нужно лишь изменить немного содержание, и... всякий догадается, о ком идет речь! Замысел созрел быстро. Образы родились ясные. Мудрец, осужденный царем за правду, удивительно напоминал Суворова, а царь походил на моську. Нет, это сравнение придется заменить. Слишком ясно. За слово «моська» какую-то барыню, говорят, недавно взяли в полицию. Надо придумать что-то другое.

Сделать вольный перевод басни было значительно трудчее. Удались, на его взгляд, всего четыре первые строки:

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, — деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот...

Но вскоре басни пришлось оставить. Произошло неожиданное событие, опять изменившее всю жизнь Дениса.

Однажды ночью его разбудил шум в доме. Василий Денисович, находившийся в гостях, возвратился необычайно возбужденным. Первые слова отца, которые уловил Денис, все объяснили:

— Государь скончался от удара... Присягают наследнику Александру Павловичу... «Все будет как при покойной бабушке...»

О какой «бабушке» шла речь, Денис не понял. Лишь позднее узнал, что это была одна из первых фраз, произнесенных молодым императором. Василий Денисович говорил бессвязно, дрожащим голосом и плакал, хотя Денису казалось, что смерть царя не

столько печалит, сколько радует отца. Впрочем, ему было не до наблюдений. Воскресли былые надежды. «Теперь надо поскорее ехать в Петербург», — эта мысль вытеснила все остальное. И в тот же день Денис высказал ее отцу. Василий Денисович возражать не стал. Начались спешные сборы.

И вот уже тройка, запряженная в кибитку, стоит у ворот дома. Отец дает последние указания. В Петербурге сейчас два племянника: Александр Львович Давыдов и только что освобожденный из крепости Александр Михайлович Каховский. Они обещали оказать помощь. Обоим письма. Денег в дорогу четыреста рублей ассигнациями.

— На первое время хватит. Но расходовать надо бережно, сам понимаешь...

Елена Евдокимовна вся в слезах шепчет:

— Карт проклятых никогда не бери в руки, голубчик.

Денис молча целует мать. На карты зарок дает крепкий.

Лошади фыркают, бубенчики позванивают. Щедрое весеннее солнце заливает тихую Пречистенку. В безоблачном небе поют жаворонки. Денису грустно. Как-никак впервые пускается он в далекий путь один. Когда еще придется свидеться? И что-то ждет его в столице?

Василий Денисович крепко прижимает сына к груди, крестит. Евдоким, Сашенька, Левушка стоят на крыльце притихшие...

Денис садится в кибитку. Кучер трогает вожжи. Прощайте, родные! Прощайте, детские годы! Прощай, Москва!

VI

На просторных столичных проспектах давно уже не видели такого оживления, как весной 1801 года. Внезапная кончина императора Павла всех обрадовала. Объявленный годовой траур превратился в праздник. Встречаясь на улице, люди обнимали друг друга и, улыбаясь, декламировали последние стихи поэта Державина:

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный зрак.

Военные, не дожидаясь распоряжений, снимали ненавистные букли и косы. Появились запрещенные Павлом русские экипажи, мундиры, костюмы. Гостиницы заполнились приезжими — отставными генералами и офицерами, помещиками. Без конца все толковали о предполагаемых реформах и с надеждой ожидали милостей, наград и хороших мест от нового императора.

Денис на первых порах остановился у Александра Львовича Давыдова, занимавшего второй этаж большого дома против Адмиралтейства. Дом принадлежал его дяде — графу Александру Николаевичу Самойлову. Александр Львович был холост и не знал счета деньгам. Богатая мать, Екатерина Николаевна, в средствах детей не ограничивала. Александр Львович принял двоюродного брата любезно, обещал с кем-то поговорить, помочь, но, по обыкновению, на другой же день обо всем забыл. В доме ежедневно справлялись праздники и холостые пирушки. Хозяин любил покушать, держал француза-повара; обеды и ужины поражали вкус любого гастронома. Народу, главным образом сиятельных гвардейских офицеров, собиралось много. Говорили о дворцовых новостях, чинах и наградах. Рекой лилось шампанское. Шла крупная картежная игра.

Здесь впервые Денис услышал некоторые подробности о смерти императора Павла. Оказывается, он не умер от удара, а был убит! Заговорщики (среди них шепотом называли имена петербургского генерал-губернатора Палена, командира преображенцев Талызина и бывших екатерининских фаворитов братьев Зубовых), недовольные политикой Павла, ночью ворвались в царские покои [6]. Императора задушили, до неузнаваемости изуродовали. Гвардейцы, смеясь, рассказывали о случае с солдатами дворцового караула. Утром после убийства Павла их хотели привести к присяге новому императору, но они стали просить офицеров сначала показать им скончавшегося.

— Это же невозможно, господа, — обращаясь к офицерам, сказал генерал Беннигсен, будто бы причастный к заговору. — У покойника весьма обезображенный вид, просто смотреть страшно. Прежде надо обрядить и привести его в порядок.

И когда двое из солдат, всё же допущенные в спальню Павла, посмотрели на убитого царя и возвратились, генерал Беннигсен спросил:

— Ну что, братцы, убедились теперь, что государь Павел Петрович умер?

— Так точно, ваше превосходительство, — ответили солдаты. — Убедились вполне! Крепко помер!

Денис никогда не любил Павла, но обстоятельства убийства царя невольно вселили в его душу ужас. Денис не спал две ночи. Огромная, убранная стильной мебелью, зеркалами и коврами комната, отведенная для него, казалась мрачной. Да и гости Александра Львовича, относившиеся к нему с великосветской надменностью, не вызывали никакой симпатии.

Денис перебрался к другому двоюродному брату — Александру Михайловичу Каховскому, жившему на Галерной. Здесь все было проще и милей. Квартира чем-то напоминала родной дом. Мебель по-домашнему покрыта белыми чехлами. На окнах вместо тяжелых штор — кружевные занавески. Много цветов, картин и книг.

Каховскому перевалило за тридцать. Среднего роста, широкоплечий, с темными выразительными глазами, остроумный и насмешливый, он встретил Дениса по-родственному, душевно. Но, оглядев его, не удержался от иронического замечания:

— Ох, мал ты ростом, брат Денис! Не представляю, какой из тебя кавалергард будет...

Денис густо покраснел. Ему не раз указывали на этот физический недостаток. Догадавшись, что задел чувствительное место, Александр Михайлович поспешил успокоить:

— Ну, да мы все-таки попытаемся... Есть у меня среди преображенцев приятель — молодой князь Борис Антонович Четвертинский... Он с коман-

диром кавалергардов, кажется, дружит... Поговорю с ним.

Динамюндская крепость, где отбывал заключение Каховский, расшатала его здоровье. Александр Михайлович часто кашлял, жаловался на ревматизм, однако от своих убеждений не отказался, по-прежнему оставался «приверженцем вольности», как назвал его некогда следователь.

Уважая дядю Василия Денисовича, слезно просившего «не внушать Денису опасных мыслей», Каховский о своих убеждениях и намерениях не откровенничал, но все же любознательному Денису удалось кое-что узнать и о смоленском заговоре, и о целях, которые ставили перед собой заговорщики, и о том, как попал Каховский в крепость, а брата Алексея Петровича Ермолова сослали в Кострому.

Денис никогда не видел Ермолова, а познакомиться с ним очень хотелось. Каховский, словно отгадав его мысли, сказал:

— Теперь брат Алексей поехал в свое орловское имение проведать отца и матушку, должен вот-вот сюда показаться... Будет вроде тебя хлопотать о службе.

Сам Александр Михайлович снова надевать мундир как будто не собирался. Он принадлежал к тому немногочисленному слою военных, которые не мирились ни с какими отступлениями от суворовских традиций. Эти военные относились к предполагаемым реформам скептически. Пристрастие Александра к маршировкам, немецким порядкам, а также старая приязнь к Аракчееву были им хорошо известны и внушали большие опасения за будущее.

Как-то вечером, прогуливаясь у Летнего сада, Денис чуть не столкнулся с молодым царем. Александр был в мундире Преображенского полка, шел медленно; красивые серые глаза его казались усталыми. Несколько придворных и военных, следовавших за ним, еле сдерживали толпу, напиравшую со всех сторон. Чиновники, лавочники, обыватели и нарядные женщины приветствовали императора восторженными криками.

Дениса взволновала эта встреча. Охваченный чувством какого-то самозабвения и восхищения, он не замечал никого, кроме этого человека, за которого готов был, ни минуты не раздумывая, броситься в огонь и воду.

Когда, наконец, император скрылся, Денис, изрядно помятый, но возбужденный и сияющий, примчался к Каховскому. И еще на пороге кабинета крикнул:

— Видел государя! Совсем простой и ласковый! Жизнь отдать не жалко!

Каховский, сидевший с книгой в кресле, сдержанно улыбнулся. Юношеский порыв и восторженное состояние Дениса были понятны. Рассказ его выслушал внимательно. И вздохнул:

— Да, государь у нас как будто славный, его любят... Дай бог, чтоб мы не ошиблись.

— Как можно! Увидите, все пойдет по-новому, он прославит Россию! — с горячностью воскликнул Денис.

По тонким губам Каховского скользнула легкая усмешка. Он разгладил правой рукой собравшиеся на широком лбу морщинки и ответил не сразу:

— Все возможно, брат Денис... Однако ж не следует забывать, что благие намерения государей не всегда приводятся в исполнение... — Каховский сделал паузу, темные глаза его насмешливо прищурились, он перешел на свойственный ему иронический тон: — «Бештимтзагеры», сиречь немецкие педанты, коих осмеивал великий Суворов, сидят на прежних местах. Экзерциргаузы и вахтпарады продолжаются. Букли срезаны, а косы оставлены. И в Грузине, близ столицы, Аракчеев разводит индюшек, ожидая своего часа... Признаюсь, хорошего не предвижу!

Денис чувствовал себя так, словно его ушатом холодной воды окатили. Он был молод и не искушен во многом. Разумеется, Александр Михайлович осведомлен во всем лучше, чем он, и напрасно говорить не будет. Но образ молодого царя казался таким прекрасным, что не хотелось думать ни о чем дурном.

— Неужели вы допускаете, будто государь снова

призовет Аракчеева? — дрогнувшим голосом спросил Денис.

— Ну, на такой вопрос, сам понимаешь, вряд ли кто сможет ответить, — пожал плечами Каховский. — Я высказал лишь некоторые свои опасения...

— Ведь все так радуются новому царствованию, почтеннейший брат, — возразил Денис, — что, право, подобные опасения кажутся невозможными.

Каховский окинул Дениса внимательным, строгим взглядом и, чуть помедлив, сказал:

— Я не буду тебя разубеждать, а расскажу один случай из древней истории. Жил некогда, если не ошибаюсь, в Сиракузах жестокий правитель по имени Дионисий. И вот, когда он умер, все стали ликовать. Только одна древняя и нищая старуха, услышав о смерти Дионисия, горько заплакала. Горожане, понятно, удивились: «Что же ты, бабушка, плачешь? Ведь умер тиран, радоваться надо!» — «Эх, милые мои, — вздохнула старуха, — я на своем веку пятерых тиранов пережила, да всегда оказывалось, что каждый новый вдвое хуже покойного был... Вот я и плачу!» Да, брат Денис, — заключил Каховский, — всякое бывает... Иной раз и старушку эту вспомнить следует!

Денис ничего не ответил. Было ясно, Александр Михайлович знает что-то большее и в добрые намерения молодого царя никак не верит. Денис молча достал платок и вытер холодный пот на лбу. Продолжать разговор на эту тему не решился.

VII

Больной ревматизмом, Каховский большей частью находился дома, читал книги, занимался описанием суворовских походов. Он считался крупным знатоком военного дела, славился как изумительный рассказчик. И, конечно, чаще всего говорил о Суворове. Все характерные интонации и жесты великого полководца Каховский передавал с таким мастерством, что Денис, слушая брата, каждый раз открывал в любимом герое новые, еще неизвестные ему черточки. Денис знал

Суворова как гениального стратега и реформатора военной системы, как своеобразного и остроумного человека. В передаче Каховского подчеркивалась тонкая, обличительная суворовская ирония.

Особенно прочно Денису запал в память рассказ Каховского о случае с французским эмигрантом графом Кенсона, служившим во время польского похода волонтером в русских войсках. Не отличаясь ни военными знаниями, ни храбростью, Кенсона кичился своим знатным происхождением, был спесив и чванлив. Заметив на его груди какой-то иностранный орден, Суворов спросил:

— Какой это орден и за что им награждают?

— Мальтийский, ваше высокопревосходительство, — выпятив грудь, ответил Кенсона. — А награждаются им лишь члены знатных фамилий...

— Какой почтенный орден! — воскликнул Суворов. — А позвольте-ка, сударь, посмотреть его!

Кенсона снял орден, протянул Суворову. Тот повертел его в руках и, показывая окружающим, сказал:

— Ах, какой почтенный орден! Какой почтенный!

Затем, обратившись к офицерам, имевшим ордена за боевые заслуги, стал поодиночке их спрашивать:

— Ну, а вы за что получили свои ордена?

— За взятие Очакова!

— За Рымник!

— За штурм Измаила! — с нескрываемой гордостью отвечали офицеры.

Выслушав краткие выразительные ответы, Суворов улыбнулся и, не скрывая иронии, сказал офицерам:

— Ваши ордена ниже этого... Ваши ордена пожалованы вам за храбрость и мужество, а этот... за знатный род!

Интерес Дениса к русской истории и его особую любовь к Суворову Александр Михайлович быстро заметил. Похвалил. Но знания признал весьма скудными. И не удержался от насмешки:

— Что это за солдат, Денис, который не надеется быть фельдмаршалом? А как тебе снести звание

это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?

Денис при каждом ироническом замечании брата, задевавшем самолюбие, сначала вспыхивал, обижался, но затем, поняв, что говорится это не от злого сердца, стал к советам прислушиваться. Тем более что вскоре и сам почувствовал недостаточность своего образования. Князь Борис Четвертинский, молодой голубоглазый гвардеец, представленный Каховским, да и другие офицеры, относившиеся к Денису участливо, задавали иной раз такие вопросы, ответить на которые он затруднялся.

Необходимо было во что бы то ни стало продолжать образование. Каховский выручил: составил список нужных военных книг, предложил пользоваться своей библиотекой, занимавшей огромную комнату. Здесь, помимо большого количества редкой военной литературы, Денис обнаружил сочинения Вольтера, Шекспира, Мольера, такие интересные для него книги, как «Поэтическое искусство» Буало и стихи Эвариста Парни. Увлечение Дениса стихами не проходило. И хотя он чувствовал, что форма, в которую облекал свои эпиграммы и подражательные стихи, далека от совершенства, все же чуть ли не ежедневно упражнялся в пиитическом искусстве.

Между тем малый рост Дениса являлся большим препятствием для поступления в кавалергардский полк, куда он ранее был записан. Денис ничего не желал теперь так страстно, как подрасти. Каждый день он упражнялся в вытягивании ног, делал всевозможные подкладки в сапогах — ничего не помогало. Каких-то двух-трех вершков не хватало! Находившееся в библиотеке венецианское зеркало, перед которым, оставшись один, он часто простаивал, отражало малопривлекательный образ. Низкорослый, взъерошенный юноша с небольшим круглым лицом, с шишечкой вместо носа и редкими черными усиками порой приводил Дениса в отчаяние...

Однажды, производя перед зеркалом обычные упражнения, то поднимаясь, то опускаясь на носках, Денис услышал тихий, приглушенный смех. Он обер-

нулся — и вздрогнул от неожиданности. В дверях, полускрытый портьерами, стоял молодой человек богатырского сложения. Широкие плечи его прикрывал легкий плащ старинного покроя. Темные курчавые волосы, словно львиная грива, украшали красиво посаженную голову. Резкие черты лица выдавали характер решительный и гордый. Быстрые, проницательные глаза смотрели весело и насмешливо.

Сделав два шага вперед, богатырь остановился и, разведя руками, откровенно рассмеялся:

— Нет, братец, тут уж ничего не поделаешь, если таким уродился... Природа!

Денис счел себя оскорбленным. Побагровел, вытянулся, сжал кулаки:

— Я не позволю над собой смеяться, сударь...

Но досказать не успел. Вошел улыбающийся Александр Михайлович.

— Ну как, познакомились?

— Сатисфакции требует, — указывая на Дениса и продолжая смеяться, обратился богатырь к Каховскому. — Сами судите, почтенный брат, сколь приятно наше первое знакомство...

Денис наконец-то догадался: «Ермолов! Как же это в голову мне не пришло? Глупость какая...» На него словно столбняк напал. И от стыда просто не знал, что делать. Ермолов подошел, протянул руку:

— Мира прошу, брат Денис... Кто старое помянет — тому глаз вон!

И совсем уж серьезно добавил:

— Нам с тобой, братец, будет с кем воевать... Спускать обиду никому, конечно, не стоит, однако ж прежде во всем подробно разобраться надлежит...

Ермолову недавно пошел двадцать пятый год. Но за плечами у него была уже большая, интересная жизнь. Семнадцати лет от роду в чине капитана он отличился при штурме Праги. Сам Суворов наградил его георгиевским крестом. Потом Алексей Петрович побывал по служебным делам в Германии, Австрии, Италии. Волонтером австрийской армии сражался с французами. Проделал персидский поход. В Костроме отбывая ссылку вместе с донским атаманом Матвеем

Ивановичем Платовым, он не терял времени зря: пополнял свои без того обширные военные знания, основательно изучил латинский язык.

Не похожий внешностью на брата Александра Михайловича, Ермолов имел много общего с ним в характере. Оба не терпели бездарного начальства и угодничающих подчиненных. Оба славились даром речи — всегда иронической, а иногда и язвительной.

В Петербурге на этот раз Ермолову не очень-то повезло. Каховский во многом оказался прав. В военных канцеляриях оценивали офицеров не по боевым заслугам и знаниям, а по склонности к экзерцир-гаузам. Ермолову, как и брату, все эти порядки были глубоко чужды. После долгих бесплодных хлопот он начал уже подумывать о гражданской службе.

Денис быстро сблизился с Алексеем Петровичем. Они стали неразлучны. Твердый характер, трудолюбие, любовь к отечеству, несокрушимая вера в преимущества суворовской системы перед всеми иными, а главное, смелость в суждениях и проницательность — все эти качества Ермолова привлекали Дениса необычайно.

Ему запомнился один случай. Гуляя под вечер с Ермоловым, они встретили пожилого, бедно одетого офицера в отставке. Старинный, екатерининских времен, порыжевший и засаленный мундир висел на тощем теле старика, как мешок. Левый рукав болтался пустой. А в правой руке старик нес — очевидно, с базара — тяжелую корзину с овощами. Он поминутно останавливался, чтобы отдышаться. Проводив его взглядом, Ермолов грустно вздохнул:

— Вот, Денис, какова участь людей заслуженных, но не имеющих протекции у сильных мира сего... Бедный старик этот, по фамилии Кузьмин, достоин вечной славы российской. Храбрость его Румянцева и Суворова восхищала. Потеряв руку в турецких войнах, был Кузьмин в чине майора назначен комендантом одного из балтийских портов. И вот, когда флот шведский под командой герцога Зюдерманландского осадил в тысяча семьсот восемьдесят восьмом году этот порт, майор Кузьмин с горстью храбрецов отбил

все атаки шведов. Послал герцог к нему офицера с предложением сдаться и открыть ворота, а Кузьмин, усмехнувшись, ответил: «Передайте герцогу, что нечем мне ворота открывать. Одна рука, да и та шпагой занята». — Ермолов сделал короткую паузу и с чувством добавил: — Да, горжусь, Денис, что таковых героев отчизна наша рождает, коих во всем свете не сыщешь! Однако ж нам с тобой, яко незнатным,— он усмехнулся, — надлежит не обольщаться надеждами на милость высоких особ... Собственной головой и трудами долю свою искать нам. Вот что запомни крепко!..

Денис запомнил. Ермолов на всю жизнь стал его надежным другом и наставником.

Осенью Алексей Петрович все-таки получил службу. Он был назначен командиром конноартиллерийской роты, стоявшей в Вильно, куда вскоре и выехал.

Денису тоже, наконец, сообщили приятную новость: князь Борис Антонович Четвертинский договорился с начальством. 28 сентября 1801 года Дениса приняли эстандартюнкером в кавалергардский полк. Через год его произвели в корнеты.

VIII

Кавалергардский, расшитый золотом, белый мундир красив и привлекателен. Зато носить этот мундир дворянину с ограниченными средствами и без особых связей не легко. Товарищи Дениса в большинстве принадлежали к знатным и богатым фамилиям. Жили кавалергарды беспечно и разгульно. Имели великолепные квартиры, выезды, ливрейных слуг. Хвастали кутежами и связями с женщинами. На службу смотрели как на средство для легкой карьеры.

Денис вынужден был жить на жалованье. Каких-то сто рублей в треть года! При его вспыльчивом характере и острой чувствительности неприятности поджидали его на каждом шагу. Денис не снес бы ни одной малейшей насмешки. Дело могло кончиться дуэлью. Он это превосходно понимал. Стало быть, чтобы поддерживать свое достоинство и репутацию,

необходимо с самого начала установить для себя твердые правила поведения, как советовал ему Алексей Петрович Ермолов. Денис исправно служил, дорожил честью полка, не брал денег в долг, сторонился завзятых картежников, раз навсегда объяснив всем, что дал зарок в карты не играть. Держался со всеми на равной ноге, без излишней фамильярности. На пирушках бравировал независимостью своих суждений, пленял многих анекдотами и рассказами. Командир полка Павел Васильевич Голенищев-Кутузов относился к нему хорошо, не раз ставил в пример как исполнительного офицера. Другие кавалергарды тоже составили мнение, что «маленький Денис» славный малый и неплохой товарищ.

Но вскоре жизнь изменилась к худшему... Из Москвы пришло неожиданное известие, что Василий Денисович опасно заболел. Пришлось брать долгосрочный отпуск. Еще недавно мечтал Денис показаться в блестящем мундире московским приятелям, поразить их своим бравым, молодецким видом, и вот как грустно складывались обстоятельства. Домой ехал с тяжелым предчувствием. И не ошибся.

Болезнь отца, а затем и смерть его переживались мучительно и долго. Будущее представлялось в самом безрадостном виде. Денис оставался старшим в семье, на плечи ложились новые и немалые заботы. Казенные и частные долги отца не выплачены, их стало больше. Василий Денисович до самой смерти не прекращал картежной игры. Маленькое Бородино приносило доход незначительный.

Конечно, можно было обратиться за помощью к богатым родственникам, но никто в семье об этом и не заикался: гордость не позволяла. После долгих советов и размышлений нашли другой выход из положения. Брат Евдоким, повзрослевший и возмужавший, уже второй год вместе с Александром Тургеневым служил в архиве иностранных дел, где платили сущие пустяки. Пожалуй, лучше будет, если Евдоким тоже поступит в кавалергарды. Все-таки жалованье больше. И, главное, есть надежда со временем выплатить долги, которые Денис и Евдоким великодушно

принимали на себя. Сашенька и Левушка останутся пока с матерью; им одним хватит бородинских доходов. Впоследствии же старшие братья устроят на военную службу и Левушку. А Бородино пойдет за Сашенькой.

...В Петербург Денис и Евдоким поехали вместе, взяв с собой бывшего отцовского казачка Андрюшку, разбитного и продувного хлопца. Поселились в скромной квартире близ конногвардейских казарм. Евдоким был рослый, красивый юноша. В полк определился быстро. Но служба становилась с каждым днем все труднее и труднее...

Болтовня о предстоящих реформах кончилась. Восторги утихли. Надежды на либерализм молодого царя не оправдались. Денис теперь все больше в этом убеждался. Вахтпарады продолжались, муштровка усиливалась. Серьезному военному образованию предпочиталось мелочное соблюдение уставных правил, равнение шеренг, выравнивание носков. Военная форма стала более неудобной. Широкие и длинные мундиры прусского образца перешили в узкие и короткие. Низкие отложные воротники сделали стоячими и до того высокими, что трудно было повернуть голову.

Наконец в середине мая 1803 года случилось то, что предсказывал Александр Михайлович Каховский: император вызвал из Грузина всем ненавистного Аракчеева. Он был милостиво принят, назначен главным инспектором артиллерии.

Весть эта вызвала бурное негодование среди военных. Всем памятны были оскорбительные выходки Аракчеева и его деспотический произвол. Даже скромный и никогда не осуждавший действий правительства Четвертинский не скрывал раздражения:

— Черт знает что творится! Опять начнут вертеть нами, словно пешками.

Денис возмущался не менее других. С именем Аракчеева связывались у него почему-то и тяжелые воспоминания о смерти Суворова и несчастья, обрушившиеся на голову отца. И вот снова угрюмый, злобный гатчинский капрал сидит в кабинете императора... И, разумеется, хорошего ожидать не при-

ходится... Борис прав, будут теперь вертеть всеми, как пешками. В голове Дениса невольно складывались озорные строки. «Пешки» иногда тоже могут кое-что сделать! Сравнения напрашивались сами. Слова смыкались в строевой порядок.

Как-то ночью, взлохмаченный, с горевшими глазами, Денис разбудил крепко спавшего Евдокима.

— Ты послушай, как здорово! — возбужденно говорил Денис, размахивая листком бумаги. — Клянусь честью, сам не ожидал!

— Да что такое? — протирая глаза и недоумевая, спросил брат, приподнявшись на постели.

— Басню написал, черт возьми! — воскликнул Денис. — Назову «Голова и Ноги». А там всякий разберется...

И он, выделяя фразы, имевшие особый смысл, с чувством прочитал:

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной
повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать,
таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников,
моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами
И, словом, бедными Ногами,
Как пешками, вертишь». —
«Молчите, дерзкие, — им Голова
сказала, —
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?» —

«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».
Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто все болтает.

— Браво! Просто прелесть! — одобрил Евдоким. — Дай-ка мне, я перепишу... Только, по моему мнению, слово «пешки» заменить следует «шашками»... Да и вместо «величества» другое слово требуется. Очень уж ты разошелся! Нагореть может!

— Ладно, поправим, — согласился Денис и рассмеялся: — Басня же.. Не такие еще пишут!

Вскоре, переписываемая из одной заветной тетрадки в другую, басня молодого кавалергарда Давыдова уже гуляла среди военных. Нашлись люди, причастные к литературе, которые по-настоящему оценивали достоинства произведения, признав в авторе несомненный талант. Один из таких людей — Сергей Никифорович Марин, офицер Преображенского полка, с которым познакомил Четвертинский, — славился своими бойкими, шуточными стихами. Его пародия «Признание в любви военного» имела большой успех среди гвардейцев. Познакомившись с Денисом, Марин сказал:

— Вы обладаете всем, чтоб стать превосходным писателем... Но послушайте мой добрый совет: избегайте столь резких концов, как в этой басне, не заостряйте слишком сатирической мысли...

Другим ценителем был один из друзей Каховского — офицер Измайловского полка Алексей Данилович Копьев. Смуглый, худощавый и желчный, не терпевший, как и Каховский, всяких «бештимтзагеров», Алексей Данилович при Павле был разжалован в солдаты за появление на маскараде в «шутовской» одежде, являвшейся карикатурой на гатчинскую

форму. Снова офицерский мундир надел недавно. Копьев лет десять назад написал либретто комической оперы «Лебедянская ярмарка», сочинял ядовитые, порой циничные экспромты, перевел трактат французского политического деятеля Неккера «Счастье дураков».

Зайдя к Каховскому, Алексей Данилович сказал:

— Ну, любезный друг, братец твой Денис меня удивил... Не ожидал!

— Что же случилось? — встревожился Каховский, у которого Денис давно уже не был.

— Да ты разве про басню его не слыхал?

— Понятия не имею... Какая басня?

— Странно! — недоверчиво посмотрев на приятеля, заметил Копьев. — Я полагал... Но ежели не знаешь, изволь... По рукам у нас ходит, я сам списал...

Он достал из кармана бумагу, протянул продолжавшему недоумевать Каховскому. Тот прочитал. Басня понравилась, на лице выразилось удовольствие. Однако тут же промелькнула мысль, что фиговый листочек, прикрывавший замысел, слишком прозрачен. Могут быть неприятности.

— Нет, слог-то каков! Легкость стиха какая! — продолжал восхищаться Копьев. — Ведь этак сей юноша скоро всех наших пиитов перещеголяет... Талант, друг любезный, талант истинный!

— Однако ж, — усмехнулся Каховский, — нам с тобой по горькому опыту известно, что не всякие таланты поощряются...

— Ныне времена другие! — махнул рукой Алексей Данилович. — Ты скажи, когда Денис навестить тебя собирается? Хочется по душам с ним поговорить.

— Что ж, приходи завтра вечером, пошлю за ним камердинера, — сказал Каховский. А сам подумал: «Следует все же Дениса предупредить, удержать в пределах благоразумия».

И на следующий день свои опасения высказал Денису. Но, кажется, было уже поздно.

Басня, как нельзя лучше отражавшая фрондер-

ские настроения офицерства, вызвала большие толки[7]. Польщенный похвалами товарищей, Денис вспомнил о басне Сегюра, переделку которой начал еще в Москве. Быстро закончил ее и под названием «Река и зеркало» пустил по рукам. И хотя не было уже в живых того, чей «гнусный вид» заставил тогда взяться за эту басню, тем не менее смысла она не потеряла.

Строки были колючие, злые.

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, — деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? — Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя?
Я — зеркало: разбей меня,
Река — твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя».
Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта быль на басню походила.

Денис не знал, что некоторые переписчики произвольно изменяли текст обеих его басен. В первой он сам исправил слово «величество» на «могущество», но переписчики восстановили первоначальный вариант. А второй басне многие дали название «Деспот», резко усиливая ее остроту. Именно под таким названием кто-то записал басню Давыдова в альбом тригорской помещицы Прасковьи Александровны Осиповой, ближайшей соседки Пушкиных.

А Сергей Марин, отправляя эти басни другу своему графу Воронцову, служившему на Кавказе, писал:

«Давыдов кавалергардский написал две басни, которые я тебе отправляю с первым курьером, ибо иначе посылать их невозможно».

Выслушав брата Александра Михайловича, Денис почувствовал смутную тревогу и, может быть, пожалел, что поспешил пустить в свет басни. Но явился Алексей Данилович и успокоил:

— Старик Державин пять тысяч рублей и перстень получил от императора Александра за свою оду. А уж кому не было ясно, кто такой «Норд сиповатый»! И цензурные строгости ныне сняты! Да, кроме сего, и не пожелает никто в басне себя обнаружить. Молодец, молодец, Денис Васильевич! Талант истинный!

Разговор с Алексеем Даниловичем для молодого автора был настолько приятен, что, возвращаясь домой, Денис лихо подкручивал свои черные усики и, весело позванивая серебряными шпорами, думал лишь о том, что жить, в сущности, чертовски приятно.

Денису шел двадцатый год.

IX

Среди других обязанностей, возлагавшихся на гвардию, охрана Зимнего дворца, где жил император, считалась одной из важнейших.

Денис, произведенный осенью 1803 года в поручики, не раз находился во внутренних караулах. Зимой в огромных дворцовых комнатах было пустынно, холодно, и дежурившие офицеры обыкновенно собирались в кавалергардском зале погреться у камина и выпить стакан кофе. Однажды ночью, зайдя сюда, Денис увидел незнакомого офицера в форме Семеновского гвардейского полка, сидевшего у камина с книжкой в руках. Офицер поднялся, и... Денис невольно сделал шаг назад от изумления — до того безобразной и смешной показалась наружность незнакомца. Совсем почти карлик, рыжий, криволицый, с короткой шеей, обезьяньими ухватками и

ужимками, он исподлобья посмотрел на Дениса тусклыми серыми глазками и представился:

— Подпоручик Дибич...

Денис сразу припомнил где-то слышанную историю этого офицера. Отец его, барон Дибич, прусский полковник, родом из Силезии, слывший «великим тактиком», прибыл в Россию при императоре Павле, весьма к нему благоволившем. Дибич был поселен в Михайловском замке, произведен в генералы. Сына записали в гвардию. И тем не менее, впервые увидев молодого Дибича в гвардейском мундире, император Павел не выдержал, распорядился: «Сего безобразного карлу уволить немедля за физиономию, наводящую уныние на всю гвардию».

Молодой Дибич, обиженный, уехал в Берлин, где учился в кадетском корпусе. Вновь в Петербурге он появился уже при Александре.

Он только что приступил к изучению русского языка, дурно говорил по-французски. А Денис плохо знал немецкий. Объясняться молодым людям было нелегко. Но из первого же разговора стало ясно, что Дибич неглуп, трудолюбив, стремится упорно совершенствовать свои военные знания. Последним качеством в то время отличались немногие гвардейцы.

С трудом подбирая слова, Дибич откровенно пожаловался на свою бедность, не позволявшую ему нанимать учителей и покупать необходимые, но дорогостоящие книги и карты. Денис, находившийся не в лучшем положении, почувствовал к невзрачному подпоручику некоторое расположение. Прихлебывая жиденький кофе, греясь у камина, они выяснили, что обоим особенно недостает знаний по стратегии и фортификации.

— Мне советовали обратиться к майору генерального штаба Торри, — сказал Дибич. — Он служил прежде при маршале Бертье, в штабе Бонапарта, но... очень дорого просит... двести рублей...

— Да, я уже слышал, — вздохнув, признался Денис. — Не по карману нашему брату...

Дибич странно передернул плечом и как-то застенчиво улыбнулся:

— Почему же? Если сократить расходы в другом, можно скопить эти деньги... — И неожиданно решительным тоном добавил: — Я буду поступать так. Это необходимо.

Денис задумался. Последнее время он сильно увлекался театром. Смотрел не раз спектакли русской труппы, где с успехом выступали Рахманова, Пономарев и Воробьев, бывал во французской комедии, где отличались в мольеровских пьесах Ларош и Сенклер, восхищался у итальянцев музыкой Чимарозы и Фиорованти. Но чаще всего гвардейцы посещали французскую оперу. Там пела очаровательная Фелис. Рассказывали, будто она тайком бежала из Парижа, спасаясь от назойливой любви Иеронима Бонапарта, брата первого консула. Эта романтическая история усиливала общий интерес к артистке.

Денис не отставал от своих товарищей. Дорогие билеты поглощали значительную сумму из его скромных средств. Нельзя было отказаться и от складчины на подарки артистам и банкеты с ними. Театр обходился слишком дорого. И, разумеется, Дибич прав... Сократить расходы можно. Военные знания следует постоянно совершенствовать. Твердость Дибича в этом вопросе ему понравилась. Через некоторое время Денис начал тоже брать, уроки у Торри. Правда, майор оказался большим хвастуном и пустословом, но сообщал и много полезного.

Продолжая встречаться во время караулов, Давыдов и Дибич обменивались своими знаниями в изучении стратегии и фортификации, проверяли один другого. Однако приятельские отношения между ними не наладились — разделяли различные взгляды и стремления. Дибич упрямо отстаивал старые прусские военные доктрины, был сух, педантичен, склонен к штабной деятельности. Денис самым высоким военным авторитетом считал Суворова и при живости своего характера мечтал лишь о боевых лаврах. Мысленно определив подпоручика-семеновца в категорию «бештимтзагеров», Давыдов не мог побороть к нему неприязненного чувства.

Находясь под влиянием Каховского и Ермолова,

Денис в те годы избегал дружбы с немцами, хотя в гвардии их служило много. Среди обширного круга знакомых молодого Давыдова человека с немецкой фамилией можно было встретить лишь случайно.

В то же время недостаточность средств заставляла невольно отдаляться от аристократической военной молодежи, проводившей время в кутежах. Денис не пил, не курил, не играл в карты.

Борис Антонович Четвертинский, ставший близким человеком с первых дней службы, жил так же скромно, как и Денис. Вкусы и настроения их во многом сходились. Борис Четвертинский, по происхождению поляк, был из знатного, но оскудевшего рода, известного своей преданностью России.

Князь Антоний Четвертинский, отец Бориса и двух его старших сестер — Жаннетты и Марии, за сочувствие русским был убит восставшими поляками в 1794 году. Императрица Екатерина распорядилась взять сирот ко двору: Бориса записали в гвардию, сестер сделали фрейлинами.

Дальнейшая судьба их сложилась по-разному. Борис, не имевший родовых поместий и больших средств, как и Денис, гордился лишь старинным родом, — у того и у другого «золота было более на ташках, чем в ташках». А сестры, отличавшиеся поразительной красотой, стали блистать во дворце.

Марию в ранней молодости выдали за Дмитрия Львовича Нарышкина; фамилия эта считалась одной из самых знатных в столице. Нарышкины гордились родством с царствующим домом (Наталия Кирилловна Нарышкина была матерью Петра Первого) и жили в сказочной роскоши. Дмитрий Львович, не проявлявший никаких талантов, проводил время в устройстве балов, обедов и приемов. Зимой перед огромным великолепным домом на Фонтанке, принадлежавшим Дмитрию Львовичу, день и ночь стояли кареты, украшенные раззолоченными гербами.

Встречаясь на придворных вечерах с Марией Антоновной, император Александр оказывал ей особенное внимание. В дворцовых кругах уже поговаривали о тайных свиданиях между ними. Но Борис

Четвертинский, очень привязанный к сестре, считал подобные слухи сплетнями.

Денис, представленный Борисом сестре, принят был благосклонно и радушно. Этого оказалось достаточно, чтобы все многочисленные посетители салона Марии Антоновны отнеслись к юному кавалергарду если не дружелюбно, то по крайней мере с необходимой учтивостью.

Денис случайно получил возможность наблюдать жизнь верхушки столичного общества. Вскоре он почувствовал, как далеки и чужды для него интересы этих вельможных, надменных и надутых господ.

Особенно часто приходилось видеть старшего брата хозяина, обер-гофмаршала и директора императорских театров Александра Львовича Нарышкина. Кругленький, румяный, напомаженный и надушенный, он, словно колобок, катался по гостиной, разнося свои каламбуры и заранее подготовленные mots (словечки). Александр Львович быстро прожил огромные средства и постоянно находился в долгах. Это обстоятельство потешало его, как ребенка. Каламбуры чаще всего касались собственных долгов. И быстро надоедали.

Рассказав, как дорого ему стоит какой-нибудь бал в честь именитого гостя, Александр Львович, разводя короткими ручками и давясь от смеха, восклицал:

— Это было моим долгом, господа, но я все это сделал в долг.

Постоянные посетители салона не представляли никакого интереса. Смешно было слушать, с какой важностью надутый, как индюк, камергер Загряжский и старый, полуглухой сенатор Свистунов, известные своим чванством и скудоумием, рассуждали о политике «корсиканского злодея» Бонапарта, ставшего в мае 1804 года французским императором Наполеоном. Смешно было наблюдать, как молодился и пыжился пожилой, некрасивый, с брюшком и на тонких ногах, церемониймейстер императорского двора граф Иван Степанович Лаваль. Озорные стихи сами так и лезли в голову Дениса. В конце кон-

цов от соблазна он не удержался, и новое шуточное стихотворение «Сон» пошло в переписку.

Впрочем, иногда в салоне Марии Антоновны появлялись и такие гости, знакомство с которыми Денис считал для себя за особую честь.

Однажды он и Борис Четвертинский зашли к Марии Антоновне раньше обычного. Приняв их по-родственному — в своем будуаре, она с лукавой улыбкой сказала:

— Ну, мои мальчики, сегодня, кажется, вы останетесь довольны... Будет некто для вас интересный!

— Ты интригуешь нас, Мари! Кто? — не выдержал Борис.

Мария Антоновна рассмеялась:

— Московский митрополит...

— Мари, душенька, мы с Денисом на колени встанем, — упрашивал брат. — Назови хоть первую букву фамилии.

Мария Антоновна осталась непреклонной. Молодые гвардейцы потеряли покой, тщетно строя догадки. Наконец, когда гости собрались и вечер был в разгаре, осанистый ливрейный лакей доложил:

— Князь Петр Иванович Багратион.

Дениса обдало жаром. Этого он никак не ожидал. Любимец Суворова! Тот самый Багратион, который дрался как лев в горах Швейцарии! Денис еле сдерживал волнение.

Князь Багратион вошел. Он был в узком генеральском мундире, украшенном несколькими орденами, и казался значительно моложе своих сорока лет. Черные кудри, серебрившиеся кое-где у висков, тщательно подстриженные бакенбарды, быстрый взгляд огненных глаз, большой с горбинкой нос придавали лицу величественное выражение. Приветливо всем поклонившись, Багратион легкой, скользящей походкой направился к поднявшейся навстречу Марии Антоновне.

— Простите великодушно за опоздание, богиня, — поднося ее руку к губам, сказал любезно Багратион.

— Это надо заслужить рассказом хотя бы об

одном из ваших славных подвигов, mon cher prince *, — ответила с восхитительной улыбкой Мария Антоновна.

— О, я плохой рассказчик, — отозвался князь. — Кроме того, милая Мария Антоновна, á vous je puis l'avouer **, истинные подвиги военные чаще всего совершаются не генералами, а нашими чудо-богатырями солдатами. Вот кто достоин удивления! И, право, господа, — обратился он к гостям, — русские штыки, прорвавшиеся через Альпы, кажутся мне более грозной силой, нежели все таланты господина Бонапарта...

Багратион сел в кресло, слегка вытянул левую ногу. Его окружили, завязался оживленный разговор.

Главной темой было обсуждение вопроса о возможной военной коалиции России, Австрии, Англии и Пруссии против узурпатора Бонапарта, каким считали коронованного недавно повелителя французов. Все знали, что отношения России и Франции обострялись с каждым днем. Расстрел в Венсеннском замке герцога Энгиенского, произведенный по приказу Бонапарта, казалось, переполнил чашу терпения. Русский двор находился в трауре, враждебных чувств к Бонапарту царь не скрывал [8].

Разделяя общее мнение о неизбежности войны с Бонапартом, Багратион задумчиво сказал:

— Я не искушен в политике, господа... Но я никак не могу забыть австрийского вероломства, коему обязаны мы швейцарскими тягостями. Я, признаюсь, не питаю особого доверия и к английским добрым намерениям. Зато твердо верю в одно, — в глазах князя вспыхнул огонек, — верю... ежели государь прикажет... наша армия, сильная духом суворовским, с честью выполнит свой долг, господа!

Багратион вскоре откланялся, уехал. А Денис долго еще находился под впечатлением этой встречи. Близость войны, о чем все кругом говорили, наполняла душу волнующим, радостно-тревожным чувством.

---

* Мой дорогой князь *(франц.)*.

** Вам я могу признаться *(франц.)*.

Вот оно, вот оно, поле славы! Эх, кабы послала судьба счастье попасть под команду Багратиона!

Менее всего думал Денис о том, что жизнь его снова может круто измениться. И, конечно, не знал, что судьба его висит на волоске и решается во дворце.

...Басни и последнее стихотворение Дениса Давыдова лежали на письменном столе императора Александра. В стихотворении «Сон», положим, ничего предосудительного царь не обнаружил. Задевались, правда, почтенные особы, но... это еще можно простить. Александр снова взял со стола листок бумаги, поднес к близоруким глазам. Стихи были старательно, крупно переписаны. И фамилии, скрытые Денисом под начальными буквами, услужливо для ясности расшифрованы. Государь прочитал:

Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль деньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?
— Ах! Дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не сшел:
Я нонче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменился:
Вообрази — с долгом Нарышкин расплатился,
Не видно более педантов, дураков.
И даже поумнел Загряжский, Свистунов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги.
И милой наш Марин не пачкает бумаги,
А в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, во время крикнуть — стой!
Но больше я к чему с восторгом удивлялся:
Копьев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, к счастью нашему, писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Лаваль престал коситься на природу,
Багратиона нос вершком короче стал,
И Дибич красотой людей перепугал.

Да я, который сам, с начала свово века,
Носил с натяжкою названье человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост — смотрю;
Что слово — то bons mots, что взор — то страсть вселяю,
Дивлюся — как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андрюшка разбудил,
И все, что видел я, чем столько веселился, —
Все видел я во сне, всего со сном лишился.

Дочитав стихи, Александр покачал головой и неожиданно улыбнулся. Вспомнилась глупая, самонадеянная физиономия сенатора Свистунова, представилась смешная фигура графа Лаваля... За эти стихи взыскивать с автора не собирался. Совсем иное дело с баснями, в особенности с той, что называется «Голова и Ноги»... Четыре строки, которые он запомнил, звучали как дерзкое предупреждение ему самому:

«Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть,—
Твое Величество об камень расшибить».

Чистейшее якобинство! Оправдание права на бунт! Негодяй сочинитель не заслуживает никакого снисхождения. Он всегда будет опасен. В крепость! В Сибирь!

Александр гневным жестом отодвинул бумаги, поднялся. В просторном кабинете, кроме него, никого не было. Мягкий свет настольной лампы под абажуром наполнял комнату причудливыми полутенями. Стрелки на стенных часах почти смыкались на двенадцати. Полночь. Александр невольно вздрогнул. Он не любил этого времени. Страшная ночь, когда с его молчаливого согласия убивали отца, никогда не забывалась. Рука невольно потянулась к золотому звоночку. Однако сдержался. Следует прежде привести в порядок свои нервы и мысли. Знал, что в соседней комнате занимается князь Петр Михайлович Волконский. Любимый генерал-адъютант, верный, преданный человек. И все-таки даже перед ним душевных волнений своих и подлинных желаний ни-

когда не открывал. С детства был скрытен, осторожен.

Подойдя к зеркалу, Александр потер рукой пухлые щеки — это его успокаивало. Тщательно щеточкой поправил быстро редевшие рыжеватые волосы. Прошелся по кабинету.

Решить вопрос, как поступить с опасным вольнодумцем, было не так-то просто. Сослать в Сибирь, разжаловать в солдаты? Но ведь поднимется шум, начнут искать причины, сочувствовать пострадавшему, и басни получат еще большую популярность... Александр поморщился. Он играл роль доброго, либерального государя, уважающего закон. Приходилось себя сдерживать. Необходимо подыскать такие причины, чтобы наказание не походило на расправу, а являлось бы справедливым возмездием за нарушение общепринятых правил поведения. Сделать надо так, чтобы тем, кто попробует просить за кавалергарда, можно было ответить излюбленной фразой, улыбаясь: «Я не имею ничего против Давыдова, но закон сильнее меня, господа». Мысль была найдена. Александр, довольный, сел в кресло, позвонил. И когда явился Волконский, сказал обычным приятным голосом:

— Я прочитал известные тебе пасквильные стихи кавалергарда Дениса Давыдова... Полагаю, можно оставить без последствий... Молод, глуп! Как твое мнение, Петр Михайлович?

Волконский в недоумении посмотрел на императора.

— Воля вашего величества...

— Нет, нет, я хочу откровенности, — перебил его Александр. — Ты знаешь мои правила: откровенность и законность. Я высказываюсь так, как подсказывает мне сердце, но я могу ошибиться, поэтому хочу послушать тебя.

— Басни весьма вредные по мыслям, ваше величество, — решился, наконец, заметить Волконский.

— Разумеется, но это заблуждение одного ума, а ежели возникнут лишние разговоры, — Александр подчеркнул последние слова, — басни могут ввести

в заблуждение иных... Надеюсь, ты меня понимаешь?

— Справедливая мысль, ваше величество... Вполне согласен.

— Вот почему, по-моему, — продолжал Александр, — про басни совершенно говорить не стоит. Про них я ничего не знаю. Мы предаем их забвению. Однако ж меня, признаюсь, смущает стихотворение... Лично я ничего предосудительного в нем не нахожу, посему и решаюсь оставить дело без последствий. Но не кажется ли тебе, что, поступая таким образом, мы сами несколько нарушаем законность?

Волконский как будто достаточно знал императора, но на этот раз решительно отказывался его понимать. «Чего он добивается, куда клонит?» Моргая глазами, князь пробормотал:

— Оскорбление вашего величества дерзостными стихами, безусловно, по закону наказуемо...

— Ах, боже мой, как ты порой несносен, Петр Михайлович! — с раздражением отозвался Александр. — Я не говорю про себя, я все ему прощаю, слышишь? Но стихи чувствительным образом задевают многих весьма почтенных особ... Камергер Загряжский назван дураком! Граф Лаваль уродом! Посуди сам, это же намеренное оскорбление ни в чем не повинных людей... Мы должны об этом подумать. В конце концов, если не удалить Давыдова, дело может дойти до дуэли... Неужели тебе не ясна моя мысль?..

Наконец-то Волконский догадался: «Давыдову ничего не простил и прощать не собирается. Желает во что бы то ни стало убрать под благовидным предлогом кавалергарда, стать за ширмочку». Ответил государю по-военному, твердо:

— Прошу извинить, ваше величество. Не хватило догадки. Конечно, наша обязанность предупредить возможные неприятности. Давыдова, полагаю, из гвардии немедленно исключить, перевести в армейский полк, подальше от столицы. Сделать строгое внушение, указав в полку, что наказан за вольные стихи, оскорбительные для почтенных особ, в нем поименованных...

— И надзирать! Неослабно надзирать за него-

дяем! — не выдержав, почти крикнул Александр. И, густо покраснев, отвел глаза в сторону.

Вскоре после этого Сергей Марин писал Воронцову:

«...маленькому Давыдову мылили за стихи голову; он написал «Сон», где всех ругает без милосердия».

13 сентября 1804 года Денис Давыдов был исключен из гвардии и переведен в Белорусский гусарский полк, стоявший в окрестностях глухой Звенигородки Киевской губернии.

X

Исключение из гвардии считалось по тому времени тяжелым наказанием. Выезжая из Петербурга, Денис находился в подавленном состоянии. Ему объяснили, что в армейский полк он выписан по распоряжению государя за оскорбительные для почтенных особ стихи. Но проницательный Александр Михайлович Каховский, покачав головой, сказал:

— Опасаюсь, причина более глубокая... Сдается мне, что государь прочитал твои басни, а если так, следует держаться особо осторожно. Несомненно, будут следить... Помни!

Денис сжег все свои черновики, дал себе слово подобных стихов и басен никогда не писать, а заниматься отныне лишь службой.

Борис Четвертинский и брат Евдоким, провожавшие его, всячески утешали, обещав при первом удобном случае похлопотать за него, сообщать все столичные новости.

Но так или иначе, мысли у Дениса были невеселые. Ничего хорошего для себя впереди он не ожидал.

Осень стояла ненастная. Дороги были скверные. Пара тощих почтовых лошадей еле-еле тащила утопавшую в грязи бричку. Полосатые верстовые столбы, скрипучие чумацкие обозы, убогие деревеньки. Кругом серо и неприютно. Лакей Андрюшка, служивший обоим братьям, по настоянию Евдокима ехал с Денисом. Обычно веселый, привыкший к столичной жизни, Андрюшка не скрывал своего недовольства,

К стр. 30

сидел нахохлившись, словно молодой петушок, побитый в драке. Денис понимал его настроение и старался не разговаривать. Уныние его самого охватывало все сильнее и сильнее.

Однако, не доезжая до своего полка, Денис был неожиданно утешен. В маленьком украинском городке Сумах, где пришлось остановиться из-за проливных дождей, квартировал гусарский полк. Оказалось, его стихи и басни, от которых он теперь всячески открещивался, бог знает каким путем попали сюда и имели огромный успех у гусар. Слава бежала впереди!

Узнав, что автор проездом находится в Сумах, несколько молодых офицеров явились к нему познакомиться и засвидетельствовать свое уважение.

Денис был так растроган и обрадован, что сразу забыл и про свою печальную участь и про осторожность. Три дня пировал с гусарами. Впервые пил водку. Читал стихи, сыпал экспромтами, рассказывал анекдоты. В кругу простых и сердечных сумцев чувствовал себя как дома. Не хотелось расставаться.

Особенно приятное впечатление произвел на Дениса пожилой майор Яков Петрович Кульнев. По годам он был вдвое старше Дениса. Но их многое сближало. Получив образование в кадетском корпусе, Кульнев служил некоторое время в войсках Суворова, благоговел, как и Денис, перед великим полководцем. Суворовское военное искусство ставил выше всего, от суворовских правил никогда не отступал. Кульнев был холост и беден, жил на скудное майорское жалованье, из которого третью часть аккуратно посылал старухе матери. Не имел никаких связей, не любил низкопоклонства. Поэтому, несмотря на большие военные знания и репутацию умного храброго офицера, почти десять лет пребывал в одном чине, заслужив прозвище «вечного майора». Денису невольно вспоминались разговоры с Каховским и Ермоловым: при существующем положении человеку одаренному, но не располагающему средствами и связями на справедливое отношение начальства нечего надеяться. Сам Яков Петрович, покручивая усы, говорил добродушно:

— Лучше быть меньше награжденному по заслугам, чем много без всяких заслуг...

Хотя в душе, разумеется, он чувствовал себя обиженным.

Внешность Кульнев имел примечательную. Это был высокий, чуть сутулившийся, худощавый, но широкоплечий мужчина, с темными, начинавшими седеть волосами. Смуглое лицо его, обрамленное пышными бакенбардами, большой нос с горбинкой, длинные усы и живые, немного навыкате глаза запоминались надолго.

Характер и образ жизни его отличались самобытностью. Очень правдивый, чувствительный, всегда готовый помочь в беде товарищам, Кульнев сам себя ничем не баловал. Занимал скромную квартиру, спал на походной кровати.

Приглашая к себе в гости Дениса и офицеров, Яков Петрович предупредил:

— Милости прошу, только каждого со своим собственным прибором, ибо у меня один...

Кульнев не любил пользоваться чужими услугами. Даже кушанья приготовлял сам, и они были так вкусны, что всех восхищали. Радушно потчуя гостей, Яков Петрович приятным баском приговаривал:

— Голь на выдумки хитра... Я, господа, живу подонкихотски, как странствующий рыцарь печального образа, не имею ни кола ни двора. Потчую вас собственной стряпней и чем бог послал.

Кульнев, как и многие военные того времени, осуждал некоторые действия правительства, был недоволен начавшимся возвышением Аракчеева. Свое отечество он любил страстно.

Когда зашел разговор о предстоящих военных действиях, Яков Петрович как бы между прочим заметил:

— Ежели я паду от меча неприятельского, то паду славно. Я почитаю счастьем пожертвовать последней каплей крови моей, защищая свое отечество.

И всем стало ясно: в устах такого человека, как Кульнев, эти слова не простая фраза.

— Как бы желал я быть с вами вместе на поле брани! — сказал Денис, прощаясь с полюбившимся ему майором.

— Встретимся, даст бог, голубчик, встретимся, — сердечно ответил Кульнев, совсем по-отечески целуя его в лоб.

...В Белорусском полку, куда явился Денис через несколько дней, тоже приняли неплохо. Шефом полка числился командир кавалергардов Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, но он постоянно проживал в столице. Замещал его толстый пожилой генерал из немцев, оказавшийся человеком добродушным. Он, как выяснилось, служил в ранней молодости в одном полку с Василием Денисовичем и к сыну старого однополчанина отнесся участливо. После того как все формальности были выполнены и Денис, получив назначение в эскадрон и любезное приглашение на обед, собрался уходить, генерал его задержал:

— Позвольте, батенька... А стишки-то как же?

— Какие стишки, ваше превосходительство? — удивился Денис.

— Те самые, — улыбнулся генерал, — кои доставили нам удовольствие видеть вас у себя... С вольным душком, как я из приказа усмотрел... Одолжили бы старика, почитали... Любопытно-с!

От такого предложения Денис вначале растерялся, затем, видя, что задних мыслей у генерала нет, а разбирает его простое любопытство, прочитал стихотворение «Сон» и еще несколько шуток.

— Ох, уморил, совсем уморил! — от души смеялся генерал, содрогаясь всем своим рыхлым телом. — В отца пошел, тот, помню, тоже острым умом отличался... Только в толк не возьму, неужто за эти самые стихи выслан-то? Ты уж меня не обманывай, — переходя на родственный тон, простодушно продолжал генерал, — может быть, другие стишки-то есть, позабористей, а?

— Никак нет, ваше превосходительство... Выслан за эти самые!

— Дураки какие! — пожав плечами, заключил генерал. — Да такие стихи я и в полку у себя писать

не запрещаю, сделай милость... Лишь этих самых... якобинских идей остерегайся, не подводи смотри!

Денис обещал не подводить. От якобинских идей он в самом деле был очень далек.

Эскадрон, куда получил назначение, располагался на самой окраине Звенигородки, большого местечка, населенного украинцами, поляками и евреями. Эскадронный командир, высокий и усатый майор Осип Данилович Ольшевский, занимал большой дом и любезно предложил Денису поселиться пока у него. Но Андрюшка с поразительной быстротой нашел более удобную квартиру. Вдова какого-то комиссионера за небольшую плату сдала целый флигель из двух комнат с окнами в сад.

Денис был полон благих намерений. Он еще дорогой решил, по примеру Кульнева, жить скромно, часть жалованья посылать матери. Он будет примерно служить, продолжать совершенствовать свои военные знания, Андрюшка возьмется за хозяйство, при местной дешевизне продуктов питание обойдется недорого. С такими мыслями и заснул Денис в первую ночь.

Но спать пришлось недолго. Разбудил сильный стук в окно и ругань Андрюшки, не пускавшего кого-то во флигель. Не понимая, что случилось, Денис поднялся, зажег свечу. На пороге стоял незнакомый офицер в молодецки наброшенном на плечо ментике и смятой гусарской шапочке, еле державшейся на затылке. Офицер был молод, красив и мертвецки пьян. Глядя на Дениса блестящими синими глазами, он неверным движением руки откинул со лба сползавшую прядь белокурых волос, дотронулся до лихо закрученных усов и попробовал улыбнуться:

— Прорвался все-таки... Принимаешь?

Дениса бесцеремонность гостя сперва возмутила. Но приятное, с мягкими чертами лицо офицера выражало такое благодушие, что обижаться было невозможно.

— Принимаю... только желательно днем, — сказал Денис и, не удержавшись от невольной улыбки, добавил: — Здорово накачался!

— И не говори, — взмахнул рукой офицер. Потом сделал нетвердый шаг вперед, представился: — Подпоручик Бурцов... Алексей Петрович... Алешка... как тебе угодно... Все равно!

С трудом добравшись до дивана, гусар сел, вытянул ноги и продолжал:

— Слышу, приехал... Кто такой? Денис Давыдов... тот самый... Я, брат, помню... — погрозил он пальцем и неожиданно, внятно выговаривая каждое слово, продекламировал:

«И можем иногда, споткнувшись — как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».

Денис вздрогнул, оглянулся, поправил с досадой:

— Могущество... Не величество, а могущество!

Бурцов залился смехом:

— Нет, брат, что написано пером, не вырубишь топором... Мне из Петербурга прислали... Могу показать!

«Черт знает что такое! — подумал Денис. — При переписке, очевидно, заменяют слова. Может быть, весь сыр-бор из-за этого разгорелся?» Он невольно содрогнулся, представив, что басню в таком виде мог прочитать царь.

А Бурцов с пьяной откровенностью продолжал:

— Уважаю за смелость... Хотел пожать руку, расцеловать, да вот сам видишь... не удалось! Проклятый арак так с ног и сбивает. Все равно — друг тебе до гроба! Можешь положиться... А на гвардию плюнь, черт с ней! Армейские гусары тоже, брат, не дураки... Полька одна есть, Стася... Я тебя представлю, доволен будешь... Заживем, брат, славно!

Наконец он выговорился, повалился на диван и сразу с присвистом захрапел. Денис, встревоженный внезапно возникшими неприятными мыслями, заснул лишь под утро.

...Прошло каких-нибудь две недели. Бурцов, первый в полку забияка и повеса, отвлек Дениса от благих намерений. Бурцов стал закадычным приятелем. И Денис с головой окунулся в обычные для того времени «гусарские шалости». По-прежнему не

брал лишь карт в руки, зато ни от чего другого не отказывался. Кутежи, цыгане, попойки, поездки к соседним помещикам, где до упаду танцевали мазурку. Всего было вдоволь!

Денис щеголял в новеньком гусарском мундире, находя, что он идет ему больше, чем кавалергардский. Стоя теперь перед зеркалом, Денис видел себя иным, чем три года назад. Он прибавил немного в росте, возмужал. Густые черные волосы курчавились, и торчавший справа, неизвестно почему поседевший завиток не портил красивой прически. Нос был вздернут, зато темно-карим с зеленоватым оттенком горячим глазам, пышным бакенбардам и выхоленным усам мог позавидовать любой гусар[9]. Дочь поляка-помещика, хорошенькая и веселая Стася, находила его милым и отдавала ему предпочтение перед другими. У Дениса кружилась голова. Он писал Стасе нежные стихи. Полька по-русски не понимала, к поэзии была нечувствительна, хотя целовала за каждое стихотворение страстно. Денис заполнил стихами весь ее альбом.

Гусары часто собирались в квартире Дениса. Однажды он послал с вестовым стихотворное послание запоздавшему приятелю:

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он — гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса,
А на место ваз прекрасных,

Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они по́лны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар,
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

Бедность обстановки, положим, была преувеличена. Куль овса придуман для рифмы. Но стихотворение всем понравилось. Таким живым слогом тогда еще не писали.

Денис сочинил несколько других подобных стихотворений. Гусары заучивали их наизусть, записывали в тетрадки. Слава молодого поэта росла. Но иногда в его легких стихах, воспевавших гусарский быт и пирушки, проскальзывала мысль о близости военных действий.

Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастьи оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!

Война приближалась. Вскоре пришли известия о заключении военных договоров со Швецией, Австрией и Англией. Русская девяностотысячная армия сосредоточивалась у прусской границы, в районе Брест-Литовска и Гродно. Другая, пятидесятитысячная, — формировалась южнее, под командой старого суворовского соратника Михаила Илларионовича Кутузова. Она должна была следовать через Галицию на соединение с австрийцами.

Белорусский гусарский полк перевели на военное положение, но пока держали в резерве. Не прекращая легкомысленных увлечений, Денис в то же время внимательно следил за развитием событий. С вес-

ны он все чаще и чаще стал покидать своих полковых товарищей. В ста верстах отсюда находилась Каменка, имение его тетки Екатерины Николаевны Давыдовой. В Каменке жил в то время человек, общение с которым доставляло Денису большое удовольствие. Это был сын Екатерины Николаевны от первого брака, Николай Николаевич Раевский.

XI

Тридцать пять лет тому назад светлейший князь Григорий Александрович Потемкин просватал свою племянницу Катеньку Самойлову за полюбившегося ему тихого и скромного офицера Николая Семеновича Раевского. Катеньке было четырнадцать лет. Потемкин возражений не терпел: что взбрело на ум, то и делал. Катенька ждала первенца и играла в куклы. Муж уехал в армию, а вскоре пришло страшное известие: Николай Семенович скончался в Яссах от тяжелых ранений.

Года через полтора Екатерина Николаевна Самойлова-Раевская вторично, по любви, вышла замуж за гвардейского офицера Льва Денисовича Давыдова. Они прожили душа в душу тридцать лет. Племянница могущественного екатерининского фаворита была неимоверно богата. Как-то, забавляясь, Лев Денисович из одних начальных букв названий поместий, принадлежащих жене, составил фразу: «Лев любит Екатерину».

Каменка считалась главной резиденцией. Каменская усадьба раскинулась над живописной долиной реки Тясмин. Обширный двухэтажный дом, украшенный колоннами и башенками, походил на дворец. С обеих сторон к нему примыкали многочисленные флигели и службы. В конюшнях стояли рысистые лошади собственного завода. В большом тенистом саду, сбегавшем к реке, устроены пруды и беседки. Сквозь листву проглядывал белый мрамор наяд и нимф, выписанных из Италии.

Николушку в раннем возрасте сдали на попечение гувернеров-французов, воспитывали дома. Скуд-

ные знания, получаемые от гувернеров-французов, он пополнял чтением. Домашняя библиотека по количеству собранных книг не уступала любой столичной.

По обычаю того времени Раевский рано был записан в гвардию, готовился к военной карьере. В лагере, под Бендерами, семнадцатилетний поручик впервые представился Потемкину. Дед принял его ласково, он даже написал для него «Наставление», из которого Раевский запомнил лишь первые строки: «Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты? Если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем».

И Раевский следует этому совету. В двадцать лет его производят в полковники. Два года он служит в корпусе Михаила Илларионовича Кутузова.

Женившись на Софье Алексеевне Константиновой — родной внучке Михаила Васильевича Ломоносова, двадцатидвухлетний Раевский отправляется на Кавказ, где командует Нижегородским драгунским полком, принимает участие во многих походах и боевых делах, показывает себя талантливым и храбрым офицером.

Вступивший на престол Павел немедленно исключает со службы «потемкинского внука». Раевский, имевший собственное имение Болтышку, недалеко от Каменки, превращается в сельского хозяина. Но военными делами продолжает интересоваться. Много читает, делает разборы прошлых войн. Выписывает журналы и книги не только отечественные, но и заграничные.

Император Александр снова принимает Раевского на службу, жалует ему чин генерал-майора. Но осенью 1801 года умирает его отчим Лев Денисович. Екатерина Николаевна, тяжело переживавшая эту утрату, остается в Каменке одна. Старшие дети от второго брака Александр Львович и Петр Львович не захотели расстаться со службой. Дочь, Софья Львовна, вышла замуж за генерал-майора Бороздина. Младший сын, Василий, воспитывался в аристократическом петербургском пансионе аббата Николя. Раевский, горячо привязанный к матери, выходит

в отставку, переезжает в Каменку. Надо ж кому-то заниматься хозяйством!

Когда Денис впервые ехал в Каменку, то ожидал найти своих родственников людьми чопорными и гордыми, скрывающими под внешней любезностью холодность чувств. А вышло иначе. Николай Николаевич, видевший Дениса всего один раз в жизни, маленьким, встретил его как родного брата. И тут же попрекнул:

— Мы уже давно тебя ждем. Слышали, что по соседству находишься. Грешно, братец, своих забывать!

— Никак не мог, служба, — отозвался Денис.

Николай Николаевич окинул его лукавым, понимающим взглядом и добродушно рассмеялся.

— Про службу твою тоже кое-что знаем... Пойдем-ка, гусар, к маменьке, она тебя по-свойски отчитает...

Выяснилось, что об исключении Дениса из гвардии Раевского уведомил брат Александр Львович. А какие-то офицеры, недавно проезжавшие через Каменку, многое от себя прибавив, рассказали о беспутной жизни поэта-гусара в Белорусском полку. Екатерина Николаевна, пятидесятилетняя, с величавой осанкой женщина, в самом деле намеревалась «отчитать» племянника. Но как только он, несколько смущаясь, вошел с Раевским в комнату, она, глядя на него в лорнет, воскликнула:

— Бог мой, как он напоминает чем-то покойного Льва Денисовича! Ты не находишь разве сходства, Николушка? — обратилась она к сыну.

— Батюшка был повыше и подородней, маменька, — заметил Раевский. — Кроме того, насколько мне помнится, — продолжал он с улыбкой, — батюшка никогда не занимался стихами...

— Занимался, мой друг, занимался... Тоже гусаром был! — вздохнула Екатерина Николаевна. И, продолжая разглядывать Дениса, сказала ему с грубоватой простотой: — Ну, иди целуй, чего же ты на меня уставился?

Екатерине Николаевне понравился живой темперамент Дениса, доставляли удовольствие его шутки и

стихи; она даже беспокоилась, когда племянник долго не появлялся.

С остальными членами семейства, жившими тогда в Каменке, Денису сойтись было еще легче. Этому способствовали простые, искренние отношения, существовавшие в семье Раевских благодаря особенностям характера самого Николая Николаевича. Ему исполнилось в то время тридцать четыре года. Среднего роста, крепкого сложения, с гордым профилем, спокойный и ровный в обращении со всеми, он умел всегда поставить на своем, если это требовалось.

Жена его, Софья Алексеевна, никаких ломоносовских черт не унаследовала. Она походила на отца, грека по происхождению. Бывала иногда несправедлива, капризна, раздражительна. Но достаточно было одного мягкого и вместе с тем твердого слова мужа, чтобы она успокоилась. Еще большее влияние Раевский оказывал на детей. Он как будто не особенно много занимался с ними, но дети обожали его. Старший, десятилетний Саша, худой, высокий и умный мальчик, считал самой высокой наградой для себя похвалу отца. Семилетняя красивая и кокетливая Катенька, признанная любимица бабушки, спешила сообщить свои детские секреты и наблюдения прежде всего отцу. Четырехлетний Николенька, толстый и неуклюжий, как медвежонок, только и ждал удобной минуты, чтобы забраться на колени к Николаю Николаевичу. В милой семье Раевских Денису все пришлось по душе. Вскоре он стал здесь своим человеком.

Николай Николаевич с присущей ему проницательностью разгадал, что «гусарская бесшабашность» Дениса есть не что иное, как временная дань молодости, и старался всячески остепенить его. При каждом удобном случае, ссылаясь на примеры из Плутарха и Тацита, авторов, особенно им любимых, Раевский напоминал Денису, что доблесть воина украшается не разгульной жизнью, а добродетелями гражданина. И Денис все больше поддавался нравственному влиянию Раевского. Правда, он продолжал еще бравировать своей удалью, ухарством, любил прихвастнуть тем, чего и не было, — это тешило

его самолюбие, но от кутежей и попоек под разными предлогами все чаще уклонялся. Писать гусарские стихи тоже перестал.

Дружеские беседы с Раевским стали для него душевной потребностью. Говорили они чаще всего о военных делах. И всякий раз Денис открывал в Раевском такие редкие качества, каких не находил у других, даже у любимого Ермолова. Сравнение между ними напрашивалось само собой. Раевский и Ермолов одинаково знали и любили военное дело, являлись сторонниками русских — румянцевских и суворовских — традиций, осуждали прусскую систему и считали аракчеевщину позором. Но брат Алексей Петрович, как понимал его Денис, был не чужд тщеславия, мог быть несправедливым, жестоким. Раевский же смотрел на все ясной душой, не омраченной тщеславием. Он относился равнодушно к чинам, наградам, почестям. Узнав о начавшихся военных приготовлениях, Раевский поехал в Петербург, надеясь получить полк, но «бештимтзагеры» объявили, что вакантных мест нет, предложили незначительную штабную работу. Раевский откланялся и уехал.

В службе он не стремился «делать карьеру». Военное дело имело для него смысл лишь как необходимое средство защиты отечества, страстно им любимого. Однажды в разговоре Денис заметил, что совершать военные подвиги способны только люди свободные, не связанные семейными узами.

— Ну, мне кажется, ты не совсем прав, — с улыбкой возразил Раевский. — Правда, большинство полководцев, посвятивших себя целиком военному делу, не имели времени обзаводиться семьями, но подвиги, совершаемые на полях сражения, от этих обстоятельств не зависят. Человек, любящий семью, сознает, что, защищая родину, он тем самым оберегает и близких ему людей...

Раевский на минуту задумался и вдруг с какой-то необычайной теплотой и страстностью добавил:

— А что же такое родина, как не общая семья наша?!

Денис понял, что если потребуют обстоятельства, этот скромный и душевный человек, сидевший перед ним в домашнем халате, ни перед чем не остановится [10].

...Летом в Каменке гостил граф Александр Николаевич Самойлов, дядя Раевского. Важный и сердитый шестидесятилетний старик, бравший Очаков, а при штурме Измаила командовавший одним из трех атакующих отрядов, близко знал Суворова и Кутузова. Теперь, находясь в отставке, но будучи хорошо осведомлен о приготовлениях к предстоящей военной кампании, Самойлов не скрывал своего мрачного предчувствия.

— Успех сей кампании весьма сомнителен, — желчно говорил он. — Набрали союзников! Англичане с проклятого своего острова двигаться не желают. От шведов одни обещания. Пруссия нейтралитет соблюдает. Австрийский гофкригсрат — ему черт не рад! Двуличная политика австрийцев всему свету известна! А в Петербурге, изволите ли видеть, на сие обстоятельство не желают внимания обращать. Все надежды на австрийцев возлагают. Еще бы! Они триста тысяч войск выставить обещают. Кончена песенка господина Бонапарта! Попался! Бонапарта, коего сам покойный Александр Васильевич Суворов искуснейшим полководцем признавал, ныне в дураки записали. А битых Бонапартом австрийских генералов — в умники. На труднейший поход кутузовской армии смотрят как на увеселительную прогулку. Всюду молодых генералов понасажали, а они выстрелы слышали разве что на маневрах близ Красного Села. Противно!

— Однако ж, милостивый государь дядюшка, — почтительно возразил Раевский, — нельзя забывать о доблести войск наших...

— В русских войсках не сомневаюсь, драться насмерть будут, — перебил Самойлов. — И в Михайле Кутузове не сомневаюсь. Знаю блистательный, тонкий ум его. Да что толку? План кампании доверили австрийцам разрабатывать. А хуже того... некоторые высокие особы сами намерены принять участие

в военных действиях. А Бонапарту того и надо... Нет, дай бог, чтоб я ошибся, а добра не ожидаю...

Денис в разговоре участия не принимал, спорить с его высокопревосходительством не осмеливался, а слушал с любопытством. Думал же по-своему.

Многие доводы старого графа казались верными. Багратион тоже говорил о ненадежности союзников. Возмутительно, что австрийцам так доверяют. Ну, да Кутузов за себя постоит. Недаром его любил Суворов. В успехе кампании Денис все же не сомневался. И то обстоятельство, что во главе неприятельских войск стоит прославленный полководец, никак не пугало. Напротив. Молодой задор и честолюбие, которого Денис никогда не скрывал, возбуждали в нем сильное желание принять участие в предстоящем походе.

Вскоре Белорусский гусарский полк, входивший в состав корпуса генерала Тормасова, двинулся к молдавской границе. Но здесь приказали остановиться. Корпус формировался как резервный, надежды на участие в военных действиях были слабые. Денис подал прошение перевести его в любую действующую часть, послал отчаянные письма в Петербург брату Евдокиму, Четвертинскому, Каховскому. Ничего не вышло! Александр Михайлович коротко уведомил, что кавалергарды, среди которых находился Евдоким, выступили из Петербурга. А Борис Четвертинский уехал адъютантом к князю Багратиону, назначенному командиром авангарда армии Кутузова.

Денис терзался завистью. Никогда еще высылка из гвардии не казалась ему таким тяжелым наказанием, как теперь.

10 августа 1805 года под Бродами кутузовская армия перешла австрийскую границу. Денису оставалось лишь довольствоваться сведениями о военных действиях.

XII

Разобраться по-настоящему в том, что происходило в Австрии, было не так-то просто. Читая краткие и сухие военные реляции, Денис испытывал странное

чувство какой-то раздвоенности. Было ясно, что планы, тщательно разработанные австрийскими «великими тактиками», оказались, как многие и ожидали, никуда не годными. Позорная капитуляция австрийской армии генерала Мака под Ульмом и тяжелое положение, в какое попала в связи с этим кутузовская армия, вызывали у всех чувство негодования против самонадеянных и двуличных союзников. Блестящие победы над ними Бонапарта в какой-то степени даже радовали, вселяя в душу злорадство: так им и надо! Но как расценивать дальнейшее? Кутузовская тридцатипятитысячная армия, утомленная долгим походом из России, плохо снабженная провиантом, отступала вниз по Дунаю, преследуемая стотысячной французской армией. Это вынужденное отступление было все-таки неприятно, но... превосходство неприятельских сил было столь очевидно, что действия Кутузова никаких сомнений в правильности не возбуждали. Он должен был поступить именно так. Он спасал армию. Удачные маневры Кутузова под Кремсом и Цнаймом походили на большую победу. Кутузов перехитрил Бонапарта, рассчитывавшего в этих местах захватить русскую армию. Денис не мог не восхищаться искусством Кутузова. А бой при деревне Шенграбен, где небольшой отряд Багратиона сдержал напор в шесть раз сильнейшего неприятеля? Какое легендарное дело! Кутузов понимал, что шеститысячный отряд Багратиона, посланный им, чтобы задержать французов, обрекается на неминуемую гибель. Но иного выхода не было. Нужно выгадать хоть один день, чтобы армия могла выбраться из ловушки, подготовленной Бонапартом.

Князь Багратион тоже отлично знал, что от него требуется.

— Стану на месте — и баста! — коротко и твердо сказал он, прощаясь с Кутузовым.

Офицеры и солдаты бились насмерть. Восемь часов подряд. Багратион лично водил в атаку егерей. И только когда узнал, что армия Кутузова вне опасности, отряд его, проложив себе штыками дорогу, соединился с главными силами.

Денису невольно припоминалась встреча с Багратионом в доме Нарышкиных. Уверенность князя, что русские войска выполнят свой долг, подтверждалась высоким воинским подвигом, совершенным его отрядом. Денис прямо-таки благоговел перед Багратионом и, конечно, глубоко сожалел, что не пришлось самому принять участия в славном деле.

Но вот дошла весть об Аустерлицкой битве. Поражение русских и австрийских войск, состоявших под командой того же осторожного, опытного и мудрого Кутузова, казалось событием невероятным. Тем более что французы не имели на этот раз даже численного перевеса. В чем же тут дело? Кто виноват в проигранном сражении?

Денис долго не мог прийти в себя от неожиданности и не находил ответа на возникавшие беспокойные вопросы. А тут еще стали носиться смутные слухи о больших потерях, понесенных в Аустерлицком бою кавалергардами. А от брата Евдокима три месяца никаких известий.

Денис с нетерпением ожидал Раевского из Петербурга, куда тот уехал в начале осени. Николаю Николаевичу, несомненно, удастся узнать подробности неудачного сражения. И, возможно, он что-нибудь услышит о брате Евдокиме.

Николай Николаевич возвратился в Каменку по санному пути. Узнав об этом, Денис выпросил десятидневный отпуск и не замедлил повидаться с Раевским.

— Новостей тьма, мой друг, но все плохие, — сразу заявил Николай Николаевич. — Кампания проиграна самым глупейшим образом. Обидней всего, что мы имели большие шансы на успех, но все словно нарочно делалось не так, как нужно.

— Как же это случилось, почтеннейший Николай Николаевич? — нетерпеливо спросил Денис.

— Очень просто... Под Ольмюцем, куда привел свою армию Кутузов, мы занимали превосходную позицию и могли безопасно ожидать присоединения

войск эрцгерцога Карла, спешившего на соединение. В то же время другие австрийские части занимали уже Цнаймскую дорогу, угрожая отрезать путь отступления французам. Следовало лишь выждать несколько дней, и Бонапарт вынужден был бы сам очистить австрийские владения...

— Однако ж, полагаю, Кутузову эти обстоятельства были известны? — снова сказал Денис.

— Несомненно, — подтвердил Раевский. — Михайла Илларионович поэтому настойчиво и предлагал воздержаться от гибельного движения армии к Аустерлицу. Но, как говорят в Петербурге, молодым генерал-адъютантам, составлявшим свиту государя, не терпелось украсить себя свежими лаврами. И мнение их, к сожалению, восторжествовало. Это одна причина. Вторая — в излишнем доверии австрийцам. Диспозицию сражения составлял австрийский генерал Вейротер по всем правилам старых немецких канонов, — по лицу Раевского скользнула усмешка, — следовательно, для современных боевых действий диспозицию малопригодную... А возражения Кутузова опять-таки отвергли, и, надеюсь, ты понимаешь, ему оставалось лишь выполнять волю монархов... В этом суть!

Раевский старался говорить спокойно, избегал резких фраз, а все-таки раздражения скрыть не удавалось. Для Дениса все стало ясно. Так и подмывало высказать в стихах свое возмущение! Нет, нельзя, иначе, пожалуй, совсем придется распрощаться с военным мундиром!

А Николай Николаевич, расхаживая по комнате, продолжал:

— В общем по всему видно, воевать нам с Бонапартом придется долго. Но скверно, что печальные события ничему, кажется, нас не научили. Кутузова, справедливым мнением коего пренебрегли сами, — Денис понимал, что подразумеваются царь и близкие к нему люди, — сделали козлом отпущения. Кутузов должен платить за горшки, не им перебитые! А вместо австрийцев, выбывших из игры, мы, кажется, намерены опереться на немцев. Собираем боль-

шую армию. Объявлен новый набор рекрутов. Остановка как будто за назначением главнокомандующего. И, представь, серьезно поговаривают о самых престарелых наших фельдмаршалах — Прозоровском и Каменском. Каждый из них по крайней мере имеет то преимущество перед Бонапартом, что вдвое его старше, — иронически произнес Раевский и, махнув рукой, добавил: — Ну, да не будем загадывать: поживем — увидим!

Раевский сообщил и некоторые частные новости. Алексей Петрович Ермолов отличился под Аустерлицем, замечен высшим начальством, произведен в полковники. Самому Николаю Николаевичу тоже наконец-то обещали команду. Но о брате Евдокиме, к сожалению, ничего не удалось узнать. Кавалергарды не возвращались. Списки убитых и раненых не составлены.

Денис уехал из Каменки на этот раз в неважном настроении: судьба брата сильно беспокоила.

...Лишь весной неожиданно пришло письмо от Бориса Четвертинского. Он уведомлял, что Евдоким, раненный во время блестящей атаки кавалергардов, находится сейчас в плену. Про себя Четвертинский писал коротко: состоял неотлучно при Багратионе, был легко ранен, награжден двумя крестами. Теперь переведен командиром эскадрона в лейб-гусарский полк. И крепко надеется, что Денис скоро опять будет с ним вместе.

Денис повеселел. Он не представлял, как может осуществиться обратный перевод в гвардию, но знал: старый приятель напрасно писать не стал бы.

И верно, 4 июля 1806 года Давыдова прежним чином поручика перевели в лейб-гусарский полк, где служил Борис Четвертинский.

Денис быстро простился с товарищами. По дороге заехал в Москву, повидался со своими. А в начале сентября был уже в Павловске, где стояли лейб-гусары и где поджидал его Четвертинский.

— Каким же образом тебе удалось меня выцарапать? — радостно говорил Денис, обнимая приятеля. — Мне прямо не верится. Словно в сказке!

— Благодари сестру, — сдержанно отозвался Борис, — она танцевала как-то с государем и замолвила за тебя словечко.

— Что за волшебница! Я на всю жизнь ее должник! — с чувством воскликнул Денис.

И при первой же поездке в столицу явился к Марии Антоновне. Она, как и прежде, тепло приняла товарища брата. Пригласила навещать ее по-прежнему запросто. Отношения между ними установились дружеские.

Однако продолжались такие отношения с первой петербургской красавицей недолго. Денис достоверно узнал, что неизменное внимание государя к Марии Антоновне не является обычным проявлением его любезности. Между ними второй год уже существовала тайная связь. Новость эта, известная пока в узком дворцовом кругу, подействовала на Дениса неприятным образом. Сразу создалось чувство какой-то неловкости, отчужденности не только к Марии Антоновне, но и к Борису Четвертинскому.

«Знает он или нет? — думал Денис, встречаясь с ним. — А если знает, то как ему это нравится?»

И почему-то всякий раз при этих мыслях невольно краснел.

Среди новых полковых товарищей Денис испытывал неловкость другого рода. Лейб-гусары, показавшие себя молодцами в Австрии, возвратившись обратно, щеголяли боевыми орденами, постоянно вспоминали, как всегда в таких случаях многое прибавляя, про боевые дела. Денису оставалось молча слушать и потихоньку вздыхать.

XIII

Военные действия вот-вот должны были начаться снова. Пруссия, выйдя наконец-то из нейтралитета, выставила против Бонапарта 170-тысячную армию. Но спустя несколько дней при Иене и Ауэрштадте пруссаки потерпели страшный разгром. Бонапарт занял Берлин. Его войска двинулись на восток. Король

прусский Фридрих укрылся в Мемеле, надеясь лишь на обещанную императором Александром помощь.

Русская стотысячная армия опять оказалась без союзников. К тому же не было еще главнокомандующего. Корпусами командовали генералы Беннигсен и Буксгевден, не имевшие особых дарований и враждовавшие между собой. Многие военные, как Багратион, Раевский, Ермолов, понимали, что лучшего главнокомандующего, чем Кутузов, найти нельзя. Но Александр про Кутузова и слышать не хотел. В ноябре назначили главнокомандующим семидесятилетнего фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского, находившегося последние десять лет в отставке.

Денис нетерпеливо ожидал, что гвардия тоже выступит в поход, но... судьба словно издевалась над ним! Гвардию на этот раз решили пока не трогать.

Денисом овладело отчаяние. Черт знает что такое: просидел без дела прошлую кампанию и снова обрекался на бездействие! Нет, надо во что бы то ни стало выбраться из этого заколдованного круга!..

Он едет в Петербург, просит, чтобы приписали его к любому армейскому полку, идущему за границу. В военной канцелярии порыв молодого гусара снисходительно похвалили:

— Отлично! Это делает вам честь!

И тут же решительно отказали:

— Вы знаете, что государь не любит волонтеров...

Тогда Денис решается просить самого главнокомандующего. Каменский, только что приехавший из своей орловской деревни в столицу, жил в Северной гостинице. Денис пробрался к нему ночью и, чистосердечно объяснив свое желание служить в действующей армии, сумел расположить к себе своенравного фельдмаршала. Тот обещал похлопотать за него перед императором. Однако, когда на следующий день Денис явился узнать о своей участи, Каменский сказал:

— Я говорил о тебе... просил в адъютанты к себе, в несколько приемов, но мне отказали под предлогом, что тебе надо еще послужить во фронте. Признаюсь, по словам и по лицу государя вижу, что не могу тебя

выпросить... Ищи сам средства... Я же тебя с радостью приму.

В мрачном настроении ушел Денис от Каменского. Произошло нечто более неприятное, чем он предполагал. До сих пор, признаться, он не склонен был думать, чтобы император придавал большое значение персоне какого-то поручика. Высылка из Петербурга сама по себе ничего еще не значила. Царю доложили, он подписал подготовленную бумагу, может быть и стихов-то не читал. А если и прочитал, так, наверное, давным-давно забыл! Мало ли у него других забот! В Звенигородке, правда, встревожила мысль, что царь мог прочитать стихи в более резкой редакции. Но обратный перевод в гвардию окончательно успокоил.

Теперь же из слов Каменского он мог заключить, что дело далеко не кончено, что царь лишь оказал любезность своей фаворитке, а ему, Денису, ничего не простил... Отказ главнокомандующему в таком пустяке, как позволение взять с собой офицера, — вещь неслыханная! Отказ свидетельствовал о самом неприязненном к нему отношении императора. На какую же будущность военного можно рассчитывать? Рушились все планы, все надежды...

Поглощенный невеселыми размышлениями, Денис не заметил, как дошел до нарышкинского дома и почти столкнулся у главного подъезда с Борисом Четвертинским.

— Денис! — весело окликнул тот. — Ты куда и откуда? Почему сердитый?

— Скверные, брат, дела, — с тяжелым вздохом отозвался Денис. — Хоть в отставку подавай!

Он коротко сообщил свой разговор с фельдмаршалом. Четвертинский сдвинул брови.

— Да... Положение неважное... — произнес он. — Ну, пойдем к Мари, может быть, что-нибудь придумаем...

Мария Антоновна встретила с обычным радушием. Расспросила о подробностях вчерашнего визита к фельдмаршалу. Потом, прищурив голубые красивые глаза, сказала:

— Зачем же вам было рисковать? Вы бы меня избрали своим адвокатом, и, возможно, желание ваше давно уже было бы исполнено.

Денис густо покраснел. Странное, не испытанное доселе чувство охватило его. Понимал, что, может быть, в ходатайстве Марии Антоновны вся его судьба. С другой стороны, в этом ходатайстве он видел что-то нехорошее, унизительное...

— Время не ушло... Одно внимание ваше... — пробормотал он, целуя прелестную ручку. И, быстро оправившись, с чувством добавил: — Вы возвращаете мои надежды!

...Император Александр при внешней любезности был упрям, труслив и злопамятен. Составив мнение, что Денис Давыдов принадлежит к числу «опасных якобинцев», Александр продолжал тайно следить за его дальнейшим поведением. Гусарские стихи и остроты Дениса, правда, никаких подозрений не внушали. Но стоило императору припомнить дерзкие строки из старых басен, как злобное чувство вспыхивало вновь... Тот, кто мог написать подобные стихи, никогда не исправится!

Сдержав себя, Александр исполнил просьбу Марии Антоновны о возвращении Давыдова в гвардию. Однако вмешательство фаворитки в судьбу человека, которого он считал опасным, лишь усилило неприязнь к нему. Александр почувствовал себя оскорбленным тем, что с близкими ему людьми «негодяй» находится в дружеских отношениях. И его, императора, вынуждают поступать против своей воли! Таких уколов своему самолюбию Александр обычно не прощал. И если боялся без достаточных оснований принять против ненавистного человека решительные меры, то мелкими мстительными действиями преследовал его при каждом удобном случае.

Вот почему, когда фельдмаршал Каменский изложил свою просьбу, Александр едва сдержал негодование:

— Просите кого угодно... Но Давыдова ни в коем случае. Пусть послужит во фронте!

Марии Антоновне в просьбе отказать было значительно труднее. Предчувствуя такой разговор, Александр заранее к нему подготовился.

— Вы знаете, ma chère, я всегда готов исполнять все ваши просьбы, — приятным голосом сказал император, — но исполнение этой, должен сознаться, ставит меня в неудобное положение. Я отказал графу Михаилу Федотовичу!

— Простите, ваше величество, мое любопытство... каковы же причины? — спросила Мария Антоновна.

— О, как вы еще наивны, Мари! — воскликнул Александр. — Ваш протеже Давыдов недавно возвращен в гвардию и, не зная совершенно фронтовой службы, почти сразу назначается адъютантом самого главнокомандующего. Подумайте, какие могут возникнуть разговоры!

— Я уверена, ваше величество, Давыдов оправдает себя отлично, — возразила Мария Антоновна. — В нем есть огонек, необходимый военному.

— И в этом как раз вторая, пожалуй, самая главная причина моего отказа, — Александр улыбнулся. — Служить у графа Каменского! Разве вы не слышали про его характер? Будучи командующим армией, он за незначительные проступки приказывал наказывать телесно своих собственных сыновей, находившихся в штаб-офицерских чинах. Представляете, что значит служить при Каменском человеку молодому, пылкому и... с некоторым воображением? Нет, я решительно не хочу никаких скандалов!

Доводы подействовали. Царь догадался об этом по выражению лица Марии Антоновны и остался собой доволен.

— Только все это между нами, ma chère, — добавил Александр, — не следует в глазах молодых людей порочить фельдмаршала.

— А если бы место Каменского занимал другой генерал... возможно, вы изменили бы для Давыдова свое решение? — спросила Мария Антоновна.

Вопрос был неожиданный. «Кажется, что-то опять затевается, — мелькнула в голове императора не-

приятная мысль. — Но что же? Я не собираюсь назначать другого главнокомандующего, следовательно, обещать можно».

— Ну, разумеется, — ответил он. — Вы еще сомневаетесь!

— Благодарю, ваше величество. Может быть, мне все-таки придется когда-нибудь воспользоваться вашим обещанием, — скромно сказала Мария Антоновна.

На другой день она очень сдержанно, не сообщая никаких подробностей, объявила Давыдову, что, к сожалению, ничего пока сделать не удалось.

— Не желают лишать меня изящного занятия равняться во фронте и драть горло перед взводом, — саркастически заметил Денис. — Что ж, судьба!

XIV

Еще два месяца назад, проверив сведения, сообщенные Четвертинским, наведя необходимые справки, Денис точно выяснил, что брат Евдоким действительно находится в плену.

Вместе с командиром эскадрона князем Репниным и несколькими другими кавалергардами, ранеными в Аустерлицком сражении, Евдоким был отправлен в Брюнн, где размещалась тогда главная квартира Бонапарта. Пленным оказали медицинскую помощь. Говорили, будто французский император лично посетил их в лазарете. Но когда они возвратятся в Россию, никто ничего толком не знал.

Появление Евдокима в Петербурге в середине декабря было поэтому приятной неожиданностью. И Денис, взяв трехдневный отпуск для свидания с братом, тотчас же отправился в столицу.

В новеньком, только что сшитом мундире Евдоким выглядел молодцом. Загорел, погрубел, стал шире в плечах. Денис застал его в кругу товарищей. Молодые кавалергарды, сидя за столом, уставленным наполовину пустыми бутылками, жарко обсуждали недавно полученные, не многим еще известные новости. Из армии один за другим прибыли два курьера.

Первый привез известие о болезни и отъезде фельдмаршала Каменского из армии. Второй доставил радостное сообщение о победе над французами под Пултуском, одержанной генералом Беннигсеном.

Никаких подробностей никто не знал, поэтому кавалергарды строили всевозможные догадки, спорили, шумели, но, по существу, совсем напрасно.

Лишь самый юный из всех, стройный, румяный, с выразительными томными глазами корнет Павел Киселев высказал, как показалось Денису, здравую мысль:

— Мы не можем судить о том, чего не знаем, господа, но несомненно, на мой взгляд, одно: если победа при Пултуске подтвердится, то при сложившихся обстоятельствах генерал Беннигсен получит много шансов стать во главе всей армии.

— Что будет весьма печально! — вставил со вздохом маленький и толстенький поручик Ильин.

— Ну, господа, — с тонкой усмешкой отозвался Киселев, — не будем касаться вопроса о достоинствах человека, победившего французов... Следует считаться с обстоятельствами... Я лишь это хотел сказать!

— Дипломат! — с солдатской грубоватостью бросил Евдоким. — Тебе бы, Киселев, в иностранную коллегию!

— А разве военному запрещается быть немножко и дипломатом? — вежливо спросил Киселев.

— Э, ну вас всех с этой дипломатией, терпеть не могу, — перебил богатырь по виду, кавалергард Арапов, возвратившийся из плена вместе с Евдокимом. — Надо правде в глаза смотреть! Бонапарт — гениальный полководец, а мы против него выживших из ума старцев посылаем. Где это видано! Даже ежели старика заменим Беннигсеном, тоже плохо. Чем он себя прославил?

— А у нас, слава богу, Кутузов есть! Багратион! — произнес Евдоким.

— Имя Кутузова, говорят, при государе даже упоминать не принято, — вставил опять поручик Ильин.

— В том-то и беда наша! — отрезал Евдоким.

Разговор становился острым. Корнета Киселева, видимо, это обеспокоило.

— Право, господа, мы ведем бесцельный спор, и становится скучно, — вмешался он. — Вы бы, Арапов, лучше рассказали про встречу с Бонапартом. Вы так живо передаете!

— Нет уж, увольте, — отозвался Арапов и, неожиданно повернувшись к Денису, сказал ему: — Я издалека Бонапарта видел, а Евдоким имел честь разговаривать с ним.

— Разве? — живо заинтересовался Денис. — Где же это было, Евдоким?

— В лазарете.

— Ну? Что же он тебе сказал?

— Да ничего особенного, — спокойно ответил Евдоким. — Я тогда весь в бинтах лежал... Подошел он ко мне, остановился, собой маленький, толстенький... «Combien de blessures, monsieur?» — спрашивает меня. «Sept, sire», — отвечаю. «Autant de marques d'honneur!» * — сказал он и пошел дальше... Вот и всё! [11]

— Autant de marques d'honneur! — медленно повторил Денис. — Надо сознаться, сказано неплохо.

— Бонапарту нельзя отказать во многих достоинствах, — сдержанно отозвался Киселев.

— Откажи попробуй! — насмешливо произнес Арапов и прибавил: — Нет, по-моему, Бонапарт во всех отношениях человек гениальнейший. Нам его никогда не осилить! Что вы там ни говорите!

Дениса слова кавалергарда задели за живое. Подобно другим военным, он исключительно высоко ценил талант Бонапарта, восхищался его решительными действиями. Но вместе с тем Денис никак не склонен был объяснять все успехи французского полководца лишь одной его гениальностью или необыкновенным счастьем, как думали некоторые. Быстрый разгром Австрии и Пруссии сначала, как и

---

* «Сколько ран, мосье?» — «Семь, ваше величество». — «Столько же знаков чести!» *(франц.)*.

всех, просто поразил Дениса, а затем, подумав, он нашел и довольно трезвую оценку событиям. Разгром был подготовлен прежде всего самой военной системой, существовавшей в австрийской и прусской армиях. Той самой системой, основанной на палочной дисциплине и бесполезной муштровке, над которой издевался Суворов и которая была ненавистна любому военному, разделявшему суворовские взгляды.

«Будь на месте Бонапарта кто-нибудь из наших полководцев — Суворов, Кутузов или даже Багратион, — размышлял Денис, — они, пожалуй, тоже столь же быстро управились бы с пруссаками...» Сравнение Бонапарта с любимым Суворовым против воли возникало в голове не раз, но эти мысли казались кощунственными. Суворов был великим полководцем, родным и близким. Бонапарт, этот величайший завоеватель, угрожал чести и независимости отечества, следовательно, являлся врагом, и врагом страшным. Денис никогда этого не забывал.

Вот почему слова Арапова, вернее его уверенный тон, вывели Дениса из себя.

— А я уверен, — вдруг бледнея, тонким голосом крикнул он, — я убежден, господин Арапов, ежели этот во всех отношениях гениальнейший человек, как вы утверждаете, посягнет на нас... на наше отечество... — Давыдов почти терял самообладание от какого-то все сильнее охватывающего злобного чувства. — Я уверен... здесь не Пруссия... Мы ему покажем кузькину мать!..

Выходка Дениса привела всех в недоумение. Арапов медленно поднялся. Запахло скандалом.

— Да ты что, брат? — попробовал вмешаться Евдоким. — Арапов и не думал утверждать...

— А я утверждаю, — запальчиво перебил Денис, — что восхвалять неумеренно предводителя войск, стоящих почти на рубежах наших, русскому офицеру непозволительно...

Арапов бросил на него сердитый взгляд, пожал плечами:

— Я не могу принять ваших слов на свой счет. Но если вам угодно...

— Подождите ссориться, господа, — прервал Киселев. — Между вами, на мой взгляд, простое недоразумение... Попробуем разобраться хладнокровно.

И юный корнет с такой ловкостью повел дело, что в конце концов все кончилось благополучно.

Денису из всех товарищей брата особенно понравился Киселев. Между ними завязалась крепкая дружба.

...На следующий день, вдоволь по душам наговорившись, братья отправились к Нарышкиным.

Евдоким, давно уже представленный Марии Антоновне, состоял в числе самых восторженных ее поклонников. Взгляды Евдокима ничем не отличались от взглядов людей, среди которых он вращался. Новое положение Марии Антоновны как фаворитки государя в глазах Евдокима не только не унизило ее, а, напротив, возвысило.

— Помилуй, Денис, — сказал он, — я считаю, нам теперь особенно следует дорожить ее расположением. Тем более, у Нарышкиных великолепно обо всем осведомлены! Это, брат, всегда пригодится!

С последним нельзя было не согласиться. Где же, как не у Нарышкиных, можно, например, узнать подробности последних новостей?

И верно... Там эти подробности никакой тайны не составляли. Фельдмаршал Каменский, вскрыв полученную из Петербурга почту, узнал, что некоторые окружающие его лица приняли на себя «благородную обязанность» о всех действиях главнокомандующего тайно уведомлять начальника военнопоходной канцелярии его величества.

Каменский пришел в бешенство. Написал объяснение царю и, не дожидаясь ответа, самовольно уехал в свою деревню.

Александр назначил главнокомандующим генерала Буксгевдена. Но в это время была получена реляция Беннигсена о победе над французами под Пултуском. Александра эта реляция, несколько пре-

увеличившая значение победы, несказанно обрадовала. Он немедленно переменил решение. Главнокомандующим стал Беннигсен.

— А я могу вам сообщить под секретом еще одну новость, — обратившись к Денису, с обычной лукавостью в глазах сказала Мария Антоновна. — Командование авангардом нашей армии вверяется вашему герою... князю Петру Ивановичу...

— Как? Багратиону? — подскочил Денис, никак этого не ожидавший.

— Да... Князь недавно заезжал ко мне, — продолжала Мария Антоновна. — Он был очень любезен... Мы говорили о наших делах. И если вы, — она посмотрела с улыбкой на взволнованного Дениса, — приедете ко мне завтра обедать вместе с Борисом, то, возможно, узнаете и другие интересные новости...

Денис молча поклонился. Разговор одновременно и взволновал его и расстроил. И хотя Евдоким уверял, что последнюю фразу Мария Антоновна произнесла каким-то загадочным тоном, Денис, наученный горьким опытом, никаких планов не строил. После двух решительных отказов царя на что можно было надеяться? Повторить свою просьбу? Эта мысль не приходила в голову. Служить у Багратиона... о таком счастье он не смел и мечтать! Обещание Марии Антоновны понял в том смысле, что ожидаются какие-то важные известия, относящиеся к военным действиям, а никак не к его собственной судьбе.

Но на другой день, едва Денис и Борис переступили порог гостиной Марии Антоновны, она объявила:

— Я говорила вчера о вас с князем Багратионом... Сегодня получен ответ... Ты, Борис, — обратилась она к брату, — опять едешь с ним.

— А он? — перебивая, воскликнул Четвертинский, указывая на растерявшегося Дениса. — А он?

— Нет, опять отказ! — вздохнула Мария Антоновна. Но, увидев, какое впечатление произвели ее слова на Дениса — он стоял бледный как полотно, — поспешила добавить: — Виновата, виновата... я пошутила... И вы, Денис, едете!

Денис в восторге чуть не бросился к ней на шею.

...Мария Антоновна весьма кстати напомнила Александру про его обещание. Отказать снова — значит обнаружить свои истинные, враждебные чувства к «негодяю», как мысленно называл гусара-сочинителя царь. Нет, Александр всегда желал оставаться добрым рыцарем, особенно в глазах фаворитки. Назначение Давыдова адъютантом к Багратиону, опять против воли, было подписано. Чувства же императора остались неизменными.

Денис об этих закулисных делах ничего не знал. Да и думать не хотелось! Он горел одним желанием: как можно быстрее попасть в действующую армию. Говорят, Беннигсен опять готовится к сражению! В армии сейчас Ермолов, Кульнев, и, кажется, собирается туда Раевский. Не терпелось их обнять.

Четвертинский подговаривал провести в столице наступившие святки. Соблазн большой! И все же Денис отказался. Он выехал один, в почтовой кибитке. Но как ни торопился, а в Озерках, близ Вильно, сделал небольшую остановку. Там стоял недавно сформированный знакомым полковником Василием Федоровичем Шепелевым гусарский Гродненский полк, где служили теперь эскадронными командирами Кульнев и брат Александр Львович. Встреча с Кульневым была особенно приятна. Обняв Дениса, Яков Петрович даже прослезился. Тронула искренняя, дружеская привязанность молодого лейб-гусара, только что произведенного в штаб-ротмистры.

— Вот видишь, голубчик, — заметил с улыбкой Кульнев, — я же говорил, что встретимся... Подожди, и повоюем вместе! Скоро и наш полк трогается.

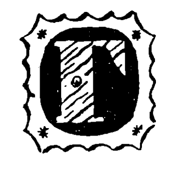
Через несколько дней, взволнованный и счастливый, Денис пересек прусскую границу. 15 января 1807 года ранним утром он был уже в Либштадте, где находилась главная квартира русской армии.

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы...

В. Жуковский

I

енерал Беннигсен не принадлежал к числу искусных полководцев. Он мог, сидя в кабинете, найти иной раз верное решение военной задачи, составить неплохой план, но выполнить задуманное не хватало ни умения, ни решимости. И если войска, находившиеся под общим его командованием, успешно отражали натиск превосходящих сил неприятеля, то объяснялось это прежде всего опытностью, инициативностью командиров войсковых частей, беспримерной стойкостью и мужеством русских солдат. К тому же Беннигсен отличался крайней беспечностью. Армия, растянувшись на многие десятки

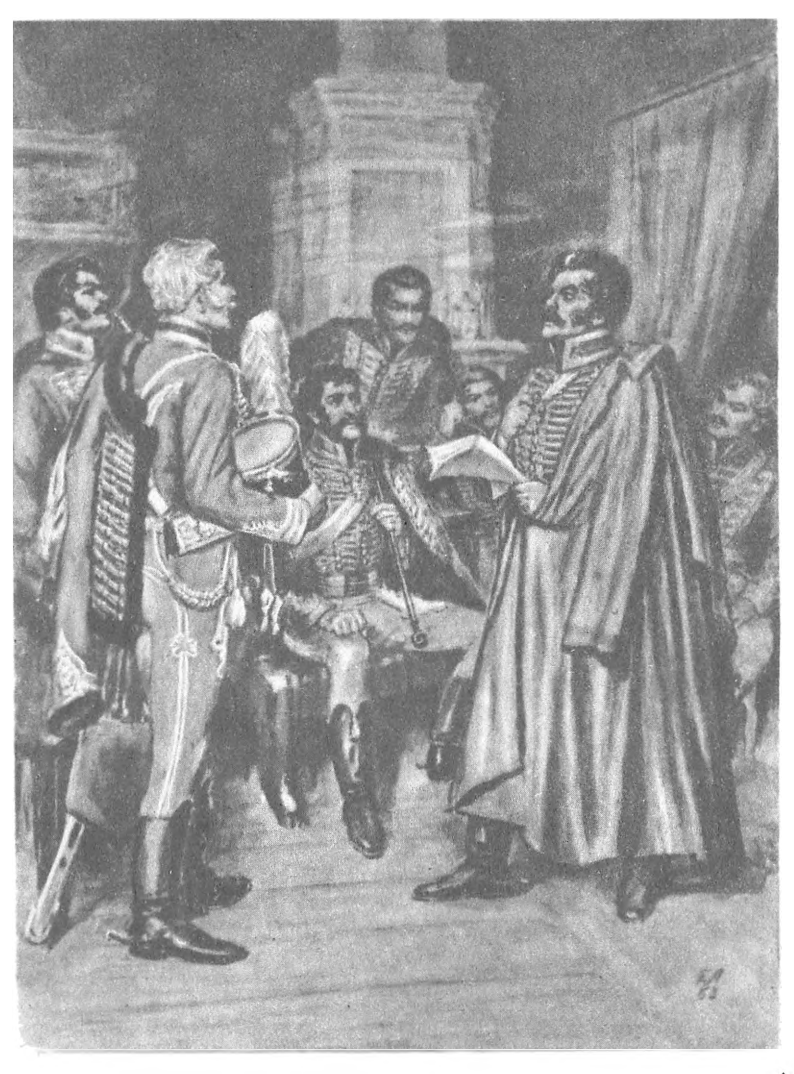
верст, медленно двигалась в юго-западном направлении к Грауденцу и Торну на Висле[12]. Снабжение войск боевыми припасами и продовольствием было поставлено из рук вон плохо. Подвижные магазины отсутствовали. Солдатам из-за несвоевременного подвоза часто не выдавали даже сухарей. А главнокомандующий на справедливые требования войсковых командиров улучшить снабжение со вздохом отвечал:

— Что же поделаешь, господа! Надо терпеть. У меня за обедом тоже подают всего три блюда...

Дениса поразила беспечность и другого рода. Имея несколько пакетов для главнокомандующего, он немедленно представился Беннигсену. Комната, где тот находился, была переполнена генералами, офицерами, чиновниками. Русской речи не слышалось. Штаб в большинстве состоял из немцев и австрийцев. Многие из них занимали прежде командные должности в позорно капитулировавших перед Бонапартом своих армиях. Затем бежали в Россию. «Опозорились у себя, а сюда подсказывать слетелись», — мелькнула у Дениса неприязненная мысль. Тут же он заметил и несколько англичан, среди которых обращал на себя внимание важным видом и каменным лицом сэр Роберт Вильсон, английский военный агент, имевший особое влияние на главнокомандующего.

И никто из этих господ не остерегался высказывать открыто свое мнение о движении войск. Сам Беннигсен, худой и длинный, с рыжеватыми редкими волосами и болезненно желтым лицом, стоя у карты, пояснял какому-то немецкому генералу операционный план. «Ну, я не удивлюсь, если неприятель завтра же будет осведомлен об этом», — подумал Денис. В памяти невольно всплыл образ любимого Суворова. Разве допустил бы он голодание солдат или столь нескромные рассуждения о своих намерениях? Трудности предстоящего похода обрисовывались достаточно ясно. Даже знакомые по Петербургу штабные офицеры этого не скрывали.

— Черт тебя сюда занес! — откровенно говорили

К стр. 65

они Денису. — Мы бы дорого дали, чтобы возвратиться обратно. Проку никакого не видно. Условия здесь плохие. Ты еще в чаду, мы это видим, но погоди немного... то же скажешь!

— Нет, господа, не надейтесь, — возразил Денис. — Вижу сам, что условия неважные, да ведь я заранее знал, что война не похлебка на стерляжьем бульоне. Вы лучше посоветуйте, как побыстрее мне добраться до князя Багратиона.

— А вот смотри сюда, — сказал один из офицеров, раскрывая карту. — Главная квартира сейчас переезжает в Морунген, можешь устроиться с нами или с каким-нибудь из полков. Третьего дня у Морунгена произошла жаркая схватка авангардных частей генерала Маркова с войсками Бернадотта, который отступает, по всей видимости, к Торну. А от Багратиона получено известие, что он занял городок Лебау, значит от Морунгена тебе придется проехать еще сотню верст. Ясно?

— Ясно. Покорно благодарю. А где Алексея Петровича Ермолова найти?

— Третьего дня, ночью, он был у нас. Прямо после боя под Морунгеном. Командовал там марковской артиллерией и здорово, говорят, отличился. А теперь назначен командовать всей артиллерией авангарда.

Денис от радости так и засиял:

— Следовательно, он у Багратиона? Вместе воевать придется! Вот не знал! Ну, спасибо!..

Через час, пристроившись к павлоградским гусарам, Денис уже находился на марше к Морунгену.

Картина, развернувшаяся перед ним, навсегда осталась в памяти. «Части пехоты, конницы и артиллерии, — вспоминал он впоследствии, — готовые к движению, облегали еще возвышения справа и слева, в то время как длинные полосы черных колонн изгибались уже по снежным холмам и равнинам. Стук пушечных колес, топот конницы, разговор, хохот или ропот пехоты, идущей по колено в снегу, скачки адъютантов по разным направлениям, генералов с их свитами, самая небрежность и неопрят-

ность в одежде войск, два месяца не видавших крыш, закопченных дымом биваков и сражений, вид солдат с усами, покрытыми инеем, с простреленными киверами и плащами, — все это неизъяснимо электризовало, возвышало мою душу».

Ехавший рядом молоденький павлоградский гусар, поручик Степан Храповицкий, рассказывал:

— Любопытная, знаете ли, история случилась третьего дня в городе Морунгене... Бернадотт, расположивший там свой обоз, выдвинул войска вперед, построив их вон на тех высотах, — поручик указал на видневшиеся вдали покрытые кустарником холмы. — Наши части наступали от деревни Георгенталь, к которой сейчас подъедем... И вот, представьте, в сумерках, когда Марков вынужден был несколько отступить, а неприятельская кавалерия намеревалась преследовать его, господин Бернадотт услышал выстрелы в тылу. Что такое? Он послал в Морунген адъютантов и узнал страшную новость: город занят русскими, его обоз и канцелярия в их руках!

— Как же это получилось? — заинтересовался Денис.

— А вы послушайте дальше, — улыбнулся Храповицкий. — Бернадотт, разумеется, преследовать нас уже не решился, а поспешил с кавалерией назад, в Морунген, и... никаких русских там не обнаружил! Своего обоза тоже не нашел... На улицах увидел несколько поломанных повозок и груды разорванных бумаг...

— Позвольте, — перебил Денис, — я полагаю, был же все-таки оставлен в городе какой-то французский отряд прикрытия?

— Совершенно верно. От этого отряда уцелели весьма немногие... Они, вероятно, и поведали про необычайное происшествие огорченному Бернадотту.

— Да не томите, ради бога, Храповицкий! — воскликнул Денис. — Ведь не дьявол же в маске напал на город!

Довольный произведенным на спутника впечатлением, Храповицкий нарочно помедлил, поправился

в седле, подкрутил маленькие рыжие усики, потом продолжил:

— Дело-то, собственно говоря, объясняется просто... Командир одной из наших кавалерийских дивизий, не зная ничего о происходящем сражении, послал в разведку несколько эскадронов гусар. Они приблизились к Морунгену с другой стороны и, узнав от жителей, что в городе стоит обоз Бернадотта, охраняемый небольшим прикрытием, решили на свой риск произвести нападение. И, как видите, этот смелый кавалерийский рейд кончился для нас с большой пользой... Согласитесь, происшествие выходит из ряда обычных военных историй.

— Да, да, вполне согласен, — сказал Денис. — Дело более чем любопытное!

Между тем, миновав Георгенталь, павлоградцы выехали на морунгенскую равнину, где происходило сражение. И здесь открылось зрелище, от которого Денис невольно содрогнулся. Тысячи обезображенных трупов лежали на снежном поле в самом неприглядном виде. Все же любопытство военного оказалось сильнее неприятного, беспокоящего чувства новичка. Когда подъехали знакомые штабные офицеры, Денис не упустил возможности отправиться вместе с ними для осмотра русской и неприятельской позиций.

У небольшой, совершенно разрушенной деревушки, занятой во время сражения французской пехотой, неприятельские трупы лежали особенно густо, целыми рядами.

— Ермоловская работка! — сказал один из офицеров. — Обратите внимание, господа, Ермолов постоянно сосредоточивает огонь всех своих полевых орудий на каком-нибудь одном известном пункте.

— Разве эта мысль нова? — спросил Денис.

— Мысль, может быть, не нова, но у нас, к сожалению, применяется подобный метод еще не так часто... Молодец Ермолов!

Эта похвала приятно подействовала на Дениса. Он-то никогда в брате Алексее Петровиче не сомневался!

В Морунгене, куда добрались к вечеру, Денис задерживаться не стал. Купил лошадь, получил в главной квартире пакеты для Багратиона и в сопровождении одного казака на другой же день отправился дальше, к авангарду.

...Никто, конечно, не знал, что в то самое время, как Денис подъезжал к деревне Биберсвальд, где находился Багратион, судьба русской армии подвергалась страшной опасности. Получив в Варшаве известие о наступлении русских, Бонапарт решил обойти их с фланга, отрезать от сообщения с Россией, прижать и уничтожить в районе нижней Вислы. План Беннигсена, двигавшего армию к Грауденцу и Торну, как нельзя лучше способствовал замыслу французского императора. Не сомневаясь в успехе, Бонапарт сам выехал к войскам, быстро совершавшим обходное движение. Французы имели значительный перевес в силах, были превосходно снабжены всем необходимым. 19 января, прибыв в Билленберг, Бонапарт послал секретное предписание маршалу Бернадотту. Ему приказывалось: скрытно обойдя русскую армию, перебросить свой двадцатитысячный корпус к Алленштейну, юго-восточнее Морунгена, откуда уходили последние русские войска. В то же время Бернадотту предписывалось оставить на месте аванпостные части. Отступая к Торну, они должны были заманивать за собой русских. Бонапарт извещал маршала, что сам он с основными силами в Алленштейне будет через три дня.

Но на страже русской армии стоял генерал Багратион. Авангард, командование над которым он только что принял, состоял из трех основных колонн, находившихся под начальством генерал-майоров Маркова, Багговута и Барклая де Толли.

Поспешный отход войска Бернадотта от Морунгена, а также довольно сбивчивые показания «языков», захваченных казаками, наводили на мысль о том, что Бонапарт что-то замышляет. Багратион на всякий случай распорядился: силы авангарда не распылять, а полковнику Юрковскому, начальнику аванпостов, усилить разведку.

...Денис, основательно прозябший, приехал в Биберсвальд ночью. Несмотря на позднее время, в просторной избе прусского поселянина, где квартировал Багратион, никто спать не собирался. У князя совещались командиры. А в соседней небольшой комнатушке, тускло освещенной сальными свечами, молодые адъютанты и ординарцы, прихлебывая чай из железных кружек, развлекались веселыми рассказами.

Дениса встретили восторженно. Не успел он снять шинель и прийти в себя, как со всех сторон его забросали вопросами. Один из адъютантов князя, Офросимов, гвардейский офицер, с которым Денис был знаком, представляя его товарищам, заявил:

— Держите ухо востро, господа! Помимо прочих достоинств, сей гусар имеет звание сочинителя, попадетесь на зубок — не помилует!

— Да перестань ты дурачиться, право, — смущаясь, сказал Денис. — Про стихи и думать давно забыл!

— Вот это уж напрасно! — возразил другой адъютанг князя, Грабовский. — Я ваши послания Бурцову наизусть помню... Прелесть какие стихи!

— Вы бы нам, Давыдов, новенькое что-нибудь прочитали, — попросил третий адъютант. — Мы же все почитатели вашего таланта...

— Нет, в самом деле, господа, ничего не пишу, — ответил Денис, чувствуя, что польщен общим вниманием. — Да и на ум сейчас не идут стихи... Дайте прежде согреться и оглядеться.

Едва он успел привести себя в порядок, как дверь из горницы князя открылась. Вошел Ермолов. Молоденький адъютант его, краснощекий прапорщик, поднялся навстречу. Ермолов, очевидно, хотел что-то передать ему, но, увидев Дениса, остановился, густые брови его поднялись вверх.

— Денис?

Не зная, как держать себя с Ермоловым при адъютантах, Денис, взволнованный и довольный, стоял в щегольском красном ментике, вытянувшись по-военному. Ермолов сам раскрыл объятия.

— Да что же ты словно чурбан? Сколько времени не виделись! Дай хоть расцеловать тебя. — И оживленно продолжал: — Ты когда же приехал? Мне князь говорил, да я, признаться, погрешил — думал, что святки в столице отгуляешь... Ну, чего же мы здесь стоим? Пойдем, князь тебя ждет... Наверно, новостишки из главной квартиры привез? Весьма кстати...

В горнице, куда они вошли, обстановка была самая простая: стол, несколько скамеек, хозяйская деревянная узкая кровать.

Багратион в мундирном сюртуке, с озабоченным лицом, расхаживал из угла в угол и, как показалось Денису, отчитывал молодого, с хитроватыми глазами, генерала Маркова, сидевшего в почтительной позе на длинной скамье у окна, рядом с двумя полковниками. У стола склонился над картами высокий большелобый генерал Михаил Богданович Барклай де Толли. Рядом сидел круглолицый и веселый здоровяк Багговут.

Приветливо поздоровавшись с Денисом, князь нетерпеливо распечатал переданные ему пакеты. И по мере того как читал, лицо его становилось все суровей.

— Вот, можете прочитать, господа, секретов нет, — бросив пакеты на стол, сердито сказал Багратион и опять зашагал по комнате. — Предписывается движение вперед! Армия за нами следом! Наступать, разбивать — отлично! Кто же против? Сам люблю! Назад — гнусно! Вперед — слава! Да нужно, чтоб с толком! Прежде силы неприятельские и намерения ихние разведав! Я вот о чем толкую, Евгений Иванович, — обратился он к Маркову. — А вы свое твердите!

— Пока намерения Бонапарта не ясны, всякое удаление наших частей вглубь не есть необходимо, — поднявшись, медленно и холодно произнес Барклай. — Я вполне разделяю мнение князя...

— Да, господа, нельзя иначе... — Багратион несколько секунд помедлил, затем, перейдя на более мягкий тон, продолжил: — Помню, в итальянскую

кампанию австриец Мелас благодетеля моего графа Суворова, стоявшего за быстрые наступательные действия, назвал как-то генералом «Вперед»... А знаете, что Суворов ответствовал? «Полно, папаша Мелас, вперед — мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь...» — И князь с неожиданной доброй улыбкой подошел к Маркову и, положив ему руку на плечо, добавил: — Так-то, душа моя, Евгений Иванович!

Командиры вскоре разошлись. Ермолов и Денис остались. Багратион, слегка прищурив круглые глаза, посмотрел на Дениса, спросил:

— Где же Четвертинский? Разве не вместе приехали?

— Четвертинский задержался по болезни, ваше сиятельство, — чувствуя неловкость, ответил Денис.

— Что ж, придется в таком случае с тебя пока за двоих спрашивать... Работы много. Я наперед говорю: здесь не гвардия. Парадиры не нужны. В авангарде служить — спокойну не быть! У меня служить — того хуже!

— Я тем себя на всю жизнь довольным почитаю, — дрогнувшим от волнения голосом, глядя в глаза князю, произнес Денис, — что под командой вашего сиятельства состою...

— Смотри ж, чтоб на меня не пенять, — уже более мягко отозвался Багратион и, еще раз поглядев на Дениса, усмехнулся: — А ментик-фертик сними, душа моя... Больно с французскими мундирами схож. Не ровен час, свои же подстрелят!

— Я уже об этом подумал, — заметил Ермолов. — В десятом гусарском у Бернадотта точь-в-точь такие же носят.

— Ну, хорошо, — сказал Багратион, — идите отдыхать...

И, немного помедлив, обращаясь к Ермолову, добавил:

— Артиллерию твою завтра посмотрим. Коней всех прикажи перековать. Признаюсь, более всего на маршах за лошадей опасаюсь. От них всё... — Багратион не договорил фразу, посмотрел на Ермо-

лова и вдруг неудержимо захлебнулся смехом: — Ох, прости, прости, друг Алексей Петрович! Вспомнился твой разговор с графом Аракчеевым, прямо сил никаких нет... Значит, осмотрел он в Вильно твою конную роту и... как дальше-то было? Одолжи, поведай...

— Да ничего особенного не произошло, ваше сиятельство, — блеснув лукаво глазами и сейчас же приняв равнодушный вид, ответил Ермолов. — Подходит Аракчеев ко мне и говорит: «Вы знаете, что вся ваша репутация зависит от лошадей?» — «Точно так, ваше превосходительство, — отвечаю я, — к сожалению, наша репутация слишком часто зависит от скотов».

— От скотов? Аракчееву-то! — сквозь смех произнес Багратион. — Ну и язычок у тебя... Нет, уж я лучше о лошадях с тобой говорить поостерегусь! Баста!

II

В следующий вечер, ознакомившись со всем, что надлежит знать адъютантам, Денис вместе с Офросимовым дежурил в квартире Багратиона. Как обычно, князь с раннего утра поехал в войсковые части. Его сопровождал Грабовский. Возвратился Багратион поздно, сердитый и, кажется, немного простуженный. Выпил рюмку мадеры и стакан чаю, не раздеваясь, прилег на кровать, быстро и крепко заснул.

На дворе поднималась метель. Ветер завывал в трубах, хлопал ставнями. Офросимов дремал, сидя у жарко натопленной печки. Потом улегся на скамье, захрапел.

Внезапно входная дверь с шумом распахнулась. В комнату ворвался какой-то военный, небольшого роста, в бурке и казацкой папахе. Он весь был залеплен снегом. Сверкали лишь живые черные глазки. Следом два пожилых бородатых казака втащили что-то тяжелое, завернутое в огромный овчинный тулуп.

— Подождите здесь, хузары! Снежок с тулупа

стряхнуть! — скомандовал человек в бурке резким, с сильным акцентом голосом. — Князь у себя? — обратился он к Денису.

— Как прикажете доложить? — загораживая незнакомцу дорогу, спросил тот.

— О, мати господа! — воскликнул, сделав шаг назад, незнакомец. — Да вы сами-то кто такой?

— Дежурный адъютант штаб-ротмистр Давыдов...

— А я полковник Юрковский! Командир аванпостов! Спешное дело!

Офросимов проснулся, вскочил как встрепанный.

— Добрый вечер, полковник! Сейчас князя разбужу...

— Да, братец, хотя и жалко, а придется будить... Сделай милость!

Но Багратиона, спавшего необыкновенно чутко, будить не пришлось. Он стоял уже на пороге.

— Ну, с чем пожаловал, любезный Юрковский?

— С казацким подарком, князь...

Юрковский, венгерец по происхождению, порывистым движением сбросил папаху, расстегнул бурку и, повернувшись к казакам, коротко приказал:

— Представить!

Ловко распаковав свою ношу, казаки вытряхнули из тулупа толстенького белокурого француза в помятом и разорванном мундире с капитанскими нашивками. Он еле держался на ногах, глядел на всех ошалелыми глазами. Увидев неподвижно стоявших позади себя казаков, француз вздрогнул, испуганно, словно заяц, отпрыгнул к печке.

По лицу Багратиона скользнула невольная улыбка и моментально потухла. Он бросил на казаков строгий взгляд, потом, переводя его на француза, четко сказал:

— N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal! *

Услышав родной язык, француз робко улыбнулся, забормотал благодарности. Не слушая его, Багратион обратился к Юрковскому:

— Где взят?

* Не бойтесь, вам не сделают ничего плохого! *(франц.)*.

— Почти у самого Страсбурга, чуть-чуть до Бернадотта не доехал, — ответил Юрковский. — Птица важная, ваше сиятельство! Десять конвойных сопровождали. Дрались зверски. Сдаться не пожелали. А этот, — кивнул он на француза, — кусаться начал, казаки его поневоле немножко помяли... И бумаги пытался уничтожить. Насилу отобрали. Извольте получить, ваше сиятельство, — он протянул пакет.

Взглянув на пакет, Багратион воскликнул:

— Вот оно что! Печать Бертье!

И, резко повернувшись, приказал:

— Офросимов, останься пока здесь. Допросим после. Давыдов, свечей мне!..

Перехваченный казаками француз был тот самый курьер, которого Бонапарт отправил с секретным предписанием к маршалу Бернадотту. Опасения Багратиона окончательно подтвердились. Послезавтра Бонапарт прибывает в Алленштейн и... русская армия будет отрезана! Теперь все зависело от быстроты движения. Опередить Бонапарта. Двинуть обратно всю армию и авангард. Исправить ошибку Беннигсена.

В Биберсвальде все пришло в движение. Через какой-нибудь час Офросимов, сопровождаемый значительным конвоем, уже мчался в главную квартиру. Он должен был во что бы то ни стало, сделав свыше ста верст, вручить утром Беннигсену секретное предписание Бонапарта. Следом, не теряя ни минуты, загромыхала артиллерия Ермолова. За ним тронулись скрытно все остальные части авангарда.

Лишь аванпосты Юрковского были оставлены на месте. Юрковский обязывался весь день атаковать аванпосты Бернадотта, дабы убедить его, что русские не изменили своего наступательного плана. Не получив предписания Бонапарта, сбитый с толку натиском казачьих отрядов, Бернадотт держал свой корпус в бездействии.

Денис вместе с другими адъютантами находился при Багратионе неотлучно. Князь в бурке и картузе

из серой смушки, при старинной шпаге, подаренной в Италии самим Суворовым, ехал с передовыми частями на белом в яблоках горячем донце. Багратион делил с войсками все невзгоды. Спал на привалах у костра, питался из солдатского котла. Беспокойные мысли его сосредоточились на одном: успеет ли Беннигсен стянуть войска и опередить Бонапарта.

Под вечер следующего дня возвратился Офросимов, немного успокоил.

— Главнокомандующий благодарит... Приказы посланы, меры принимаются... Войска предполагают построить на выгодных позициях в районе Янкова, верстах в десяти от Алленштейна.

— Времени-то мало, душа моя, — покачал головой Багратион. — Сутки одни остались. А Бонапарт ждать не будет.

На другой день, к обеду, авангард находился уже в непосредственной близости от Алленштейна, расположенного с правой стороны от дороги. Вьюга, бушевавшая ночью, затихла. Погода устанавливалась ясная, морозная. Багратион с каждым часом делался нетерпеливее. На одном из пригорков, откуда можно было уже разглядеть синевшие вдали высоты Эсткендорфа, господствовавшие над Алленштейном, он остановился. Не слезая с коня, достал подзорную трубу, посмотрел в нее и вдруг, опустив руку, злобно выругался:

— Французы...

Денис, обладавший хорошим зрением, без подзорной трубы увидел, как густые колонны войск, выплывая мощными потоками из-за леса, все шире облегают высоты.

Багратион снова поднял трубу, стал пристально осматривать окрестность. Нет, ничего больше не разглядеть!

— Янково дальше, за этими высотами, — сказал Офросимов, догадавшись, что князь старается обнаружить русские войска.

— Знаю, знаю, — сердито отозвался Багратион, — да все же хоть пикеты какие... Тактики и ме-

тодики проклятые! — опять выругался он, убирая трубу.

И, дав шпоры донцу, галопом поскакал вперед, обгоняя передний гусарский полк Маркова. Денис на выносливой и сильной казацкой лошади, купленной еще в Морунгене, скакал почти следом. Другие адъютанты начали отставать.

Проскакав версты три, снова поднялись на возвышенность. И Денис неожиданно разглядел вдали еле-еле заметные дымки костров, затем как-то сразу открылась небольшая деревушка, окруженная плотными массами войск...

— Наши! Наши! — изо всех сил крикнул Денис.

Но Багратион и сам видел. На всем скаку он сдержал взмыленного донца. Снял картуз, перекрестился, вытер разгоряченное лицо.

— Стоят! Успели! Молодцы! Слава! — бросал он отрывистые слова, встречая подъезжавших адъютантов.

Затем, осмотрев в подзорную трубу войска, сказал:

— Хотя особых выгод позиций не замечаю, но и то слава богу, что от своих границ не отрезаны.

И с довольным видом воскликнул:

— Эх, посмотрел бы я сейчас на Бонапарта! Как обставили!..

А Бонапарт, в теплом сюртуке и шляпе, окруженный свитой, стоял на высотах Эсткендорфа. Он долго молча и хмуро осматривал русские войска, затем, повернувшись к стоявшему ближе всех Бертье, с раздражением сказал:

— Вы уверяли меня, что мы найдем здесь не более двух-трех дивизий. А я вижу всю армию Беннигсена!

— Очевидно, русские были предупреждены, ваше величество, — почтительно наклоняя голову и чувствуя за собой невольную вину, ответил Бертье.

— Кем? Как это могло случиться? Мы сделали невероятно быстрый марш. Наши намерения держались в строгой тайне. И потом... почему нет до сих

пор никаких известий от Бернадотта? Это меня беспокоит...

— Я полагаю, ваше величество, его корпус не позднее, чем завтра...

— Оставьте! — с гневным жестом перебил Бонапарт. — Ваши прогнозы потеряли цену. В данный момент необходимо принять самые быстрые меры, чтоб зайти в тыл русским... отрезать пути их сообщения... Дайте карту! — обратился он к одному из своих адъютантов. И, бросив взгляд на растерянного Бертье, прибавил: — Но меня-то, надеюсь, они не обманут! Я разобью их на тех позициях, которые им самим угодно будет избрать!

...Прибыв в главную квартиру, Багратион откровенно высказал мысль, что янковская позиция во многих отношениях для генерального сражения не пригодна. К тому же вечером стало ясно, что французы, овладев селением Бергфрид, восточнее Янкова, настойчиво стремятся отрезать армию от сообщений с Россией. Беннигсен на этот раз с разумными доводами согласился. Русские войска двумя колоннами ночью же начали отступление к городу Прейсиш-Эйлау. Замысел Бонапарта снова был разрушен.

Багратион и Барклай де Толли были назначены начальниками арьергардов. Багратион стал позади одной отступающей колонны войск. Барклай защищал другую.

Первую ожесточенную схватку с французами арьергарду Багратиона пришлось выдержать под Вольфсдорфом. Здесь Денис впервые побывал под огнем. Хотя, как это часто случается с новичками, страдающими излишней горячностью и самонадеянностью, дело не обошлось без некоторого конфуза.

Накануне ночью возвратился Юрковский со своими казаками. Рассыпавшись в передней цепи, они с рассвета завязали жаркую перестрелку с неприятельскими фланкерами.

Денис знал, конечно, что задача арьергарда, в сущности, заключалась в том, чтобы, переходя с одной оборонительной позиции на другую, не ввя-

зываясь в общую битву, сдерживать напор наседающих французов.

Однако, услышав перестрелку, он загорелся таким страстным желанием принять участие в боевых действиях, что все благоразумные мысли исчезли. Вольфсдорфское поле, где шла перестрелка, начало казаться превосходной позицией, которую следует защищать во что бы то ни стало. Денис лихорадочно ожидал, что Багратион вот-вот пошлет его в один из полков с приказом «поддержать казаков», надеялся пристроиться к кавалерии и славно порубиться.

Между тем, стоя на одном из курганов близ Вольфсдорфа и видя, что неприятель выдвинул на ближние холмы основные силы и артиллерию, Багратион подозвал Дениса и, указав на видневшийся угол леса, занятого русскими егерями, хладнокровно сказал:

— Поезжай, голубчик Давыдов, туда... Передай полковнику Гогелю, чтоб немедля отступал к Дитрихсдорфу... Я тоже туда направляюсь... Время!

Дениса, ожидавшего наступательных действий, такой приказ обескуражил. Но делать нечего. Он вихрем помчался к егерям, выполнил поручение. В это время французы усилили огонь по русской передней цепи, введя в действие два орудия. Казаки и два-три взвода гусар, отстреливаясь, отходили к лесу, который собирались уже оставлять егеря.

Давыдову возвращаться обратно не хотелось. Свист пуль и шипящие звуки нескольких ядер, пролетевших над головой, действовали возбуждающе. В голове зародились сумасбродные мысли. Хорошо бы с казаками и гусарами ударить на неприятельских фланкеров, опрокинуть их, затем... Затем уже рисовалось совершенно несбыточное: егеря, увидев геройскую атаку, поддержат их, Багратион подкрепит всем арьергардом, потом даст знать Беннигсену... Словом, Денис представлял себя чуть ли не победителем самого Бонапарта!

Лицо одного из казацких урядников показалось ему знакомым. Ба! Да ведь это один из тех, кто привез в тулупе француза!

Денис подскакал к нему. Урядник, по фамилии Крючков, княжеского адъютанта узнал сразу.

— А что, брат, если б по ним ударить? — кивнув в сторону французских фланкеров, спросил Денис.

— Для чего ж нет, ваше благородие, — спокойно отозвался урядник. — Их здесь немного, справиться можно... И от пехоты своей мы недалеко, есть кому поддержать!

— Ну, подбивай на удар своих, а я примусь за гусар, — крикнул Денис, направляясь к скакавшему невдалеке офицеру, очевидно командиру одного из гусарских взводов.

Молодой гусарский подпоручик, по всей видимости, был в одинаковом настроении с Денисом. Они быстро договорились.

И вот казаки и гусары понеслись на неприятельских фланкеров. Денис, не помня себя, достал саблей одного француза, рубанул по руке другого. Сеча продолжалась недолго. Французов смяли, они пошли на уход. Казаки и гусары в запальчивости начали преследование и... вдруг увидели перед собой целый эскадрон неприятельских драгун с конскими хвостами, развевавшимися на гребнях шлемов.

Пришлось повернуть назад. «Исполинский» план Дениса рухнул! И хотя его сабля «поела живого мяса и благородный пар крови курился на ее лезвии», как вспоминал он впоследствии, все-таки было обидно. В плохом настроении, суровый, возвращался он к князю в Дитрихсдорф, куда стягивались все войска арьергарда.

День был тихий. Перепархивал легкий снежок. Откуда-то издалека доносились глухие звуки орудийной канонады. Денис ехал один лощиной. Поднявшись на пригорок, он неожиданно почти столкнулся с шестью французскими конными егерями, ехавшими навстречу. Мгновенно повернув коня, Денис помчался в обратном направлении. Французы выстрелили из карабинов. Одна из пуль попала в коня. Денис понял это по тому, как конь бешено рванулся вперед. Проскакав несколько минут, Денис подумал, что отделался от погони, повернул голову. Нет, францу-

зы настигали, обскакивая с двух сторон. Давыдов почувствовал неприятную дрожь в теле. Он окинул взглядом окрестность. В поле, до самого леса, из своих никого уже не было. «Неужели конец?» — промелькнуло в его голове. И он изо всех сил сдавил бока лошади шпорами.

Шинель, застегнутая у горла на одну пуговицу, раздувалась от ветра. Один из преследователей, желая, может статься, забрать русского офицера живым, ухватился за край шинели, но пуговица оторвалась и... шинель осталась в руках у француза. А Денис, не различая дороги, продолжал мчаться по опушке леса, где его подстерегала новая опасность: в этой местности, под снегом, лежала непроходимая топь. Сзади опять прозвучали выстрелы, и вдруг лошадь со всего маху провалилась в трясину, затем перевернулась на бок и, вздрогнув всем телом, издохла. Еще секунда, другая — и смерть или плен были бы участью Дениса. Но в этот момент из лесу с криком вылетел казачий разъезд, посланный Юрковским для наблюдения за неприятелем. Французы повернули обратно. Дениса в самом жалком виде, без шинели, грязного, в крови, казаки доставили к Юрковскому.

— О, мати господа! — воскликнул тот. — Да как же вас угораздило?

Денис рассказал обо всем, умолчав лишь про свои грандиозные замыслы. Они казались ему уже смешными. Юрковский дал лошадь из-под убитого гусара. Багратион, пожурив за опрометчивость, подарил бурку. И даже представил к награждению за схватку с неприятельскими фланкерами [13].

III

26 января утром, пройдя небольшой прусский городок Прейсиш-Эйлау, русская армия стала занимать позиции, избранные Беннигсеном для генерального сражения. Войска развертывались небольшим полукругом на холмистой равнине, лицом к городу, между селениями Шлодитен (правый фланг)

и Серпаллен (левый фланг). Главная квартира переместилась на мызу Ауклапен, расположенную прямо за центром войск.

Пока производились спешные приготовления к сражению, арьергард Багратиона, сдерживая усиливающийся натиск французов, медленно, с боями, отступал по большой дороге, приближаясь к Прейсиш-Эйлау. На случай прорыва неприятельских войск город, занятый пехотой Барклая, подошедшего сюда несколько раньше, готовился к обороне.

Получив приказ держаться весь день, чтобы дать возможность устроить армию, Багратион и Барклай хорошо понимали, как трудно этот приказ выполнить. Французскими войсками, имевшими большой численный перевес над всей русской армией, командовал сам Бонапарт. С ним были лучшие его, прославленные многими победами маршалы. Что могли сделать слабые арьергардные части, теснимые конницей Мюрата, корпусами Сульта и Ожеро, за которыми следовал с гвардией Бонапарт?

И все же, мужественно исполняя свой долг, Багратион и Барклай не помышляли ретироваться раньше времени.

Багратион не спал уже четвертые сутки. Под неприятельским огнем он держал себя совершенно спокойно. На лице ни тени волнения. Он даже шутил более обыкновенного, что делал всегда в минуты опасности.

Адъютантам князя тоже отдыхать не приходилось. Обязанности, возлагаемые на них, состояли главным образом в передаче приказов командирам отдельных частей арьергарда и поддержке постоянной связи с главной квартирой. Эти два вида деятельности различались между собой довольно резко. От адъютанта, скакавшего под огнем на передовую позицию, требовались прежде всего решительность, мужество. Адъютант, направлявшийся в главную квартиру, должен был обладать известными дипломатическими способностями. Не так-то просто добиться в штабе Беннигсена быстрого исполнения какой-нибудь просьбы!

Багратион чаще всего посылал в главную квартиру Грабовского и Офросимова, весьма искусных в тонком обращении со штабным начальством. Что же касается Дениса, то князь, быстро оценивший его старательность, инициативность, отвагу, побаивался, как бы излишняя горячность молодого адъютанта не привела в штабе к неприятным столкновениям.

Поэтому, к великому удовольствию самого Дениса, ему больше всех приходилось ездить к Маркову, Юрковскому, Ермолову и другим командирам частей, находившихся на передовой линии.

...Пушки ермоловской батареи грохотали беспрерывно, осыпая картечью наступающую густыми колоннами пехоту маршала Сульта.

В полдень, когда атаки французов особенно усилились, Денис поскакал к Ермолову с приказанием передвинуть орудия несколько в сторону, на возвышенный берег Тенкнитенского озера, расположенного в какой-нибудь версте от города.

Состояние ермоловской батареи было незавидное. В пороховом дыму, застилавшем окрестность, Денис разглядел несколько разбитых орудий, повсюду разбросанные трупы людей и лошадей. Земля была изрыта ядрами, залетавшими сюда все чаще и чаще. Добрая половина орудийной прислуги выведена из строя. И все же никакой растерянности на лицах оставшихся в живых не замечалось. Солдаты подносили снаряды и заряжали орудия с таким видом, будто в обычных условиях выполняли привычную работу. А в пехотном батальоне, стоявшем позади батарей, даже посмеивались:

— Чего хранцы горячку порют? Ермолов за себя постоит...

Сам Алексей Петрович, весь в пороховой копоти, быстро переходил от одного орудия к другому, охрипшим голосом приказывал:

— Жарьте картечью! Быстрее поворачивайтесь, ребята! Еще разок картечь!

На батарее, вынырнув откуда-то сзади, появился рослый, широкоплечий солдат, шея которого была

обмотана бинтами. Заметив солдата, Ермолов сдвинул брови, шагнул к нему.

— Ты зачем сюда, Кравчук? Кто позволил?

— Раны мои пустяшными оказались, ваше высокоблагородие, — отозвался солдат, — ничего мне не сделается...

— А лекарь что сказал?

— Они, известно... обождать велели... — невнятно пробормотал Кравчук и, быстро преодолев смущение, с неожиданной силой продолжил: — Душа-то сильнее ран болит, ваше высокоблагородие... Я пятнадцать годов в солдатах. В суворовских походах бывал, понимаю, что делается... Их, — он кивнул в сторону французов, — коли тут не окоротить, они и до России дойти могут... Не за тридевять земель граница наша! Как в лазарете валяться, ваше высокоблагородие?.. Дозвольте к орудию стать...

— Ладно, становись, что с тобой поделаешь! — махнув рукой, сказал Ермолов.

И, подойдя к Денису, вытирая рукавом шинели лицо, сказал:

— Вот они, солдаты российские, брат Денис! Кравчука сегодня утром осколками сильно задело. Поранило и грудь и шею. Другой бы, пользуясь случаем, недели две из лазарета не вышел, а этот сделал перевязку да сюда... Орел! А доводы каковы? Слышал?

— Суворовской закалки, почтеннейший брат...

Денис не договорил фразы. Над батареей низко, со свистом пронеслось ядро. Следом другое, третье. Ермолов проводил их равнодушным взглядом, вздохнул:

— Да... Тяжело у нас... Три атаки французов отбили, а они снова лезут как окаянные! Ну, а ты с чем пожаловал?

Денис сообщил приказ. Ермолов ответил:

— Передай, через час там буду... Да скажи князю, что лед на озере замерз крепко, кавалерию бы в обход по озеру пустить... Эх, да ведь не выпросишь, пожалуй, у наших немцев! — махнув рукой, с доса-

дой добавил он. — Они теперь диспозициями заняты, им на нас наплевать... Ну, прощай, некогда!

А между тем Багратион, наблюдая за общим движением неприятельских сил, сам превосходно видел, как необходим сейчас кавалерийский удар с фланга. Багратион послал уже Офросимова в главную квартиру, хотя не очень-то надеялся, что удастся получить кавалерию из резерва.

Увидев перед собой пылающее от легкого мороза и возбуждения лицо Давыдова, еще не дослушав Дениса, князь подумал: «А что, если послать этого молодца? Не беда, что горяч. Может быть, как раз это сейчас и нужно... Теперь не до церемоний!» И, обратившись к Давыдову, сказал:

— Слушай, душа моя... Я отправил в главную квартиру Офросимова, но боюсь, что дело затянется. А положение тебе известно. Времени нет. Скачи туда сам, найди Офросимова... И чтоб через час кавалерия была. Добивайтесь любыми средствами. Понимаешь?

— Будет исполнено, ваше сиятельство! — воскликнул Денис, радостно блеснув глазами.

Багратион улыбнулся:

— Так поезжай с богом! Надеюсь, голубчик! — И, посмотрев в глаза Денису, предупредил: — Смотри ж, однако, голову не закладывай... В драку не лезь!

Да, это поручение было потрудней других. В штабе Беннигсена, помещавшемся в просторном помещичьем доме на мызе Ауклапен, к просьбам начальника арьергарда относились равнодушно. Сам Беннигсен поехал осматривать позиции. А штабные работники, в большинстве немцы, в самом деле занимались составлением каких-то бумаг, попыхивали сигарами и, пожимая плечами, цедили сквозь зубы:

— Резервы трогать нельзя... Это есть непорядок!

Офросимов, не успевший ничего еще сделать, сказал Денису, что все советуют обратиться к дежурному генералу Петру Александровичу Толстому. Один из любимцев и доверенных лиц императора, этот генерал, используя свое положение, вмешивал-

ся во все дела. Толстой занимал отдельный флигель. Офросимов и Денис направились туда вместе.

Сорокалетний генерал, с одутловатым сердитым лицом, сидел в кабинете за превосходно сервированным столом и завтракал. Он окинул вошедших адъютантов Багратиона недобрым взглядом и, не дослушав Офросимова, продолжая кушать котлетку, крикнул:

— Да что надобно князю? Он хочет вытребовать всю армию в свой арьергард! Если он с тем, что имеет, не может удерживать неприятеля, то что это за генерал!

— Осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство, неприятель ввел в действие не менее трех корпусов, — заметил Денис, стараясь держаться почтительно, хотя чувствовал, что от негодования кровь бросилась в лицо.

— Что же из этого следует? Что? — перебил Толстой, начиная раздражаться. — Арьергард обязан исполнять свой долг... Да-с! И, полагаю, обстоятельства не так затруднительны, как вы рисуете. Французские войска ослаблены длительным маршем. Надо проявлять больше смелости... Извольте передать князю, чтоб на резервы не рассчитывал!

Денис, словно ошпаренный, выскочил из флигеля. И долго не мог успокоиться.

— Черт знает что творится! — бормотал он, сжимая руку Офросимова. — Ты пойми, там умирают, а здесь...

— Здесь свои порядки, мой милый, — перебил его Офросимов, — нам с тобой их не переделать... Давай подумаем хладнокровно, что предпринять дальше.

— И думать нечего! Едем искать Беннигсена! А если не дадут добром, я сам подговорю какой-нибудь полк...

И Денис, не докончив фразы, опрометью побежал к своей лошади, стоявшей у подъезда дома. Офросимов последовал за ним.

К счастью, Беннигсена искать пришлось не долго. Окруженный большой свитой, главнокомандующий возвращался в главную квартиру. Увидев его на до-

роге, Денис и Офросимов, пришпорив лошадей, помчались навстречу галопом. Беннигсен, признав в скачущих всадниках адъютантов Багратиона, забеспокоился. Тонкие губы его свела легкая судорога. Понял: случилась какая-то неприятность. А Денис, подскакавший первым, был в таком возбужденном состоянии, что на лицах свитских генералов и офицеров тоже отразился невольный испуг.

— К вашему высокопревосходительству от князя Багратиона, — срывающимся звонким голосом крикнул Денис. — Неприятель двинул главные силы! Держаться невозможно!

— Что же нужно князю? — спросил встревоженный главнокомандующий.

— Кавалерия! Представляется удобный случай ударить с фланга, ваше высокопревосходительство. По льду Тенкнитенского озера. Это единственный способ задержать...

— Хорошо, хорошо, — перебил Беннигсен, — возьмите моим именем два полка... Кажется, у Шлодитена стоят драгуны и уланы... И передайте князю, что я пришлю еще пехотную дивизию... Держаться у города необходимо до последней возможности, армия еще не устроена...

Через полчаса Петербургский драгунский полк на рысях подходил к мызе Грингофшен, близ города, куда отступали арьергардные части. Рядом с огромным усатым полковником Дегтяревым ехал торжествующий, разрумянившийся Денис. Следом подходил Литовский уланский полк, взятый Офросимовым. По правде сказать, Денис надеялся, что теперь князь не откажет ему в разрешении отправиться с драгунами дальше. Однако Багратион, сердечно поблагодарив адъютантов, просьбу Дениса решительно отклонил:

— Не могу, голубчик... видишь, что делается! — указал он на громады неприятельских войск, спускавшихся с высоток к городу. — Мне здесь каждый человек дорог!

Вскоре началось ожесточенное сражение за город. Драгуны Дегтярева и уланы, перейдя озеро,

опрокинули два французских пехотных полка. Одновременно ударили в штыки мушкетеры генерала Багговута. Наступление неприятельских войск немного задержали. Им лишь в сумерках удалось прорваться к городу. Но здесь они были встречены жестоким огнем стрелков Барклая, засевших в садах и строениях. Завязался упорный бой. Теснимые превосходящими силами противника, сражаясь врукопашную на улицах, русские медленно выходили из города. В это время генерал Барклай был ранен: осколком снаряда ему раздробило кость правой руки. Его отправили в главную квартиру.

Уже совсем стемнело, когда к городу, почти полностью занятому неприятелем, подошла, наконец, пехотная дивизия, обещанная главнокомандующим. Встретив ее при подходе к городу, Багратион, подскакав к передней колонне, крикнул:

— Возьмем обратно город, ребята! Рано неприятелю в теплых домах нежиться! Пусть в поле ночует!

И, сойдя с лошади, обнажив шпагу, князь пошел впереди войска, чуть заметно припадая на левую ногу. Над головой, шипя, проносились ядра. Кругом свистели пули. Не доходя до первых городских строений, Багратион повернулся, крикнул:

— С богом, ребята! Ур-ра!..

Вздрогнула земля от мощного и грозного клича. Войска рванулись вперед. Со штыками наперевес, обгоняя друг друга, ворвались в город. Растерявшись от неожиданности, французы стали поспешно оставлять дома и улицы.

Багратион остановился близ городской ратуши. Была уже ночь. Выстрелы постепенно затихали. С обеих сторон города запылали бесчисленные костры. Русская и французская армии располагались на ночлег. Распустив войска арьергарда по местам, назначенным им по диспозиции, поручив охрану города командиру пехотной дивизии генералу Сомову, Багратион, оставшись без команды, отправился в главную квартиру.

День, необходимый для устройства русской армии, был арьергардом отвоеван.

IV

Рассветало... Багратион, ночевавший со своими адъютантами в одном из сараев мызы Ауклапен, давно уже, заложив руки за голову, лежал с открытыми глазами. Было горько и обидно сознавать, что его, боевого генерала, в день решительного сражения посылают в резервные войска под команду генерала Дохтурова. Ничего лучшего Беннигсен не мог придумать! А может быть, лукавый, искусный в интригах немец умышленно отстраняет его от дела, боясь соперников в военной славе? Ну, да не такой сегодня день, чтоб думать о личных обидах... Да и Дмитрий Сергеевич Дохтуров славный, храбрый генерал. Надо исполнять, что приказали.

Багратион легко и быстро поднялся. Посмотрел на крепко спавших адъютантов, минуту помедлил. Жаль будить, да ничего не поделаешь.

— Пора вставать, други мои, — мягко и весело сказал князь. — Едем к Дохтурову.

Адъютанты вскочили сразу. Лица освежили снегом и одеколоном. Выпили вместе с князем по стакану любимой его мадеры. На все ушло не более десяти минут — такой порядок у Багратиона соблюдался всегда.

Узнав ночью, что князь назначен в резервные войска, Денис пришел в негодование. Любимого самим Суворовым генерала — в резерв! Багратиону предпочитают Сакенов, Эссенов и Корфов, многие из которых не слышали даже боевых выстрелов! Возмутительно! Разгорячась, Денис высказал товарищам много нелестных слов по адресу высокого начальства. Но... как спокойно держится сам Багратион! Собирается ехать к Дохтурову, привычно встал раньше всех, шутит, смеется, словно обида его и не коснулась. Этого Денис никак понять не мог! По его мнению, князю следовало отказаться от обидной должности, писать жалобу государю, вообще протестовать всеми способами. «Хорошо бы поговорить по душам с Ермоловым», — мелькнула неожиданная мысль, вызвав желание повидаться с братом Але-

ксеем Петровичем. Ермолов находился сейчас на правом фланге, где было установлено двадцать оставшихся в целости пушек его батареи. «Все равно утром резервы вряд ли введут в действие, — размышлял Денис, — а посмотреть, как начнется сражение, интересно...»

Багратион на этот раз в просьбе не отказал:

— Хорошо, поезжай... Кланяйся Алексею Петровичу. Да, кстати, узнай, в каком положении его орудия. Только не задерживайся, душа моя.

Денис поблагодарил и помчался на правый фланг. С небольшой возвышенности, куда он поднялся, открылась изумительная картина. Выпавший ночью снег словно пушистым ковром покрыл поле предстоящего сражения. В синем утреннем рассвете отчетливо различались дымившиеся еще костры биваков, но русские войска строились уже в боевой порядок. Было тихо. Легкий теплый ветерок изредка кружил по полю пролетный снег.

Денису было известно, что ночью, из-за беспечности генерала Сомова, французы опять заняли город. Зоркими глазами Денис разглядел, что у передних городских строений шевелится неприятельская пехота, выдвигаются орудия. «Ну, скоро, пожалуй, начнется», — подумал он, пришпоривая лошадь.

Найти Алексея Петровича Ермолова было нетрудно. Артиллерия правого фланга, состоявшая из сорока батарейных орудий и двадцати легких пушек, находилась впереди войск, близ селения Шлодитен. Когда Денис подъезжал сюда, он не знал, что главнокомандующий отдал уже приказ открыть огонь из всех орудий правофланговой батареи. Оставив лошадь у коновязи одного из гусарских эскадронов, стоявших на окраине селения, Денис отправился дальше пешком, как вдруг раздался оглушительный орудийный залп и сейчас же со стороны города ответили французские пушки. Началась сильная артиллерийская стрельба. Добежав до невысокого кургана, где стояли ермоловские орудия, Денис ничего уже отсюда разглядеть не мог: все потонуло в пороховом дыму.

Ермолов был сегодня в лучшем настроении, чем вчера. И хотя залетавшие на курган ядра выводили из строя людей, Алексей Петрович распоряжался хладнокровно, с исключительным спокойствием.

— Ты зачем здесь? — удивился он, встретив Дениса.

— Посмотреть, как другие дерутся, почтеннейший брат... Отпросился у князя. А то и сражение кончится — ничего не увидишь. Мы же в резерве!

Ермолов ответить не успел. У одного из орудий со страшным громом и треском разорвалось неприятельское ядро. Алексей Петрович, махнув рукой, побежал туда.

Через несколько минут загрохотали семьдесят орудий центральной батареи, расположенной в полуверсте от батареи Ермолова. Канонада усилилась и с неприятельской стороны. Над полем плавали густые дымные тучи. Но на ермоловский курган ядра стали залетать все реже, очевидно французы сосредоточили огонь на центре и левом фланге.

Неожиданно погода резко изменилась. Подул порывистый ветер. Начался сильный снегопад. Закрутилась метель. В двух шагах ничего нельзя было разглядеть. Канонада сразу затихла. Ермолов тоже прекратил бесцельную стрельбу.

— Вот погодка! Прямо светопреставление! — сказал Алексей Петрович, подойдя к Денису, укрывшемуся от снега за пустыми снарядными ящиками.— В такую пору и до греха недалеко. Можно своих побить... — Он помолчал и заговорил о другом: — Так ты говоришь, что в резерве теперь... Слышал, слышал! Нечего сказать, нашли местечко для князя Петра Ивановича... А что поделаешь? Беда, Денис, старая... Вечно чужеземцы ноги нам путают... Вспомни Суворова...

— Я одного не понимаю, — сказал Денис, — почему же князь молча обиду терпит?

— Эх, брат любезный! — вздохнул Ермолов. — Плохо, я смотрю, Багратиона ты знаешь... Храбрых и горячих генералов у нас много. А князь Петр Иванович тем над ними возвышается, что свои обиды

забывать умеет, когда о чести и славе отечества токмо помышлять надлежит. В этом все дело! Сам сообрази...

Ермолов не договорил. Произошло невероятное...

Метель как-то вдруг стихла. Небо прояснилось. Прямо перед центральной батареей стояли плотные колонны войск в синих мундирах.

— Французы! — вскрикнул, подскакивая от изумления, Денис.

— Кой черт их сюда принес? — удивился и Ермолов. — Заблудились, наверное!

Пушки центральной батареи полыхнули огнем. Еще и еще! Французы зашевелились, попятились В одно мгновенье несколько русских пехотных батальонов, стоявших в центре, наклонив штыки, ринулись в атаку. Двадцать тысяч человек схватились грудь с грудью. Стрелять из орудий было невозможно. Слышался лишь невыразимый гул, лязг и скрежет. Наконец французы не выдержали, стали поспешно отступать. В погоню за ними помчалась кавалерия.

Затаив дыхание Денис лихорадочно блестевшими глазами наблюдал это потрясающее зрелище. Увидев толпы бегущих французов, он подумал, что теперь, пожалуй, исход всего сражения предрешен и, повернувшись к Ермолову, воскликнул:

— Какая блистательная победа! И как быстро с ними управились!

— Подожди, до победы еще далеко, — отозвался Алексей Петрович.

Лицо его было пасмурно. Он неотрывно смотрел на позиции, занимаемые главными силами русской армии. Там не замечалось никакого движения. И это обстоятельство беспокоило Алексея Петровича больше всего.

— Французы наскочили на нас по какой-то случайности, — продолжал он, — но чтоб этот благоприятный для нас момент принес ощутительную выгоду, необходимо немедленно, сейчас же поддержать наступление главными силами. А Беннигсен не решается и упускает победу из своих рук!

С досады Ермолов сердито и зло выругался.

На Дениса слова Ермолова подействовали отрезвляюще. В самом деле, нерешительность Беннигсена была очевидна. Русские войска не собирались трогаться с места. На душе у Дениса стало смутно. И опять, как во многих других случаях жизни, в памяти невольно всплыл незабываемый образ любимого полководца.

— Эх, был бы с нами Суворов! — подавляя вздох, высказал он вслух свою мысль.

Ермолов сочувственно кивнул головой:

— Да, тогда бы разговор совсем другой был...

...Бонапарт находился в самом мрачном настроении. Он стоял на возвышенной окраине города, у кладбищенской церкви. Прибыв сюда рано утром и впервые увидев русскую армию, построенную для сражения, он сразу понял, какую крупную ошибку допустил. Полагая, что русская армия будет отступать к Кенигсбергу, не ожидая генерального сражения, он распылил свои силы. Корпус маршала Нея был направлен для преследования прусского шеститысячного отряда генерала Лестока, находившегося в десяти-двенадцати верстах от правого фланга русской армии. Корпус маршала Даву ночевал в пятнадцати верстах от левого фланга. Корпус Бернадотта, сбитого с толку Багратионом, еще не подошел, на его содействие нельзя рассчитывать.

Послав адъютантов к Нею и Даву с приказом немедленно идти к Эйлау, Бонапарт не спешил начинать битву, хотя располагал войсками, по численности не уступавшими русским. Бонапарт давно уже имел возможность убедиться, что русские сражаются с мужеством необыкновенным. Ожесточенное сопротивление арьергарда Багратиона, которого хорошо помнил еще по шенграбенскому делу, прямо-таки изумляло.

— Это лучший генерал русской армии, — отзывался он о Багратионе.

Надеяться на легкую победу, как бывало в Австрии и Германии, не приходилось. Лишь получив известие, что войска Даву скоро прибудут,

Бонапарт решился на боевые действия. Он приказал корпусу Ожеро атаковать левый русский фланг, куда с другой стороны должен был подойти Даву. Но войска Ожеро, застигнутые внезапной метелью, сбившись с дороги, угодили под русские пушки... И не прошло одного часа, как прискакали адъютанты со страшным известием:

— Корпус разбит... Сам Ожеро тяжело ранен! Командиры дивизий — генералы Дежарден и Гёделе убиты!

А вскоре показались разрозненные, жалкие остатки корпуса, преследуемые по пятам русской пехотой и кавалерией.

Бонапарт содрогнулся. Опасность угрожала уже ему самому. Один из русских гренадерских батальоном, увлекшись погоней, приближался к кладбищу. Бонапарт ясно видел красные озлобленные лица рослых гренадер, бежавших со штыками наперевес. Еще одна минута — и все будет кончено...

— Пошлите гвардию, накажите их за дерзость,— отрывисто и зло приказал Бонапарт, обращаясь к Бертье.

Оставленные Беннигсеном без поддержки, несколько русских батальонов, преследовавшие французов, гвардейской атаки не выдержали и отступили. Конница Мюрата и гвардейская кавалерийская дивизия Бессьера, прорвав боевую линию, пронеслась до русских резервов. Но вскоре снова поступили неприятные известия. Не сдержав кавалерийской атаки, русская пехота все же с поля не бежала. Пехотинцы ложились на землю, пропускали кавалерию, затем поднимались и стреляли ей в тыл. Гвардейская дивизия Бессьера, встретив жестокий огонь русских резервов, повернула обратно. Генералы д'Опу и Корбино были убиты.

Бонапарт нетерпеливо поджидал подхода войск маршалов Нея и Даву. Он не знал, что его адъютант Евгений де Монтескью, посланный к Нею, захвачен казаками и надеяться можно лишь на Даву, войска которого и подошли в полдень. Бонапарт оживился. На первых порах Даву удалось потеснить с левого

фланга русских. Однако через час французы снова были отброшены, причем русские чуть не захватили всю артиллерию Даву.

Бонапарт оставался на месте. Русская артиллерия усиливала огонь. Пехота, стоявшая позади кладбища, несла огромные потери. И только присутствие императора удерживало войска от бегства.

Ветки деревьев, сбитые ядрами и картечью, сыпались на голову Бонапарта. Вокруг лежали трупы офицеров и солдат. Адъютанты продолжали доставлять сведения о потерях... Какой страшный день!

— Ну, Бертье, что вы думаете о наших делах? — стараясь сохранить спокойный тон, спросил Бонапарт.

— Мы удерживаем все свои позиции, ваше величество, — дипломатически ответил начальник штаба.

— Да, но к русским, кажется, подошли подкрепления, а у нас уже мало снарядов. Ней не является. Бернадотт далеко. Кажется, лучше идти своим навстречу...

Последняя фраза не оставляла никаких сомнений. Император признает сражение неудачным, думает об отступлении. Бертье промолчал. Спускались сумерки. Канонада продолжалась.

...Денис возвратился в Багратиону в тот момент, когда князь вместе с Дохтуровым объезжал резервные войска, еще не принимавшие участия в сражении. Маленький, толстенький, застенчивый Дохтуров высоко ценил и любил Багратиона, соглашался со всеми его замечаниями. Получив донесение, что казачьи разъезды выследили движение к левому флангу неприятельских колонн, Дохтуров и Багратион устраивали свои войска таким образом, чтобы была возможность быстрее оказать помощь левому флангу. В то же время, предчувствуя неизбежность атаки французской кавалерии, Багратион распорядился приблизить конницу резерва, находившуюся под общим командованием генерала Чаплица, поставив ее в березовой роще, близ мызы Ауклапен. Среди этих войск находился Елизаветградский гусарский полк, командование которым принял полковник Юрков-

ский, несколько эскадронов павлоградских гусар и казачьи полки.

Как только кавалерия Мюрата и Бессьера приблизилась к первой линии, Багратион послал Дениса с приказом к Чаплицу ударить на французов.

Увидев оживленных, готовых к бою гусар, услышав с детства знакомые слова кавалерийской команды, Денис с неожиданной остротой почувствовал неудовлетворенность своим положением. Нет, разумеется, он очень дорожил близостью к Багратиону, привязанность к которому росла с каждым днем, он знал также, что как адъютант выполняет нужную и весьма ответственную работу, но все же с какой бы охотой он примкнул сейчас к гусарам и вместе с ними полетел бы в горячую схватку! «У них все ясно и просто, — думал Денис. — И никому никакого дела нет, какие диспозиции сочиняет Беннигсен... И, наверное, никто даже не представляет себе общего положения таким, какое оно есть. Порубился с неприятелем, выполнил приказ, да и отдыхай! Нет, если б не служил при Багратионе, дня одного не остался бы в адъютантах».

— Давыдов! — окликнул его знакомый голос, когда он проезжал мимо одного из эскадронов павлоградских гусар.

Денис приостановился. К нему подскакал сияющий и возбужденный Степан Храповицкий.

— Ну что? Скоро нам в дело вступать? — спросил он, догадываясь, зачем скачет сюда адъютант Багратиона.

— Скоро, скоро, сейчас распоряжение передам,— ответил Денис, завистливо поглядывая на гусара.

— Вот спасибо! А то надоело стоять! Руки чешутся! — улыбаясь и подкручивая по привычке рыжие усики, сказал Храповицкий. — А вы что же? Все время при князе?

— Да, при князе Багратионе, — холодно произнес Денис, подчеркивая фамилию и тем давая понять, что он не принадлежит к числу обычных адъютантов.

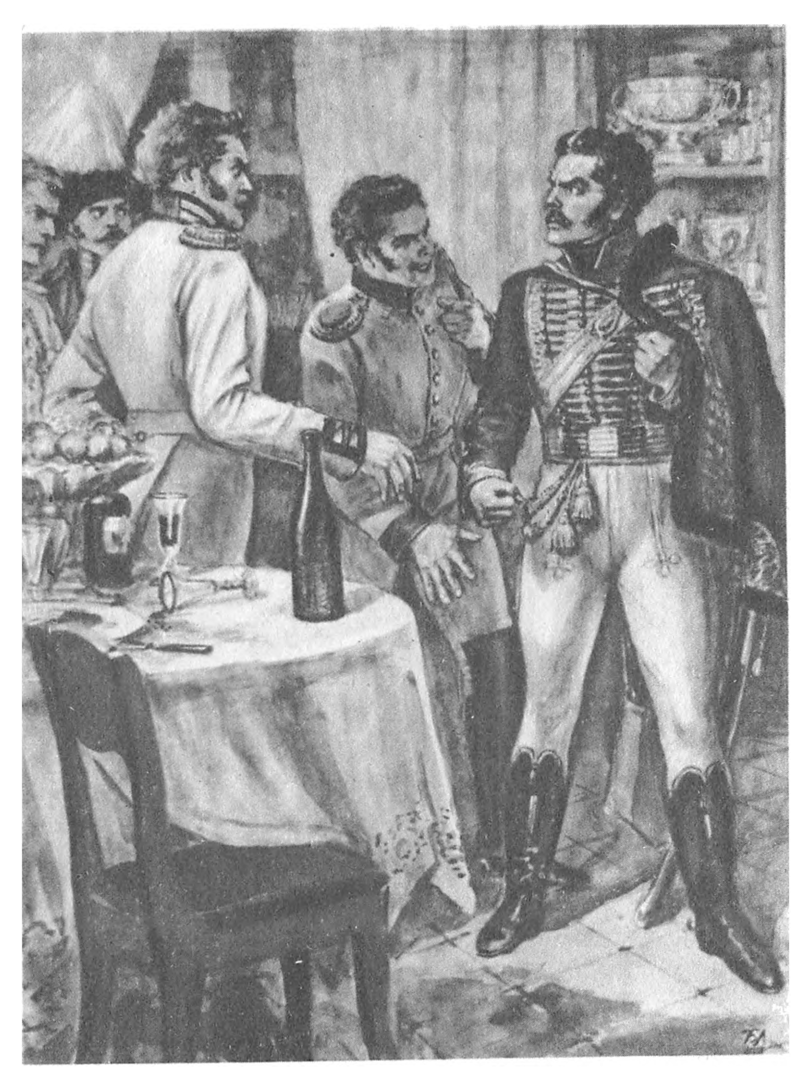
И, попрощавшись, поскакал дальше, злясь на себя, что так нелюбезно обошелся с дружески расположенным к нему гусаром. Причина же этой нелюбезности заключалась в том, что Денису хорошо было известно неприязненное отношение гусар к «адъютантикам». Вопрос Храповицкого показался обидным. «Но ведь ему известно, что я состою не при каком-нибудь штабном, а при самом боевом генерале и, наверное, он не думал меня обижать, — размышляя, укорял себя Денис. — Надо будет обязательно съездить к нему, загладить свою резкость...» А на душе по-прежнему было смутно.

Спустя каких-нибудь пять минут гусары и казаки, вылетев из рощи, дружно ударили с фланга на гвардейцев Бессьера, прорвавшихся почти до пехоты резерва. Впереди елизаветградских гусар на бешеном вороном жеребце скакал полковник Юрковский.

— Руби их в пе́си! Круши, хузары! — сверкая глазами, кричал он, врезаясь в неприятельские ряды и с непостижимой ловкостью действуя саблей.

Вскоре французские конные гвардейцы отхлынули назад, преследуемые гусарами и казаками. Но на гребне высот, примыкавших к русскому левому флангу, показались войска маршала Даву. Бонапарт послал ему на помощь пехотную дивизию Сент-Илера, несколько кавалерийских, а также остатки разбитого корпуса Ожеро. Французы наступали густыми массами. Небольшой отряд генерала Багговута и дивизия генерала Николая Михайловича Каменского, сына фельдмаршала, отошли от Серпаллена к центру. Войска резерва вступили в сражение. Но силы были не равны. Французам удалось занять Крегскую гору, господствующую над местностью, а затем зажечь мызу Ауклапен.

В это время осколком снаряда был тяжело ранен генерал Дохтуров. Командование принял Багратион, опять в минуту опасности оказавшийся во главе войск, принимавших на себя всю тяжесть неприятельского удара. Багратион повернул резервы лицом к неприятелю и начала контратаку.

К стр. 91

Денис поскакал к Беннигсену за подкреплением. Штаб главнокомандующего расположился на безопасном правом фланге. Несмотря на это, в штабе чувствовалось смятение.

Беннигсен разрешил перебросить с правого фланга на левый все легкие орудия, обещал прислать на помощь подходивший прусский отряд генерала Лестока, но основные силы центра и правого фланга, стоявшие в бездействии, трогать запретил. Распоряжения главнокомандующего сводились к одному — отразить нападение. Наступательных действий он остерегался, хотя Багратион ручался, что при надлежащей поддержке опрокинет войска Даву.

— Мы даем сражение оборонительное, — говорил Беннигсен, — не будем выходить за рамки предусмотренных в таких случаях операций.

Денис окончательно убедился, что при таком главнокомандующем о победе нечего и мечтать. Возвращаясь обратно, выполняя под огнем поручения Багратиона, он всюду видел чудеса храбрости, самопожертвования, героизма русских воинов и отдельных начальников, часто на свой страх и риск производивших контратаки. Видел величественного Багратиона, показывающего всем пример хладнокровия и бесстрашия; видел, как Ермолов, прискакавший на помощь пехоте, поставил впереди войск пушки и осыпал брандкугелями французов, засевших на мызе Ауклапен; видел, как генерал Каменский водил свою дивизию в штыковую атаку. Усилия некоторых начальников и героизм русских солдат принесли известные результаты: французы к вечеру оставили и Крегскую гору, и мызу Ауклапен, и другие взятые ими в начале сражения позиции. Бой окончился вничью. Обе армии, понеся огромные потери, остались на прежних местах.

Однако Денис, как и многие другие участники сражения, понимал, что день обещал полную, решительную победу. И упущена она лишь потому, что русскую армию возглавлял плохой главнокомандующий, а штаб состоял из бездарных и трусливых людей, не знавших даже русского языка. Денис Ва-

сильевич все сильнее и сильнее проникался ненавистью к этим господам, парализовавшим успешные действия русских войск.

Наступила ночь. В штабе Беннигсена подсчитывали убитых и раненых, осматривали знамена, взятые у французов, готовили списки отличившихся. Беннигсен отправлял курьеров в Петербург с радостным известием о победе, одержанной им над Бонапартом.

И вдруг на правом фланге послышались ружейные выстрелы. Подошли два легких пехотных полка из корпуса Нея. Правда, войска правого фланга, не принимавшие участия в битве, немедленно отбросили их назад, но испуг, охвативший штабных господ, был так велик, что поднялась настоящая паника.

— Французы заходят с тыла! Нас окружают! Надо немедленно отступать! — кричали в страхе штабные чиновники.

Беннигсен дрожащей рукой подписал приказ о немедленном отступлении всей армии по Кенигсбергской дороге. Войска, ропща и негодуя, стали спешно строиться в колонны, хотя никакая опасность не угрожала. Французская армия была так обессилена, что не могла сделать ни одного шага.

Узнав о приказе Беннигсена, Бонапарт удивился едва ли не больше всех. Он сам собрался отступать, но теперь, конечно, все распоряжения на этот счет были отменены. В Париж поскакали гонцы с известием о блестящей победе, одержанной императором над русскими. Впрочем, обмануть общественное мнение Бонапарту на этот раз не удалось.

«Нерешительность Эйлауского сражения вызвала в Париже невероятную тревогу, — записал современник. — Враги империи под личиной скорби не могли скрыть радости о народном бедствии. Государственные фонды значительно понизились».

А через два года Бонапарт, прогуливаясь в Шенбруннском парке с ротмистром Чернышевым, посланцем императора Александра, признался:

— Я назвал себя победителем при Эйлау только потому, что вам самим угодно было отступить...[14].

V

Простояв девять дней под Прейсиш-Эйлау, французы все же вынуждены были отступить в западном направлении. Десятки тысяч неубранных трупов, лежавших на поле битвы, возбуждали в солдатах мрачные мысли. Провиант, взятый с собой, кончался. Пруссия дотла разорена. Госпитали переполнены тяжелоранеными.

Переехав в замок барона Финкенштейна, близ Остероде, Бонапарт писал оттуда своему брату Жозефу:

«Чиновники моего штаба, полковники, офицеры не раздевались в продолжение двух, а другие — четырех месяцев (я сам не снимал сапог целые две недели), валяясь на снегу и в грязи, без хлеба, без вина и водки, питаясь картофелем и мясом, двигаясь взад и вперед усиленными маршами, сражаясь на штыках и весьма часто под картечью, отправляя раненых в открытых санях за двести верст. Мы ведем войну во всем ее ужасе».

Положение французской армии было столь бедственным, что Бонапарт решился даже предложить Беннигсену перемирие. Тот отказался, заявив, что «император Александр поручил ему сражаться, а не вести переговоры». Бонапарт занялся формированием новых корпусов, деятельной подготовкой к весенней кампании.

Русская армия, отошедшая к Кенигсбергу, вновь двинулась за неприятелем. Казачьи полки, поступившие под команду атамана Матвея Ивановича Платова, находились в авангарде и каждый день отбивали у французов транспорты, орудия. За короткое время захватили в плен тридцать офицеров и две тысячи двести солдат. Главнокомандующий, видя успешные действия Платова, усилил его отряд Гродненским и Павлоградским гусарскими полками.

Пользуясь тем, что Багратион уехал по делам армии в Петербург, Давыдов стал частенько наведываться в платовский отряд. Денис восстановил дружеские отношения с Храповицким, привлекавшим его

своим удальством и откровенностью мыслей, не раз ночевал у Якова Петровича Кульнева, которого наконец-то произвели в подполковники. Кульнев командовал теперь батальоном гродненских гусар.

А однажды вместе с Ермоловым Денис побывал в гостях у самого Платова. Этот высокий, сутулый, седоусый генерал со скуластым лицом и хитроватыми глазами ходил в поношенном мундире, жил просто, по-казацки. Когда-то Платов служил в суворовских войсках, отличался большой храбростью, сметливостью. Дениса он интересовал давно. Ермолов же еще со времен костромской ссылки состоял с Платовым в приятельских отношениях.

— Старик иной раз нарочно прикидывается темным и грубым человеком, — говорил Алексей Петрович, — а ума у него — на двух других генералов. С ним и поговорить и поспорить всегда приятно.

Матвей Иванович квартировал на окраине небольшого селения, только что занятого донцами. Застали его за ужином. На большом непокрытом столе стояли два графина с водкой, кислая капуста, несколько головок лука, отварное мясо в глиняной миске. Платов в расстегнутом мундире сидел в красном углу, окруженный несколькими казачьими офицерами, и с аппетитом обгладывал большую баранью кость. Увидев вошедших, он сейчас же поднялся, вытер рот и руки холщовым полотенцем и, весьма довольный, трижды облобызал Алексея Петровича.

— Вот уважил, что навестил! Милости прошу! Завсегда гость дорогой.

Денису, которого видел как-то в главной квартире с Багратионом, Платов протянул жилистую руку. Но Ермолов тут же представил:

— Брат мой двоюродный, Матвей Иванович... Сын Василия Денисовича Давыдова. Прошу любить и жаловать.

— Царь ты мой небесный! — воскликнул Платов. — Свойственник, значит! Да ведь я и батюшку твоего знавал, — обратился он к Денису, — лихой и зубастый мужик был... Вон дело-то какое!

И тоже расцеловал Дениса, обдав его запахом водки и лука.

— Ну-тка, Фролов, сообрази, чем гостей потешить, — обратился Платов к одному из ординарцев. — Сам-то я водочку и капустку соленую ни на что не меняю, — пояснил он Ермолову, — а для дорогих дружков и заморскую кислятинку имеем...

Через несколько минут стол неузнаваемо преобразился. Казаки постелили великолепную французскую скатерть. Появился фарфор и хрусталь. Двое бородачей втащили целый ящик шампанского.

— Богато живешь, Матвей Иванович, — заметил Ермолов, — придется поближе к тебе держаться...

— Каждый день господь посылает, — пряча усмешку под усы, ответил атаман. — Солдаты ихние не жравши бредут, а в генеральских обозах чего только нет...

— Стало быть, вы теперь одним генералам и опасны, — не удержался от иронии Ермолов.

— А ты не шуткуй, не шуткуй, Алексей Петрович! — нахмурился Платов. — Я хотя у костромского попа, как ты, латыни не обучался, а мнение такое имею, что, не будь казаков, быть бы нынче Леонтию Леонтьевичу Беннигсену за рекою Неманом...

— Ну, это уж, пожалуй, лишку хватил, Матвей Иванович, — улыбаясь и подзадоривая атамана, сказал Ермолов. — Спору нет, легкая кавалерия помогает хорошо, да в современных войнах не она дело решает...

— Об этом я рассуждать не берусь, — перебил, горячась, Платов, — а знаю твердо: ежели бы казаки гонцов к Бернадотке да к Нею не перехватили, так супротив нас сорок тысяч лишних войск оказалось бы. Это как, по-твоему? — И, не дожидаясь ответа, неожиданно подморгнув Денису, атаман продолжил: — Теперича легкая кавалерия опять не без дела: за один день сегодня сотни три хранцев побито да поболе того в плен взято. А кабы послушал меня Леонтий Леонтьевич, позволил бы казаков небольшими партиями поглубже в тыл пускать, они бы давно всю армию Бунапартия ощипали.

Денис слушал старого атамана с большим интересом. После рассказа Храповицкого о поисках гусар под Морунгеном вопрос о действиях легкой кавалерии в неприятельском тылу не выходил из головы. Доказывая, что легкая кавалерия может иметь на войне бо́льшее значение, чем сейчас, Матвей Иванович сообщил множество любопытных историй. Доводы казались убедительными. Однако ясности все-таки не было. Денис знал, что по существующим правилам легкая кавалерия не должна выходить из состава боевой линии главной армии, что на казаков возлагается служба на аванпостах и действия наравне с линейными войсками. «Нарушение этих правил привело бы к ослаблению армии», — так рассуждали многие, даже Ермолов. Когда возвращались обратно, Алексей Петрович заметил:

— Матвей Иванович свое дело, конечно, знает превосходно, но верить ему наполовину следует. Он и пофантазировать и прибавить любит...

Зато Кульнев, узнав от Дениса о разговоре с Платовым, сказал:

— Я уже сам об этом подумывал... Легкая кавалерия — дело великое. По-моему, Матвей Иванович прав во многом.

В голове Дениса уже бродили смутные мысли... Но вскоре другие встречи и события отвлекли от них.

Приехал Четвертинский. Почти следом за ним, вместе с Багратионом, прибыл в армию и давно ожидаемый Николай Николаевич Раевский.

Четвертинский поразил своим видом. Обычно оживленное лицо его сделалось пасмурным. На лбу залегли морщинки. В запавших глазах отражалась печаль. При встрече даже не улыбнулся.

— Что с тобой случилось, Борис? — спросил встревоженный Денис, когда они остались вдвоем.

— Житейские неприятности, — мрачно отозвался Четвертинский, — не стоит говорить... Рассказывай, как сам живешь.

— Нет, я вижу, как ты страдаешь, и не могу оставаться спокойным. Ты же знаешь мои чувства к тебе...

Денис подсел к приятелю, взял его руку. Четвертинский был тронут и в конце концов признался:

— Подлость, подлость, голубчик Денис... Ну, ты уже, наверное, слышал, что государь близок к сестре... Я, признаюсь, сначала не верил, а потом вообще склонен был смотреть на это сквозь пальцы. Все светские дамы имеют связи, я не блюститель морали, это дело их личное. Но он сам... — понимаешь? — сам решил афишировать эту связь... И вот, можешь судить, каково мое положение! В глазах всех я теперь брат признанной фаворитки... Не более! Я словно потерял свое имя, чувствую всюду недвусмысленные взгляды. Мне стыдно смотреть на людей... стыдно бывать у сестры... служить трудно... Хочу проситься в отставку, уехать подальше от этих мерзостей...

Денис, как мог, старался ободрить товарища. Полагая, что Четвертинскому нужна встряска, уговорил его поехать вместе в Амт-Гутштадт, где стояла дивизия князя Щербатова, имевшая соприкосновение с авангардными частями маршала Нея. Командир дивизии позволил молодым адъютантам принять участие в небольшом сражении. И это в самом деле немного отвлекло Четвертинского от грустных мыслей.

Николай Николаевич Раевский, напротив, находился в самом благодушном настроении. Он всегда с большой симпатией относился к Багратиону, вместе с которым начинал службу в потемкинских войсках. Поэтому, когда князя вновь назначили начальником авангарда армии, Раевский охотно принял предложение взять под команду бригаду из трех полков егерей, входившую в состав авангарда.

Раевского радовал также подбор и других командиров авангардных частей. Генералы Марков и Багговут были известны ему с хорошей стороны. Ермолов, распоряжавшийся по-прежнему артиллерией, родственно и душевно близок с давних пор.

Пользуясь тем, что авангард формировался заново и адъютантские обязанности были ограничены, Денис почти ежедневно навещал Раевского. Иногда один, иногда с Четвертинским. Деятельно занимаясь служебными делами, Николай Николаевич находил

время и для шуток и для теплых дружеских бесед. Хотя вскоре настроение Раевского омрачилось. Причиной тому были неприятности, все чаще и чаще возникавшие в связи с плохим снабжением войск провиантом.

В начале марта главная квартира переехала в Бартенштейн, несколько южнее Прейсиш-Эйлау, а части авангарда продвинулись вперед на тридцать-пятьдесят верст, заняв селения, разоренные ушедшими недавно французами. Понятно, что достать здесь продовольствие и фураж было совершенно немыслимо, а провиантские чиновники, хорошо снабжавшие главную квартиру, на авангард не обращали никакого внимания, считая, что в авангарде «сами себя прокормят». Багратион неоднократно ездил объясняться с Беннигсеном, но тот отделывался обещаниями.

Между тем солдаты, не получая продовольствия, бродили по полям, выкапывали замерзшие, оставшиеся в земле овощи. Вспыхнули эпидемические заболевания. Кавалерийские и обозные лошади, которых кормили одной соломой с крыш, гибли сотнями. Дорога от авангарда до главной квартиры была устлана конскими трупами.

Тогда некоторые командиры, потеряв всякую надежду на правильное снабжение, стали силой отбивать транспорты с продовольствием и фуражом, следовавшие в главную квартиру или в другие части. Но с подобным самоуправством главнокомандующий расправлялся довольно сурово.

В бригаде Раевского произошел такой случай. Командир одного из батальонов, пожилой, заслуженный майор Колышкин, отбил из чужого транспорта для своих голодных солдат пять возов с хлебом. Об этом доложили Беннигсену. Тот отдал приказ: майора от службы отстранить и отдать под суд. Понимая, что поступок офицера вызван не какими-нибудь корыстными мотивами, а желанием накормить голодных солдат, Раевский решил, с позволения Багратиона, съездить в главную квартиру, ходатайствовать о смягчении наказания виновному. Де-

нис, имевший уже некоторые связи в штабе, отпросился у князя поехать вместе с Раевским.

Но никакие доводы на штабных господ не подействовали. Раевский, сопровождаемый Денисом, пошел к главнокомандующему. Беннигсен, занимавший просторный особняк, сидел в кресле у камина. Рядом находился неизменный его советник сэр Роберт Вильсон.

Выслушав Раевского, главнокомандующий поморщился и недовольным тоном произнес:

— Довольно странно, генерал, что вы находите возможным вступаться за мародеров, кои разлагают наши войска.

— Вашему высокопревосходительству известны обстоятельства, при коих совершен непозволительный поступок, — возразил спокойно Раевский. — На мой взгляд, эти обстоятельства смягчают степень виновности...

— Какие обстоятельства? Что вы имеете в виду?

— Отсутствие продовольствия во многих частях авангарда.

— Но я же сделал распоряжение... И мне известно, что вчера, например, хлеб вам отправили в достаточном количестве. Разве вы не получили?

— Получили... впервые за две недели, ваше высокопревосходительство, но в количестве недостаточном. Помимо этого, хлеб выпечен из овса и чечевицы...

— Знаю, знаю! — перебил, вставая, Беннигсен. — Мы вынуждены, правда, добавлять в муку горох, но все же хлеб выпекается превосходный.

Он подошел к окну, на котором лежали две румяные буханки, доставленные на пробу провиантскими чиновниками, и, разломив одну из них, обратился к Вильсону:

— Посмотрите, сэр, разве это плохой хлеб?

— Отличный хлеб, ваше высокопревосходительство, — не выпуская изо рта сигары, отозвался англичанин. — Мне кажется, что генерал слишком требовательно относится к солдатскому рациону.

Мускулы на спокойном лице Раевского дрогну-

ли, однако он сдержался. Окинув Вильсона презрительным взглядом, он обратился к Беннигсену:

— Хлеб, получаемый нами, никак не походит на представляемые вашему высокопревосходительству пробы. Чиновники вводят вас в заблуждение. Я сам присутствовал вчера при раздаче. Хлеб, доставленный нам, — невыпеченное и горькое тесто, малопригодное к употреблению. Я могу, если угодно, представить настоящие образцы.

— Пусть даже так, нужно потерпеть, — вмешался Вильсон. — Русский солдат известен своей неприхотливостью...

Раевский побледнел от гнева.

— Я говорю с главнокомандующим русской армии, сударь, — отчетливо выделяя каждое слово и с холодным бешенством глядя на Вильсона, сказал он.— О качествах русского солдата не вам судить, сударь...

— Вы забываетесь, генерал! — кривя тонкие губы, перебил Беннигсен. — Представитель союзного государства имеет право высказывать свое мнение.

— Но не делать оскорбительных замечаний, — продолжал негодовать Раевский. — Русский солдат более, чем солдат английский, нуждается в хорошем питании, ибо, насколько мне известно, солдаты английские еще не трогались со своего острова, чтобы выступить против общего нашего неприятеля, а кровь солдат русских обильно орошает поля сражений. Я считаю, что господину военному агенту делать замечания о качествах русских солдат при таких условиях совершенно непозволительно.

— Вы слишком много берете на себя, генерал, чтоб рассуждать о таких вещах, — сердито сказал Беннигсен.

— Так рассуждает вся армия, не видевшая на поле брани ни одного союзного британского солдата.

— Ну, хорошо, хорошо, — опять перебил Беннигсен, желая замять неприятный разговор. — Мы отклоняемся в сторону. Я прикажу пересмотреть дело

вашего офицера. Необходимые меры для улучшения снабжения авангарда также будут приняты. Что вам еще от меня угодно?

— Спасибо. Более ничего не имею, ваше высокопревосходительство.

И Раевский, отвесив с достоинством поклон главнокомандующему, не обращая внимания на англичанина, спокойно вышел из комнаты.

Денис был в совершенном восторге от Николая Николаевича. Осадить сэра Роберта Вильсона в присутствии главнокомандующего — на это не у каждого хватило бы мужества.

— Я опасаюсь только, почтеннейший Николай Николаевич, чтоб не вышло для вас какой-нибудь неприятности, — заметил Денис, когда они возвращались обратно.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — весело и беспечно отозвался Раевский. И вдруг взмахнул нагайкой, присвистнул и помчался вперед, держась в седле, как природный и лихой кавалерист.

Опасения Дениса не оправдались. Главная квартира ожидала в ближайшие дни прибытия гвардии и императора. Осложнять в такое время отношения с Раевским, имевшим некоторые связи, Беннигсену никак не хотелось. Да и за что же взыскивать с беспокойного и дерзкого генерала? За невежливое обращение с английским агентом? Но ведь ни для кого не секрет, что английское правительство, обещавшее при начале военных действий «удвоить усилия на пользу общего дела», не выполнило своих обещаний. Недобросовестными союзниками возмущались не только в армии, но и в Петербурге. Но главное, Беннигсен никак не желал, чтоб дело получило огласку, опасаясь расследования со стороны. Он состоял в тайной связи с интендантами, получал от них большие взятки, сам обкрадывал армию. При таких обстоятельствах лучше всего держаться миролюбиво...

Через два дня Багратион получил из главной квартиры изумившее всех решение. Майор Колышкин освобождался от следствия и суда, возвращался

в бригаду, отделавшись простым выговором. Снабжение авангарда продовольствием заметно улучшилось. Командиры и солдаты стали относиться к Раевскому с особым уважением.

VI

В начале апреля император Александр с огромной свитой прибыл в Бартенштейн. Одновременно подошла вся гвардия.

Денис понимал, что пребывание императора и окружавших его тунеядцев в главной квартире ничего доброго не предвещает, но все же, поехав повидаться с братом Евдокимом, был поражен тем, что увидел. Маленький прусский городок превратился в увеселительное место. Дома были заняты министрами, вельможами, знатными иностранцами. Многие из них приехали с женами и фаворитками. Кареты, коляски и обозы этих господ загромоздили дворы и улицы. День и ночь играла музыка. Устраивались пышные банкеты, балы, маскарады. Щедро раздавались чины и награды.

Желая щегольнуть боевым видом перед старыми приятелями-кавалергардами, Денис нарочно надел армейский мундир, украшенный первым орденом, полученным за Вольфсдорф. Но его наряд никакого впечатления не произвел. Кавалергарды развлекались, пили, сплетничали и к военным делам, казалось, относились с полнейшим равнодушием. Незнакомые гвардейцы косились и презрительно усмехались, глядя на армейского офицера. Знакомые провожали Давыдова сожалеющим взглядом.

В тот вечер кавалергарды давали бал, на котором должен был присутствовать государь. Евдоким и корнет Павел Киселев, квартировавшие вместе, тоже собирались на бал. Евдоким, оглядев брата, заметил:

— Эх, жаль, что ты в таком виде... Мы бы вместе отправились!

Денис хорошо знал, что армейским офицерам на подобные балы вход запрещен, и брат ничего особен-

ного не сказал, но все-таки слова его показались обидными.

— Я в этом мундире по крайней мере под неприятельским огнем бывал, — сердито произнес он. — И мне наплевать, как на меня смотрят!

— Да чего же ты сердишься? — с удивлением поглядел на него Евдоким. — Ведь тебе самому отлично известны порядки... Я-то при чем?

— Я про тебя не говорю, а вообще... Война идет, а у вас тут балы и черт знает что! Смотреть противно.

— Денис, голубчик, ей-богу, мы с Евдокимом готовы с тобой согласиться, но от этого все равно ничего не изменится, — сказал, улыбаясь, Киселев. — Давай-ка лучше выпьем шампанского за твои бранные подвиги, и расскажи что-нибудь интересное...

— Нет, правда, посуди сам, Киселев, — продолжал Денис. — Всем известно, что Бонапарт не спит и сегодня-завтра двинет против нас свою армию. А мы как готовимся? Ну, я понимаю, государь желает посмотреть и ободрить войска... это все хорошо... Да зачем же всякого сброду сюда напустили, зачем бедлам устраивать? Представь, как это на войсках отражается...

— Что верно, то верно, — серьезно отозвался Киселев. — У нас ни в чем чувства меры не знают.

— А потом сами будем локти кусать, да поздно! — добавил Денис. — Я вот о чем говорю!

Возвратившись обратно в авангард, Денис долго оставался в задумчивости. Очутившись в непривилегированных армейских войсках, с необычайным мужеством, в труднейших условиях отстаивающих честь отечества, он горячо полюбил эти войска, проникся к ним чувством глубокого уважения. Денис знал, что гвардия тоже иногда принимает участие в сражениях, памятна была атака кавалергардов на Аустерлицком поле, однако в большинстве случаев боевые действия гвардии были ограничены, носили парадный характер. Вся тяжесть войны лежала на армейских офицерах и солдатах.

Посещение Бартенштейна, где вместе с придворными веселились и гвардейцы, в то время как солдаты авангарда пухли от голода, оставило в душе Дениса тяжелый осадок. Правда, беспечная и разгульная жизнь гвардейцев еще манила его, но с нравственной стороны пребывание в армейских войсках он считал более почетным. Да и для развития военных дарований больший простор давала армия, а не гвардия. Багратион, Раевский, Ермолов, Кульнев, деятельность которых была связана с армией, несмотря на разницу в чинах и общественном положении, принадлежали, по мнению Дениса, к одной суворовской школе, тогда как развращенная близостью к императорскому двору гвардия, состоявшая под командой пристрастного к прусским военным доктринам великого князя Константина Павловича, представлялась теперь организацией другого типа. И Денис, не чуждавшийся никаких светских развлечений, любивший покрасоваться в парадном лейб-гусарском ментике, почувствовал, что отныне его фактическая связь с гвардией прекращается. Военные опасности и невзгоды привлекали больше, чем церемониальные марши. Денис бесповоротно решил избрать для себя суровый и кремнистый путь службы в действующей армии.

Бонапарт был занят осадой Данцига. Под стенами этой крепости стояло сорок тысяч французов. Остальные войска, неимоверно растянутые, оставались в бездействии. Наступать против русских до капитуляции Данцига Бонапарт не хотел. Беннигсену представлялась возможность взять инициативу в свои руки и быстро разгромить разрозненные французские корпуса, выдвинувшиеся вперед. Но Беннигсен от самых противоречивых советов бездарных свитских генералов совсем потерял голову. Его обычная нерешительность превратилась в трусость. Бонапарт, довольно проницательно разгадавший характер главнокомандующего русских войск, не замедлил воспользоваться этим.

В конце апреля, когда все окончательно удостоверились, что расположенный близ Гутштадта корпус маршала Нея оторван от главных сил французской армии, военный совет, собранный императором Александром, постановил атаковать этот корпус. 1 мая авангард Багратиона, находившийся в соприкосновении с противником, должен был первым завязать сражение. Одновременно с двух сторон предполагалось произвести нападение основными силами армии.

Утром 1 мая авангардные войска подошли к местечку Гронау. Сделав смотр и поблагодарив Багратиона за хорошее состояние войск, Александр остановился вместе с ним на опушке леса. Ждали сигнала главнокомандующего, чтоб начать сражение.

Денис, находившийся среди других адъютантов, смотрел на императора довольно равнодушно. От того восторга, который охватил его шесть лет назад при первой встрече с Александром, не осталось и следа. Теперь Денис знал, что этот рыжеватый и плешивый, сильно располневший за последнее время человек под обворожительной, щедро расточаемой улыбкой скрывает лицемерие и двоедушие расчетливого отцеубийцы. Конечно, скрывая свои истинные чувства, Денис поддерживал с офицерами обычный разговор о необыкновенных качествах доброго императора, но при этом видел, что многие офицеры произносят пышные фразы тоже неискренне, по необходимости.

Наконец показался главнокомандующий. Одетый в парадную форму, сопровождаемый адъютантами, Беннигсен скакал галопом, неуклюже держась в седле. Плохая посадка его давно уже служила предметом шуток для кавалеристов. И сейчас, глядя на приближавшуюся кавалькаду, некоторые не удержались от насмешек.

— Кажется, Леонтий Леонтьевич желает удивить нас бравым видом, — тихо шепнул какой-то генерал.

— А может быть, немного посмешить, — ответил другой. — Ему всегда недоставало быстроты и юмора.

Подскакав к императору, Беннигсен с испуганным лицом, дергая худой шеей, задыхаясь, доложил:

— Ваше величество! Только что получено известие... Бонапарт с главными силами спешит на помощь маршалу Нею...

— Так ли это, Леонтий Леонтьевич? — спросил с выражением досады на лице император. — Откуда у вас сведения?

— Доставлены лазутчиками. Один из наших солдат, бежавший ночью из плена, тоже подтверждает...

— И что же вы предлагаете?

— При сложившихся обстоятельствах необходимым считаю отменить атаку... Жду ваших повелений, государь!

Александр несколько минут колебался. Лицо его все более становилось злым и некрасивым. Видимо, вспомнил Аустерлицкое сражение, когда его самонадеянность привела к поражению. Взять на себя ответственность на этот раз не решился.

— Я вверил вам армию и не хочу мешаться в ваши распоряжения, — резко сказал он, не глядя на Беннигсена. — Поступайте по своему усмотрению!

Беннигсен наклонил трясущуюся голову. Император молча повернул лошадь. И в тот же день, сухо простившись с главнокомандующим отбыл в Тильзит.

Так бесславно закончился маневр, обещавший русским войскам несомненный успех. Сведения, испугавшие Беннигсена, как выяснилось позднее, оказались ложными. Понимая невыгодность своего положения, французы нарочно распустили слух о движении главных сил Наполеона и подстроили побег нескольким пленным. Бездарность и трусость Беннигсена всем стали очевидны. Он мастерски умел плести всякие интриги, уверил императора, что под Пултуском и Прейсиш-Эйлау одержал решительные победы, но как главнокомандующий допускал ошибку за ошибкой.

24 мая началось сражение с войсками маршала Нея близ Гутштадта. Потеряв около трех тысяч человек, французы отступили за реку Пасаргу, куда стягивались их главные силы. Через три дня сюда

прибыл Бонапарт, принявший командование всей армией.

Утром 28 мая по двум мостам французы начали обратную переправу через реку. Бригада легкой кавалерии генерала Гюйо, переправившись первой, заняла селение Клейненфельд. Генерал Раевский со своими егерями, подкрепленный несколькими казачьими полками, быстро окружил и уничтожил французов. Генерал Гюйо был убит. Но вскоре русские войска, по приказу Беннигсена, стали отступать к Гейльсбергу, где на другой день произошло первое большое сражение без видимых результатов для обеих сторон. Русские остались на своих позициях, во всех пунктах отразив неприятеля, который потерял свыше десяти тысяч убитыми и ранеными.

Тогда, не возобновляя нападения, Бонапарт послал корпуса Даву и Мортье на Кенигсберг, рассчитывая, что Беннигсен попытается спасти этот город, откуда снабжалась русская армия. Бонапарт не ошибся. Оставив удобные гейльсбергские позиции, русские войска четырьмя колоннами двинулись по направлению к Фридланду.

Второго июня, на рассвете, они начали переправу на западный берег реки Алле, стремясь выйти на кенигсбергскую дорогу. Но эта операция не удалась. Любимец Бонапарта маршал Ланн с несколькими дивизиями подоспел к Фридланду, открыл огонь. А спустя несколько часов сюда подошел с главными силами и Бонапарт. Французов собралось вдвое более русских. К тому же Бонапарт сразу обнаружил ошибку Беннигсена, сосредоточившего массу войск в излучине реки Алле. Французская тяжелая артиллерия не замедлила направить туда губительный огонь.

Русские, как всегда, сопротивлялись отважно. Багратион, Раевский, Багговут, Ермолов и другие командиры, находясь в опаснейших местах, ободряли войска, поддерживали порядок. Кавалерия, ударив с флангов, опрокинула некоторые дивизии корпусов Ланна и Нея. Тем не менее удержаться русским не удалось. К вечеру половина армии была потеряна.

Сражение проиграно. Началось поспешное отступление на Тильзит.

...Ночь была теплая, звездная. Опустив поводья, мерно покачиваясь в казацком седле, Давыдов двигался в общем потоке разрозненных войсковых частей. Его неодолимо клонило ко сну. Голова казалась свинцовой. И мысли были смутные, беспорядочные...

Десять последних суток войска Багратиона находились в беспрерывных сражениях. Денис, доставлявший в самые опасные места приказы князя, потерял две лошади, получил сильную контузию при Гейльсберге, но продолжал до конца выполнять свои обязанности [15]. То, что он видел за эти дни, представлялось теперь хаотическими отдельными эпизодами, не связанными между собой.

Вот подъезжает к Багратиону, стоящему у шалаша, нескладный, с лошадиным лицом генерал Сакен, по милости которого выпущен из окружения корпус Нея. Сакен что-то говорит, оправдывается. Багратион, задыхаясь от гнева, сжав кулаки, грозно на него надвигается:

— Вам не дорого отечество наше! Вы карьерист и трус!

И Сакен, с дрожащей нижней челюстью, отступает, бормоча какие-то фразы, потом сразу куда-то исчезает. А Багратион уже под ядрами и картечью, с обнаженной шпагой в руке останавливает гренадер, не выдержавших убийственного огня.

— Разве вы забыли Суворова? — пылко восклицает он. — Забыли свои подвиги? А не с вами ли я ходил в штыки под Сен-Готардом? Ободритесь! Идемте вместе, ребята! Вперед!

А вот французская пехота занимает небольшую высоту. И вдруг из соседней деревушки стремительно вылетает русская конная артиллерия. Мелькает богатырская фигура Ермолова. Неприятель не успевает опомниться, как на него обрушивается град картечи.

— Ага, побежали! Не любят русского гороха! Еще

картечь, ребята! — весело кричит окутанный дымом Ермолов.

Затем он тоже исчезает. Бьет барабан. Свистят пули. Рвутся снаряды. Раненный в ногу Раевский ведет в бой своих егерей. Покрытый пылью усатый Кульнев мчится впереди эскадрона гродненских гусар.

Дальше все исчезло. Сон одолел окончательно.

Неожиданно конь всхрапнул и остановился. От толчка Денис вздрогнул, очнулся. Занимался рассвет. Гасли звезды на чистом небе. Войска задерживались у какой-то речушки.

Денис тронул коня, объехал колонну, приблизился к берегу. Переправлялся большой обоз квартирмейстерской и провиантской частей. Пехотинцы, сгрудившись у моста, ругались:

— Немцы проклятые! Житья от них нашему брату нет...

— Самые они, которые голодом нас морили... Спихнуть бы в воду, да и конец!

Большинство военных и чиновников, ехавших с обозом, в самом деле составляли немцы. Их сопровождал конный конвой, он с трудом сдерживал напор пехоты. Маленький офицер на гнедой английской лошади деловито распоряжался, стремясь быстрее пропустить обоз по узкому деревянному мосту. Фигура офицера показалась Денису знакомой. Он подъехал ближе и, узнав офицера, окликнул:

— Дибич!

Старый знакомый повернул голову, приветливо поздоровался.

— Как вы изменились, Давыдов... Трудно поверить!

— Зато вас я признал сразу... Вы каким же образом здесь?

— Прикомандирован к квартирмейстерской части. Полагаю, могу более всего проявить себя в этой службе.

Маленький криволицый барон был в чине штабс-капитана. Держался по-прежнему странно, смотрел исподлобья, обезьяньих ужимок своих не оставил.

Но по-русски говорил несравненно лучше, чем прежде.

Пропустив обоз, Давыдов и Дибич поехали следом вместе. Разговорились. Денис имел отчетливое представление о причинах поражения под Фридландом. Он знал, что армию винить в этом нельзя, сам видел, как стойко держались войска. Их сломило не двойное превосходство противника. Причина поражения заключалась в другом. Беннигсен, наперекор правилам военного искусства, так расположил русскую армию, что лишил войска даже возможности схватиться с неприятелем. Сдавленные в тесном пространстве, не сделав выстрела, русские тысячами гибли на месте и в мутных волнах реки Алле. И ответственность за это, как понимал Денис, лежала не только на главнокомандующем, но и на том, кто его назначил. Разве Александр не мог доверить армию более способному генералу? Говорят, Багратион молод и слишком горяч... Хорошо. А мудрый и опытный Кутузов? В армии всегда о нем вспоминают...

Разумеется, Дибичу этих мыслей Денис не высказал, так как особой близости между ними никогда не существовало. Поехал же вместе потому, что хотелось узнать, что думает обо всем происшедшем и будущем этот пролаза, успевший уже устроиться на тепленьком местечке. «Наверное, постоянно трется возле штабных господ, — размышлял Денис. — Интересно, как они предполагают поступать дальше?»

Но Дибич держался настороженно. Он хотя и критиковал начальство за неудачный выбор позиции под Фридландом, однако в остальном оставался таким же педантом, как и прежде. Придавая чрезмерное значение диспозициям, устройству колонн, механическому выполнению приказов, он не постигал особых свойств русской армии. Моральная стойкость, инициативность офицеров и солдат в бою, храбрость и выносливость, прививаемые войскам питомцами суворовской школы, — все это оставалось чуждым Дибичу. «Опять понесло мертвечиной», — недовольно подумал Денис. И, не дослушав рассуждений барона, спросил:

— Ну, а что вы скажете об ожидающей нас участи?

Дибич пожал плечами.

— На подобный вопрос ответить почти невозможно. Положение наше, сами понимаете, не из блестящих. Армия расстроена. И, по моему мнению, имеется лишь одна возможность поправить дела...

— Какая же?

— Присоединить к нам корпуса Лестока и Каменского, в составе которых двадцать тысяч войск.

— Но они же посланы для защиты Кенигсберга?

— В данном случае, когда главная армия понесла огромные потери, защита этого города не имеет уже существенного значения. Да и удержать его все равно не удастся, напрасные расчеты. Бонапарт, помимо двух сильных пехотных корпусов, послал туда всю конницу Мюрата с приказанием отрезать от нас Лестока и Каменского...

— Да, положение тяжелое, — согласился Денис.— А если Лестоку и Каменскому не удастся уйти от преследования?

— Тогда нечего и думать о позициях у Немана, куда мы двигаемся.

— Как? Вы допускаете возможность, что Бонапарт перейдет Неман и вторгнется в Россию?

— Лично я не допускаю. А мнение такое имеется... — уклончиво ответил Дибич. — Вообще, насколько мне известно, в кругах, близких к государю, существуют две партии. Одна стоит за продолжение военных действий, другая — за мирные переговоры с Бонапартом.

— Это я уже слышал, — сказал Денис. — Но, полагаю, теперь, когда оскорблены честь и слава отечества, никакой речи о мире быть не может!

— Обстоятельства, однако, бывают сильнее наших желаний, — отозвался Дибич. — Его высочество великий князь Константин Павлович еще в Гейльсберге высказывал мысль о необходимости мира.

— Тогда мы находились в ином положении. Удержав позиции, нанеся большой урон неприятелю,

можно было рассчитывать на переговоры, как равные с равными.

— А если Бонапарт все же перейдет границы? — в свою очередь задал вопрос Дибич.

— Пусть попробует! Мы будем драться насмерть! — горячо воскликнул Денис. — Русская армия не простит оскорбления отечеству. Все, что угодно, только не позорный мир!

Дибич ничего не ответил. Отвернулся в сторону и усмехнулся. Денис не заметил.

VII

Спустя три дня войска арьергарда, приведенные в полный порядок стараниями Багратиона и его помощников, находились уже в нескольких верстах от Тильзита, где помещалась главная квартира Беннигсена.

Французы, утомленные длительными боями и маршами, преследовали не особенно настойчиво. К тому же сказалось отсутствие кавалерии Мюрата, застрявшей в болотах под Кенигсбергом. Последнее обстоятельство имело для русских и другую выгоду. Отряды Каменского и Лестока, избежав встречи с превосходящими силами неприятеля, благополучно присоединились к арьергарду, весьма ободренному таким подкреплением.

Одновременно Багратион узнал, что корпус маршала Нея, угрожавший все время с правого фланга, остановился у Гумбинена. Опасность внезапного нападения пока миновала. Посылая Дениса в главную квартиру с приятными вестями, князь сказал:

— Передай, душа моя, что войско наше сохранило полное устройство и бодрость духа. Неудача не уменьшила храбрости. Ежели потребуется, будем сражаться, как всегда...

Денис поскакал в Тильзит в приподнятом настроении. Но по дороге, не доезжая до города, встретил адъютанта главнокомандующего, майора Эрнеста Шепинга, с которым был в дружеских отношениях.

— Что нового, Шепинг? — спросил Денис, сдерживая коня, когда они поравнялись.

— Держу пари, никогда не отгадаешь, — ответил с улыбкой майор.

— Везешь предписание князю Багратиону?

— Это более или менее ясно, но какое?—И, чуть помедлив, гордясь важностью порученного ему дела, Шепинг продолжил: — Я делаю историю, мой милый... Главнокомандующий предлагает князю немедленно войти через меня в сношение с французами, предложить им перемирие, пока приступим к переговорам о мире...

Денис задохнулся от изумления и охватившего его негодования.

— Как? Не отомстив за Фридланд? Признав себя побежденными?

— Ну, это уже пусть дипломаты устанавливают... Я сказал тебе все. Прощай!

Подавленный известием, ничего не чувствуя, кроме позора предстоящего мира, Денис поспешил к Беннигсену с намерением уверить его в отличном положении войск арьергарда и в полной возможности продолжать военные действия. Однако, прибыв в главную квартиру, убедился, что ничто уже не поможет. Дом, занимаемый Беннигсеном, был наполнен людьми различного рода. «Тут были, — вспоминал впоследствии Денис, — англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русские военные и гражданские чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной и гражданской тунеядцы, интриганы — словом, это был рынок политических и военных спекуляторов, обанкротившихся в своих надеждах, планах и замыслах».

Среди этой толпы царила невообразимая паника. Один из фаворитов главнокомандующего, бывший гатчинский парадир, бездарный генерал Эссен, узнав, с чем прибыл Денис, от страха пришел в полное расстройство:

— Что вы, что вы! Разве можно в такое время советовать главнокомандующему столь вздорные ве-

щи, как продолжение войны... — сказал он Давыдову.

— Почему же вашему превосходительству это кажется вздорным?

— Да ведь мы в ужасном положении! Армия не боеспособна. Как может ваш Багратион тешить себя бессмысленными надеждами задержать величайшего полководца? Чистейшие химеры! Перед Бонапартом капитулировали первоклассные европейские армии... Австрия повержена! Пруссия повержена! Поймите! А вы столь самонадеянно полагаете, будто русские войска могут что-то еще сделать... Нет, у нас единственный шанс на спасение — это мир! Мир во что бы то ни стало!

Денису стало противно смотреть на перепуганного генерала. Он молча откланялся. Потом, оглядев общество, среди которого находился, призадумался. Все штабные господа разделяли мнение Эссена. И некоторые шепотом уже титуловали Бонапарта «его величеством Наполеоном». «При таком воинственном расположении духа, — иронически подумал Денис, — без сомнения, нечего и помышлять о продолжении борьбы с неприятелем!» Сегодня Денис еще раз убедился, насколько армейские войска, всегда готовые до последней капли крови защищать отечество, превосходят штабных господ, помышляющих лишь о собственном благополучии.

Беннигсен ничем от этих господ не отличался. Конечно, как главнокомандующему, ему было приятно услышать, что часть его войск сохранила боевой порядок, легче будет оправдываться перед государем, но продолжать военные действия он не собирался.

Выслушав Дениса, главнокомандующий сухо сказал:

— Передайте князю Багратиону мою благодарность и сообщите, что наша армия переправляется на правый берег Немана. Князю надлежит немедля присоединиться к главным силам и зажечь за собой мост...

...На следующий день русские войска были за

Неманом. Французы заняли Тильзит. Наполеон Бонапарт стоял на левом гористом берегу реки и «ненасытным взором пожирал землю русскую, синеющую на горизонте».

А в главной квартире Беннигсена, переехавшей в Амт-Баублен, штабные господа робко и почтительно встречали французского офицера, прибывшего с ответом на предложение о перемирии. Однако капитан Луи Перигор, адъютант маршала Бертье, в щегольском гусарском ментике и высокой медвежьей шапке, никого приветливым взглядом и словом не удостоил. С насмешкой в глазах, гордо закинув голову, француз молча проследовал в зал, где ожидали его Беннигсен и генералы.

— Мой император поручил сообщить вам, — не снимая шапки, нагло глядя в глаза Беннигсену, сказал Перигор, — что он милостиво соглашается на предложенные вами переговоры и уполномочил вести их маршала Берьте...

Штабные господа вздохнули с облегчением. Дерзость и надменность француза никого из них не возмутили. Перигор оставался в шапке даже за обедом. Беннигсен пил за его здоровье и мило улыбался.

Зато в соседней комнате, где собрались молодые адъютанты и офицеры, поведение француза вызвало взрыв общего негодования.

— До какого унижения мы дожили, господа! — выходили из себя офицеры. — Перигор нарочно не снимает шапки, выказывая презрение! Нас оскорбляют в собственном доме! Невыносимо смотреть! Позор!

— Он держит себя, как татарский посол в стане русском, — горячился более всех Денис. — И я уверен, господа, дерзкая мысль не снимать шапки внушена ему свыше, как мерило нашей терпимости. А наша терпимость служит, может быть, мерилом числа и рода требований, которые намеревается Бонапарт предъявить при мирных переговорах...

— Правильно, верно, Давыдов! Подмечено тонко!

— В таком случае нам следует сбить шапку с головы Перигора! — воскликнул Офросимов. — Кто

знает, господа, может статься, тогда бы из головы Бонапарта и выскочило несколько подготовленных статей мирного трактата!

— Шутки в сторону! Ты не далек от истины, Офросимов! — отозвался Денис. — Все дело в шапке.

— А мне кажется, роль шапки вы все-таки преувеличиваете, господа, — вмешался в разговор Грабовский. — Не надо забывать, что военный устав французской армии запрещает снимать шапки и каски офицерам, когда на них лядунки, означающие время службы...

— Пусть так! Но кто же мешал Перигору, исполнив поручение, снять лядунку, а после того и шапку? — с жаром возразил Денис. — Нет, господа, как хотите, а я продолжаю утверждать, что оскорбительная для нас всех шапка имеет дипломатическое назначение...

Денис не успел договорить фразы. В комнату вошел генерал Эссен. Лицо его, покрытое сизыми пятнами, выражало самое праздничное настроение. Пышные усы были замазаны соусом. Глаза блестели.

Увидев генерала, офицеры сразу притихли, вытянулись.

— Продолжайте, продолжайте, господа, — сказал генерал. — Я хотел немного освежиться... Там жарко... Но какой сегодня радостный день, господа! Его величество император Наполеон имеет самые добрые намерения... Мы спасены... Мы можем спать спокойно...

— Раньше, ваше превосходительство, хотелось бы знать условия, предлагаемые неприятелем, — сдержанно заметил Офросимов.

— Ах, господа! — махнул рукой генерал. — Какое значение имеют условия, если достигнуто главное... желание обеих сторон прекратить кровопролитие... Конечно, мы должны будем что-то уступить... покориться необходимости... Но ведь мы имеем дело с величайшим полководцем, господа, от единого мановения руки которого прекращают существование европейские государства... Я имел честь служить в прусской армии, господа, в армии,

созданной великим Фридрихом! О, это была превосходная армия! И вот... она тоже капитулировала... Какими же преимуществами обладают русские войска, чтоб надеяться на успех сопротивления?

— Извольте, я могу ответить, ваше превосходительство, — сделав шаг вперед, еле владея собой от гнева, сказал Денис. — Возможно, что русская армия не так хорошо устроена, как та, в которой вы имели честь служить, ваше превосходительство. Но вам должно быть известно, что не было случая, чтоб русские когда-нибудь капитулировали... Это первое наше преимущество. Второе в том, что нам чужда сама мысль о капитуляции и невыносимо признание господства над собой чужеземцев... Среди нас нет космополитов, ваше превосходительство! И оскорбление чести своего отечества мы считаем оскорблением собственной чести!

Слушая Дениса, генерал молча хлопал глазами, старался понять причины столь необычной горячности офицера, но, кажется, так ничего и не понял.

...13 июня в красивом павильоне, установленном на середине реки Немана, где проходила демаркационная линия, произошло первое свидание русского и французского императоров. Денис, сопровождавший князя Багратиона, находился в числе немногих офицеров, ставших свидетелями этого события. Он снова увидел императора Александра, когда тот в просторной горнице полуразрушенной сельской корчмы на правом берегу реки дожидался Наполеона. Положив шляпу и перчатки на стол, Александр сидел у окна, старался напускным спокойствием и веселостью скрыть свое волнение. Да, его самолюбие было уязвлено самым чувствительным образом. Предстояла встреча с величайшим полководцем и завоевателем, стоявшим на рубежах России. Кто знает, каковы будут требования Наполеона?

Денис догадывался об истинных чувствах, владевших императором. Но кто же виноват во всем, как не сам император? Сражение при Аустерлице проиграно по его вине. Сражение при Фридланде проиграл бездарный Беннигсен, им назначенный. Пред-

стоящий позорный мир — результат его недоверия русским войскам и командирам. Да и почему в конце концов в глазах всего света Наполеон стал гениальнейшим полководцем? Отдавая должное его военным талантам, решительности и проницательности, Денис все же полагал, что поразительные успехи Наполеона объясняются главным образом тем, что противостоящие силы до последнего времени управлялись неспособными начальниками, привязанными к давно отжившей военной системе. Это было ясно. Участвуя в последней кампании, Давыдов обнаружил и другое: Наполеон как полководец был далеко не безупречен в своих действиях. Несмотря на превосходство в силах, он выиграл эту кампанию лишь потому, что умел пользоваться ошибками Беннигсена, тогда как его собственные всегда оставались безнаказанными. А таких ошибок было немало. Распыление Наполеоном сил армии, опасное выдвижение вперед отдельных корпусов, опрометчивые поступки под Эйлау и Гейльсбергом — все это не прошло бы Наполеону даром, будь на месте Беннигсена кто-нибудь из учеников Суворова. По мнению Дениса и многих других участников кампании, мирные переговоры оттого и казались позорными, что воевать с Наполеоном было не так уж страшно. Русские войска нуждались лишь в смене неспособных начальников. Но Александр об этом не хотел и думать. Он нашел себе нового советника — битого прусского генерала Пфуля, известного фанатической привязанностью к прусским доктринам. Чего хорошего можно ожидать, если Александр сам своими поступками унижает достоинство русских [16].

Денису показались унизительными и подробности самой встречи императоров. На левом, высоком берегу реки выстроилась вся наполеоновская гвардия. Горели на солнце знамена. Гремела музыка. Тысячи жителей в праздничных одеждах заполнили улицы Тильзита. А на правом, луговом берегу стояло лишь два взвода кавалергардов и эскадрон прусских гусар. Кругом было пустынно и тихо. Александр полчаса сидел в жалкой корчме.

— Едет, ваше величество! — сказал, наконец, вбежавший в горницу один из дежуривших на берегу адъютантов.

Стараясь сохранить хладнокровие, Александр, сопровождаемый великим князем Константином Павловичем, Беннигсеном и несколькими другими лицами, медленно направился к ожидавшей его барке, около которой на коне топтался прусский король Фридрих, которого Наполеон не соизволил пригласить на свидание.

А на том берегу стоял сплошной гул восторженных приветствий. Окруженный маршалами и адъютантами, на рыжей арабской лошади скакал к реке Наполеон. Денис без труда разглядел его маленькую плотную фигуру в шляпе и гвардейском мундире, с лентой Почетного легиона через плечо. Денис видел, как потом, первым причалив к плоту, Наполеон легкими, быстрыми шагами пошел навстречу Александру и, протянув руку, помог сойти с барки. Затем они скрылись в павильоне.

В последующие дни, когда Александр перебрался в Тильзит, приезд в город русским военным строго запретили, однако Денис, как адъютант Багратиона, был там не раз. И вскоре первые черновые, но весьма красочные записи о том, как он видел в Тильзите Наполеона и его маршалов, уже лежали в походной сумке.

Ермолов, которому Денис прочитал эти записи, отозвался о них одобрительно и посоветовал:

— Следует, по-моему, и предшествующие Тильзиту события записать... Видел ты много... Пригодится под старость!

— Опасаюсь, если всю правду записывать, без мундира останешься скорее, чем старость подойдет, — пошутил Денис.

— Ну, ты же по этой части опыт имеешь, — в обычной своей иронической манере сказал Ермолов. — Чего не следует — не напишешь, что следует — прибавишь... как вся ваша братия делает...

— Для потомства достоверность событий нужна, почтеннейший брат...

— За потомков не беспокойся, разберутся!

...Как-то раз, вечером, Денис с Евдокимом зашли к Раевскому. У него застали Ермолова, брата Александра Львовича и молоденького юнкера с темнорусыми вьющимися волосами, ясными глазами и чуть-чуть вздернутым носом.

— Вот и Денис с Евдокимом, можешь познакомиться, — сказал юнкеру Раевский.

Тот сделал шаг к Денису, смущаясь, протянул руку:

— Василий Давыдов...

— Да разве братья так встречаются? — рассмеялся Раевский. — Эх, ты!..

Денис догадался, что перед ним двоюродный брат Василий Львович. Обнял, крепко расцеловал.

— Ты на Левушку нашего похож... Правда, Евдоким?

— Наш покурносей, — басом сказал Евдоким.

— А он тоже в армии? — спросил юнкер.

— Нет еще, но просится сюда,— ответил Денис.— Сегодня я получил из дома письмо.

— Вот и отлично! Пиши, чтоб приезжал, я устрою его у себя, — сказал Раевский и шутя продолжил: — Мы целый взвод из колена Давыдовых сформируем... Посчитайте-ка, сколько родственников собралось!

Базиль, как семейные называли юнкера, оказался на редкость начитанным, умным юношей. Он чем-то был похож на своего старшего брата — Раевского, относившегося к нему с трогательной, отцовской нежностью. Базиль был ровным в отношениях со всеми, выказывал равнодушие к чинам и наградам, живо интересовался всеми военными и политическими делами. Он быстро подружился с Денисом, разделял его взгляды на унизительность тильзитских мирных переговоров, резко осуждал императора Александра.

Когда мир был подписан, Денис, несмотря на уговоры однополчан, соблазнявших шумными гвардейскими утехами, решил взять долгосрочный отпуск и уехать в Москву. Прощаясь с ним, Базиль спросил:

— Тебя в самом деле не прельщает служба в гвардии?

— Нет, я не отказываюсь от гвардейского мундира, — улыбаясь, ответил Денис. — Но, признаюсь, предпочел бы иметь хотя бы небольшую команду в армейских войсках, нежели гарцевать на плацу... По мне, брат Василий, дым бивачных костров куда приятней аромата дворцовых палат. Душа простора просит, поэзии жарких схваток... Впрочем, тебе еще этого не понять!

— Почему же? Напротив... Я, кажется, хорошо тебя понимаю... — И юнкер дружески крепко пожал руку Денису.

VIII

Москва! Подъезжая к ней, Денис впервые особенно остро почувствовал, до чего же он привязан к этому огромному старинному городу, утопавшему в зелени садов. И дело было не только в том, что здесь многое связывалось для него с милыми детскими воспоминаниями, что тихие, поросшие крапивой у заборов улицы и тенистые бульвары имели необъяснимую прелесть. Москва дорога и близка была историческими памятниками, особенностями своего несколько старомодного уклада. С детства увлекаясь русской историей, наделенный впечатлительностью и воображением, Денис всегда с каким-то волнением проходил мимо Кремля, и каждый раз в его голове возникали образные представления о далеком прошлом... Гремит ключами Иван Калита, направляясь в подвалы, где скапливаются первые богатства Московского княжества. Выезжает из кремлевских ворот во главе дружины молодой князь Димитрий Донской, поднявшийся на татар. Грозный Иван казнит непокорных бояр. Бьются с поляками ратники Пожарского. Бушуют перед дворцом буйные стрельцы, и маленький Петр, сжав кулачки, грозит им из окна... А сколько иных замечательных событий происходило в Москве! Для Дениса все это было живым источником, питавшим его горячую любовь к родине.

Петербург, всего сто лет назад ставший столицей империи, тоже многим привлекал Дениса, но там он чувствовал себя иначе... Любуясь великолепием столичной архитектуры, просторными проспектами и набережными, одевавшимися в гранит, он восхищался гением Петра и созидательной силой народа, воздвигнувшего на болоте чудесный город. Однако жить в Петербурге по доброй воле он никогда бы не согласился. Было что-то холодное и казенное в облике этого города, где люди вечно куда-то спешили с озабоченными, угрюмыми лицами. То ли дело Москва! Среднее и служилое дворянство, среди которого вращался Денис, жило здесь довольно беспечно, с душой нараспашку. Жизнь часами никто не измерял. Москвичи славились хлебосольством, доверчивостью и откровенностью, любили горячо поспорить — словом, обладали теми качествами, которые так ценил Давыдов.

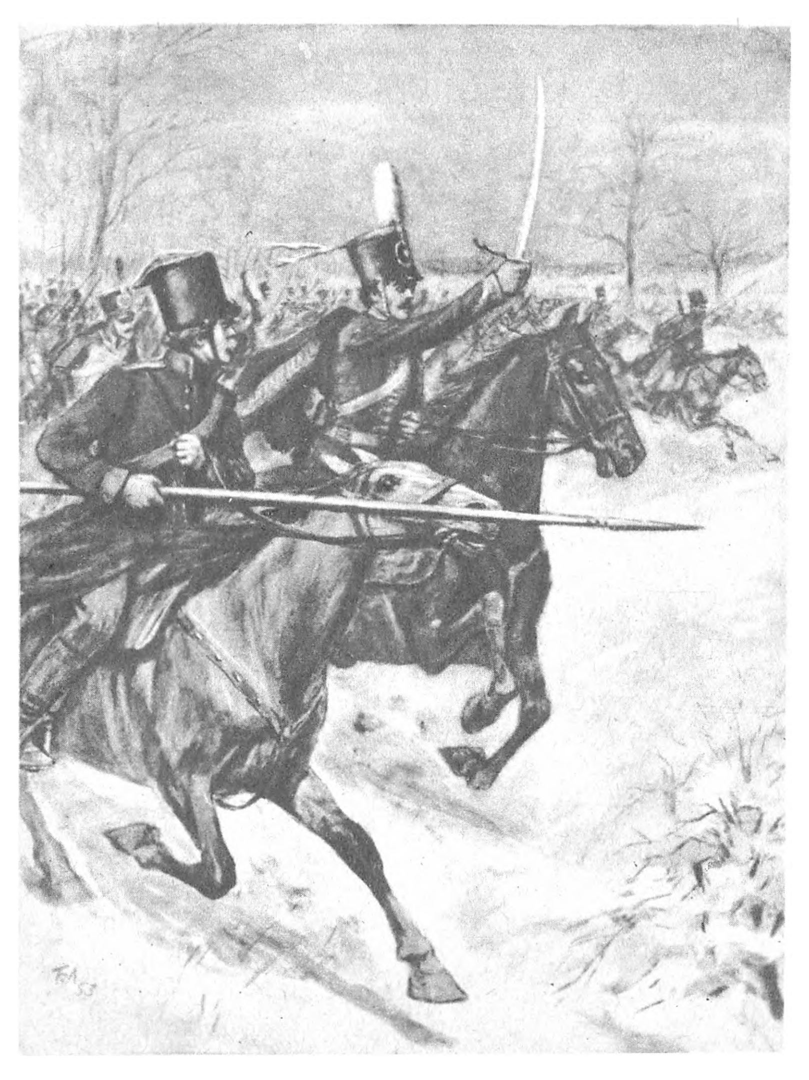
На этот раз приезд в Москву был для Дениса особенно приятен: он возвращался из действующей армии в чине штаб-ротмистра, в щегольской лейб-гусарской форме, с двумя крестами на шее и двумя на красном ментике, с золотой саблей «За храбрость». Это льстило его самолюбию и обещало большой успех в московском обществе.

Так оно и получилось. Сестра Сашенька, семнадцатилетняя тоненькая барышня с нежным румянцем на щеках, первой встретив брата у крыльца дома, пришла в неописуемый восторг:

— Ах, какой ты красавчик, Денис, милый! Просто прелесть! Подруги мне теперь покою не дадут, приставать будут, чтоб познакомила...

— Очень они нужны ему, — скептически заметил совсем уже взрослый по виду Левушка, осматривая с видом знатока боевые награды брата. — Я считал, что у тебя три креста... А этого совсем не знаю!

— Да подождите вы, дайте ему опомниться, — говорила Елена Евдокимовна, не сводя с сына влажных глаз, сияющих радостью и гордостью. — Мы, как письмо твое получили, каждый день от окон не отходили...

К стр. 111

— А я чувствовала, что ты сегодня приедешь! — подхватила Сашенька. — Так утром маме и сказала... Правда, мама?

— Правда, правда... Ну, пойдемте в дом... Кабинет отцовский для тебя приготовили, — добавила она, обращаясь к Денису. — Хочешь не хочешь, а придется тебе, родной, хозяйством заняться... Я уже стареть стала...

Дни летели быстро. Незаметно прошло лето. Окруженный заботой и всеобщим вниманием, Денис чувствовал себя превосходно. Гостеприимные москвичи приветливо открыли для него двери своих домов. От приглашений не было отбою. Денис блистал остроумием, привлекал к себе общее внимание. Московские барыни, всегда имевшие большой запас невест, не спускали глаз с молодого офицера, хотя некоторые, наведя справки, быстро разочаровывались.

— За беспутное поведение, говорят, из Петербурга был выслан, — шептались они, — да и всяких проказ за ним много... Стихи неприличные пишет...

— Ну, да ведь гусары — они всегда отличаются... А состояние-то какое имеет?

— В том-то и беда, что гол как сокол... Покойный родитель, царство ему небесное, на картах все спустил, ничего, кроме долгов, не оставил...

— Ах, батюшки, жалость какая! А ведь собой-то недурен. И манеры благородные. Надо же было покойному так его обездолить.

Семья на самом деле находилась в бедственном положении. Долги не уменьшались, а возрастали, достигнув ста тысяч. Оказалось, что отец, проигрывая значительные суммы, выдал несколько денежных обязательств, ранее семье неизвестных. Кредиторы из дружбы к Василию Денисовичу ко взысканию их не подавали. Но наследники кредиторов посмотрели на дело иначе. Один из них особенно настойчиво требовал немедленной уплаты трех тысяч, угрожая судом. Денис с трудом упросил его подождать еще некоторое время. Можно будет продать псковскую деревуш-

ку матери, хотя это все равно общего положения не спасет.

Бородино, приносившее при Василии Денисовиче около четырех тысяч рублей годового дохода, после его смерти не давало и половины этой суммы. Мать вечно жаловалась на недостаток средств. А Сашенька уже невеста, надо о ней подумать! Денис поехал в Бородино наводить порядок.

Бородино находилось всецело под управлением бурмистра Липата, назначенного на эту должность еще Василием Денисовичем.

Липат по виду казался тихим и добродушным стариком. Небольшого роста, лысый, с ровно подстриженной бородкой и ласковыми глазами, он был единственным грамотным человеком в селе, не пил, не курил. А говорил таким мягким, вкрадчивым голосом, что заподозрить его в чем-нибудь дурном было просто немыслимо.

Несмотря на то что бурмистр денег доставлял все меньше, Елена Евдокимовна стояла за него горой.

— Липат изо всех сил старается, — пояснила она Денису, — да что поделаешь, если каждый год несчастья: то засуха, то еще что-нибудь... Совсем обеднели мужики...

— А может быть, Липат обманывает, маменька?— усомнился Денис.

— Что ты, что ты! Липат на себя такого греха не возьмет... Мужик честный, богомольный... Покойный отец недаром его любил!

И все же деятельность бурмистра внушала сомнения. Приехав в Бородино, где заканчивалась уборка хлебов, Денис прежде всего решил стороной справиться о Липате и, вспомнив про старого приятеля Никишку, ставшего после смерти деда Михея и отца полным хозяином, отправился к нему.

Знакомая, прежде чисто побеленная и опрятная, изба теперь выглядела убого, покосилась и почернела. Гнилая солома на крыше местами провалилась, обнажая стропила и застрехи; завалинка перед из-

бой, где любил сиживать дед Михей, развалилась; окна наполовину были забиты тряпьем. На месте снесенной кузницы образовался пустырь, поросший лопухами и бурьяном.

Внутри избы было еще неприглядней. Все здесь обветшало, закоптилось, покоробилось. А от спертого воздуха, пропитанного запахом навоза и кислых овчин, трудно было дышать.

Но более всего изменился сам Никифор. Высокий, узкоплечий, обросший рыжей бородой угрюмый крестьянин в длинной старой рубахе и домотканых штанах с крупными заплатами на коленях ничем не напоминал того смышленого и веселого мальчугана, какого помнил Денис.

Никифор сидел за столом, заканчивая обед, состоявший из кваса и картофеля. Жена его Агафья, молодая баба с худым, утомленным лицом, кормила грудью ребенка. Другой малыш, полутора-двух лет, весь покрытый золотушной сыпью, возился на грязном полу. Бедность проглядывала отовсюду.

Увидев молодого барина, Никифор окинул его удивленным и беспокойным взглядом, поднялся, поздоровался, подставил табурет. Денис присел и, ощущая странную неловкость, спросил:

— Что произошло, Никифор? Отчего так плохо живешь?

— На все воля божья, Денис Васильевич, — покорно отозвался Никифор.

— Однако должны быть и другие причины... Покойный Савелий, помнится, находился на оброке, работал кузнецом, хозяйство у вас содержалось исправно... А теперь, я заметил, и кузницы нет... Сгорела, что ли?

— Продали...

— Зачем же? Разве ты не мог продолжать отцовского дела?

Никифор несколько секунд стоял молча, переминаясь с ноги на ногу, затем взглянул на Дениса и сказал:

— Оброк не под силу, Денис Васильевич... Бывало, из года в год по тридцать рублей оброчные пла-

тили, а Липат Иваныч вдвое положил... Где столько денег заработать! Ну и пришлось, стало быть, скотину сначала продать, а потом кузницу...

— Вот оно что! — удивился Денис, знавший, что об увеличении оброка дома и речи никогда не было.— А ведь я другое думал... Липат говорил, будто последние годы неурожайные были, поэтому и мужики обеднели...

— Нет, бога гневить нечего, земля-то по-старому родит, — сказал Никифор.

— Значит, только оброчным труднее жить стало?

— Всем несладко, — внезапно вмешалась в разговор Агафья. — Теперича и на барщину шесть ден в неделю гоняют... Не отдышишься!

— Почему же... шесть? — спросил Денис. — У нас, кажется, на барщину три дня назначают...

Агафью разговор, видимо, сильно взволновал. Она неровно, тяжело дышала. Русые волосы выбились из-под косынки. Миловидное утомленное лицо покрылось красными пятнами.

— Три дня на барщину да три на бурмистра, — сердито сказала она. — Вчера пошла свое просо жать, оно уже осыпаться стало, а бурмистр окорачивает: иди к нему хлеб молотить! И управы на него нет, творит, что захочет! Сам ровно барин живет, третью избу себе из господского леса ставит... Всех работой да поборами замучил!

Агафья сделала короткую паузу, облизнула тонкие обветренные губы, и вдруг из глаз ее брызнули слезы.

— Жить тяжко, барин! — воскликнула она. — День и ночь, словно овцы круговые, крутимся, а дитю малому чашки молока нет... И как нищету избыть — ума не дашь!

Драматизм этой сцены произвел на Дениса удручающее впечатление. Пообещав Никифору свою помощь, он пошел в усадьбу по сельской улице, провожаемый почтительными и настороженными взглядами бородинцев. Покрытые тесом и соломой избушки, казавшиеся прежде живописными, теперь наталкивали на грустные мысли. Наверное, в этих избушках не-

многим лучше, чем у Никифора... Но, привыкнув с детства считать незыблемым крепостной уклад жизни, Денис и не подумал о том, что именно этот уклад порождает ужасную нищету и бесправие крестьянства. Вся беда, по его мнению, заключалась лишь в том, что бурмистр злоупотреблял предоставленными ему правами, обременял мужиков работой на себя, допустил самовольное увеличение оброка, сделав это для того, чтобы присвоить установленную им надбавку. «Экий прохвост! — негодовал Денис. — Ну подожди, будет тебе расправа!..»

И когда Липат, низко кланяясь, сияя лысиной и всем своим видом выражая радость от свидания с молодым барином, предстал перед ним, Денис, без дальних слов схватил бурмистра за бороду:

— Ты что же, мошенник, делаешь? Мужиков по́ миру пускаешь и своих господ обираешь? Всякие небылицы о засухе плетешь, чтоб господские деньги прикарманить, да еще и оброки для себя увеличиваешь... Я тебе покажу, как воровать! Душу вытрясу, каналья!

Липат с всклокоченной бородой выскользнул из рук разгневанного барина, повалился в ноги.

— Смилуйся, батюшка Денис Васильич! Обнесли меня напраслиной злые люди... Я ли своих благодетелей обманывать буду?

— Что? Ты еще оправдываться вздумал? — прикрикнул Денис. — А третью избу из барского леса кто строит?

Липат, хорошо понимавший, что молодой барин явился за деньгами, полагал вначале отделаться от него пустяковой суммой. Теперь же, сообразив, что плутни его открыты и дело может кончиться отрешением от выгодной должности, вынужден был первоначальный свой план изменить.

— Верно, кормилец, взял я для своих построек дубочки из барского леса, — признался он, — да не тайно, а с дозволения маменьки вашей... А уж кто сказывал, будто засухи не было, того пусть господь накажет! — продолжал он медоточивым голоском. — Потому и оброк увеличил, милостивец мой, что два

года сряду озимых недобираю... Легко ли, думаю, благодетелям моим убытки терпеть? Две тысячи рубликов, родимый, для вас же с оброчных собраны...

— Где же деньги? Я ничего про них не слышал, — недоумевая, сказал Денис, никак не ожидавший такого оборота.

— Недавно собрал-то их, кормилец... Все до копеечки целы, изволь хоть сейчас получить...

— Гм... А за нынешний год когда деньги будут?

— Да вот как с молотьбой управимся... Нынешний год, слава богу, озимые и яровые уродились и цены на хлеб держатся... Расчет имею не менее четырех тысяч вам представить...

— Ну, хорошо... Смотри же, чтоб впредь никаких недоимок и затяжек с деньгами не было... А то бородой в другой раз не отделаешься! Понял? — пригрозил Денис.

— Ох, да не гневи ты понапрасну свою душеньку... Я ли не пекусь о вас, я ли не стараюсь? — снова запел бурмистр. — Мужичишки иные, касатик, может, и недовольны, что в строгости их держу, да сам поразмысли, какова господам польза будет, ежели мужикам потакать?

Старый плут своего добился. Поразмыслив, Денис решил не смещать бурмистра. «Бесспорно, он мужик корыстный и вороватый, оброчные деньги явно хотел присвоить, — думал он, — зато хозяйство все-таки в порядке, и острастка, надо надеяться, впрок ему пойдет... Да и кем его заменить! Каждый на этой должности воровать станет... Липат третью избу ставит, так, пожалуй, ему больше и не нужно, а нового бурмистра назначишь — тот снова строиться начнет... Нет, пусть уж лучше этот сидит!»

Вопрос же об отношении с крестьянами оказался неразрешенным. Денис приказал бурмистру не отягощать крестьян лишними работами, велел выдать Никифору корову и отпустить лесу для кузницы, однако понимал, что от этого, в сущности, ничего не изменится. Картины крестьянской нищеты продолжали тягостно беспокоить воображение. Образ золотушного ребенка, ползавшего по грязному полу, не выхо-

дил из головы. И вырвавшийся из самой глубины души крик Агафьи долго звенел в ушах: «Жить тяжко, барин!»

Возвращаясь из Бородина, Денис не чувствовал себя спокойным и довольным... Но что же он мог еще сделать? Что?..

В Москве Денис возобновил свои литературные знакомства. Кружка Тургеневых уже не существовало. Андрей умер четыре года назад. Александр путешествовал за границей. Но Жуковский находился в Москве. Его благозвучные, немного меланхолические стихи давно чаровали читателей. Жуковский был признанным поэтом, стоял в центре московской литературной жизни, собирался редактировать «Вестник Европы».

Денис стал навещать Василия Андреевича, встречая с его стороны теплое, дружеское отношение. Однако Жуковский, одобрительно отозвавшись о некоторых гусарских стихах старого приятеля, в глубине души, видимо, не считал их зрелыми поэтическими произведениями.

— Как полагаешь, стоит их напечатать в журнале? — спросил однажды Денис.

Жуковский, уклоняясь от прямого ответа, сказал:

— Видишь ли, мне кажется, тебе следовало бы попробовать свои силы в более звучных и нежных, истинно поэтических произведениях...

Денис почувствовал, что Жуковский не совсем прав, давая такой совет. Элегические мотивы, и сентиментальность, характерные для самого Жуковского, были чужды Денису, тяготевшему к темам сатирическим и языку народному. Но спорить не стал. И на досуге занялся вольной обработкой элегии французского поэта Виже «Мои договоры». Этой новой своей работой Денис остался не очень доволен. Ему нравились лишь некоторые, обработанные в свойственной ему манере строки, посвященные театру, где он тогда частенько бывал:

...что видим мы в театрах? — Малый круг
Разумных критиков, а прочие — зеваки,
Глупцы, насмешники, невежды, забияки.
Открылся занавес: неистовый герой
Завоет на стихах и в бешенстве жеманном
Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударит невпопад кинжалом деревянным,
Иль, небу и земле отмщением грозя,
Пронзает грудь свою и, выпуча глаза,
Весь в клюквенном соку, кобенясь, умирает...

В остальном стихотворение, по его мнению, было довольно посредственным. В свой первый сборник стихов Денис впоследствии его не включил. Но Жуковскому стихотворение понравилось. Он взял его для «Вестника Европы», где оно и появилось в следующем году. Похвалил Жуковский и небольшую оду «Мудрость», тоже вскоре опубликованную. Это были первые стихи Дениса, появившиеся в печати.

У Жуковского Денис познакомился с очень модным тогда московским поэтом — Василием Львовичем Пушкиным. Рыхлый толстяк на тонких ногах с кривым носом и щербатыми зубами, Василий Львович был автором многих переводов, эпиграмм, мадригалов; он проявлял иногда подлинное дарование сатирика.

Василий Львович бывал за границей и про свои заморские встречи рассказывал увлекательно. Европейскую литературу знал превосходно, декламировал Мольера и Шекспира, при этом подражал известному актеру-трагику Тальма, у которого в Париже брал уроки. Во всяком случае, среди москвичей Василий Львович слыл человеком просвещенным. К Денису он отнесся с большой любезностью. В оценке «гусарских» стихов с Жуковским резко разошелся.

— Имею честь состоять поклонником вашим, — забавно пришепетывая и жестикулируя, сказал Василий Львович Денису. — И басни ваши читать приходилось и удалые послания Бурцову... Стих легкий, самобытный. Мысль острая. Каждая строка запоминается. Недаром со столь завидным успехом по всей России стихи ваши известность приобретают... Недавно шурин Карамзина князь Петр Вяземский, юноша,

подающий большие надежды и критик весьма строгий, заявил мне, что слогом вашим живым постоянно восхищается...

Василий Львович принадлежал к самым преданным друзьям Николая Михайловича Карамзина, стремившегося приблизить русский литературный язык к живой разговорной речи. Это начинание встретило резкие нападки реакционной части дворянства. Тогда московские литераторы-карамзинисты начали упорную полемику с реакционерами, хотя сам Карамзин в этой полемике участия не принимал. Василий Львович, напротив, так и дышал боевым задором. Он ввел Дениса в литературные кружки, познакомил его с Карамзиным и Вяземским.

Часто вместе с Жуковским и Вяземским Денис бывал в гостях у Юрия Александровича Нелединского-Милецкого. Этот аристократ и придворный екатерининского времени, до конца жизни не расстававшийся с париком и косичкой, жил в роскошном доме близ Мясницкой. Юрий Александрович любил водить дружбу с поэтами, сам написал несколько сентиментальных романсов и песен, некоторые из которых, например «Выйду ль я на реченьку», приобрели большую популярность.

Нелединский каждую неделю устраивал обеды для литераторов, большинство которых не скрывало своего сочувствия карамзинистам. Денис на сторону карамзинистов тоже встал безоговорочно, но длительные и бесконечные споры казались ему бесцельными и вскоре порядочно надоели. Зимой он стал посещать своих друзей все реже и реже. Другие события отвлекали его от литературных дел.

Евдоким, приехавший на святках из Петербурга, сообщил об усиленной концентрации русских войск на границах шведской Финляндии. Дипломатические отношения со Швецией с каждым днем портились все больше. В столице открыто говорили о неизбежности войны. В северной армии уже находились Багратион, Раевский, Кульнев.

Братья Давыдовы потихоньку строили планы на будущую кампанию, но мать решили не тревожить

раньше времени. Денис, продолжавший числиться адъютантом Багратиона, имел твердое намерение просить у него команду в авангарде. Евдоким предполагал перевестись в войска Раевского. Левушке не терпелось попасть в армию больше других, но с ним-то как раз было трудней всего. Ему лишь недавно исполнилось пятнадцать лет. Вполне можно еще годок посидеть дома. Ведь его отъезд приведет мать в отчаяние, она так к нему привязана. Однако никакие уговоры старших братьев не действовали. А виноват во всем был Денис! Нужно же было рассказать Левушке, что двоюродный брат Василий, его одногодок, надел юнкерский мундир. Теперь, конечно, мальчика разбирает зависть.

Однажды вечером в кабинете, где братья обычно собирались после ужина, Левушка, отвергнув все доводы старших, пригрозил, что если они не помогут ему, он все равно убежит из дому и найдет способ пробраться в армию. Денис и Евдоким переглянулись. Чего доброго, а этого от горячего и взбалмошного Левушки ожидать можно. Лучше уж взять его с собой.

— Хорошо, я постараюсь устроить тебя у Николая Николаевича, — сказал брату Денис, — но сначала, сам знаешь, необходимо получить его согласие, оформить бумаги. Я обещаю немедленно уведомить тебя и выслать маршрут, как только переговорю с Раевским...

— А не обманешь? — недоверчиво покосился на брата Левушка.

— Раз договариваемся, следовательно, не обману. Можешь сам написать ходатайство на имя Раевского... А мы с Евдокимом, чтоб немного успокоить маму, будем писать из армии, что там сейчас большой опасности не предвидится.

— Если мне тоже удастся определиться к Раевскому, — заметил Евдоким, — маме не так страшно покажется и отпустить Левушку...

— Все равно, пока не будем говорить ей об этом, надо подготовить ее постепенно...

Но Елену Евдокимовну подготавливать не пришлось. Она стояла в дверях и все слышала. Сыновья не подумали о том, что мать всю жизнь находившаяся в среде военных, давно свыклась с мыслью о неизбежности частых расставаний. К тому же она обладала достаточной твердостью, чтобы к отъезду Левушки отнестись иначе, чем предполагали сыновья. Мать понимала, что Левушку ничто не удержит дома. И поэтому, услышав сейчас, как старшие сыновья втайне от нее решают такой важный вопрос, не удержалась от горького упрека.

— Дети, дети! Разве можно это скрывать от матери? — сдерживая себя, со слезами на глазах сказала Елена Евдокимовна. — И неужели вы думали, будто я могу поверить, что на войне вам может быть безопасно? Нет, я знаю вас... Вы не из тех, кто предпочитает спокойствие и безопасность, когда дело касается чести и долга... И я не гневлю, а благодарю бога, что вы такие... Я благословляю всех вас... Вам никогда не нужно меня обманывать...

Сыновья смотрели на нее с нежностью и восхищением. Левушка первый бросился к ней на шею. А Денис, целуя руки матери, сказал за всех с чувством:

— Прости, мама. Мы не забудем этого... Тебе больше не придется упрекать нас!

IX

Тильзитский договор принудил Россию порвать отношения с Англией. Как военная союзница, эта держава, верная своей традиционной политике загребать жар чужими руками, не оказывала существенной помощи русским и этим вызывала лишь общие нарекания. Однако разрыв торговых отношений с Англией задевал интересы не только английских промышленников, но и русских помещиков, усиливал недовольство дворянской оппозиции политикой Александра.

Закрыв для английских кораблей свои гавани, Россия обязывалась принудить к тому же Швецию. Однако король Густав IV, хотя и приходился род-

ственником Александру, продолжал оставаться всецело на стороне Англии. Густав получал щедрые английские субсидии и к тому же не верил в долговременность царствования Александра. Шведский посланник Штедтинг доносил королю из Петербурга:

«Вообще неудовольствие против императора более и более возрастает, и на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать... Не только в частных беседах, но и в публичных собраниях толкуют о перемене правления».

Об этом же говорил королю и сэр Роберт Вильсон, заехавший в Стокгольм по дороге в Англию, куда он спешил доставить собранные им шпионские сведения о состоянии русских войск[17]. Поэтому, заручившись согласием английского правительства о военной поддержке, Густав отклонил предложения Александра, допустил даже против него оскорбительные выходки. Разумеется, все это не могло еще служить причиной войны между Россией и Швецией. Но существовало другое, более важное, что вызывало тревогу. В Тильзите при разговоре с русским императором Наполеон заметил:

— Король шведский ваш зять и союзник, поэтому он должен либо следовать вашей политике, либо понести наказание за свое упрямство. Король ваш родственник, но он и ваш географический неприятель. Петербург слишком близок к финской границе. Пусть прекрасные жительницы Петербурга не слышат более из домов своих грома шведских пушек.

Это замечание нельзя было не признать справедливым. Границы шведской Финляндии проходили слишком близко от столицы. При воинственном настроении Густава, подстрекаемого Англией, серьезная опасность для России была всем очевидна.

9 февраля 1808 года русская армия, под общим командованием генерала Буксгевдена, тремя колоннами перешла границы шведской Финляндии и, не встретив сопротивления, заняла Гельсингфорс. Сам Буксгевден с частью войск начал осаду сильно укрепленной крепости Свеаборг. Дивизия Багратиона, быстро очистив южную часть Финляндии, заняла го-

род Або, но тоже остановилась по приказу главнокомандующего.

А шведы под начальством генерала Клингспора отступали на север. Их преследовали малочисленные войска генералов Тучкова и Раевского, все более отрывавшиеся от своих главных сил. Общая картина военных действий внушала опасение, что кампания может затянуться на долгое время.

Денис, приехавший в Або, застал Багратиона на балу, который в честь русских давали жители города. В просторном, ярко освещенном зале румяные плотные финки танцевали с офицерами. Финские чиновники, бюргеры и профессора местного университета рассыпались перед гостями в любезностях.

— Можете верить, князь, финны не питают никакой вражды к русским, — говорил Багратиону седой профессор. — Мы сознаем, что протекторат могущественной державы для нас более выгоден, нежели подчинение слабому, живущему на английских субсидиях, вечно изменчивому правительству короля шведского....

Багратион держался, как всегда, с достоинством. Отвечал финнам вежливо. Хвалил их трудолюбие и порядок. Но, возвратившись на свою квартиру, дал волю кипевшему в нем раздражению:

— Вчера танцевали, сегодня танцуем, завтра... Помилуйте, как весело! Может быть, оно и нужно финнов развлекать, да я не дипломат, а солдат! Шведы на севере силы стягивают, а мы неизвестно когда и двинемся... Генерал Буксгевден голову потерял. В главной квартире споры идут, что далее предпринимать. Говорил, слушать не хотят! Тактики! А наши части передовые за пятьсот верст отсюда. Этак до беды далеко ли? Раевский, слышно, уже в Вазе стоит, отлично, браво! Да кто ему помощь подаст, ежели Клингспор на него всеми силами обрушится? Вот какие обстоятельства, душа моя, — обратился князь к Денису. — Танцы-то в голову не идут, когда воевать нужно... Обидно, горько!

Денис, знавший уже, что в войсках Раевского авангардом командует Кульнев, решил разговора с князем не откладывать.

— Осмелюсь просить, ваше сиятельство, предоставить мне случай усовершенствовать себя в познании аванпостной службы...

— Что? Танцевать с нами неохота? К Раевскому собрался? — догадался Багратион.

— Признаюсь, более желаю под командой полковника Кульнева находиться...

— А! Ну что ж! Кульнев командир отличный. Желание твое похвально. Придется отпустить! — Багратион ласково поглядел на Дениса и, чуть помедлив, продолжил: — Только имей в виду, голубчик, положение там, как я говорил, сугубой осторожности требует. Николай Николаевич, знаю, напрасно рисковать не станет, а Кульнева иной раз поостеречь следует. Суворовские слова забвению предает. Помнишь, что Суворов-то австрийскому генералу говорил?

— Помню, ваше сиятельство. «Вперед — мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь».

Багратион улыбнулся:

— Верно. И сам никогда того не забывай! Слова золотые.

Через два дня финские длинные сани мчали Дениса на север. Дорога была пустынна. Заснеженные озера, дремучие леса, суровые скалы, редкие деревушки... Бесприютный, угрюмый край!

Стремясь поскорее попасть к Раевскому и Кульневу, Денис попутчиков дожидаться не стал, поехал один. И мог убедиться, что абоский профессор говорил правду. Финны к русским никакой вражды не питали. Встречали радушно, помогали чем могли.

Однако Раевский, продолжавший стоять со своими войсками в Вазе, узнав, что Денис прибыл один, без охраны, укоризненно покачал головой:

— Слава богу, что обошлось благополучно, а впредь подобного не повторяй. Всякое может случиться! На днях в одной деревушке мы захватили двух молодцов, подстрекавших местное население против русских... И что бы ты думал? Мерзавцы оказались шведскими офицерами, работавшими по английским указаниям. Их расстреляли, а случай заставляет подумать... Очевидно, неприятельские аген-

ты, пользуясь беспечностью нашей главной квартиры, работают и в других местах...

Мнение Багратиона об опасном положении войск, столь удаленных от главных сил армии, Раевский вполне разделял:

— Князь Петр Иванович прав. История скверная! Клингспору близ Улеаборга удалось собрать свыше десяти тысяч шведов, а у нас и четырех нет. Да что поделаешь! Главнокомандующего известили, а он и ухом не ведет. Подкреплений не присылает. Отступать без приказа не имеем права. Вот уж истинно, стоим у самого моря, ждем погоды! А когда погода будет — аллах ведает!

Денис пробыл у Раевского один день. Брата Евдокима еще не было. Базиля Давыдова тоже. Левушку взять к себе Раевский, разумеется, согласился, но посоветовал на некоторое время приезд отложить. Наступала весна. Вскрытие многочисленных озер и речек обещало полное и долгое бездорожье. Да и как еще сложатся здесь дела? Опасно брать мальчишку.

Денис написал Левушке лишь про бездорожье. Об опасностях умолчал. По себе знал, что эта причина тому, кто ищет боевых приключений, покажется жалкой, пустой отговоркой. Сам спешил туда, где могли ожидать одни опасности.

...Авангард Кульнева занимал местечко Гамле-Карлеби, на берегу Ботнического залива, верстах в ста с лишним севернее Вазы. Авангард состоял из трех батальонов егерей, двух эскадронов гродненских гусар, нескольких казачих сотен и шести пушек.

Яков Петрович Кульнев, проявлявший иногда излишнюю горячность, на что намекал Багратион, обладал всеми другими качествами хорошего авангардного начальника. Он бдительно следил за каждым шагом неприятеля. Полного отдыха не знал ни днем ни ночью. Ложась соснуть, верхней одежды не снимал, саблю клал под изголовье. Каждый начальник разъезда, возвращавшийся ночью, обязывался будить его, докладывать, что видел. И если было нужно, Кульнев сейчас же мчался на переднюю цепь, лично удостоверялся, что произошло, и только тогда решал:

поднимать авангард или часть его или тревога стоит того, чтобы поставить под ружье весь корпус.

— Я не сплю и не отдыхаю, чтоб армия спала и отдыхала, — говорил Яков Петрович.

При остановках он беспрерывно упражнял войска в меткой стрельбе, обучал разным хитростям, приучал к бережному расходованию снарядов и патронов. Чтобы повысить стойкость пехоты, состоявшей из молодых рекрутов, Кульнев строго запрещал солдатам во время боя бегать за патронами в парк, как тогда было принято, а наряжал особые команды, снабжавшие на месте нуждавшихся в патронах стрелков. Впервые в кульневских отрядах стал применяться новый способ усиливать цепи застрельщиков не с тыла, а с флангов, чем достигалась бо́льшая маневренность цепи.

Неумолимо строгий ко всем, кто нарушал дисциплину или проявлял недостаточную стойкость, Кульнев вместе с тем требовал от командиров справедливого и человеческого отношения к солдатам, заботился об их довольствии. Он приказывал в батальонах и эскадронах «ежедневно записывать, что солдаты ели и какова роду было варево», сам определял качество пищи, следил за опрятностью в одежде воинов.

— Солдат должен быть чист телом, совестью и честью, — поучал он командиров.

Денис, старая приязнь которого к Кульневу превратилась в самую задушевную дружбу, получил возможность не только совершенствовать себя в аванпостной службе, но и широко проявлять собственную инициативу в боевых делах. Он стал правой рукой Кульнева, исполнял часто самые смелые и опасные поручения.

Одной из первых самостоятельных операций был набег на стров Карлое, проведенный в апреле 1808 года. Остров, расположенный против Улеаборга, верстах в двенадцати от него, являлся местом высадки шведских десантов и продовольственной базой, снабжавшей армию Клингспора. Нечего говорить, какое значение имело уничтожение на острове продовольственных магазинов.

Взяв под команду эскадрон гродненских гусар и

полторы сотни казаков, пройдя темной ночью около тридцати верст по льду залива, Денис на рассвете приблизился к острову и внезапным ударом овладел им. Солдаты гарнизона и фуражиры были частью истреблены, частью захвачены в плен. Через несколько минут пламя охватило магазины и постройки.

Начальник неприятельского авангарда, стоявшего на берегу, близ деревни Кирикандо, узнав о происшествии, послал на Карлое свою кавалерию, но было поздно. На острове, где догорали последние службы, шведы никого не обнаружили. А себе этой экспедицией повредили.

Исполнив поручение, Денис обязан был возвратиться назад. Однако, когда высланные вперед казачьи пикеты донесли о движении к острову неприятельской кавалерии, он решил изменить план действий. Пользуясь туманной погодой, гусары и казаки обошли остров, вышли на берег и, зайдя в тыл пехоте неприятельского авангарда, оставшейся без кавалерии, принудили ее поспешно и с большим уроном отступить почти на двадцать верст к деревне Люмиоки.

Кульнев, не получивший от Дениса никаких известий, сильно встревожился. Разъезды, посланные к острову, еще днем донесли о пожарах, следовательно, можно было полагать, что набег произведен удачно, но... куда же исчез отряд?

Когда, наконец, ночью, довольный и веселый, Денис возвратился и доложил о причинах задержки, Кульнев строго заметил:

— Вам было приказано не ввязываться в бой с неприятелем. Кто разрешил нарушить приказ?

— Начальник авангарда полковник Кульнев, — четко отрапортовал Денис.

— Ты что это? Шутить изволишь?

— Никак нет. Ваши слова, Яков Петрович...

— Какие... мои слова?

— К ретираде всегда время есть, а к победе редко! — улыбаясь, произнес Денис одну из самых любимых кульневских фраз.

Яков Петрович не выдержал. При всех обнял и крепко расцеловал своего помощника.

Когда же они остались вдвоем, сказал:

— Хвалю за сметливость, хорошим командирам никогда рук не связываю, а все же всей вины с тебя, Денис Васильевич, не снимаю...

— За что же, Яков Петрович?

— Нужно было меня все-таки в известность поставить.

— В этом виноват. Сознаюсь. Слишком торопился, догадки не хватило.

— Смотри! В следующий раз не спущу. Дружба дружбой, а служба службой.

...Под хмурым северным небом среди вековых лесов и скал Денис вдоволь насладился той полной для него очарования жизнью, о которой давно мечтал. Он принимал участие во всех боевых действиях авангарда, пользовался общим уважением офицеров, а в минуты отдыха у пылающего костра мог предаваться поэтическим размышлениям.

Денис, хотя и не часто брался за перо, продолжал оставаться поэтом. Суровая обстановка, ежедневные опасные столкновения с неприятелем, полная тревог и лишений жизнь воспринимались им романтически. Мир его чувств был окрашен поэзией.

Однажды разговор зашел о литературе, и кто-то из офицеров заметил:

— По-моему, господа, стихотворцам и сочинителям прежде всего нужны покой и тишина... чтоб никаких хлопот и волнений...

Денис горячо возразил:

— Нет, брат, в таких условиях скорее сопьешься, чем что-нибудь сочинишь... В безмятежной и блаженной жизни поэзии нет! Надо, чтоб что-то ворочало душу и жгло воображение!

Никому в том не признаваясь, Денис много думал о форме и языке поэтических произведений. Смело вводя в свои гусарские стихи простонародные слова, он знал, что такой язык не по вкусу ни литературным староверам, ни карамзинистам. Но отказываться от создаваемого им оригинального и самобытного слога, заставлявшего морщиться строгих блюстителей литературных канонов, Денис не собирался.

Гусарские стихи его привлекали широкие круги читателей и пользовались куда бо̀льшим успехом, чем парадные, лишенные жизненной непринужденности, одические произведения.

«Право, будет забавно, — подумал Денис, — если напишу оду о действиях Кульнева. Наверное, получится пародия!» Мысль пришлась по душе. И вскоре написанная шутки ради ода, в самом деле напоминавшая пародию, была готова и торжественно прочтена Якову Петровичу:

Поведай подвиги усатого героя,
О, Муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед...

Послание было большое. И Кульнев остался доволен. Только поэтических вольностей он не признавал, попросил строку о колпаке выбросить. В минуты отдыха, верно, любил Яков Петрович почудачить: и финский колпак носил, и еврейскую ермолку, и даже подаренный Денисом табачный кисет из зеленого сафьяна к головному убору приспособил. Но перед войсками в таком виде никогда не появлялся.

Впрочем, для стихов, отдыха и шуток времени оставалось все меньше и меньше.

X

Летом шведская армия, вдвое превосходившая силами корпус Раевского, начала наступление. Шведы были превосходно вооружены, опирались на содействие отрядов, составленных из финнов. Английским агентам все-таки удалось возбудить часть населения против русских. Раевский вынужден был с боями отступить на юг.

Однако генерал Каменский, принявший вскоре начальство над северными войсками, собрал части в окрестностях Таммерфорса и, получив подкрепление, в августе начал контрнаступление. Разбив шведов при Сальми, Куортане и Оровайсе, русские вновь

заняли местечко Гамле-Карлеби, куда вслед за тем переехала главная квартира. Буксгевдена на посту главнокомандующего сменил не менее бездарный генерал Кнорринг.

Вскоре русские войска вошли в Улеаборг. Северная Финляндия была завоевана. Но король Густав заключать мир не собирался. С помощью Англии он готовил новую, большую армию. Тогда решено было перевести зимой русские войска через Ботнический залив на шведскую землю. Эту смелую экспедицию поручили осуществить лучшим генералам русской армии Барклаю де Толли и Багратиону. Корпус Барклая, сосредоточенный в районе города Вазы, должен был, перейдя залив, действовать на севере Швеции. Корпус Багратиона, расположенный в Або, обязан был, заняв Аландские острова, выйти на Стокгольмскую дорогу, близ самой шведской столицы.

Кульнев, произведенный в генерал-майоры, был назначен командиром авангарда багратионовских войск, начавших поход в конце февраля 1809 года. Путь на Аландские острова сопряжен был с большими трудностями. Уже чувствовалось дыхание ранней весны. При южном ветре и малейшей оттепели лед на широких проливах, разделявших острова, покрывался водой. Внезапные и частые бури, взламывая лед, создавали бесчисленные полыньи и трещины. Гибель угрожала при каждом неверном шаге. А на островах находилось около десяти тысяч шведских воинов и вооруженных жителей под командой генерала Дебельна, приготовившегося к обороне.

1 марта пятнадцатитысячный багратионовский корпус при двадцати двух орудиях, сопровождаемый большим обозом, занял остров Кумлинг. На других островах авангардные войска продолжали вести кровопролитные бои. Неотлучно состоявший при Кульневе Денис, командуя казачьей сотней, первым ворвался на остров Бено. Шведы, засевшие в небольшой деревушке, встретили сильным ружейным огнем. Денис спешил казаков, они по-пластунски подползли к деревне и после жаркой рукопашной схватки овладели ею. На острове Сигнальшере, где шведы оборонялись

особенно упорно, Денис с тридцатью казаками отбил два неприятельских орудия. Быстрота и решительность авангардных войск способствовали тому, что за пять дней все острова от шведов очистили. Было взято две тысячи пленных, сорок орудий, свыше десяти тысяч новых английских ружей.

6 марта, под вечер, князь Багратион приехал на остров Сигнальшер, где возле разрушенной мельницы расположились на отдых авангардные части Кульнева. Поблагодарив войска за храбрость, Багратион, отведя в сторону Кульнева, сказал:

— Я поручаю тебе отважное предприятие, Яков Петрович. Надо испытать дорогу на шведский берег и разведать там неприятельские силы. Случай небывалый. Господа шведы не единожды у нас гостили, давно пора визит отдать!

— Благодарю за оказанную честь, ваше сиятельство, — взволнованно проговорил Кульнев. — Клянусь, доверие ваше оправдано будет. Для славы России я не пощажу живота моего!..

— Верю, верю, душа моя... Потому и надеюсь на Кульнева, как на самого себя!

Часа через три, собрав назначенный в поход отряд, состоявший из трех эскадронов гродненских гусар и пяти отборных казачьих сотен, Кульнев объявил приказ:

«Бог с нами! Я пред вами, князь Багратион за нами! В два часа пополуночи собраться у мельницы. Поход до шведских берегов венчает все труды ваши. Честь и слава бессмертная! Иметь с собою по две чарки водки на человека, кусок мяса и хлеба и по два гарнца овса... Отдыхайте, товарищи!»

Офицеры собрались у Кульнева, в мельничной постройке, тускло освещаемой свечным огарком. Спать никому не хотелось. Все находились в приподнятом настроении, понимая важность предстоящего. Денис волновался, пожалуй, более других. Он чувствовал историческое значение предстоящего похода. Швеция! Сколько раз оттуда спускались на русскую землю орды завоевателей! Шведы воевали еще с новгородскими дружинами, ратниками Ивана Грозного, войсками

Петра. Они воевали всегда на русской земле, считая свою суровую, окруженную морями страну недоступной для вторжения. И вот наступает час возмездия!

Ровно в два часа ночи при небольшом морозе и попутном ветре отряд начал ледовый поход. Денис на сильной казацкой лошади ехал рядом с Кульневым. Шведы, бежавшие с Аландских островов, оставили на дороге заметный след — обломки повозок, ружья, патроны. Кое-где путь преграждали ледяные глыбы и занесенные снегом полыньи, их приходилось обходить с величайшей осторожностью.

Когда стало совсем светло, Денис отпросился в передние казацкие разъезды. Не терпелось первому увидеть шведский берег!

Наконец этот момент настал... В тумане, стоявшем над морем, все явственнее обозначались очертания деревьев и скал.

Повернув коня, Денис поскакал назад.

— Швеция! Швеция! — размахивая шапкой, кричал он, подъезжая к гусарам, впереди которых находился Кульнев.

Дружное, мощное «ура» потрясло воздух. Кульнев, сняв шапку, перекрестился, потом, расправив пышные усы, привстал на стременах, повернулся к гусарам и скомандовал:

— С богом, ребята! Вперед! Рысью марш!

Шведская пехота, расположенная у берега, открыла стрельбу. Нельзя было терять ни одной минуты. Кульнев с гусарами атаковал неприятеля с ходу. Денис, взяв под команду две казачьи сотни, обошел шведов с правой стороны и ударил с тыла. Не выдержав молодецкой атаки, враг, беспорядочно отстреливаясь, отступил, оставив на льду много убитых и раненых. Восемьдесят солдат сдались в плен.

Гусары и казаки приблизились к берегу. Шведы, засев в небольшой роще, встретили их жестоким огнем. Кульнев приказал казакам спешиться. После двухчасового боя шведов из рощи выбили, отбросив на Стокгольмскую дорогу.

Вскоре первый значительный населенный пункт шведов, местечко Гриссельгам, оказался в руках рус-

ских. Став прочно на шведской земле, Кульнев тотчас же известил Багратиона:

«Благодарение богу, честь и слава российского воинства на берегах Швеции. Я с войском в Гриссельгаме».

Появление русских в ста верстах от Стокгольма вызвало невообразимую панику в шведской столице. Толпы жителей стали уходить в глубь страны, запрудив все дороги. Прекратили работу многие заводы и фабрики. Пошатнулась дисциплина в войсках. Три полка шведской пехоты, подойдя к Гриссельгаму, несмотря на численное превосходство, не посмели даже завязать бой с кавалерией Кульнева. Паника в Стокгольме увеличилась еще больше, когда пришло известие, что через два дня после занятия отрядом Кульнева Гриссельгама на севере перешли Ботнический залив войска Барклая.

Однако развивать военные действия на шведской земле не пришлось. Шведы добились перемирия, затем начались длительные переговоры о мире. Войска Барклая возвратились в Вазу. Корпус Багратиона, оставив небольшой гарнизон на Аландских островах, снова расположился в Або.

...Пробыв больше года в авангардных войсках, Денис теперь по праву считал себя боевым, опытным командиром. Службой у Кульнева он был доволен. Но выявилось одно обстоятельство, весьма чувствительно его задевавшее и наводившее на печальные размышления. Все генералы и офицеры, принимавшие участие в военных действиях, получили щедрые награды. Дениса обошли совершенно, хотя, как он сам понимал, его боевые заслуги в эту войну были несравненно бóльшими, чем в прошлую кампанию. В формулярном списке, помимо экспедиции на остров Карлое, значились славные дела под Брагештадтом, Лаппо, Куортани, Сальми, Перхо, Оровайсом, Гамле-Карлеби, бои на Аландских островах и под Гриссельгамом. Может быть, его забыли случайно? Нет, он знал, что Раевский и Кульнев представляли его к наградам неоднократно. Наконец сам Багратион особым рапортом в военную коллегию просил о награждении Давы-

дова георгиевским крестом. Но все эти ходатайства не были удовлетворены. Значит, дело было в том, что кто-то из высоких особ умышленно не желал отмечать его. И Денис догадывался, что этим недоброжелателем был сам злопамятный император. Однако почему же тогда Александр столь милостиво и благосклонно отнессся к нему в прошлую кампанию?

Ответ на этот вопрос тоже вскоре был найден. Возвратившись опять к своим адъютантским обязанностям у Багратиона и пользуясь свободным временем, Денис поехал в Петербург проведать Александра Михайловича Каховского и Четвертинского. Каховский, которого не видел два с половиной года, доживал последние дни. К обычным ревматическим болезням Александра Михайловича прибавилась язва желудка, он сильно изменился, похудел, пожелтел, сделался угрюмым и крайне раздражительным. Но посещение Дениса его обрадовало, приободрило. Каховский с большим интересом слушал живые рассказы двоюродного брата о прусской и финской кампаниях, о мужестве русских войск и бездарности тупых немецких генералов.

— Согласись, любезный Денис, что я во многом оказался прав, — заметил Каховский. — Пристрастие государя к «бештимтзагерам» слишком очевидно. И в этом, по-моему, главное зло. Русские главнокомандующие из немцев, все эти Беннигсены, Буксгевдены, Кнорринги, сковывают силы и дух нашей армии. Я не сомневаюсь, что сама жизнь в конце концов заставит отказаться от услуг пруссаков с их гибельными военными доктринами, и наша русская суворовская наука восторжествует, однако сколько еще препятствий впереди! Сейчас всем здравомыслящим людям ясно, что Михайла Илларионович Кутузов, Багратион или даже Раевский во всех отношениях превосходят этих Беннигсенов и Кноррингов, а попробуй втолковать это государю и близким к нему особам, коими все русское почитается ниже иноземного... Большие потрясения нужны, чтобы отказаться от древней сей косности!

— Я согласен приложить руку под любым вашим

словом, почтеннейший брат, — сказал Денис. — И, думаю, не только я... Большая часть офицеров русской армии присоединится к мнению вашему!

— Да, вот одно, что меня радует! — сказал, оживляясь, Каховский. — Тильзитский позорный мир хотя тем пользу оказал, что всюду дух осуждения против бессмысленных действий возбудил... Недавно заходил ко мне проститься перед отъездом князь Борис Антонович...

— Как? Четвертинский куда-то уехал? — удивился Денис.

— Ну да... Решил поселиться в Москве, собирается, кажется, жениться на княжне Гагариной... Ты разве не знал?

— Нет... Я слышал его прожекты, но полагал, что он еще в гвардии...

— Вышел в отставку. И я его понимаю, — вздохнув, произнес Каховский. — Связь сестры с государем создала для него ложное положение в свете. Особенно сейчас, после Тильзита. Четвертинский совершенно откровенно говорил, как в гвардии недовольны политикой государя, рассказывал, будто гвардейские караулы не раз обнаруживали даже подметные письма на имя государя, в коих намекается на возможность нового дворцового заговора... Представляешь, до чего дошло!

— Да... Положение Марии Антоновны тоже не завидно. Мне, признаюсь, ее немного жалко. И Борис, стало быть, окончательно с ней порвал?

— Как будто... По крайней мере говорил, что не посещает ее больше года, хотя она неоднократно присылала за ним и постоянно обижается... А ты как с ней?

— У Нарышкиных я совсем не бываю, — ответил Денис. — После того как Борис сообщил о своем отношении к этой связи, право, показываться там без него как-то неудобно...

— Гм... А не опасаешься? — неожиданно спросил Каховский.

— Простите, не совсем понимаю, — отозвался Денис, недоумевая. — Чего же мне опасаться?

— А ты рассуди, — сказал Каховский, — как Мария Антоновна твое отсутствие истолковать может? Брат считает предосудительным ее связь с государем и отказывается посещать сестру. Это их семейное дело. А ежели товарищ брата прекращает визиты — это расценивается иначе. И женщины таких вещей не прощают!

У Дениса от этих доводов мурашки по телу побежали. Возразил неуверенно:

— Не могу грешить на Марию Антоновну... Она женщина сердечная, добрая...

Но логика Каховского была беспощадна:

— Допустим даже, что сама Мария Антоновна ничего во вред тебе не сделает... Что же из того? Ведь государю достаточно знать, что ты не состоишь под ее покровительством, чтоб при любом случае припомнить грехи твоей молодости...

Денис вынужден был признаться, что, по всей вероятности, дело и обстоит именно таким образом. Оставление без наград за последнюю кампанию ничем иным не объяснишь.

Каховский посоветовал на рожон не лезть, а к Марии Антоновне обязательно зайти, извиниться. Денис согласился. Марию Антоновну он обижать в самом деле не думал, получилось все как-то случайно. И оправдать себя перед ней не представляло особой трудности. Война, отпуск... Правда, он мог и должен был навестить ее, когда заезжал в Петербург из Тильзита или в прошлом году, когда, проездом в Финляндию, почти неделю вместе с Борисом предавался светским развлечениям в столице. Но это тоже можно чем-нибудь объяснить.

И все же, дойдя до великолепного, залитого огнями нарышкинского дворца, Денис в нерешительности остановился. Еще три года назад, впервые узнав о том, что Мария Антоновна состоит в связи с императором, Денис ощутил какую-то унизительность для себя в ее покровительстве. Тяжелые условия жизни вынудили его, неопытного в житейских делах, прибегнуть к ее помощи, хотя где-то в глубине души он

продолжал чувствовать, как эта помощь тяготит его. Возможно, поэтому, когда Четвертинский сказал о своем разрыве с сестрой, Денис безотчетно, не имея намерения обижать Марию Антоновну, стал уклоняться от визитов к ней.

Сегодня, после разговора с Каховским, стало ясно, что заслуженные в прусскую кампанию личной храбростью и мужеством награды все-таки не были бы получены, если б он не находился в то время под покровительством Марии Антоновны. Эта новая мысль смущала больше всего. Денис испытывал какое-то двойственное, сложное чувство. С одной стороны, визит к Марии Антоновне казался необходимым не только потому, что это помогло бы предупредить дальнейшие неприятности по службе, но и потому, что этим Денис исправил бы собственную, как ему казалось, нетактичность, допущенную по отношению к Марии Антоновне. С другой стороны, визит означал бы в глазах всех, что он, теперь уже боевой и опытный офицер, сознательно ищет покровительства у фаворитки императора. Было над чем подумать!

Самые противоречивые мысли волновали Дениса: и не хотелось быть неблагодарным, давать Марии Антоновне повод к упрекам, и гордость возмущалась... Правда, в дворянской среде того времени связи имели весьма существенное значение. Тысячи военных и чиновников широко пользовались покровительством высоких особ, делали служебную карьеру благодаря связям. Но были и другие примеры. Самый блестящий из них подавал Суворов, не имевший покровителей, достигнувший высшего воинского звания личными заслугами. А жизнь Суворова для Дениса, как и для всех офицеров, следовавших заветам великого полководца, являлась наилучшим образцом поведения военного человека. Денис думал о честном служении своему отечеству. Он стремился к славе. Однако отвергал окольные дороги. Он был сильно уязвлен тем, что не получил заслуженных наград за финскую кампанию, и, безусловно, не желал, чтобы над ним издевались подобным образом и впредь, но избегнуть этого путем какой-то сделки с совестью,

уронить в собственных глазах цену своих заслуг было невыносимо тяжело и оскорбительно...

Денис отказался от визита к Марии Антоновне, сознавая, что теперь уже навсегда остается без всякого покровительства, а впереди трудная дорога и столько разных шипов...

...В Або, к Багратиону, Денис возвратился в подавленном настроении. А здесь ожидала новая неприятность. Пока тянулись мирные переговоры, на крайнем севере Швеции еще продолжались военные действия. Там, в войсках Раевского, служили Евдоким и Левушка.

И теперь, собираясь переводиться обратно в гвардию, Евдоким писал, что оставлять Левушку без призора совершенно нельзя. Приехав в армию еще летом и наотрез отказавшись служить в ординарцах у Раевского, Левушка поступил юнкером в 26-й егерский полк. И при каждом боевом столкновении с противником очертя голову лез под огонь. Он был уже ранен, а однажды самым глупейшим образом чуть-чуть не попал в плен.

Осуждать младшего брата строго Денис не мог — сам такой же был! А все-таки надо было что-то предпринять. Решил посоветоваться с Кульневым. Зайдя к нему, он застал Якова Петровича в самом превосходном расположении духа.

— Ну, голубчик Денис, похоже, опять скоро драться придется...

— С кем же, Яков Петрович?

— С турками. Слух есть, будто войска отсюда переводят в Молдавию, — ответил Кульнев, подкручивая свои пышные усы. — А ты что невесел, нос повесил? — обратился он к Денису.

— С младшим братом не знаю, что делать, Яков Петрович... Беда!

И Денис тут же поведал о «подвигах» Левушки. Кульнев, не задумываясь, предложил:

— Переводи его ко мне под команду. Полагаю, ежели в Молдавию пойдем, ты по-прежнему со мною бранные труды делить будешь? А вместе за сорванцом твоим как-нибудь уследим!

Через некоторое время Левушка, соблазненный громкой славой Кульнева, находился уже в его отряде.

Слухи о переводе войск подтвердились. Летом Багратиона назначили главнокомандующим Молдавской армии. Денис отправился с ним. Войска, выделенные в эту армию, в том числе отряд Кульнева, тоже вскоре двинулись на юг.

XI

Дорога в Молдавию пролегала недалеко от Каменки, и Денис, отпросившись на пять дней у Багратиона, заехал проведать родственников. Денису было известно, что в Каменке живет недавно вышедший в отставку двоюродный брат Александр Львович с молодой женой Аглаей Антоновной, урожденной герцогиней де Граммон. В Каменке должен был находиться Базиль, а возможно, заехал и Раевский, тоже переводившийся в Молдавскую армию.

Было раннее июльское утро. В господском доме еще не вставали. Но в многочисленных службах уже началось движение. Повара и поварята месили тесто, рубили мясо. Лакеи, денщики и горничные занимались подготовкой господской одежды и обуви. Конюхи выводили, скребли и чистили лошадей.

Двор был заполнен экипажами, почти все флигели заняты приезжими помещиками и военными, находившими радушный прием у богатых хозяев. Старый благообразный камердинер Никифор, распоряжавшийся приемом и устройством гостей, кратко сообщил Денису все местные новости. С приездом молодой хозяйки Аглаи Антоновны, имевшей уже двоих детей, в доме начались беспрерывные празднества. Гости нынче не переводятся, особенно часто посещают офицеры из резервных войск, стоящих близ Киева. Старая барыня Екатерина Николаевна с невесткой очень любезная, а Софья Алексеевна Раевская, жившая здесь с детьми всю зиму, с француженкой как будто не поладила и уехала в свое

имение Болтышку. В комнатах, занимаемых Раевскими, поселилась теперь Софья Львовна. Третьего дня прибыл муж ее, генерал Бороздин, вчера — граф Александр Николаевич Самойлов. А молодого барина, Василия Львовича, ожидают со дня на день...

Приведя себя в порядок, Денис заглянул в библиотеку, взял попавшийся на глаза томик с одами Горация и отправился в сад.

Погода стояла чудесная. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву деревьев, ложились тонкими полосами на посыпанные желтым песком дорожки. Газоны были влажны от росы. Цветы на клумбах благоухали. Где-то в конце сада звонко перекликались иволги. Денис с наслаждением уселся в плетеное кресло под тенью старых каштанов, раскрыл книгу, но бессонная ночь, проведенная в дороге, давала себя знать, он задремал... И вдруг, смутно различив какие-то легкие шаги и хруст песка, очнулся... Перед ним, словно чудесное видение, стояла грациозная женщина в легком белом платье с розовым пояском. Все показалось в ней пленительным. И взбитые локоны, и светлые, с веселыми искорками глаза под тонкими бровями, и задорно приподнятый носик, и кокетливая улыбка.

Денис, хотя и догадался, что перед ним молодая хозяйка, от неожиданности совершенно растерялся. Поднявшись, вытянулся по-военному и как-то неловко, громче, чем следовало, представился:

— Штаб-ротмистр Денис Давыдов...

Женщина слегка откинула назад голову и весело рассмеялась. Потом, пристукнув каблучками, в тон ему произнесла:

— Жена отставного полковника Александра Давыдова...

— Прошу извинить, сударыня, — испытывая смущение и не находя нужных слов, сказал Денис. — Все-таки, кажется...

Аглая очаровательно улыбнулась:

— Все-таки, кажется, я прихожусь вам родственницей, mon cher cousin... Разрешается называть меня по имени... Аглая!

С этими словами она дружески протянула свою изящную ручку. Денис поцеловал с чувством бо́льшим, чем допускали правила обычной светской учтивости.

— Мне сообщили о вашем приезде, и я нарочно вышла в сад, — мило болтала Аглая. — Я давно искала случая познакомиться с вами... Мне так много про вас рассказывали...

— Притом, очевидно, мало хорошего? — заметил Денис.

— О, я знаю, что вы поэт, а поэтам позволительны некоторые вольности... Я не смотрю на дебоширства и увлечения молодежи строго, я вообще не строгая...

И Аглая, состроив кокетливую гримаску на лице, опять рассмеялась. Затем предложила:

— Ну, пойдемте же в дом... Я приказала подавать завтрак... Мой толстяк уже поднялся и будет рад вас видеть, хотя, — она снова сделала плутовскую гримаску, — может быть, и не так сильно, как я...

— Ох, кузина, — притворно вздохнул Денис, — боюсь, что в таком случае брат Александр Львович совсем от меня откажется...

— Не опасайтесь! Он слишком пристрастен к гастрономии и обладает таким завидным аппетитом, что это исключает его внимание к моим собственным вкусам и склонностям, — откровенно, в прежнем шутливом тоне сказала Аглая. — Впрочем, я на него не обижаюсь... Он всегда мил и любезен!..

...Так произошло это знакомство. Дни пребывания в Каменке проносились, словно в угаре. Понадобилось немного времени, чтобы Денис почувствовал себя влюбленным в Аглаю, хотя ее поразительное легкомыслие постоянно удивляло и несколько разочаровывало. Денис понимал, что ее чувства к нему не выходят за рамки временного увлечения, мучился, ревновал, но не хватало сил расстаться с «волшебницей», как называл он свою ветреную кузину.

В доме, как он заметил, все перед Аглаей благоговели. Екатерина Николаевна просто не знала,

чем угодить невестке, и весь день не разлучалась с прелестными крохотными ее дочками — Китти и Аделью. Веселая мама отдала их на полное попечение бабушки безропотно. Старый граф Самойлов с женой племянника был нежен и предупредителен. Софья Львовна, тридцатилетняя чопорная и недобрая дама, состояла с Аглаей в самых дружеских отношениях, хотя тайно ревновала к ней своего супруга, пожилого и тучного генерала Бороздина.

Денис и приехавший вскоре Базиль, недолюбливавший сестру Софью, постоянно этой ревностью забавлялись. Базиль, сидевший обычно за обедом рядом с Бороздиным, напротив сестры, заметил, что как только генерал начинал слишком пылко оказывать внимание Аглае, сестра весьма чувствительно охлаждала его пыл нажимом своей ножки.

Однажды Базиль, сговорившись с Денисом, нарочно выдвинул вперед свои ноги, взяв таким образом под защиту генерала. А тот как раз находился в особенно игривом настроении и в комплиментах Аглае так и рассыпался.

Базиль молча и мужественно терпел причиняемую сестрой боль. Генерал безнаказанно продолжал любезничать. Софья Львовна, озадаченная тем, что обычные приемы на мужа не действуют, выходила из себя и, краснея все больше, учащала нажимы. Денис, следивший за ней, едва удерживался от смеха. Наконец Базиль не выдержал.

— Что с тобою, Софи? — сказал он, обращаясь к сестре. — Ты так возбуждена! Посмотри, на тебе лица нет...

— Мне просто немного жарко, — ответила Софья Львовна, обмахивая лицо веером.

— Да, но тогда зачем же ты все время давишь мне ноги? Я рискую остаться калекой... А я еще не генерал и не могу надеяться на пенсию...

— Глупо и пошло! — вспыхнув до корней волос, сказала сестра. И в сильнейшем негодовании, сдерживая злые слезы, быстро ушла в свою комнату.

После обеда, выйдя с Базилем в сад, Денис заметил:

К стр. 115

— Обиделась сестра Софья смертельно...

— На здоровье! — сердито отозвался Базиль. — Это ей за Раевских... Ты знаешь, почему Софья Алексеевна с детьми отсюда уехала? Сестра нарочно сказала Александру, будто Раевская плохо отзывается об Аглае, еще что-то прибавила. Александр грубить начал. Аглая тоже хороша... В общем история некрасивая... Мне прямо стыдно перед братом Николаем Николаевичем!

Базиль, произведенный в корнеты, намеревался ехать в Молдавскую армию. Раевский брал его к себе адъютантом. Ссора в семье, понятно, была Базилю особенно неприятна. Но к Аглае он все же относился хорошо, смотрел на нее влюбленными глазами.

Как ни странно, в доме один лишь Александр Львович, растолстевший и полысевший, как будто не замечал своей жены. Аглая оказалась права. Все свои интересы муж сосредоточил вокруг кулинарного искусства. Для него утренний разговор с поваром был, кажется, самым приятным событием дня.

Денис, никогда Александра Львовича не любивший, относился к нему презрительно и даже не ревновал Аглаю. Зато военная молодежь, окружавшая прелестную хозяйку, доставляла немало мучений... Заметив, что Аглая особенно благоволит к поручику Эразму Злотницкому, Денис чуть не вызвал его на дуэль. Аглая с трудом успокоила. Оставшись вдвоем с Денисом, она не поскупилась на клятвы и обещания, но на другой же день забыла о них.

Наконец-то Денис опомнился! Надо было уезжать. Немедленно. Он гостил в Каменке уже две недели, и теперь придется отвечать Багратиону за самовольное продление отпуска.

Вечером, когда прощались, Аглая шепнула:

— Я буду помнить и ждать... Приедешь?

Денис обещал. И в самую последнюю минуту, передавая томик Горациевых од, с которыми не разлучался в Каменке, добавил:

— Ты найдешь там несколько строк для себя, Аглая... Это от сердца написано... Прости.

В книжке она обнаружила вчетверо сложенный листок. Развернула, прочитала:

Если б боги милосердные
Были боги справедливости,
Если б ты лишилась прелестей,
Нарушая обещания...
Я бы, может быть, осмелился
Быть невольником преступницы!
Но, Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь — и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой!
Голос, взор твой привлекательней.
И, богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья
Разлюбить неразлюбимую!
Сколько пленников скитается,
Сколько презренных терзается
Вкруг обители красавицы!
Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,
Если взор супруга верного
Хотя раз, хоть на мгновение
Обратится на волшебницу!..

Стихи были написаны как подражание одной из од Горация. Аглае они понравились. «Все-таки Денис очень милый», — подумала она. И вздохнула.

XII

Три года назад, желая ослабить русские военные силы, Наполеон послал в Константинополь генерала Себастиани, поручив ему возбудить турок к враждебным действиям против России. Себастиани свою миссию выполнил превосходно. Нарушая старые договоры, султан сменил дружественных России господарей Молдавии и Валахии, стал препятствовать прохождению русских судов через Дарданеллы. Одновременно французские инженеры, присланные Наполеоном, спешно начали укреплять днестровские и дунайские крепости, а французские офицеры за-

нялись устройством по европейским образцам турецкой армии. Все попытки русского правительства разрешить мирным путем возникший конфликт были отвергнуты.

Тогда русская пятидесятитысячная армия под начальством генерала Михельсона вступила в Молдавию и Валахию, заняла Яссы, Хотин, Бендеры, а затем Бухарест. Славянские народы, стонавшие под жестоким владычеством турок, встретили русских восторженно. Восставшие против своих поработителей сербы освободили Белград.

После Тильзитского мира Наполеон был вынужден несколько изменить свою политику. Он послал в Константинополь генерала Гильемино с целью примирить противников и «оказать всяческое пособие России», но, по всей вероятности, генерал получил и тайную инструкцию иного рода, ибо на деле задерживал заключение перемирия. Русский уполномоченный Лошкарев, договаривавшийся с турками, сообщал: «Если бы одному быть с турком, то, конечно, лучше б было; няньку же иметь трудно».

Все же договор о перемирии, по которому туркам запрещался доступ на левую сторону Дуная, а русские обязывались очистить дунайские княжества, осенью 1807 года был заключен. Однако стоило русским войскам выступить из занимаемых мест, как турецкие янычары стали неистово грабить и резать славянское население, мстя за сочувствие русским. Войска приостановились.

Император Александр, назначивший главнокомандующим Молдавской армии дряхлого фельдмаршала Прозоровского, приказал ему «возобновить военные действия, если турки подадут к тому повод». Но турки прислали своих уполномоченных в Яссы, чтобы начать снова переговоры о мире. Россия потребовала присоединения к ней Бессарабии, Молдавии и Валахии, а также признания независимости сербов.

В это время в Константинополе появился английский посол сэр Роберт Эдер, а у входа в Дарданеллы остановилась эскадра адмирала Коллингвуда.

Заверив султана в своей помощи, англичане склонили его вновь продолжать военные действия против русских.

Переговоры о мире были прерваны. Прозоровский приступил к осаде сильных турецких крепостей Браилова, Измаила и Журжи, но потерпел неудачу. В помощь фельдмаршалу, никогда не отличавшемуся военным дарованием, был прислан Михаил Илларионович Кутузов. Тогда Прозоровский, чувствуя во всем превосходство над собою талантливого генерала, недовольный тем, что отдельные начальники стали обращаться за советами и наставлениями непосредственно к Кутузову, постарался от него отделаться. Вскоре после этого Прозоровский, так ничего и не сделав, умер.

Весть о назначении главнокомандующим Багратиона войска Молдавской армии встретили с понятной радостью.

— Слава богу, прилетел наш сокол, теперь туркам несдобровать, — говорили солдаты.

Прибыв в главную квартиру, находившуюся в Галаце, Денис застал Багратиона в разгаре работы по подготовке наступательных действий. Сознавая свою вину, Денис ожидал справедливых упреков за опоздание, но Багратион избрал другой способ наказания. Он не пожелал видеть своего провинившегося адъютанта, пять дней не допускал к себе и не давал никаких поручений, а при встречах делал вид, что не замечает его. Дениса такое отношение человека, доверием и любовью которого он всегда дорожил, привело в полное отчаяние.

— Пойми, я не в состоянии больше выносить эту казнь, — признавался он старому приятелю Офросимову, продолжавшему служить в адъютантах у князя. — Я виноват, знаю, ну и пусть накажет, хоть в солдаты разжалует, все готов вытерпеть, только не это презрение.

Офросимов молча вздыхал. Жалко было Дениса. Да что поделаешь! Дважды пробовал намекать Багратиону, — тот словно мимо ушей пропускает.

Выручил неожиданно Матвей Иванович Платов.

Он командовал авангардом армии. Дружески встретив в главной квартире Дениса, узнав о его прегрешениях, старый атаман, подморгнув глазом, сказал с обычной хитринкой:

— Попытаюсь, братец, нападение с фланга произвести... Уповай на казацкий умишко!

При разговоре с Багратионом, старым своим соратником, Платов пожаловался:

— В командирах нужду терплю, ваше сиятельство... Ни в одном полку до комплекта офицеров не хватает...

— Знаю, Матвей Иванович, да ничем пока помочь не могу, — ответил Багратион. — Вчера генерал Марков говорил, у него с офицерами похуже, чем у тебя.

— Мне бы хотя из тех, что при главной квартире без дела сидят, — смело вставил Платов. — Нынче встретил тут одного... Офицер боевой, мне известный... Я бы ему под команду казачий полк отдал...

— Это кто же?

— Штаб-ротмистр Денис Давыдов...

Багратион взглянул в глаза атаману и, догадавшись о его хитрости, рассмеялся:

— Вот что! За Давыдова хлопочешь? Договорились, видно, на кривой меня объехать...

— Я бы впрямь к себе его взял, Петр Иванович, — переходя на приятельский тон, сказал Платов. — Томится человек без дела-то... Смотреть жалко!

— Не заступничай, — перебил Багратион, — сам молодца люблю, да нельзя с ним иначе... Помнишь, как Суворов говаривал? «Субординация или послушание — мать дисциплины...» А Давыдов, давно примечаю, своевольничать любит, никакой субординации признавать не желает! Вот и хочу, чтоб холодным ветерком горячую голову обдуло!

Матвей Иванович, хотя и состоял в генеральском звании, до субординации был сам небольшой охотник. Он произнес многозначительно и со вздохом:

— Так-то оно так, ваше сиятельство, да как бы совсем головы не застудить...

Багратион задумался, слова атамана принял к сведению. В тот же день Денис, вызванный князем, во всем чистосердечно ему признался. Багратиона тронуло полное раскаяние адъютанта. Сделав ему наставление, простил. Но когда через несколько дней Денис, выбрав удобную минуту, намекнул о своем желании опять служить в авангарде, князь решительно отказал:

— Никуда, душа моя, не собирайся... Будешь состоять при мне. Работы хватит!

Дело было, конечно, не в работе, а в том, что Багратион, ценя многие хорошие качества Дениса, лучше, чем кто-нибудь другой, знал его недостатки и желал их исправить. Багратион еще в прусскую кампанию имел возможность убедиться, что горячему и храброму офицеру недостает выдержки и дисциплины. Кульнев при откровенном разговоре тоже отметил склонность Дениса под влиянием настроения или отважного порыва поступать иной раз по-своему, вопреки приказу. Багратион и Кульнев не были педантами, сами, следуя суворовским заветам, поощряли в офицерах и солдатах самостоятельность, инициативность, ограниченную, однако, разумной необходимостью. Беда Дениса заключалась в том, что при пылком темпераменте и необузданности желаний он часто выходил за рамки необходимости, проявлял своеволие и мог тем самым погубить себя. Случай, который произошел в Каменке, настораживал. Служи Денис не у Багратиона, самовольное продление отпуска могло кончиться для него потерей мундира.

Оставив при себе Дениса, Багратион внимательно следил за ним, нарочно давал поручения, требовавшие особенной выдержки, дисциплины, точности. Денис служил ревностно, не своевольничал. Урок, видимо, пошел на пользу. Во всяком случае, сдерживать свои порывы и желания он научился.

...В середине августа войска Молдавской армии начали наступление. Одна за другой пали турецкие крепости Матчин, Гирсово, затем Измаил и Браилов.

Корпус генерала Маркова, по приказу Багратиона, продвинулся к Черному морю, занял приморские крепости Кюстенджи, Мангалию и Каварну. Сам Багратион с основными силами армии, наголову разбив турок под Рассеватом, подошел к придунайской крепости Силистрия.

Исполняя приказы главнокомандующего, Денис не раз проявлял высокое мужество, был дважды представлен к награждению, но, как и в прошлую кампанию, ничего, кроме общего для всей армии «высочайшего благоволения», не получил. Багратион полагал, что награждение Дениса задерживает кто-то в военной коллегии, и собирался доложить об этом лично государю. Денис, отлично знавший истинные причины, говорить на эту тему с князем счел неудобным: Багратион пользовался благосклонностью Александра, служил ему преданно. Впрочем, вскоре и он познал меру царской благожелательности.

Крепость Силистрия считалась сильнейшей на Дунае. Она была обнесена высокими стенами, защищена глубоким рвом с контрминами. Гарнизон состоял из двенадцати тысяч солдат при двухстах пушках. А в русских войсках, обложивших крепость, чувствовался недостаток в боевых снарядах, солдаты до крайности обносились, подвоз провианта замедлялся осенней распутицей, усилились страшные эпидемические болезни. Деньги же для закупки продовольствия у местного населения отпускались скупо. Все требования главнокомандующего застревали в военном министерстве. Багратиону часто приходилось расходовать на питание солдат собственные средства.

«Я сам с ними ничего не жалею, последней копейкой моих верных пою и кормлю, — доносил он военному министру Аракчееву, — лучше умру, нежели покажу из суммы экстраординарной. Умру честно и голый» [18].

В таких условиях вести осаду Силистрии не представлялось возможным, да не было и нужды. Багратион правильно решил, что лучше всего перевести войска на левый берег Дуная, перезимовать, а с вес-

ны идти на Балканы. Этот план давал также возможность оказать большую помощь храбро сражавшимся за свою независимость сербам. Однако император Александр, не желая ни с чем считаться, требовал во что бы то ни стало взять Силистрию и продолжать наступление.

В это время в Петербург из Константинополя прибыл молодой барон Гюбш, сообщивший императору, что среди турок идут раздоры и поэтому, по его мнению, разбить их сейчас не представляет никакой трудности. Император поверил барону и отклонил все справедливые доводы Багратиона. Получив это сообщение, князь пришел в негодование.

— Как? Русскому главнокомандующему нынче верят меньше, чем мальчишке, не имеющему никакого понятия! — воскликнул он, не стесняясь присутствия адъютантов. — Мне нет доверия! Немецкий щенок стоит больше! Отблагодарили, спасибо! Да все равно, чего не надо — делать не буду, я не двуличка! Баста! Подаю в отставку! За дураков не ответчик!

В феврале 1810 года Багратион получил отставку. На его место назначался молодой генерал Николай Михайлович Каменский.

Денису новый главнокомандующий был известен по прошлым кампаниям с хорошей стороны. К тому же в армии собрались почти все близкие люди: Раевский, Кульнев, Базиль, Левушка... Был слух, что и Ермолов, произведенный в генерал-майоры и находившийся в Галицийской армии, переводится сюда. Тем не менее Денис, привязанность которого к Багратиону выросла еще сильнее, не раздумывая, решил следовать за ним.

Но князь, поблагодарив за любовь и преданность, сказал:

— Я сам не знаю, куда меня пошлют... Можешь пока остаться у Кульнева, однако ж помни, душа моя, что я считаю тебя своим. Ежели получу назначение, приезжай, всегда рад буду...

— Постоянное внимание и доверие вашего сиятельства делают меня навек самым признательным

должником вашим, — с чувством ответил Денис. — Служба у вас — счастливейшие дни моей жизни! И ничто не может удержать меня, чтоб при первом известии незамедлительно явиться к вам...

— Ну, это еще как тебя отпустят! — с благодушной иронией заметил Багратион.

— Я полагаю, что Яков Петрович Кульнев...

— Да не в нем дело, душа моя! — перебил, улыбаясь, Багратион. — Кульнев-то отпустит, а вот что скажет прелестная Аглая Антоновна?

Поняв, что князь намекает на «каменский случай», Денис смутился, покраснел.

— Я дал слово вашему сиятельству...

— Шучу, шучу, не обижайся! — поспешил успокоить Багратион. — Кто богу не грешен, кто бабке не внук! Я уверен, впредь с тобой того не случится... А теперь, пока здесь начальствую, — после небольшой паузы закончил он, — даю тебе в награду за примерную службу отпуск на месяц... Меня, кстати, до Киева проводишь!

Денис от такого предложения не отказался. Армия, все-таки переведенная Багратионом на левый берег Дуная, стояла на зимних квартирах, боевых действий пока не предвиделось. Да и то сказать: служил ведь без надежд на отличия и награды. Вправе хоть чем-нибудь вознаградить себя! И, конечно, провел свой отпуск в Каменке, где встречен был более любезно, чем сам предполагал.

Тем временем новый главнокомандующий наводил в армии свои порядки. Войска, до сих пор знавшие Каменского как способного и храброго генерала, были поражены огромной переменой, происшедшей с ним. Дело объяснялось просто. Сын фельдмаршала, жестокого крепостника и самодура, убитого в прошлом году крестьянами за вечные издевательства, Каменский унаследовал от родителя дурные черты его характера. Находясь в небольших чинах, он не проявлял этих черт слишком наглядно, но, постепенно возвышаясь, пользуясь благосклонностью императора Александра и Аракчеева, все более и более становился заносчивым, завистливым, жесто-

ким. После убийства отца стал мстительным и окончательно перешел в лагерь поклонников палочной дисциплины. Это обстоятельство, очевидно, и послужило одной из главных причин для назначения Каменского на пост главнокомандующего.

Император давно уже с неудовольствием наблюдал за деятельностью Багратиона, устраивавшего войска по суворовскому образцу. Человеческое отношение к «нижним чинам» и разумное поощрение солдатской инициативы казались недопустимым либерализмом.

Назначая Каменского, император сказал ему:

— Князь Петр Иванович слишком мягок, не всегда придерживался установленных правил, несколько распустил войска... Надеюсь, вы наведете там настоящий порядок... Я предоставляю вам полную свободу действий!

Приехав в армию, Каменский издал приказ, полный угроз тем, кто не будет оказывать ему доверия. На другой день отменил все «поблажки», введенные для «нижних чинов» Багратионом. Приказал расстрелять без суда нескольких солдат, виновных в различных мелких нарушениях приказов. Полковым командирам предложил усилить строгость и по своему усмотрению гонять провинившихся солдат сквозь строй до трех тысяч раз.

С генералами и офицерами главнокомандующий держался надменно, оскорблял их на каждом шагу. Никаких советов признавать не желал. Доходило до того, что открыто называл себя гением, а всех окружающих дураками. Подобное поведение ничего, кроме вреда, не принесло. Войска упали духом. Многие командиры покинули армию.

Начав в мае наступление, Каменский на первых порах овладел Базарджиком и Силистрией, но под Шумлóй был вынужден остановиться. Эту хорошо укрепленную крепость защищали лучшие турецкие войска под начальством великого визиря Юсуфа-паши. А русская армия, растянувшаяся на восемьдесят верст, томимая зноем, таяла от повальных болезней. Но главное — был утерян боевой суворовский по-

рыв, отличавший войска, когда они находились под командой любимых начальников.

Не считаясь ни с чем, Каменский объявил в приказе, что через два дня возьмет Шумлу. Раевский, командовавший одним из корпусов, будучи на обеде у главнокомандующего, высказал сомнение:

— Я не думаю, что Шумлу так легко взять, как ваше сиятельство предполагает.

— А все-таки она будет взята, если я приказал! — заносчиво возразил Каменский. — Послезавтра мы там обедаем! Не сомневайтесь! Я уже заказал кондитеру изготовить на сладкое турецкую башню из крема, украшенную моими гербами.

— Отважное предприятие, ваше сиятельство, при такой жаркой погоде, — насмешливо ответил Раевский, намекая, что крем может растаять.

Каменский промолчал. Но на следующий день отрешил Раевского от должности, послал в Яссы командовать резервами.

Вскоре начались неудачи. Вынужденный отступить от Шумлы, Каменский перебросил войска к Рущуку, но под стенами этой крепости снова потерпел поражение. Осаду приморской крепости Варны тоже пришлось снять.

Денис, произведенный по старшинству в ротмистры, исполняя обязанности бригад-майора в авангардном отряде Кульнева, как и все командиры суворовской школы, ясно видел, что причины почти всех неудач заключаются в отходе главнокомандующего от суворовских методов, в негодной попытке вновь возродить в войсках ненавистную прусскую систему, основанную на палочной дисциплине [19].

Денис в то время особенно подружился со штаб-ротмистром Сергеем Григорьевичем Волконским. Этот хорошо образованный и либерально настроенный офицер был душой довольно значительного кружка независимо державшейся офицерской молодежи, не скрывавшей своего неодобрительного отношения к действиям главнокомандующего.

Выражая настроения этой независимой молодежи, Денис Давыдов 14 июля 1810 года из лагеря под Рущуком писал Раевскому:

«С тех пор как вы нас оставили, милостивый государь Николай Николаевич, много воды утекло. Курс нашего могущества с часу на час упадает. Угрозы, дерзости, бешенство против артиллерийских генералов не дают ни ядер, ни бомб, ни брандкугелей... Все окружающие великого Могола бранены, разбранены и ошельмованы по пяти раз на день. Со всем тем дела не только лучше не идут, но еще расстраиваются более и более. Время прошло, когда какое-то преимущество, называемое гением, а нами — дурацким счастьем, давало право делать неистовства без возмездия и критики. Нынче мы... у Рущука. Маска спала, и остался человек. Да какой! Все глаза открыли и все так кричат, что и я опасаюсь слушать...» [20].

Как-то раз Волконский объявил товарищам:

— Нашего полку прибыло, господа! Приехал граф Павел Александрович Строганов и при первой же встрече с нашим великим Моголом высказал себя противником его самодурств...

Имя Строганова пользовалось среди офицеров большой популярностью. Привлекала необычайная его биография. Молодой граф, воспитанник француза-республиканца Жильбера Ромма, будучи в Париже во время революции, высказывает открыто свои симпатии восставшему народу, участвует в штурме Бастилии, вступает в якобинский клуб. А возвратившись в Россию, сближается с великим князем Александром Павловичем и после его воцарения становится членом негласного комитета и министром. Но, убедившись, что былой либерализм царственного друга быстро испарился, Строганов выходит в отставку и простым волонтером отправляется в действующую армию.

Порядки, устанавливаемые в войсках Каменским, привели Строганова в негодование.

— Я не ожидал видеть столь жестокого обращения с людьми, как у вас, — сказал главнокомандую-

щему Строганов с присущей ему откровенностью. — И мне хочется напомнить вашему высокопревосходительству, что поразительные успехи Суворова во многом зависели от гуманного обращения с людьми, а не от учащенных наказаний и зуботычин...

Каменский вспыхнул. Он давно не терпел никаких замечаний. И будь его воля, он стер бы в порошок этого волонтера-офицеришку с якобинскими замашками! Но приходилось сдерживаться. Строганов хотя и снял мундир министра, а все же имел свободный доступ к императору, а у того семь пятниц на неделе.

— В своих действиях я буду отчитываться сам, — сухо ответил Каменский, — а вас прошу не запамятовать, что, пока я командую армией, здесь все будет подчиняться моим, а не каким-либо иным приказаниям...

Строганов откланялся и более с Каменским встречаться не пожелал, но от критики его поступков не отказался. Квартира Строганова сделалась постоянным местом сбора всех недовольных офицеров. Тут часто бывали и Кульнев, и Волконский, и Денис, и Левушка. Денису нравилась склонность любезного хозяина к распашным беседам и подкупающая откровенность, с какою он вспоминал о революционных событиях в Париже. Однажды, заметив, что Давыдов появляется в авангардных частях в гусарской форме, представляя тем самым хорошую мишень для турок, граф предостерег от подобной неосторожности и тут же подарил Денису превосходный казацкий чекмень, от которого тот не отказался, отблагодарив графа стихами.

Вскоре Строганов по настойчивой просьбе Каменского был из армии отозван. А затем опала постигла и тех, кто посещал его. Прежде всего Кульнева.

В сражении при Батине Якову Петровичу было приказано командовать атакующими войсками левого фланга. Эти войска, состоявшие из недавно сформированных частей, несколько раз поднимались в атаку, но не могли устоять против мощного на

этом участке огня турецкой артиллерии и неизменно с большим уроном откатывались назад.

Убедившись, что все старания напрасны и нужна перестройка войск, а главное — пополнение орудиями, Кульнев приказал прекратить дальнейшие атаки.

В это время на левый фланг примчался Каменский, сопровождаемый адъютантами.

— Что у вас такое, генерал? — сердито спросил он у Кульнева, соскочив с коня. — Почему прекращены атаки?

— Бесполезно теряем людей, ваше сиятельство, — ответил Кульнев. — Превосходство неприятельской артиллерии столь очевидно...

Каменский не дал договорить фразы, яростно крикнул:

— Вздор! Чепуха! Приказываю возобновить!

— Я доложил вашему сиятельству, — стараясь держаться как можно спокойней, повторил Кульнев, — почему атаки не удаются...

— Потому, что начальники, — перебил Каменский, — не подают примера храбрости, а много умничают и рассуждают!

Кульнев изменился в лице. В финской кампании он с небольшим отрядом героически прикрывал отступление армии Каменского, допустившего тогда явную оплошность.

— Граф, вы слишком скоро забыли про Куортани и Оровайс, — напомнил Кульнев.

Каменский пришел в бешенство, затопал ногами и, наконец, приказал своему адъютанту Арсению Закревскому арестовать Кульнева.

Яков Петрович хладнокровно расстегнул портупею, бросил саблю к ногам главнокомандующего:

— Вы можете ее у меня отнять, граф, — спокойно сказал он, — но более от вас я никогда ее не приму...

И на другой же день Кульнев уехал из армии.

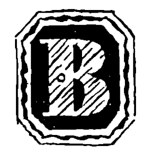
Денис Давыдов тоже не захотел оставаться в армии, где заводились чуждые ему порядки. Он возвратился к Багратиону, назначенному командующим Западной армией, расположенной в районе Житомира и Луцка.

Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны.

Л. Толстой

I

начале 1812 года всем уже было ясно, что военная гроза неотвратимо надвигается. Россия, вынужденная по Тильзитскому договору примкнуть к континентальной блокаде, проводимой Наполеоном, с каждым годом все сильнее ощущала тяжесть этой системы. Резкое сокращение вывоза сырья за границу подрывало экономику страны, плачевно отражалось на финансах. Курс рубля катастрофически падал.

Чтобы немного поправить положение, русское правительство тайно возобновило торговые отношения с Англией, а затем ввело новый, повышенный

таможенный сбор с товаров, ввозимых из Франции, чем чувствительно задевались интересы французской крупной буржуазии.

Наполеон, ставший властелином почти всей Западной Европы, не мог мириться с тем, что Россия, оставаясь независимым, жизнеспособным государством, самостоятельно развивала свою экономику и не желала способствовать его политике. Наполеон мечтал о мировом господстве. Он хотел проникнуть даже в Индию. Независимость России была главным препятствием для осуществления его захватнических планов. Наполеон начал подготовку новой войны, угрожая русскому народу полным порабощением.

Уже осенью 1811 года полковник Чернышев, посланный императором Александром в Париж, доносил:

«Война решена в уме Наполеона... Мысль о мировладычестве так льстит его самолюбию и до такой степени занимает его, что никакие уступки, никакая сговорчивость с нашей стороны не могут уже отсрочить великой борьбы, долженствующей решить участь не одной России, но всей твердой земли...»

Наполеон собрал для похода в Россию огромную армию, насчитывавшую шестьсот тысяч человек при тысяче четырехстах двадцати орудиях. Кроме того, он надеялся на помощь Турции: по его мнению, она могла выставить стотысячную кавалерию для вторжения на Украину. Наполеон заранее послал в Константинополь опытных агентов Латур-Мобура и Андреосси, поручив им всеми способами склонить турок к затягиванию военных действий против русских. Однако из этой затеи ничего не вышло. Главнокомандующий Молдавской армии генерал Каменский внезапно скончался. Назначенный на его место Михаил Илларионович Кутузов, совершив блестящий маневр, разгромил турецкую армию на Дунае и, несмотря на интриги французов, принудил султана к миру. По договору, заключенному Кутузовым в Бухаресте, турецкая граница отодвинулась от Днестра к Пруту. Бессарабия освобождалась от турецкого ига, участь сербов, болгар и других славянских на-

родов значительно облегчалась. А войска Молдавской армии могли быть теперь частично переброшены на западную границу.

Узнав о подписании Бухарестского мирного договора, Наполен пришел в сильнейшее негодование.

— У этих болванов турок дарование быть битыми! — воскликнул он. — Победа Кутузова так велика, что я предвидеть этого не мог!

И все же русские вооруженные силы по численности намного уступали силам наполеоновской армии. Да и устройство русских войск внушало серьезные опасения. Император Александр под давлением оппозиционно настроенных дворянских и военных кругов вынужден был два года назад сместить графа Аракчеева с поста военного министра, назначив на его место генерала Барклая де Толли. Новый министр начал довольно энергично проводить необходимые оборонные мероприятия, но они парализовались вмешательством самонадеянного и невежественного в военном деле императора, находившегося всецело под влиянием тупого адепта прусских доктрин генерала Карла Людвига фон Пфуля. Этот проповедник абстрактных военных теорий за шесть лет пребывания в России не сумел даже научиться русскому языку, хотя его денщик, неграмотный солдат Федор Владыко, выучился за это время отлично говорить по-немецки, помогая при случае своему хозяину объясняться с русскими. Пфуль выработал нелепый и предательский план обороны, который, однако, был одобрен императором. Русские войска, стоявшие на западных границах, разделялись на три армии.

Первая, численностью в сто двадцать семь тысяч человек, стоявшая от Балтийского моря до Гродно, должна была вести главные бои с неприятелем, а в случае отступления, по мысли Пфуля, сосредоточиться при местечке Дриссы, в заранее укрепленном лагере, представлявшем настоящую ловушку для русских войск. Командование этой армией император поручил военному министру Барклаю.

Вторая армия, имевшая сорок семь тысяч человек под начальством Багратиона, располагалась южнее

Гродно. Она обязывалась действовать в тылу и на флангах противника.

Третья армия, насчитывавшая сорок четыре тысячи человек под командованием Тормасова, должна была защищать подступы к Украине.

Порочность подобного плана была очевидна. Наполеоновская армия при огромном численном превосходстве имела возможность действовать крупными группировками, направляя их к определенным центрам. Как же могли отразить наступление наполеоновских полчищ русские войска, растянутые кордоном на протяжении почти шестисот верст? Вопрос этот, вызывавший постоянные споры в среде военных, оставался неразрешенным, но все понимали, что так или иначе борьба с Наполеоном предстоит упорная, трудная, жестокая.

...В тот год весна выдалась ранняя. На благодатной украинской земле в середине марта все зеленело. Генерал Раевский, командир седьмого корпуса, входившего в состав недавно реорганизованной второй армии, возвращался из Каменки к месту службы в легкой рессорной коляске. Рядом с ним сидел его старший сын Александр, семнадцатилетний прапорщик, с узким желтым лицом и строгими, не по годам, глазами.

Предчувствуя, что военные действия могут вот-вот начаться, Николай Николаевич сделал дома все необходимые распоряжения, а главное — уговорил жену опять переехать из Болтышки в Каменку, к матери. Кто знает, какие случайности ожидают; лучше, чтобы вся семья находилась вместе. В Каменке сейчас стало тихо. Семейных неприятностей не предвиделось. Брат Александр Львович снова надел мундир, уехал в первую армию. Базиль отправился с ним. Софья Львовна жила в Петербурге. Аглая Антоновна с детьми тоже собиралась выехать туда осенью. Раевский беспокоился лишь за младшего сына, одиннадцатилетнего Николеньку, решительно отказавшегося сидеть дома в такое время. Пришлось дать ему обещание взять летом к себе в корпус. Но куда же устроить мальчишку?

— Я полагаю, папенька, что Николеньке лучше всего находиться при вашем штабе, — заметил при разговоре Александр.

— Так-то оно так, — вздохнул Николай Николаевич, — да ведь не усидит спокойно... Горячи вы оба!

— За меня не беспокойтесь, я без надобности под огонь не полезу, — отозвался с какой-то суховатостью в голосе Александр. — Мне молодым умирать никак не улыбается!

Раевский внимательно посмотрел на сына, прищурился:

— А ежели надобность будет... под огонь-то? Тогда как?

Александр взгляд отца выдержал, ответил твердо:

— Тогда другое дело... Долг и честь прежде всего... Я сын генерала Раевского.

Николай Николаевич ласково привлек его к себе, поцеловал в голову.

— Иного и не ожидаю никогда от детей своих слышать... Спасибо, Саша!

Щеки Александра зарумянились. Глаза просияли.

...До местечка Вельцы, где располагались тогда войска седьмого корпуса, оставалось несколько верст. Дорога, обогнув небольшую березовую рощу, стала подниматься на изволок. Неожиданно вдали показался всадник. Он скакал навстречу.

— Что такое? Уж не случилось ли что-нибудь в корпусе? — вслух сказал Раевский, заранее известивший штаб о своем прибытии. — По посадке видно, что офицер гусарский...

Всадник приблизился. Вглядевшись, Раевский воскликнул:

— Да ведь это Денис Давыдов! Вот оказия!

Коляска остановилась. Денис, поплотневший за последнее время, с округлившимся, бронзовым от загара лицом, на всем скаку осадил коня, молодецки соскочил на землю.

— Ты куда же галопируешь? — обнимая его, спросил Раевский.

— Встречаю ваше превосходительство, — блестя

веселыми глазами, отозвался Денис. — Пользуюсь счастливым случаем поздравить дорогого генерала и Сашеньку с благополучным прибытием. А случай весьма ординарный. Князь Багратион, прибывший вчера из Вильно, просит безотлагательно пожаловать к нему завтра на совет в главную квартиру...

— Как себя князь Петр Иванович чувствует?

— Сердит и громоподобен! Военного министра ругает... А пуще того господину Пфулю достается, составителю глупейшего, смеху достойного, плана...

Николай Николаевич слегка поморщился, перебил:

— Смех-то сквозь слезы, братец... Расхлебывать Пфулеву кашицу нам придется!

Саша, хороший наездник, понимавший толк в лошадях, завистливо поглядывал на дорогую, недавно приобретенную Денисом английскую рыжую кобылу, нетерпеливо перебиравшую ногами. Раевский, обратившись к сыну, предложил:

— Ты погарцуй пока, Саша, ежели охота есть... А мы с Денисом Васильевичем в коляске потолкуем... Да и поехали, чтоб даром времени не терять!

Александр согласился. Переместились. Тронулись.

Денис, давно не видевший Николая Николаевича, очень обрадовался откровенной, как всегда, беседе с ним. К тому же необходимо было посоветоваться об одном важном деле.

Понимая, какая страшная опасность угрожает отечеству, Денис твердо решил предстоящую кампанию служить во фронте, поступить в армейский кавалерийский полк, добиться затем разрешения начальства на создание отдельного отряда для поисков в тылу противника. Обладавший известным опытом, Денис полагал, что, получив хотя бы небольшой отряд, сможет причинить много вреда неприятельской армии. Но как осуществить это намерение? Состоя в адъютантах при князе Багратионе, он продолжал числиться в гвардии. Добровольный перевод гвардейца в армейский полк представлялся случаем исключительным. Обычно такой перевод производил-

ся по указанию императора в качестве наказания, как оно и случилось когда-то с ним. Разрешить добровольное оставление гвардии не мог даже командующий армией. Надлежало ходатайствовать об этом перед самим императором, однако, зная о его неприязни к себе, Денис совершенно справедливо полагал, что любое ходатайство будет отклонено. Характер императора достаточно всем известен. Он обязательно усмотрит в ходатайстве неугодного лица что-то подозрительное и поступит наперекор даже здравому смыслу. Да и какие же причины можно выставить для объяснения своего желания поступить в армейский полк? Столь любезные императору прусские военные доктрины исключали возможность какой бы то ни было самостоятельности, инициативности офицеров и солдат.

Денис все же попробовал вчерне написать прошение. Ссылаясь на морунгенское дело, на действия платовских отрядов, на собственный опыт при набеге на остров Карлое и другие примеры, он весьма убедительно доказывал пользу такого рода деятельности. И все-таки послать прошение не решился. Отказ императора мог сразу и окончательно пресечь все надежды. Посоветоваться же, как на грех, было не с кем. Ермолов, недавно назначенный командиром гвардейской дивизии, находился в первой армии. Там же был и Левушка, состоявший в адъютантах у генерала Бахметьева. Кульнев служил в корпусе Витгенштейна. А кавалергардский полк, где по-прежнему оставался Евдоким, не выходил еще из Петербурга. Следовало, конечно, обратиться к Багратиону, в добром отношении и поддержке которого Денис не сомневался. Но, во-первых, князь последнее время был в Петербурге, а затем в Вильно; во-вторых, сначала хотелось поговорить с кем-нибудь из родных и близких... Вот почему Раевского Денис ожидал особенно нетерпеливо.

Внимательно его выслушав, Николай Николаевич задумался. Дело было сложное. Не так-то просто преодолеть препятствия, созданные существовавшей тогда системой.

— Задача нелегкая, что и говорить, — подтвердил Раевский. — Надеяться на благосклонность государя тебе, конечно, нельзя... И мотивы для прошения у тебя более чем неподходящие... Государь терпеть не может волонтерства и самостоятельных действий.

— Неужели отказаться от мысли, осуществление коей без сомнения, принесет пользу отечеству? — сказал, горячась, Денис.

— Отказываются от хороших мыслей, голубчик Денис, слабые духом люди, — спокойно ответил Раевский. — Я сделал лишь общие замечания. А теперь попробуем разобраться благоразумно, что же можно предпринять. Прежде всего скажи, в какой полк желаешь определиться.

— Я имел в виду просить о службе в Ахтырском гусарском, находящемся в корпусе вашем.

— Отлично, не возражаю, — согласился Раевский. — Там, кстати, вакантная должность командира батальона имеется... Но как же осуществить перевод? Прошение, разумеется, писать придется, но самому тебе, на мой взгляд, делать этого не следует. Лучше всего, чтоб послал ходатайство князь Петр Иванович. Притом ни о каких дальнейших твоих намерениях сообщать не надо. Пойми раз навсегда. Это мотивы не для разрешения, а для верного отказа.

— Соглашаюсь с вами. Однако какие-то причины так или иначе указать необходимо?

— Ты просишься в Ахтырский гусарский полк как боевой, опытный офицер, желающий служить в строю. Ничего более. А дальше будет видно. Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать, — добавил Раевский по-французски.

— Сомнительно все же, чтобы государь даже это разрешил, почтеннейший Николай Николаевич, — вздохнул Денис. — Вам известно его отношение ко мне...

Раевский опять задумался.

— Гм... Я, правда, не совсем уверен, — медленно произнес он, — но склонен думать, что при теперещ-

них обстоятельствах, пожалуй, можно будет обойтись и без государя.

— Как? Каким образом? — оживился Денис.

— Небольшой обходный маневр, — улыбнулся Раевский. — Попроси князя Петра Ивановича, чтоб ходатайство о твоем переводе в Ахтырский полк он написал на имя военного министра. Я Михайлу Богдановича достаточно знаю. Он умен и тонок, а посему не пожелает подавать лишний повод для неудовольствия со стороны Багратиона и будет склоняться просьбу его уважить.

— Опять сомнительно, — заметил Денис, — чтоб военный министр взял на себя разрешение вопроса о выходе из гвардии.

— Знаю, знаю. Слушай дальше! — продолжал Раевский. — Государь, насколько известно, в Вильно еще не приезжал, зато там обретается начальствующий над всей гвардией великий князь Константин Павлович. И ежели он, по просьбе Ермолова, коему оказывает благоволение, скажет Барклаю, что ничего против твоего перевода не имеет... Догадываешься теперь?

— Быть вашему превосходительству в дипломатах! — воскликнул сразу повеселевший Денис. — План блистательный! В успехе не сомневаюсь!

— Радоваться-то, положим, рановато... Как еще удастся! Да что князь Петр Иванович скажет!

— Подобного рода просьбы, как моя, у него всегда сочувствие находят, — уверенно отозвался Денис. — Душевно благодарствую за помощь и совет, почтеннейший Николай Николаевич.

...Князю Багратиону давно уже было известно стремление Дениса к самостоятельным действиям. Догадаться, с какими целями добивается адъютант перевода в Ахтырский полк, не представляло труда.

— Что? По вольной волюшке соскучился? — спросил, усмехнувшись, Багратион.

Денису пришлось признаться. Горячие доводы его были дельны. Мысль о возможности создания из армейских войсковых частей отдельных отрядов кня-

зя заинтересовала. В настоящее время, конечно, об этом нельзя и заикаться, а в дальнейшем, смотря по обстоятельствам, можно будет попробовать создать такой отряд. Понравилась и уверенность, с какою Денис готов был взяться за дело. Да и то обстоятельство, что он добровольно решил снять гвардейский мундир, свидетельствовало о чистых помыслах и искренних убеждениях. Ведь на возврат в гвардию ему нечего надеяться!

— Желание твое похвально, душа моя, — мягко сказал Багратион, — но подумал ли ты о последствиях сего поступка?

— Подумал, ваше сиятельство! Перевод в полк армейский лишает меня преимуществ гвардейского офицера, зато позволяет надеяться на другие...

— На какие же?

— Встретить прежде других дерзкого неприятеля на бранном поле и, ежели в дальнейшем представится случай, оказать отечеству более отличные услуги... Поверьте, князь, я бы не осмелился утруждать вас своей просьбой, если б не надеялся с большей пользой проявить свои способности там, чем здесь...

— Хорошо, — сказал Багратион, — я сегодня же, как ты просишь, сообщу военному министру... Можешь и впредь полагаться на полное мое содействие.

В ту же ночь князь собственноручно написал Барклаю следующее:

«Адъютант мой, лейб-гвардии гусарского полка ротмистр Давыдов, желая предстоящую кампанию служить во фронте, чтобы с тем вместе встретить новые случаи оказать военные способности свои, просит о переводе в Ахтырской гусарский полк. Уважив его желание, основанное на толико похвальном намерении и готовности оправдать его самим делом и за неимением способов содержать себя в корпусе гвардии по весьма небогатому состоянию, покорнейше прошу вашего превосходительства испросить на перемещение Давыдова в Ахтырский гусарский полк высочайшее соизволение. При сем случае, вменяя в обязанность свидетельствовать о достоинствах офицера сего, служившего несколько кампаний при мне

и при других начальниках с отличной честью, я покорнейше прошу вашего высокопревосходительства довести до сведения его императорского величества признательность мою к отличным заслугам Давыдова и, исходатайствовав высокомонаршее воззрение на службу его при перемещении в полк, испросить старшинства настоящего чина»[21].

Дальше все произошло так, как предполагал Раевский.

Военный министр находился в Вильно, где располагался штаб первой армии. Денис отправился туда с письмом князя сам. Он решил не вручать письма до тех пор, пока не повидается с Ермоловым, дивизия которого стояла в окрестностях города.

Алексея Петровича застал поздно вечером в небольшом загородном помещичьем доме. Ермолов сидел за столом, заваленным бумагами, и беседовал с незнакомым худощавым, скромным по виду, армейским подполковником.

— Вся надежда на вас, Алексей Петрович, — говорил подполковник, — вы меня знаете... Я не из-за личной выгоды стараюсь, мне интересы отечественные дороги...

— Верю, верю, голубчик, все, что будет в моих силах, сделаю, — обещал Ермолов. — Ежели военный министр не решит дела по справедливости, то постараюсь доложить государю...

Офицер откланялся, ушел. Оставшись вдвоем с Денисом, Ермолов пояснил:

— Вот тебе опять случай для размышления! Офицер сей, Кабанов, имея большие познания в артиллерийском деле, устроил год назад новые прицелы к орудиям. Я сам их испытывал и свидетельство дал, что кабановские прицелы во всем превосходят английские и немецкие, принятые у нас до сей поры... А наши эксперты — немцы отдали предпочтение Фицтуму, прицелы коего никакого интереса не представляют... Почему же, спрашивается? Да потому, во-первых, что сей Фицтум их собрат, а во-вторых, приходится родственником господину военному министру.

— Неужели Михаил Богданович способен на поступки в ущерб делу?

— Да ведь все они, иностранцы, одним миром мазаны, друг друга тянут, — сердито отозвался Ермолов. — Ну, да там видно будет. Рассказывай про себя.

Давыдов подробно изложил свое дело. Алексей Петрович, как и ожидал Денис, от помощи не отказался.

— Вовремя ты приехал, — заметил он, выслушав Дениса. — Через две недели ожидают государя, тогда, пожалуй, поздно будет. При нем ни военный министр, ни великий князь самостоятельно решать твое дело не согласятся. А теперь попробуем. Завтра же с его высочеством поговорю.

Бездарный, вздорный и трусливый великий князь Константин Павлович, будучи смертельно напуган убийством отца, старался всеми силами снискать себе популярность в гвардейской среде. Таких смелых в суждениях и острых на язык людей, как Ермолов, великий князь побаивался и держался с ними предупредительно и любезно.

Алексею Петровичу, хотя не без труда, согласие на перевод Дениса из гвардии получить удалось. Барклай подписал приказ.

8 апреля 1812 года Денис Давыдов, произведенный в подполковники, стал командиром первого батальона Ахтырского гусарского полка.

II

Прошло два месяца. Наступили июньские жаркие дни. Неприятельские войска безостановочно мощными колоннами двигались к русским границам.

Наполеон был совершенно уверен в победе. Будучи в Дрездене, он заявил:

— Я иду на Москву и в одно или в два сражения все кончу. Император Александр будет на коленях просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россию...

Основные силы французов под начальством Наполеона сосредоточивались близ Ковно. Они должны

были наступать на Витебск — Смоленск — Москву. Южнее, у Мариамполя и Кальвари, стояла восьмидесятитысячная армия под командованием Евгения Богарнэ, пасынка Наполеона. Эти войска обязывались содействовать разобщению русских армий. У Новограда и Пултуска находилось семьдесят пять тысяч войск под начальством брата императора Иеронима Бонапарта. Ему было приказано действовать против второй русской армии, державшей фронт на протяжении ста верст, между Лидой и Волковыском, где помещалась главная квартира Багратиона.

11 июня, вечером, триста французских солдат высадились на русский берег Немана, у местечка Понемунь, близ Ковно. Казаки, несшие пограничную охрану, открыли стрельбу. Французы, оттеснив казаков, начали наводить понтонные мосты через реку.

Утром следующего дня неприятельские войска ступили на русскую землю.

...В Ахтырском полку, стоявшем в местечке Заблудово, недалеко от Белостока, никто не сомневался, что военные действия неизбежны. Ахтырцы имели тесную связь с казаками Платова, прикрывавшими стык между первой и второй армиями. Казаки были хорошими разведчиками. Они давно уже доносили, что неприятельские разъезды открыто появляются на левом берегу Немана, что французы подвозят к реке баржи и лесные материалы, ищут удобных мест для переправы.

И все же весть о вторжении неприятеля поразила всех, как громом. Денису момент этот навсегда запомнился. Ночь была тихая, теплая, лунная. Ахтырцы, производившие по распоряжению Багратиона ежедневные усиленные занятия и маневры, разбили палатки на опушке леса. Офицеры первого батальона, как обычно, собрались у костра. Они за короткий срок сумели по достоинству оценить и боевой опыт, и неиссякаемую энергию своего молодого батальонного командира. Привлекал Денис всех и своей поэтической славой, и товарищеской непринужденностью, и остроумием.

В особенности крепко подружились с Денисом

братья Бедряги и молоденький поручик Дмитрий Бекетов.

Бедряги славились в полку как примерные и храбрые офицеры. Их было трое. Старший, высокий, полный, всегда спокойный ротмистр Михаил Григорьевич, ровесник Дениса, командовал первым эскадроном. Второй, штаб-ротмистр Николай Григорьевич, похожий по внешности на брата, но отличавшийся горячностью, командовал вторым эскадроном. Самый младший, Сергей, недавно произведенный в подпоручики, находился при старшем брате.

Бедряги происходили из мелкопоместных дворян Воронежской губернии. Отец их, отставной генерал-майор Григорий Васильевич Бедряга, проживавший на Дону, в родовом поместье Белогорье, некогда служил в суворовских войсках, принадлежал к патриотически настроенным военным, не мирившимся с аракчеевскими порядками. Бедряги учились в кадетских корпусах. Взгляды Дениса на преимущества суворовской военной науки разделяли полностью.

Двадцатилетний поручик Дмитрий Алексеевич Бекетов, из пензенских дворян, воспитание получил домашнее. Среднего роста, ясноглазый, с девически румяным лицом и припухлыми губами, Митенька Бекетов, как называли его товарищи, был юноша неглупый, весьма начитанный, но совсем неопытный в делах военных и житейских. Суворов с детских лет был его кумиром. Бекетов мечтал о военных приключениях, предстоящих боевых действий ожидал с лихорадочной нетерпеливостью. Дениса он просто-напросто обожал, старался во всем ему подражать.

В эту памятную ночь, сидя у костра, попивая пунш и покуривая трубку, Денис с увлечением рассказывал новым своим друзьям о том, какой интересной представляется ему самостоятельная деятельность кавалерийских отрядов.

Не дослушав, Бекетов с юношеской восторженностью воскликнул:

— Денис Васильевич, милый, меня в отряд возьмите! Я верю, что это замечательное дело! Я с вами куда угодно согласен!

Денис, тронутый сердечным порывом поручика, ответил серьезно:

— Непременно возьму, Митенька, если начальство особый отряд мне создать дозволит.

— Что весьма сомнительно, — вставил Михаил Бедряга, — ибо самостоятельные действия нарушают общие правила, принятые во всех армиях.

— Во всяких правилах бывают исключения, — возразил Николай Бедряга. — При защите отечества важен каждый новый способ истребления неприятельских сил и средств.

— Нам-то всем, я думаю, истина сия понятна, — опять спокойно отозвался старший брат. — А попробуй начальство убедить. У нас, как всем известно, пуще огня всяких этих новых способов боятся.

— Однако ж польза подобных действий столь очевидна...

— Подумай сначала! Кто в штабе-то военного министра сидит? Пфуль, Вольцоген, Армфельд, Опперман...

Завязался оживленный спор. Денис знал, как нелегко пробить стену недоверия, создаваемую штабными господами всякий раз, когда дело выходит за рамки уставов, но все же надеялся, что своего в конце концов добьется. Вмешавшись в спор, сказал с чувством:

— Не все же начальство из одного теста, господа! Люди сухой души и тяжкого рассудка, мечтающие искоренить в войсках живой дух и снова напялить на нас кафтаны прусские, со мною, конечно, никогда не согласятся. Но в армии российской, слава богу, есть и такие начальники, как Кутузов, Багратион, Кульнев, Раевский... И сколько еще верных суворовским заветам командиров, в сердцах коих постоянно звенит струна отечественная, струна русская! Я знаю, где следует мне искать сочувствия. И верю, что в надлежащий час найду его!

На офицеров короткая эта речь произвела большое впечатление. Они выразили шумное одобрение:

— Славно сказано, Денис Васильевич!

— Да и не век над нами немцам главенствовать!

— Звенят струны русские, трещат кафтаны прусские!

— Здоровье суворовских командиров, господа!

Бекетов, знавший наизусть все гусарские стихи Дениса, подняв стакан, продекламировал:

Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят...

Неожиданно у костра, словно из-под земли, появился огромный рябой и вихрастый вахмистр Колядка.

— Урядник Крючков до вашего высокоблагородия, — обратился вахмистр к Давыдову.

— Где же он? Давай сюда скорей!

Урядник Иван Данилович Крючков, из Донского казачьего полка Иловайского, был старый приятель. Это с ним пять лет назад при Вольфсдорфе атаковал Денис французских фланкеров. Несколько месяцев назад в станице Семикаракорской, на родине Крючкова, произошел пожар. Семья его, потеряв имущество, оказалась в тяжелом положении. Случайно встретив урядника и узнав о его беде, Денис спросил:

— Сколько же тебе денег-то на постройку нужно?

— Страшно вымолвить, ваше высокоблагородие, — вздохнул казак. — Не меньше как полтораста рублев... Будь я дома, может, и обмозговал бы чего, а теперь... где их одалживать-то?

Денис жил только на жалованье: оторвать от себя такую сумму было нелегко. Но как отказать в помощи человеку, которому в какой-то степени обязан боевым крещением? Денис, не раздумывая, отсчитал деньги. Крючков, тронутый до глубины души, стал самым преданным ему человеком. Полк Иловайского стоял сравнительно недалеко от ахтырцев, близ Гродно. Крючков, отличавшийся неутомимостью и редкой сметливостью, постоянно находился в разведке, бывал даже на той стороне Немана. Ахтырцы во время дальних рекогносцировок не раз пользовались

его услугами. И Денис сам просил урядника, чтобы он, если будут какие интересные, важные сведения, уведомил его. Поэтому появление Крючкова в ночное время сразу насторожило.

— Ты с чем пожаловал, Данилыч? — нетерпеливо спросил Денис, поднявшись навстречу уряднику.

Крючков, видимо утомленный долгой дорогой, весь покрытый пылью, тяжело передохнув, ответил кратко:

— Хранцы в Расеи, ваше высокоблагородие...

Денис отшатнулся, словно его ударили в грудь. Как ни готовил себя к мысли о вторжении неприятеля, а все же весть эта показалась неожиданной и страшной: Денис побледнел, задохнулся от волнения.

— Как? Французы перешли Неман?

— Вчера ночью под городом Ковно переправу начали, — ответил Крючков. — А нынче в больших силах, не встречая сопротивления, по виленским дорогам двигаются... Будто черная туча ползет, ваше высокоблагородие! От пылищи свету белого не видно!

Офицеры с взволнованными лицами окружили казака. Крючков, ездивший с донесением к Багратиону, а на обратном пути завернувший сюда, чтобы сообщить новость, отвечал на вопросы обстоятельно, толково. Сомнений ни у кого не осталось. Война началась.

До сих пор при каждом известии о военных действиях Денис ощущал в себе радостное возбуждение, подогреваемое надеждами честолюбия, желая лишь одного — поскорее попасть на поле брани. Ни о чем другом он не думал. Войны, в которых приходилось участвовать, велись где-то далеко, на чужой земле, и серьезных опасений за судьбу отечества не внушали.

Теперь дело обстояло иначе. Полчища величайшего завоевателя топтали родную землю... Щемящее, тревожное чувство овладело всеми. Даже Митенька Бекетов, более других ожидавший войны, казался растерянным. Французы в России! Двигаются, не встречая сопротивления! Все понимали, что скрывается за этими фразами, какая угроза нависла над родиной.

Крючков заметил мрачное настроение Дениса и, прощаясь, сказал:

— Вы не извольте только сумлеваться, ваше высокоблагородие... Войска у хранца много, да и мы не слабы. Всем, даст бог, головы свернем!

Денис, занятый своими мыслями, ничего не ответил. Крючков уехал.

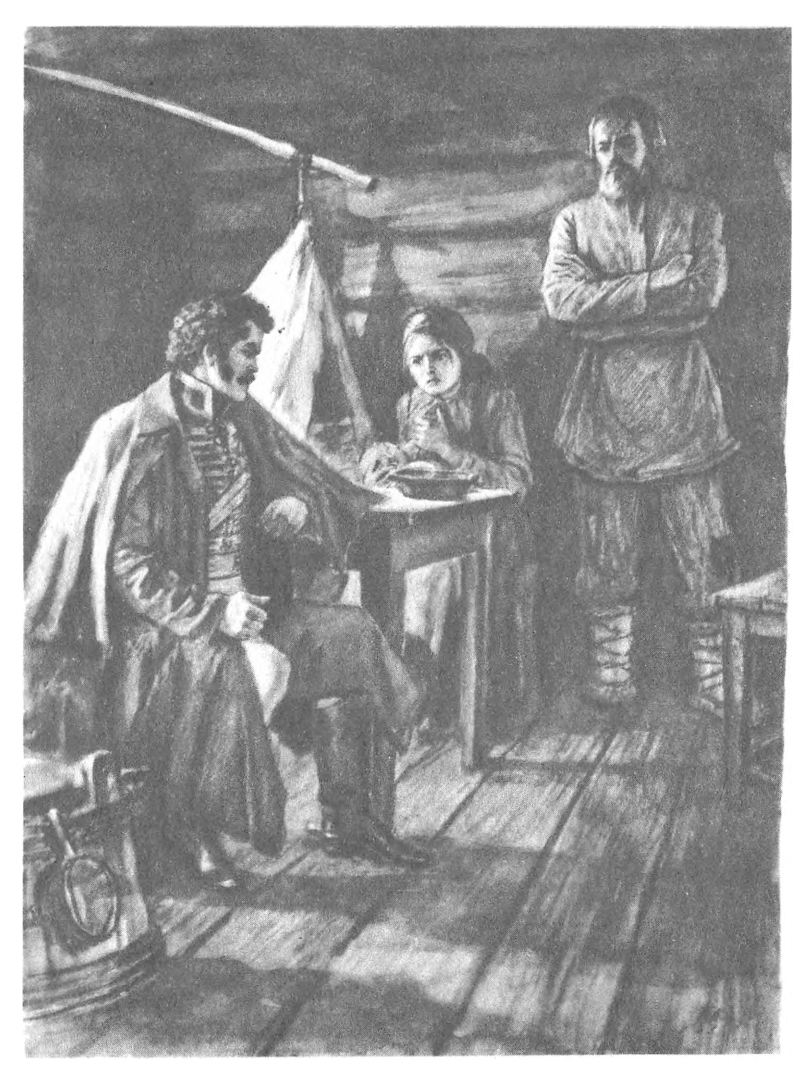
А короткая летняя ночь кончалась. Небо быстро светлело, на восточной стороне все шире и шире расплывалась заря. Из лесу потянуло предутренней прохладой, остро пахнуло ландышем. Не умолкая, заливались, щелкали соловьи. И над речкой, что вилась серебристой лентой среди зеленых лугов, поднимался легкий парок.

Денису показалось, что никогда в жизни он еще не видел такого чудесного утра. Поэтическая душа его была тронута.

— Посмотрите, господа, как чудесна наша земля! — тихо и взволнованно сказал он, обращаясь к товарищам. — Разве не чудовищно, что ее хотят осквернить нечестивые иноплеменники? Нет, клянусь честью, — воскликнул он, — французы дорого заплатят нам за это! Враг превосходит нас числом, но кто и когда превосходил нас в священной ненависти к поработителям отчизны? Вот отныне наше главное оружие, господа!

...В главную квартиру второй армии примчался на другой день Матвей Иванович Платов. Под его командой находился так называемый «летучий корпус», состоявший из восьми казачьих и четырех башкирских конных полков. Платовцы, причисленные к первой армии, стояли у Гродно. Быстрое наступление французов на Вильно разобщило первую и вторую русские армии. Создалось положение, позволяющее Матвею Ивановичу самостоятельно решать вопрос: пробиваться ли к Барклаю, или присоединиться к Багратиону? Платов избрал последнее. Военного министра он не любил. Поспешного отступления первой армии без боя не одобрял.

— Куда же нам за министром угнаться? — не скрывая насмешки, сказал он при свидании с Баг-

К стр. 163

ратионом. — Да и на кой черт я ему нужен? В методике его ничего не смыслю, немцев не почитаю, мужик темный, необразованный. Смущение одно!

— Ты сперва подумай хорошенько, ладно ли будет, — перебил Багратион. — Я тебя с великой радостью под начальство возьму, обо мне толку нет, да как на это министр посмотрит?

— По всем правилам действую, ваше сиятельство, не сомневайтесь, — отозвался Платов. — Вон генерал Дорохов с тремя полками тоже от первой армии отстал... Попробовал пробиться к своим, да чуть в полон не попал: спасибо, мои казаки отбили...

— Где же Дорохов-то сейчас?

— Под свою команду, как старший в чине, принял его. Куда же ему деваться, ежели такой случай? Винить более министра следует, что нас где попало растыкал, а сам без оглядки побежал...

Багратион взглянул на атамана, усмехнулся:

— Что верно, то верно! Сам еле дышу от досады и огорчения. Ну что ж, принимай над арьергардом начальство, Матвей Иванович. Прибавлю тебе артиллерию, киевских драгун и ахтырских гусар, а коли нужно, и всю кавалерию отдам... Скрывать не стану: положение тяжелое! Нынче от самого государя приказание получил, чтоб идти на соединение с Барклаем, а маршрут столь глупый предписан, того и гляди всю армию погубишь. Приходится на самого себя полагаться. Отступать будем с боями, по-суворовски. Всюду, где возможно, подольше неприятеля задерживать, силу его и обозы уничтожать...

— Вот это методика нашенская! — воскликнул повеселевший атаман. — На то и надеялся, Петр Иванович, что казакам моим при армии вашей раздолья больше будет... Ан и не ошибся. Спасибо! Утешил старика!

III

Вторая армия продвигалась в Минском направлении. Однако едва передовые части успели переправиться через Неман, как Багратион получил известие, что войска маршала Даву приближаются

к Минску. А в тылу появились неприятельские разъезды, настигали войска Иеронима Бонапарта. Маленькая армия Багратиона оказалась в кольце, оно быстро сжималось.

План окружения и уничтожения второй армии был разработан самим Наполеоном. Брат его Иероним, король Вестфальский, имея войск в два раза больше, чем Багратион, не смог вполне самостоятельно решить задачу. Он не обладал военным дарованием, медлил, допускал непростительные ошибки. Доверить ему одному действия против талантливого русского генерала было рискованно.

Будучи в Вильно, Наполеон вызвал лучшего своего полководца маршала Даву.

— Король Вестфальский не оправдывает моих надежд, он не исполнил ничего из того, что ему было приказано, — не скрывая раздражения, сказал император. — Допустить соединение русских армий ни в коем случае нельзя. Вам ясно? Возьмите на себя Багратиона... Это достойный во всех отношениях противник вашей доблести. Правая рука старика Суворова.

— Я имел честь убедиться в его разумных действиях в Пруссии, — медленно проговорил Даву. — Князь Багратион храбр, но горяч...

— Следовательно, можно надеяться, — перебил Наполеон, — что вы сумеете навязать ему сражение... Посмотрите, маршал, — указал он на разложенную перед ним карту, — как благоприятствуют вам условия... Ваш корпус немедленно занимает Минск. Дороги перерезаются. Войска короля Вестфальского теснят противника с тыла и фланга. Здесь леса, болота... Багратион вынужден будет капитулировать или погибнуть. В его армии четыре или пять дивизий, не больше. Вы располагаете по крайней мере втрое превосходящими силами.

— Я могу отвечать лишь за действия своего корпуса, ваше величество, — вставил маршал. — Войска короля Вестфальского...

— Я подчиняю их вашему начальству, — опять перебил Наполеон. — Прикажите моим именем его

величеству исполнять все ваши приказания. Впрочем, я напишу ему сам. Корпус Понятовского тоже будет находиться под вашим распоряжением... Ну, что вы скажете?

— Ваше повеление будет выполнено, государь, — слегка наклонил свою лысую голову маршал.

— Отлично! Я не сомневаюсь в успехе, когда за дело принимаетесь вы!

А через несколько дней, узнав, что Даву занял Минск, император торжественно объявил приближенным:

— Багратион у меня в руках! Он никогда уже более не увидится с Барклаем!

Но торжествовал он преждевременно. Багратион, искусно маневрируя, вывел армию из окружения, повернул на юго-восток.

...Стояла страшная жара. Порой собирались грозы, обрушивались ливни. Русские войска шли днем и ночью, пробираясь сквозь лесные трущобы и топи Полесья. Тучи комаров и москитов изнуряли людей. Неприятельская кавалерия следовала по пятам. Ахтырцы и казаки, сдерживая натиск, имели ежедневные сшибки с французами.

Багратион, как обычно, находился среди изнемогавших от усталости солдат, всячески их ободрял.

— Тридцать лет, как я всегда с вами, а вы со мною, — говорил он. — Вспомним суворовские марши! Потяжелей нам приходилось, а видел ли кто солдата унылого?

И войска отзывались на слова любимого командира с необыкновенной теплотой:

— Не было таких и теперь не будет, ваше сиятельство! Выдюжим! Не бойся!

Вскоре, однако, сам Багратион почувствовал необходимость остановки. Надо подтянуть отставшие обозы, дать людям хотя бы краткий отдых.

26 июня войска пришли в Несвиж. Арьергард Платова расположился несколько позади, у местечка Мир. Поздно вечером к ахтырцам, стоявшим в лесу, за Миром, заехал сам Матвей Иванович. Собрал командиров, объявил:

— Князь приказал на два дня задержать супостатов... Дело предстоит жаркое! Начнем с казацкого вентеря, сиречь засады... Вас, господа, прошу до поры до времени полк надежно укрыть. Без моего приказа ничего не предпринимать.

Вентерь, один из самых излюбленных военных приемов донских казаков, заключался в особом способе заманивания противника. Денис, достаточно изучивший казацкие хитрости, вентерем всегда увлекался как интересной, захватывающей игрой. Поэтому с раннего утра он избрал удобное место на опушке леса, вооружился подзорной трубой и стал наблюдать за тем, что произойдет. Вместе с ним находился сгоравший от любопытства Митенька Бекетов, ни разу не видевший вентеря. Поручик забрался даже на дерево, чтобы лучше все рассмотреть, хотя и без того широкая песчаная дорога из Мира на Новогрудок, откуда ожидались французы, была видна как на ладони.

По этой дороге навстречу противнику Платов послал отборную казачью сотню. Несколько других сотен было укрыто почти у самого местечка Мир, за которым раскинулось небольшое поле, окруженное с двух сторон лесами, где скрывалась вся платовская кавалерия.

Прошло некоторое время. Вдали заклубилась пыль. Показались передовые кавалерийские части неприятельского авангарда. Впереди шел третий уланский полк бригады генерала Турно. Казаки в рассыпном строю, приблизившись к уланам, погарцевали перед ними, затем сгрудились, сделали несколько выстрелов. Эскадрон улан, отделившись от полка, двинулся на казаков. Те, стараясь всячески втравить в игру неприятеля, произвели еще несколько выстрелов, затем повернули на Мир. Уланы прибавили рыси. Казаки «не выдержали» натиска, стали «панически» отступать, преследуемые разгорячившимися уланами. Вот уже казаки, потерявшие от «испуга» всякий порядок, влетают в местечко, скачут по улице... Уланы настигают — все ближе, ближе.... И вдруг, выйдя в поле, казачья сотня с молниенос-

ной быстротой рассеялась в разные стороны. Уланы оторопели от неожиданности. В это время из лесу выскочили казачьи сотни Сысоева. Началась жестокая сеча.

Генерал Турно, оценив обстановку, послал на выручку эскадрона целый полк. Казаки только этого и ждали. Как только уланы прошли местечко, из засад вылетели свежие казачьи части. Полк окружили, смяли.

Поле, где происходил бой, находилось невдалеке от стоянки ахтырцев. Бекетов, захваченный зрелищем, воскликнул:

— Денис Васильевич! Вот бы нам сейчас ударить! Ей-богу, ни один улан не ушел бы!

Дениса и самого подмывало ввязаться в бой. Да нельзя — приказ! Он давно уже научился управлять своими желаниями и чувствами, был теперь достаточно дисциплинирован, опытен, чтобы не поддаться искушению.

— Когда будет нужно — прикажут! Хочешь стать хорошим командиром, научись, брат, прежде подчиняться, — произнес он наставительным тоном, припоминая один из суворовских советов.

Между тем уланы, видя, что попали в ловушку, беспорядочно повернули обратно. Вслед за ними помчались казаки во главе с самим Платовым.

Генерал Турно выдвинул еще два кавалерийских полка, но они не выдержали грозной казацкой лавы. Платов загнал их в болото, находившееся в семи верстах от Мира. Тысячи улан погибли. Бригада Турно была разгромлена наголову. Вечером Платов доносил Багратиону:

«Пленных много, за скоростью не успел перечесть. Есть штаб-офицеры и обер-офицеры. На первый раз имею долг и с сим, ваше сиятельство, поздравить. Вентерь много способствовал, от того и начало пошло».

На следующий день командующий неприятельским авангардом генерал Латур-Мобур повторил нападение более значительными силами. На Мир двинулась кавалерийская дивизия Рожнецкого, усиленная

легкой артиллерией. Платов попробовал повторить вентерь, но из этого ничего не вышло. Ксендз местечка услужливо предупредил генерала Рожнецкого о казацкой засаде.

Дивизия наступала осторожно. Пройдя Мир, не встречая сопротивления, остановилась у деревни Симаково. Рожнецкий приказал седьмому уланскому полку разведать лес. Но углубляться в лес уланы побоялись: пошарив у опушки, они устроили привал. Спешились, стали поить коней в небольшой протекавшей неподалеку речке.

Ахтырцы в боевой готовности стояли поблизости. Денис получил приказ атаковать неприятельский полк. Уланы внезапного нападения не ожидали. Многие из них не успели сесть на коней, как очутились под саблями ахтырцев.

Денис врубился в самую гущу противника... Обычное боевое возбуждение сменилось у него каким-то ожесточением. Сабля в его короткой сильной руке, со свистом рассекая воздух, поражала врага направо и налево. Он видел полные смертельного страха глаза улан, слышал стоны, просьбы о пощаде... Прежде подобная картина сжимала сердце, невольно ослабляла удар. Теперь ничто не трогало! Эти чужеземцы осквернили родную землю... Черт ли звал их в гости? Пусть пеняют на себя!

— Руби их в песи! Круши, хузары! — кричал он, припоминая некогда слышанный боевой клич полковника Юрковского.

Уланы под натиском ахтырцев не устояли, начали отступать. Рожнецкий послал на помощь остальные полки дивизии. Платов выдвинул из леса всю кавалерию. Завязался упорный, длительный бой. Лишь во второй половине дня, когда подоспел стоявший в стороне от Мира отряд казачьего полковника Кутейникова, определился исход сражения. Стремительная атака Кутейникова на левый фланг неприятельской дивизии вызвала общее смятение. Рожнецкий отдал приказ об отступлении. Ахтырцы вместе с казаками до темноты продолжали преследовать разбитого противника.

Победа была полной. Багратион в приказе по армии объявил:

«Наконец неприятельские войска с нами встретились — генерал-от-кавалерии Платов гонит их и бьет... Господам начальникам войск вселить в солдат, что все войска неприятельские не иначе, как сволочь со всего света. Мы же — русские!»

Маршал Даву чувствовал себя скверно. Упустив под Минском русскую армию, он мог объяснить причины этой неудачи тем, что король Вестфальский плохо исполнял его приказания. Но чем объяснить дальнейшее? Король, получив нагоняй от императора, обиделся, отбыл из армии. Даву теперь самостоятельно распоряжался стотысячным войском. Никто не мешал осуществить замысел императора. И все же этот хитрец Багратион с поразительной, непостижимой ловкостью продолжал ускользать из рук! Да еще дважды — под Миром и Романовом — нанес сильнейшие удары французскому авангарду, разгромил добрый десяток превосходных кавалерийских полков!

Даву решил положить этому конец. Он точно знал, что армия Багратиона двигается к Могилеву. Вот где русские должны быть остановлены и уничтожены! Даву поспешил занять город, перебросил в него скрытно лучшие дивизии, укрепил позиции. И с нетерпением стал ожидать предстоящей встречи.

9 июля вторая русская армия находилась от Могилева в каких-нибудь двадцати пяти верстах. Состояние армии было до крайности тяжелым.

«В условиях самого невыгоднейшего местоположения, — писал Багратион царю, — армия прошла шестьсот верст, имея на плечах неприятеля, с обозами, ранеными и пленными, что растягивало армию на пятьдесят верст. Одно непомерное желание в людях драться поддерживает их силы. Лошади приходят в изнурение. Не стали бы и люди изнемогать».

Но люди были русские. Багратион надеялся на свои войска. Он имел даже намерение, заняв Моги-

лев, задержать здесь, насколько возможно, дальнейшее продвижение французов.

Узнав, что город занят, Багратион приказал Платову немедленно разведать, в каких силах неприятель. Казаки сначала донесли, что, по всей вероятности, в городе стоит лишь небольшой гарнизон противника, так как особого движения войск на дорогах не замечается. Багратион решил прорваться через Могилев с боем. Он приказал корпусу Раевского сосредоточиться в районе Дашковки, затем выйти к деревне Салтановке, на южных подступах города.

Но вскоре Платов захватил несколько «языков» и добился от них более точных сведений.

11 июля, на рассвете, Багратион, ночевавший в пятнадцати верстах от Салтановки, получил тревожное донесение атамана. В Могилеве сам маршал Даву с несколькими укрытыми дивизиями, а на подходе остальные войска корпуса. Багратиону стал понятен неприятельский замысел. Даву хитрит, нарочно заманивает к городу, желая навязать сражение на выгодных для него позициях.

Сжав губы, Багратион склонился над картой, задумался. Положение создавалось опасное. У Даву под рукой не менее шестидесяти тысяч войск и в любую минуту обеспеченная помощь. Идти на Могилев никак нельзя, можно потерять армию. Это ясно. Но что же предпринять? Лучше всего было бы переправиться через Днепр южнее Могилева, выйти по Мстиславской дороге к Смоленску. Да ведь маршал Даву не чета какому-нибудь тупоголовому Иерониму Бонапарту. Начни обходное движение и переправу — Даву сейчас же всеми силами обрушится на утомленную и обремененную тяжестями армию.

Оставалась одна надежда на Раевского. Войска его стояли у Салтановки, лицом к лицу с неприятелем. Сражение должно завязаться с часу на час. Если б Николаю Николаевичу удалось продержаться под Салтановкой хотя бы два дня! На Раевского можно положиться, как на самого себя. Биться будет до последней возможности. Однако главная задача заключается в том, чтобы убедить маршала Даву,

что вторая армия не имеет никаких иных намерений, как овладеть Могилевом. Только в этом случае Даву придержит основные силы в городе, успокоится, будет заниматься укреплением избранных им самим позиций. Это обстоятельство облегчит и положение Раевского. А мы тем временем сумеем переправить армию.

По обветренному, коричневому от загара лицу Багратиона промелькнула неожиданная улыбка.

— Ах, как славно было бы оставить лысого черта Давушку в великих дураках! — вслух сказал он.

И сейчас же опять задумался. Представился вдруг маршал, каким видел его пять лет назад в Тильзите. Мрачный, подозрительный. Такого нелегко ввести в заблуждение. Правда, атака войск Раевского на салтановские позиции должна служить превосходным доказательством желания русских прорваться к городу. Но этого мало! Необходимо собрать немедленно всех платовских казаков. Пусть гарцуют близ самых городских укреплений и производят суматоху. Еще лучше, если Платов переведет через реку несколько своих полков и появится у города с противоположной стороны.

План в голове Багратиона созрел быстро. Через час адъютанты и ординарцы скакали уже с его приказом в разных направлениях.

На Днепре, у Нового Быхова, застучали топоры. Саперы спешно наводили переправу.

Деревня Салтановка, расположенная на возвышенности, сплошь окружена густыми лесами. Французская пехота генералов Дессе и Компана, еще с вечера занявшая деревню, была надежно укрыта. Несколько замаскированных батарей, поставленных впереди, держали под огнем Дашковскую дорогу, которая, выйдя из леса, спускалась в овраг, пересекала плотину через широкий ручей, затем поднималась к Салтановке. Французы плотину разрушили, устроив в овраге всевозможные заграждения.

Войска Раевского, показавшиеся утром на Даш-

ковской дороге, очутились сразу под сильным огнем. Раевский остановил войска, выдвинул вперед пушки. Гул орудийных залпов потряс воздух. Завязалась артиллерийская перестрелка.

Одновременно Раевский приказал одной из своих пехотных дивизий под командой генерал-майора Ивана Федоровича Паскевича обойти лесом дорогу, выйти к Салтановке, атаковать правый фланг противника.

Ахтырский гусарский полк следовал с этой дивизией, но вскоре вынужден был возвратиться обратно. Густой, дремучий лес сковывал движения и действия кавалерии. Ахтырцев поставили в резерв, позади пехоты.

Раевский со штабом находился на лесной просеке, откуда хорошо просматривалась вся окрестность. Николай Николаевич понимал, что неприятельские позиции почти неприступны. Он не знал еще, какие силы защищают Салтановку, но, судя по мощности неприятельского огня, догадывался, что там сосредоточено войск неизмеримо больше, чем предполагалось. Тем не менее Раевский со свойственным ему спокойствием хладнокровно и искусно исполнял порученное ему дело.

Прошел час, полтора. Неожиданно огонь противника заметно ослабел. Русские артиллеристы удачно накрыли две вражеские батареи. Пользуясь случаем, Раевский двинул к неприятельским позициям два полка егерей. Полки, перебравшись через овраг, достигли передних салтановских укреплений. Закипел штыковой бой. Раевский послал на помощь всю остальную пехоту. Однако прорвать густые колонны французов, в три-четыре раза превосходящих силами, не удалось. Нанеся чувствительный урон противнику, русская пехота вынуждена была отступить. Последующие яростные атаки также успеха не имели. Раевский приказал остановить войска у плотины, перестроить.

Ахтырцы заняли место ушедшей в наступление пехоты и теперь стояли близ самого штаба. Денис

с любопытством наблюдал за Раевским. Вороной белоногий конь генерала нетерпеливо водил ушами и похрапывал. Николай Николаевич неотрывно смотрел в подзорную трубу на плотину, ясно сознавая, что наступает самый ответственный момент сражения. Отбитые неприятелем атаки, несомненно, притушили наступательный порыв войск. Раевский видел, как медленно, словно нехотя, строились в ряды солдаты. Это был плохой признак! Но ни один мускул на лице Николая Николаевича не дрогнул. Спокойствие и выдержка генерала изумляли всех.

Денис перевел взгляд на штабных офицеров и адъютантов. Среди них сразу заметил младшего сына генерала Николеньку. Мальчик неловко сидел на смирной гривастой казацкой лошади и восторженно глядел на отца.

В это время к Раевскому подскакал адъютант Паскевича, доложил:

— Нападение на правый фланг произведено успешно, смято несколько французских батальонов. Солдаты дерутся отважно, дважды ходили в штыки. Но противник беспрерывно усиливает давление, против дивизии скопилось уже не менее десяти тысяч французов. Генерал Паскевич ожидает ваших приказаний.

— Какие же могут быть приказания? — недовольным тоном произнес Раевский. — Я думаю, Ивану Федоровичу не хуже, чем мне, известно, что от нас требуется... Стоять на месте и драться. До последней крайности... Об отступлении помышлять рано.

И, отвернувшись от адъютанта, Раевский тронул поводья. Конь помчался к плотине. Штабные офицеры и Николенька последовали за генералом.

Заметив замешательство в русской пехоте, французы выдвинули несколько своих батальонов. Надо было, не теряя ни одной минуты, ударить в штыки. Войска же колебались. Спустившись в овраг, Раевский сразу это понял. Впереди других стоял Смоленский пехотный полк. Колыхалось на ветру тяжелое полковое знамя, близ которого находился стар-

ший сын генерала Александр. Неприятельский огонь усиливался. Солдаты толпились вокруг знамени. Старания офицеров построить ряды оказывались тщетными. Свинцовый град ежеминутно изменял положение.

Командир смоленцев, высокий и тучный полковник Михаил Николаевич Рылеев, выскакал навстречу Раевскому.

— Трудно в таком аду навести порядок, ваше превосходительство, — задыхаясь от жары и волнения, доложил он. — Боюсь, что полк не удастся поднять...

Раевский усталыми глазами скользнул по багровому, покрытому темными каплями пота лицу полковника. Молча, легко соскочил с лошади. Штабные офицеры последовали его примеру. Оглянувшись, Раевский поймал умоляющий взгляд Николеньки, махнул ему платком. Мальчик, спотыкаясь, радостно побежал к отцу. Николай Николаевич взял его за руку, спокойно солдатским шагом направился к смоленцам. Он был уже в нескольких шагах от передних рядов, как вдруг полковое знамя опустилось. Пуля сразила знаменосца. Александр Раевский быстро перехватил древко, и знамя всплыло вновь. Высоко подняв его над головой, Александр шагнул к отцу, занял место рядом.

Войска на мгновенье словно замерли. Любимый всеми генерал бестрепетно шел к плотине под огнем неприятеля, не щадя ни себя, ни детей. Неизъяснимое чувство ужаса и восторга охватило офицеров и солдат.

— Вперед, ребята! — раздался звучный голос Раевского. — Я и сыновья мои идем с вами вместе... Вперед!

Войска в едином порыве неудержимо рванулись за генералом. Мощная лавина хлынула через плотину, все сметая и истребляя на своем пути. Французы напора не выдержали. Широкая Дашковская дорога до самой Салтановки густо покрылась трупами в синих чужеземных мундирах.

Хотя сражение при Салтановке и не дало как будто ощутительных результатов — французы к вечеру оставались на своих позициях, — однако в корпусе Раевского настроение было приподнятое. Впервые за эту войну линейные русские войска схватились грудью с французскими и, несмотря на их явное численное превосходство, устояли, нанесли огромный урон противнику, проявили полное бесстрашие. О подвиге генерала Раевского говорили всюду. Пример редкого героизма и самопожертвования воодушевил солдат и командиров.

Денис, наблюдавший из леса за битвой у салтановской плотины, отправился поздно вечером к Николаю Николаевичу, чтобы засвидетельствовать свое восхищение его подвигом.

Штаб корпуса расположился на ночлег в Дашковке. Раевский в простой полотняной рубашке сидел в крестьянской хате у стола, писал при свече донесение Багратиону.

Раевский хорошо знал, как родственно привязан к нему Денис, в искренности чувств его нисколько не сомневался, но ничьих восторженных похвал не выносил и, слегка поморщившись, сказал:

— Право, мой друг, ты, кажется, чересчур преувеличиваешь значение моего поступка. По-моему, более достойно удивления общее усердие войск, спасших сегодня от конечной гибели всю нашу армию...

Дениса, не осведомленного еще о хитрости маршала Даву, последняя фраза удивила. Он спросил:

— Разве такая опасность нам угрожала?

— В этом-то все дело! — подтвердил Раевский. — Мы ошиблись расчетом. В Могилеве сам маршал Даву, собравший против нас весь свой корпус и ожидающий с часу на час прибытия новых дивизий...

— В таком случае, почтеннейший Николай Николаевич, мне думается, опасность не уменьшается, а увеличивается?

— Не беспокойся! Князь Петр Иванович принял надлежащие меры, чтоб не попасть в ловушку. Пока мы дрались у Салтановки, отвлекая внимание маршала, наша армия переправлялась через Днепр...

— Как? Значит... опять отступаем?

— Идем к Смоленску, на соединение с военным министром, — с невозмутимым спокойствием произнес Раевский. — Завтра мы и платовские казаки будем поддерживать заблуждение Даву, полагающего захватить нас под Могилевом, а ночью присоединимся к своим, и... вообрази, с каким носом останется искусный стратег Даву, узнав, что армия Багратиона снова из его западни ускользнула!

Денис вначале огорчился известием об отступлении, но, сообразив, какими обстоятельствами оно вызвано, и представив положение маршала Даву, невольно улыбнулся.

— Получается как в пословице... Не рой яму другому, сам в нее попадешь. Не везет с нами маршалу, что и говорить!

— Да... И потому не везет, любезный Денис, что столкнулся он с войсками необыкновенными, для коих отечество дороже жизни... Вот послушай, как я князю Багратиону отписываю...

И Раевский, пододвинув свечу, прочитал:

— «Единая храбрость и усердие российских войск могли избавить меня от истребления толико превосходным неприятелем и в толико невыгодном для меня месте. Я сам свидетель, как многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получа по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир; не могу довольно похвалить храбрость и искусство артиллеристов. В сей день все были герои!»

Дверь в горницу внезапно распахнулась. Вбежал разрумянившийся, оживленный Николенька. Приветливо поздоровался с Денисом, подсел к отцу. Тот ласково погладил кудрявую голову мальчика, посмотрел на него с нескрываемой гордостью и неожиданно спросил:

— А ты знаешь, дружок, зачем я нынче водил тебя с собой в дело?

Николенька поднял на отца счастливые влажные глаза, ответил не задумываясь:

— Да, папа. Чтоб умереть вместе![22]

IV

Чем дальше продвигались в глубь России французские войска, тем все больше мрачнел Наполеон. Ни один из его как будто тщательно продуманных планов не осуществлялся. Разъединить и разбить по частям русские армии не удалось. Барклай не остановился в Дрисском лагере и не дал сражения под Витебском, как того желал французский император. Багратион дважды, словно мальчишку, обманул маршала Даву и привел свои войска к Смоленску, где первая и вторая армии соединились.

В кровопролитных столкновениях с русскими арьергардами французы, несмотря на превосходство в силах, нигде не добились решительного успеха. Русские солдаты дрались как львы. Русские генералы, по крайней мере такие, как Раевский, Дохтуров, Коновницын, Платов, оказались во многих случаях искусней прославленных французских маршалов.

И вообще эта военная кампания никак не походила на те, которые Наполеону приходилось вести прежде. Арман Коленкур, находившийся при императоре, записывал:

«Местных жителей не было видно; пленных не удавалось взять, отставших по пути не попадалось; шпионов мы не имели. Мы находились среди русских поселений, и тем не менее, если мне позволено будет воспользоваться этим сравнением, мы были подобны кораблю без компаса, затерявшемуся среди безбрежного океана, и не знали, что происходит вокруг нас... Через несколько дней после нашего прибытия в Витебск, чтобы раздобыть продовольствие, приходилось уже посылать лошадей за 10—12 лье от города. Оставшиеся жители все вооружились; нельзя было найти никаких транспортных средств. На поездки за продовольствием изводили лошадей, нуждавшихся в отдыхе; при этом и люди и лошади подвергались риску, ибо они могли быть захвачены казаками или перерезаны крестьянами, что частенько и случалось» [23].

Вот этот особый характер войны, заметно усили-

вавшееся сопротивление народа тревожили французского императора больше всего... Начиная вторжение в Россию, хорошо осведомленный о бедственном состоянии крепостного крестьянства, продолжавшего борьбу с помещиками, Наполеон никак не предполагал, что эти самые крестьяне в то же время так пламенно любят свою родину, что они согласятся скорее умереть, чем примириться с тем, чтобы чужеземцы топтали землю их предков. А дело обстояло именно так.

Правда, в первые дни войны среди некоторой части крестьянства распространился слух, будто Наполеон хочет освободить их от крепостной зависимости. Слух этот смертельно напугал царское правительство и крепостников-помещиков[24]. Однако пугаться им было нечего. Ведь Наполеон уже не был генералом Бонапартом, некогда командовавшим республиканскими войсками. Он был самодержцем, стремившимся упрочить монархическое правление, и не менее, чем крепостники-помещики, опасался революционных действий народа.

Опираясь в захваченных местностях на некоторую часть помещиков, не эвакуировавшихся в глубь России, Наполеон сразу и решительно встал на защиту их классовых интересов. Уже в начале июля население литовских городов и сел читало следующее объявление.

«Все крестьяне и вообще сельские жители обязаны повиноваться помещикам, владельцам и арендаторам имений или лицам, их заступающим. Обязаны ничем не нарушать собственности, исполнять все предписанные им работы и повинности, исполнявшиеся до сего времени».

И когда дворяне Витебской и Могилевской губерний обратились к Наполеону с просьбой защитить их от своих собственных крестьян, самочинно захвативших землю, император приказал немедленно создать карательные экспедиции для «подавления крестьянских бунтов против помещиков».

Карательные экспедиции, грабежи и насилия неприятельских войск, чинимые над мирным населе-

нием, лишь усиливали его лютую ненависть к чужеземцам.

Народ всюду поднимался на борьбу. Литовские и белорусские крестьяне, сжигая продовольствие и фураж, чтоб не попали в руки неприятеля, бежали в леса и первыми, по собственному почину, начали народную партизанскую войну.

По глухим лесным тропам и по оврагам, следом за наполеоновскими войсками шли вооруженные топорами и вилами русские, украинские, литовские и белорусские партизаны, нападая на отдельные войсковые подразделения, уничтожая обозы, захватывая оружие.

Для защиты своего тыла и борьбы с партизанами Наполеон вынужден был выделять крупные воинские силы, тем самым чувствительно ослабляя армию, и без того изнуренную длительными маршами. Положение ухудшалось с каждым днем. Мысли о мире теперь все чаще и чаще приходили в голову французского императора.

— Я хочу мира, и я не был бы требователен в вопросе об условиях мира, — признался он Коленкуру. — Если б Александр прислал ко мне доверенное лицо, мы могли бы быстро прийти к соглашению... Есть много способов уладить дело так, чтобы русские не остались слишком недовольными и не убили Александра, как его отца...

Народная война, встревожившая Наполеона, явилась непредвиденным обстоятельством и для царского правительства. Узнав о первых партизанских действиях в тылу противника, Александр крепко задумался. С одной стороны, было очевидно, что именно такая война поможет быстрее уничтожить неприятеля, а с другой — страшили последствия. Расправившись с иноземными грабителями, вооруженный народ мог восстать внутри страны. Палка была о двух концах. Александр дал указание военному министру относиться к действиям партизан с большой осторожностью и от выдачи им оружия воздержаться. «Война народная слишком нова для нас, —

записал тогда русский офицер Глинка. — Кажется, еще боятся развязать руки...»

Во всяком случае, никакой помощи партизанам царское правительство оказывать не собиралось.

Первым знакомым офицером, которого встретил Денис в Смоленске, был Дибич. Он служил в штабе корпуса Витгенштейна, прикрывавшего Петербургскую дорогу, и примчался с известием о победе над войсками маршала Удино, одержанной при Клястицах отрядом Кульнева.

Дибич сообщил и подробности дела. Наголову разбив авангардные части противника, захватив большой обоз и девятьсот пленных, Кульнев увлекся преследованием и наскочил на главные силы французов.

Вынужденный отступать под сильным натиском превосходящих неприятельских сил, Кульнев стал переправляться через реку Дриссу. В это время снарядом, разорвавшимся вблизи, ему оторвало обе ноги. Кульнев упал, но, увидев приближавшуюся неприятельскую кавалерию, опасаясь, что его могут захватить, собрал последние силы и, сорвав с себя генеральские эполеты и ордена, сказал адъютанту:

— Спрячь эти знаки, дабы неприятель не тешил себя мыслью, что ему удалось убить русского генерала! *

И через несколько минут скончался.

Тело любимого командира солдаты врагу не отдали, вынесли из боя, похоронили с воинскими почестями недалеко от места сражения.

Дениса печальная весть совершенно расстроила. После смерти отца это была самая тяжелая утрата. Ведь столько прекрасных воспоминаний связывалось с душевно близким ему Яковом Петровичем!..

Выслушав Дибича, Денис не удержался от слез. Однако время было не такое, чтобы давать волю го-

---

* Наполеон все же о смерти Кульнева узнал и не замедлил сообщить в Париж, что «убит Кульнев, один из лучших русских кавалерийских генералов».

рестным чувствам. Смерть Кульнева усилила в душе Дениса гнев и озлобление против неприятеля.

...До последнего времени Денис не так уж часто соприкасался с простым народом, знал его недостаточно и никак не предполагал, что он может сыграть решающую роль в войне с вооруженными до зубов наполеоновскими полчищами. Более того, Денис, как и другие офицеры-дворяне, в начале войны даже боялся, как бы французы не смутили народ прокламациями и как бы не начались внутренние волнения. Крепостное крестьянство, воспользовавшись случаем, могло осложнить дело и помешать борьбе с неприятелем.

Однако, когда еще по пути в Смоленск до ахтырцев дошли слухи об отважных действиях крестьян в тылу французов, Денис понял, как велика сила народного патриотизма, и сразу оценил огромное значение начинавшей разгораться крестьянской партизанской войны.

— Попомните слово, не поздоровится от наших гверильясов господам французам, — заметил он товарищам. — В Испании для Бонапарта цветочки были, а в России будут ягодки...

Это мнение окончательно укрепилось в нем после одного происшествия. Под Смоленском Денис вызвался с двумя взводами гусар поехать в дальнюю разведку. Местность была небезопасная. Французские фуражиры, как удалось выяснить, уже наведывались сюда, бесчинствовали в ближних селениях. Поэтому гусары, соблюдая осторожность, пробирались более глухими лесными дорогами.

И вот однажды, в сумерках, когда подъезжали к небольшой лесной деревушке, намереваясь здесь заночевать, где-то вблизи раздался подозрительный свист и почти следом в глубине леса гулко прозвучал выстрел.

Денис быстро вывел гусар на поляну перед деревней, построил в боевой порядок, приказав вахмистру Колядке с несколькими спешенными гусарами пройти в лес по направлению выстрела и разведать, в чем дело.

Спустя некоторое время гусары возвратились и привели с собой трех крестьян. Двое из них оказались почтенными стариками; они были в длинных холщовых рубахах и лаптях, в руках держали охотничьи ружья. Третий был вдвое моложе своих спутников. Высокий, худощавый, с небольшой русой бородкой, в добротных сапогах, легком пиджаке и картузе, он производил впечатление скорее городского мастерового, чем крестьянина. Держался с достоинством и вооружен был двумя французскими пистолетами, засунутыми под пиджаком за кожаный пояс.

Денису не представляло большого труда догадаться, что это за люди, и так как поговорить с крестьянами-партизанами давно уже хотелось, он встретил их дружелюбно и радушно. Усадил у костра, поднес даже по чарке водки.

Партизаны, ободренные хорошим приемом, разговорились, отвечали на все вопросы обстоятельно, откровенно.

— Мы поначалу за хранцев вас приняли, — признались старики, — вот, стало быть, и переполошились... чтоб лесной народ упредить...

— Какой же это народ лесной? — с любопытством спросил Денис.

— Которые, значит, в лесах проживают, от нехристей себя спасают... Со всех сторон нынче народ в леса-то бежит!

— А я слышал, будто и такие есть крестьяне, что у неприятеля остаются? — задал осторожный вопрос Денис.

— Греха таить нечего, батюшка начальник, были и такие, — отозвался один из стариков, — да им потом горше других пришлось... Я хотя про свою деревню Хмелевку скажу... У нас поначалу тоже некоторые крестьяне от хранцев хорониться не пожелали... Слушок их обнадежил, будто хранцы эти волю дают и барскую землю сулят... А хранцы-то, погибели на них нет, как в деревню вошли, так первым делом за мужицкий хлеб и скотину взялись. А которые крестьяне противились, тех постреляли! Вот как оно у нас приключилось!

— Ну, хорошо... А каким образом вы дружину создали? Как додумались до этого?

— Да ведь надо от басурманов-то отбиваться, ваше высокоблагородие, — спокойно произнес русобородый партизан. — Вот и собрались мужики и порешили...

Русобородого партизана звали Терентием. Он был крепостным крестьянином помещика Масленникова из Дорогобужского уезда, находился на оброке, славился как искусный штукатур и маляр, работал в городах и селах Смоленщины. Став случайным свидетелем бесчинств, творимых французскими мародерами в одном из селений, Терентий, по его словам, «не стерпел надругательства», подговорил нескольких крестьян ночью сделать нападение на французов, сам топором убил двоих, после чего ушел в лес, где недавно и был избран командиром небольшой партизанской дружины.

Беседа с Терентием заинтересовала Дениса. Грамотный и толковый крестьянин сообщил, что в лесу, протянувшемся на многие версты, существует уже несколько подобных партизанских дружин. Они нападают главным образом ночью на небольшие команды фуражиров и мародеров, затем снова скрываются в лесу. Каждое успешное нападение позволяет не только обзаводиться оружием, но и ободряет местное население, способствует быстрому численному усилению дружин.

— Главное дело, чтоб сразу над неприятелем видимый верх одержать и удачей веру в себя сыскать, — сказал Терентий. — У нас, к примеру, сорок человек при начале было, а как побили мы десятка два басурманов да прошла по деревням весточка об этом, отовсюду к нам народ повалил. Нынче за двести человек в дружине числим...

— Ого! — удивился Денис. — Этак скоро у вас целое войско соберется!

— Да уж постоять за отечество у нас есть кому, — с чувством сказал Терентий. — Верно говорится, что родная земля и в горсти мила... Неужто допустим, чтоб басурманам она досталась? Нет, ваше

высокоблагородие, жизни своей не пожалеем, а не хозяйничать им у нас! Дай срок, всем им поворот от наших ворот укажем!

Последние фразы Терентия прозвучали особенно уверенно. И Денис понял, откуда такая уверенность. Терентий выражал мнение всего ополчавшегося народа. Страшная, грозная сила поднималась на чужеземцев!

Поблагодарив партизан за усердие и от души пожелав им удачи, Денис, прощаясь с ними, как бы в шутку сказал:

— А что, если я со своими гусарами отпрошусь у начальства да сюда явлюсь... Примете в свое войско?

Терентий окинул его серьезным взглядом, ответил приветливо:

— С великой охотою, ваше высокоблагородие... Неприятель у нас общий. Кабы взаправду такие отряды, как ваш, с партизанами соединились, куда как жарко басурманам пришлось бы...

Встреча эта произвела на Дениса большое впечатление. «Как своевременно и полезно, — подумал он, — создать армейские кавалерийские отряды для действий в неприятельском тылу». Но если раньше эти действия представлялись Денису лишь в виде рейдов, как, например, на остров Карлое, то теперь ему рисовались более широкие и заманчивые возможности. Общий патриотический подъем народа позволял надеяться на его активную помощь в беспрерывных поисках против неприятеля. Остальные условия для таких поисков тоже не оставляли желать лучшего. Французская армия, растянувшаяся на обширном пространстве и отягощенная огромным транспортом, представляла очевидные выгоды для нападения как с тыла, так и с флангов.

Денис решил действовать, тем более что обстановка для осуществления его замысла благоприятствовала: царя из армии удалили, начальником штаба первой армии недавно был назначен Ермолов. На Ермолова можно положиться, как на каменную гору!

Евдоким, Левушка и Базиль, находившиеся в Смоленске, план Дениса одобрили. Хотя Базиль, только что назначенный адъютантом к Багратиону, заметил:

— Меня лишь одно смущает... как отнесутся к этому в Петербурге?

— А я не собираюсь утруждать государя своей просьбой, брат Василий, — отозвался Денис, озорно блеснув горячими глазами. — Зачем отрывать его от более важных занятий? Попытаемся без него обойтись!

V

Алексея Петровича Ермолова все знали как одного из самых непримиримых врагов штабных «бештимтзагеров». Ермоловские остроумные шутки над немцами, заполнявшими штаб военного министра, передавались из уст в уста. Однажды, когда император Александр находился еще в армии, Ермолов, зайдя в его приемную, застал там толпу чиновных немцев. Они робко посматривали на двери кабинета и о чем-то болтали по-немецки. Ермолов окинул их презрительным взглядом и громогласно спросил:

— Па-а-звольте, господа... А не говорит ли здесь кто-нибудь по-русски?

В другой раз на вопрос Александра, чем его наградить, Ермолов в шутливой форме, намекая на привилегии, расточаемые иностранцам, ответил:

— Произведите меня в немцы, государь!

Не раз бывали у Алексея Петровича личные стычки и с военным министром. История с кабановскими прицелами вызвала особенно острое столкновение, хотя в этом случае Ермолов был не совсем справедлив. Барклай не собирался покровительствовать Фицтуму, племяннику своей жены. Выслушав объяснение Ермолова о преимуществах кабановских прицелов перед теми, которые представил Фицтум, Барклай с обычным спокойствием и сухостью сказал:

— Я не вправе, по известным причинам, вмеши-

ваться в это дело, я поручил тщательно разобраться во всем господам экспертам...

— Кои из угождения вашему высокопревосходительству склонны отдать предпочтение господину Фицтуму и отказаться от превосходного русского изобретения, — язвительно добавил Ермолов, подчеркивая последние слова.

Барклай сдержался и, гладя по своему обыкновению руку, изуродованную в Прейсиш-Эйлау, ответил с достоинством:

— Я никогда никого не прошу об угождении, как вы полагаете, господин Ермолов... Если вам угодно считать меня иностранцем, чуждым интересов российских, — это ваше дело. Но я всю жизнь служу моему государю и России так, как честь и совесть подсказывают, чего и вам пожелать позволю...

Тогда Ермолов, воспользовавшись пребыванием в армии императора Александра, обратился к нему и доказал преимущества кабановских прицелов. Александр вынужден был их одобрить. Барклай возражать не стал. Но, так или иначе, отношения между Барклаем и Ермоловым оставались весьма холодными.

Зато с Багратионом Алексей Петрович находился в давнишней прочной дружбе, взгляды их во многом сходились. Оба следовали суворовским заветам, пользовались любовью войск, не терпели немецкого педантизма. Оба стояли за наступательные действия и резко критиковали военного министра за поспешный, казавшийся неоправданным отход от Вильно.

Однако с тех пор, как Ермолов стал начальником штаба первой армии и вник в подробности всех дел, он несколько изменил свое нелестное мнение о военном министре. Барклай, конечно, не обладал такими знаниями, опытом и обширным военным кругозором, как Суворов и Кутузов, но отступление, производимое им, теперь представлялось Ермолову разумным, совершенно необходимым. Под Витебском, где предполагалось дать сражение, Ермолов осмотрел позиции и, признав их негодными, сам посоветовал дальнейшее отступление. Поэтому в Смоленске, при

свидании с Багратионом, по-прежнему яростно осуждавшим отступательную тактику военного министра, Алексей Петрович попробовал убедить князя в неправильности его суждений о действиях Барклая.

— Ну, брат, вижу, и ты пустился дипломатическим штилем изъясняться, — недовольным тоном произнес Багратион, выслушав объяснения Ермолова. — А я тебе прямо говорю, что подчиняться твоему чертову методику не желаю! Лучше мундир сниму — и баста.

— Позвольте мне возразить вам, князь, — отозвался почтительно Ермолов. — Вы знаете, как я горячо люблю вас, это обязывает меня говорить вам истину. Вам, как человеку, боготворимому войсками, на коего возложены надежды россиян, стыдно принимать к сердцу частные неудовольствия, когда стремления всех направлены к пользе общей...

— Нечего меня уговаривать! Драться надо, мой милый! — возразил Багратион. — Война теперь не обыкновенная, а национальная, надо поддержать честь свою!

— Я сколько раз говорил с министром, он охотно соглашается дать сражение генеральное на первых удобных для нас позициях, — проговорил Ермолов. — И теперь, когда вы с нами, договориться будет нетрудно...

Багратион в конце концов с ермоловскими доводами согласился. Свидание командующих армиями прошло благополучно. Багратион добровольно подчинился некогда состоявшему под его начальством Барклаю. Отношения между командующими как будто наладились. Ермолов вздохнул свободно.

Но вскоре положение изменилось. Начальник штаба второй армии граф Сен-При, французский эмигрант, интриган и сплетник, снова сумел восстановить вспыльчивого Багратиона против Барклая. Начались опять споры, пререкания, недоразумения. Работать в штабе в таких условиях становилось с каждым днем все труднее.

...Штаб первой армии помещался в губернаторском доме. Денис застал Алексея Петровича поздно

ночью. Ермолов, только что возвратившийся с передовых позиций, был в скверном настроении и выглядел плохо. Генеральский походный сюртук без всяких отличий был покрыт пылью. Лицо посерело, осунулось. Глаза воспалились от бессонных ночей.

— Кру́гом голова идет, брат Денис, — кратко сообщив о своих делах, признался Ермолов, расхаживая по комнате. — Попробуй наладить дело, когда министр одного требует, а князь на другом настаивает... А тут еще гражданскими делами заниматься приходится. Тупоумный губернатор барон Аш, не сделав никаких распоряжений, первым из города сбежал. Повесить, собаку, мало! Чиновники сплошь воры и казнокрады. Оборона Смоленска не устроена, продовольствия не хватает. Вот и разрываешься на части...

— Неужели и Смоленск отдать неприятелю придется? — спросил Денис.

— Трудно сказать, как сложатся обстоятельства, — пожал богатырскими плечами Ермолов и, что-то вспомнив, усмехнулся. — Вчера такой случай произошел... Подъехал министр в обеденный час к солдатам и спросил: «Что, ребята, хороша каша?» — «Каша-то хороша, — отвечают солдаты, — только не за что нас кормить, всё назад пятимся. Каша от стыда в горло не лезет». Да, брат, — продолжал Ермолов, — настроение в войсках боевое, драться все хотят... А против рожна тоже не попрешь. Силы неприятельские во много раз еще нас превосходят. Я министра, сам знаешь, не очень жалую, а иной раз соглашаться приходится, что он более князя прав...

Алексей Петрович устало потянулся, затем подошел к Денису, дружески положил ему руку на плечо:

— А ты как живешь? Слышал, будто под Миром и Романовом здорово отличился?

— Не более, чем рядовой гусар, почтеннейший брат, — произнес Денис. — Скажу по совести, продолжаю желать по силам своим службы, более отечеству полезной. Убежден, что в ремесле нашем только тот выполняет долг свой, кто не равняется духом,

как плечами в шеренге, с товарищами, а стремится предпринять и нечто отличное.

— Стало быть, насколько я понимаю, продолжаешь о самостоятельных действиях думать? — догадался Ермолов.

— Решаюсь просить вас о дозволении создать мне команду отдельную, — сказал Денис. — Вам известно, я имею достаточный опыт, чтоб с твердостью и большей для всех выгодой осуществить задуманное...

— Охотно верю, да не знаю, что тебе ответить, — задумчиво произнес Ермолов. — Я могу, конечно, доложить министру, поддержать твою просьбу, однако ж вряд ли он сейчас возьмет на себя смелость разрешить вопрос. А того хуже — запросит государя.

— Что же делать в таком случае? Посоветуйте!

— По-моему, лучше всего немного подождать... Я имею верные известия, что в Петербурге озабочены положением, кое создалось в армии благодаря разномыслию командующих. И существует мнение о необходимости немедленного назначения нового главнокомандующего...

— Кого же нам прочат? — перебил Денис. — Неужто опять посадят какого-нибудь немца?

— Нет, брат... На этот раз все единодушно называют имя Кутузова.

— Помилуйте, почтеннейший брат! — воскликнул Денис. — Это было бы превосходно, но ведь всем известно, что Кутузова государь терпеть не может.

— Что поделаешь! Обстоятельства таковы, что государю придется, очевидно, согласиться с общим мнением. Глас народа — глас божий! Кутузов — единственный человек, коему можно доверить судьбу отечества...

Дениса эта новость очень обрадовала. Кутузов! Любимый Суворовым, опытный, мудрый полководец! Он-то, разумеется, поймет и оценит значение партизанских действий. И если будет нужно, Багратион, старый соратник и любимец Кутузова, тоже не откажется замолвить словечко.

Денис решил последовать совету Ермолова и отправился в свой полк с надеждой, что вопрос его в скором времени будет разрешен благополучно.

VI

После двухдневной героической обороны Смоленска войсками Раевского, Неверовского и Дохтурова русская армия, оставив город, отступала по старой Смоленской дороге.

Находясь в арьергарде, которым командовал талантливый и мужественный генерал Коновницын, ахтырские гусары почти ежедневно имели стычки с неприятельской кавалерией. 17 августа батальон Дениса Давыдова, особенно отличившийся в делах под Катанью и Дорогобужем, стоял близ Царева Займища. Сюда на рассвете прибыл новый главнокомандующий Михаил Илларионович Кутузов, только что пожалованный титулом светлейшего князя.

Войска встречали его с неописуемым восторгом. И Денис, в тот день увидевший прославленного русского полководца, вполне разделял общие чувства.

Кутузов в сюртуке без эполет, в белой фуражке, с шарфом через плечо и с нагайкой через другое ехал на гнедом иноходце. Массивная фигура Кутузова, крупные черты лица, пухлые щеки, мягкий голос и добродушная улыбка создавали благоприятное впечатление. Главнокомандующего сопровождала большая свита. Денис разглядел среди свитских господ и пасмурного Барклая, и долговязого Беннигсена, назначенного начальником главного штаба, и Ермолова, и Раевского, но особенно бросилось в глаза довольное лицо Багратиона, ехавшего на белой лошади несколько впереди других.

Запретив выстраивать войска, Кутузов стал осматривать их на марше. Подъехав к одному из пехотных полков, он неожиданно остановился. Солдаты засуетились, начали вытягиваться, чиститься, строиться. Кутузов слегка поморщился, махнул рукой.

— Не надо, ничего этого не надо, — сказал он. —

Я приехал только посмотреть, здоровы ли мои дети? Солдату в походе не о щегольстве думать, ему надо отдыхать после трудов и готовиться к победе.

Заметив, что растянувшийся по дороге обоз какого-то генерала мешал проходить пехоте, Кутузов подозвал одного из своих адъютантов и приказал:

— Отведи, голубчик, эти экипажи в сторонку. Солдату каждый шаг дорог, скорей до места дойдет — больше отдохнет. О солдатах более всего попечение иметь надлежит!

Когда же обоз освободил дорогу, а следовавший за ним полк егерей в стройных рядах и боевом порядке приблизился к главнокомандующему, он, сняв фуражку и приветливо помахав рукой войскам, воскликнул:

— Как с такими молодцами отступать да отступать!

Слова главнокомандующего стали передаваться из уст в уста. Солдаты с радостным оживлением говорили:

— Вот приехал наш батюшка... Он все нужды наши знает! Как при нем не драться! Все до единого рады головы положить!

— Приехал Кутузов бить французов! — эта крылатая солдатская фраза быстро облетела войска. И дымные поля биваков, как отмечают очевидцы, огласились песнями и музыкой, чего давно уже не бывало [25].

Вечером того же дня Денис отправился в главную квартиру, чтобы лично просить Кутузова о дозволении создать армейский партизанский отряд. Но по дороге изменил свой план. Ведь Кутузов ничего не знал о его боевом опыте. А слава бесшабашного поэта-гусара, которой до сих пор пользовался Денис в некоторых военных кругах, могла лишь повредить. Да и князь Багратион, в войсках коего состояли ахтырцы, пожалуй, обидится, узнав, что просьба передана через его голову. Нет, так поступать не годится!

Возвратившись в полк, Денис написал следующее письмо Багратиону:

«Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестного для моего самолюбия, и вступая в гусарский полк, имел предметом самостоятельную службу и по силам лет моих, и по опытности моей, и, если смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею, и, следовательно, не могу ни предпринять, ни исполнять ничего отличного. Князь, вы мой единственный благодетель! Позвольте мне предстать к вам для объяснения моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носил звание адъютанта Багратиона пять лет сряду, будет уметь поддержать честь свою со всею ревностью, какую бедственное положение любезного нашего отечества требует. Денис Давыдов».

Получив это письмо, Багратион отнесся к просьбе своего бывшего адъютанта благосклонно. Спустя три дня, утром, в крестьянском овине при Колоцком монастыре, где ночевал князь, Денис обстоятельно и горячо развивал перед ним план своих будущих действий.

— Неприятель идет одним путем, — говорил Денис, — путь сей протяжением своим очень велик; транспорты с продовольствием неприятеля покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее. Обширность пространства способствует изворотам не только партий, но и целой нашей армии. Что делают толпы казаков при авангарде? Оставя достаточное число их для содержания аванпостов, надо разделить остальных на партии и пустить в середину каравана, следующего за Наполеоном. Пойдут ли на них сильные отряды? Им есть довольно простора, чтобы избежать поражения! Оставят ли их в покое? Они истребят источник жизни и силы неприятельской армии. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и усилит войну народную.

Багратион слушал молча, с видимым одобрением. Горячность Дениса всегда ему нравилась, в знании

им дела не сомневался, доводы казались основательными. Но последняя фраза насторожила. Князь знал, что разгоравшаяся всюду народная война, при всей очевидной ее пользе, давно уже тревожит царя. Подобный аргумент выдвигать никак не следует. «Хорошо, что Денис говорит об этом со мною, а не с каким-нибудь другим генералом, мог бы себе же повредить, — подумал князь. — Молод еще, дипломатничать не научился, а мысль хорошая, поддержать так или иначе следует».

Между тем, чувствуя молчаливое одобрение князя, Денис, все более и более вдохновляясь, высказывал сокровенные свои мысли:

— Князь, откровенно вам скажу: душа болит от вседневных параллельных позиций! Пора видеть, что они не закрывают недра России; кому не известно, что лучший способ защищать предмет неприятельского стремления состоит не в параллельном, а в перпендикулярном или по крайней мере в косвенном положении армии относительно этого предмета. И кто знает, к чему может привести нас эта война. Ведь говорят, если Москва будет взята неприятелем и мир в ней подписан, то мы пойдем в Индию сражаться за французов... Нет, уж если должно погибнуть, то лучше я лягу здесь! — воскликнул Денис. — В Индии я пропаду за пользу, чуждую моему отечеству, а здесь умру под знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропщущие на насилие и безбожие врагов наших...[26].

— Ну, душа моя, — перебил Багратион, — ты, кажется, фантазируешь. В Индию никто не собирается, пустая болтовня. А соображения твои о партизанских действиях одобряю, постараюсь, как могу, помочь...

— На вас все упования мои, ваше сиятельство!

— Хорошо. Оставайся пока при моей квартире. Я нынче же пойду к светлейшему, изложу твои мысли...

...Войска весь день продолжали отступление. Но ропота среди солдат теперь не слышалось. Каждый понимал, что Кутузов в ближайшие дни даст гене-

ральное сражение неприятелю. Настроение у всех заметно улучшилось.

Внимание Дениса, ехавшего с Базилем Давыдовым, привлек Фанагорийский полк, некогда особо любимый Суворовым. Рослые, загорелые, покрытые пылью фанагорийцы шли весело, с необычной песнью:

Братцы, грудью послужите,
Гряньте бодро на врага
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога...

Базиль Давыдов пояснил:

— Представь, песню эту рядовой Остафьев сочинил. Как по-твоему, неплохо?

— И неплохо и примечательно, что простой солдат столь ясно чувства свои выражает, — отозвался Денис.

Базиль почему-то вдруг задумался, затем, повернувшись к Денису, тихо сказал:

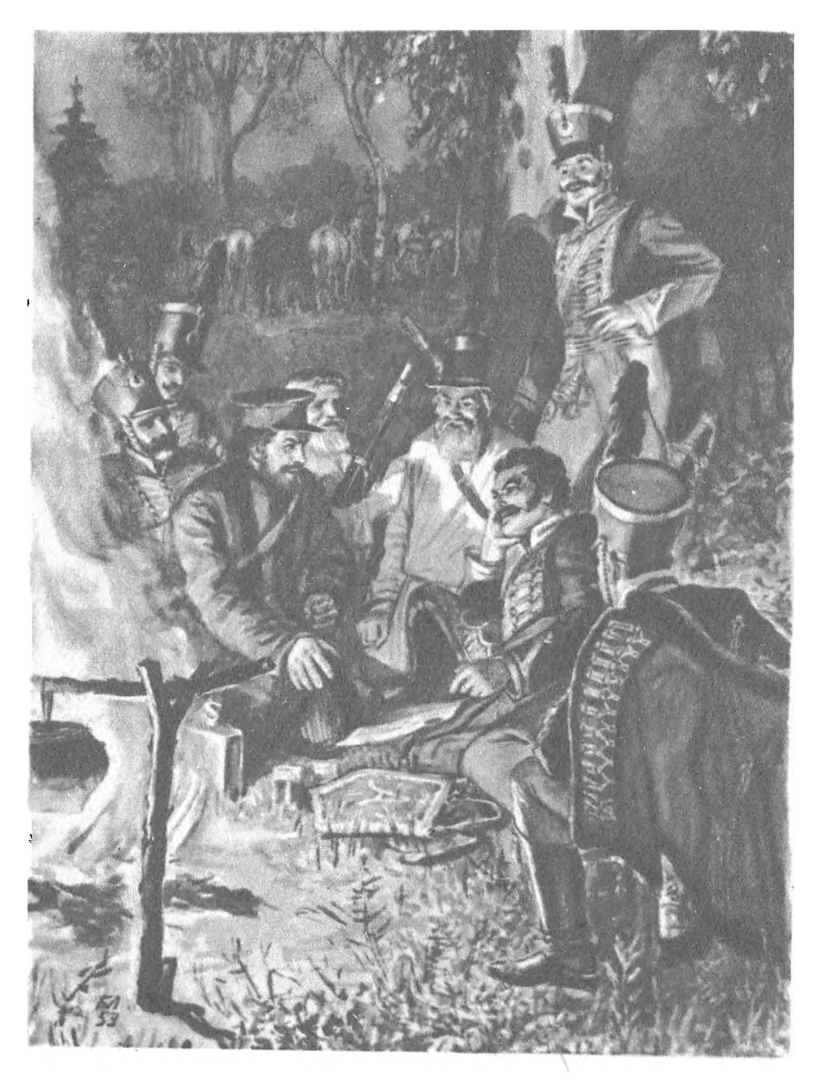
— Ты знаешь, в мою голову приходят иногда странные мысли. Мы слишком привыкли считать своих крестьян и солдат рабами... А я, чем более приглядываюсь к ним, тем более убеждаюсь, как часто мы бываем несправедливы. Я не могу тебе связно всего объяснить, но мне бывает стыдно, гадко, когда унижают их человеческое достоинство. Подумай сам... Разве этот рядовой Остафьев, тысячи других защитников отечества не заслуживают лучшего к себе отношения?

Денис с удивлением посмотрел на Базиля, подумал: «Откуда у него эти якобинские мысли?» Но поддерживать разговор на эту тему не счел нужным.

— Эх, брат Василий, напрасно ты себя на минорный тон настраиваешь, да и не ко времени, — произнес он. — Мы люди военные, наше дело воевать, а не философствовать!

— Да, ты прав, сейчас об этом не время думать, — произнес, вздохнув, Базиль. — А все-таки...

Не дослушав, Денис пришпорил лошадь, поскакал вперед. Вдали из-за синего леса выглянула белая ко-

К стр. 244

локольня. Ярко блеснул позолоченный крест в лучах предзакатного солнца. Змейкой мелькнула извилистая речонка. Завиднелись на взгорье соломенные крыши хат. Это было его Бородино!

Родные, до боли знакомые места! Здесь провел он беспечные годы своей юности, здесь «ощутил первые порывы к любви и славе». С бьющимся сердцем подъехал Денис к своему дому, где спешно готовили квартиру для Кутузова. Как все здесь изменилось! «Над домом отеческим, — вспоминал он впоследствии, — носился дым биваков, ряды штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и войска толпились на родимых холмах и долинах. Там на пригорке, где некогда я резвился и мечтал, где я с алчностью читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о перекатах грома русского оружия на границах Франции, — там закладывали редут Раевского. Красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кишел егерями...»

Пробыв несколько минут в своей усадьбе и не найдя здесь никого из дворовых, Денис медленно поехал по широкой и пыльной бородинской улице, занятой различными войсковыми частями. При выезде из села, где отдыхали только что подошедшие ратники московского ополчения, кто-то тихо и неуверенно окликнул его. Он остановил лошадь. Высокий ратник в белой рубахе, с ополченским крестом на шапке, отделившись от товарищей, подошел к нему.

— Никифор! — воскликнул Денис, признав в ратнике старого приятеля. — Ты как это в ополчение попал?

— Совесть не позволяет дома сидеть, Денис Васильевич, — ответил Никифор. — Из наших, бородинских, человек сорок тут, — кивнул он головой в сторону ополченцев.

— А остальной народ где же?

— Третьего дня Евдоким Васильевич сюда заезжали, распорядились всех в Денисовку отправить... Уж под Можайском я встретил наш обоз... Дюже народу горько родные места покидать!

— Ничего не поделаешь... Война! — вздохнул Денис и, чуть помедлив, спросил: — Ну, а вы здесь как последние годы жили?

— Да уж жизнь крестьянская известна, — как-то нехотя ответил Никифор, и лицо его помрачнело.

— Я, как тогда был у вас, приказал бурмистру корову тебе дать и лесу на кузницу отпустить... Разве ты не получил?

— Получил, премного вами доволен, Денис Васильевич...

— Так что же? От нужды-то оправился?

— На первых порах оно точно... легше стало...

— А потом что случилось?

Никифор несколько секунд стоял молча, теребя бороду и о чем-то раздумывая. Потом произнес:

— Не знаю, как вам и сказать... Кузнецы на мужицкие пятаки живут, а народ кругом обеднял, на легкий оброк деньги собрать трудно... А тут, как на грех, лошадь пала, потом градом посевы выбило... Так и живешь, словно худой кафтан латаешь: одну дыру починил, другая расползается... Эх, да чего уж теперича толковать об этом! — махнул он рукой. — Время такое, кто завтра жив будет!

— Вот это верно! Кто жив будет! — отозвался Денис. — Что ж, прощай пока, Никифор... Не поминай лихом, если мне самому погибнуть суждено... — И, дав шпоры коню, поскакал к соседнему селу Семеновскому, где остановился Багратион.

...Вечер был ясный, прохладный. Денис долго-долго лежал на опушке тронутого легкой позолотой Семеновского леса, с грустью наблюдая, как солдаты быстро разбирают бородинские избы и заборы для постройки редутов, для костров. Война докатилась до его собственного дома! И чужеземцы могут не сегодня-завтра стать здесь хозяевами! Эта мысль была невыносима, сердце сжигала бешеная ненависть... Успокаивало лишь одно: он и его братья с оружием в руках, не щадя своих сил и крови, дерутся с неприятелем. Они отомстят за поруганное отечество, за осквернение родных очагов.

— Вот ты где! А я целый час тебя повсюду ищу! — прервал размышления Дениса подошедший Базиль. — Князь Багратион возвратился от светлейшего и ожидает к себе ваше высокоблагородие...

Денис вскочил.

— Ну, как думаешь? Отказано?

— Не могу знать, но не думаю, чтобы отказали, — ответил Базиль. — Настроение у князя как будто хорошее...

— Дай боже! Ох, и покажу я вам, французы!.. — с нескрываемой злобой воскликнул Денис, погрозив кулаком в сторону неприятеля.

И, придерживая саблю, позванивая шпорами, по-кавалерийски, вразвалку, выбежал из лесу.

Багратион находился в избе, сидел у стола, что-то быстро писал на большом листе бумаги. Увидев Дениса, отложил перо в сторону, поднялся, объявил сразу:

— Светлейший согласился послать для пробы одну партию в тыл французской армии, определив на оное предприятие пятьдесят гусар и восемьдесят казаков. Он желает также, чтобы ты сам взялся за это...

— Я бы стыдился, князь, предложить опасное предприятие и уступить исполнение его другому, — ответил Денис. — Вы сами знаете, что я готов на все. Но людей выделили мало... Дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет!

— Я бы с первого разу дал тебе три тысячи, ибо не люблю ощупью дела делать, — произнес Багратион, — но об этом нечего и говорить... Кутузов сам назначил силу партии. Надо повиноваться.

— Хорошо. Если так, я иду и с этим числом, — согласился Денис. — Авось открою путь большим отрядам!

Багратион одобрительно кивнул головой.

— Я от тебя этого и ожидал, душа моя... Поимей в виду, отряд для тебя выделяется почти накануне большого сражения, когда каждый человек армии дорог, а кроме сего, — он значительно поднял палец, — оцени и то, что светлейший без ведома госу-

даря, на свою личную ответственность, разрешает тебе начать партизанские действия...

— Передайте, князь, мою сердечную благодарность его светлости за доверие, — сказал Денис. — И верьте, ручаюсь честью, партия будет цела. Для этого нужны только отважность в залетах, решительность в крутых случаях и неусыпность на привалах и ночлегах. За это я берусь.

— Отлично! Не сомневаюсь!

Багратион подошел к столу, взял бумаги, протянул Денису:

— Это предписание генералам Васильчикову и Карпову о выделении лучших гусар и казаков. А это моя инструкция для тебя. Неприятеля беспокоить со стороны нашего левого фланга, расстраивать обозы и парки, забирать фураж и продовольствие, ломать переправы... Рапортовать будешь только мне. Передвижения свои сохраняй в самой непроницаемой тайности и о продовольствии отряда заботься сам. Ну, что у тебя еще?

— Я хотел просить вас... у меня нет карты Смоленской губернии, где, я думаю, прежде всего развернутся наши действия.

— Изволь, я тебе дам свою, — сказал Багратион, доставая из походной сумки карту. — Вот возьми!

— Спасибо, князь. В ближайшие дни вы получите о нас первые известия...

Багратион окинул Дениса теплым взглядом, затем порывисто притянул к себе, перекрестил, поцеловал в лоб.

— Ну, с богом, голубчик! Прощай! Я на тебя надеюсь!

VII

Прошло несколько дней. Генеральное сражение на Бородинском поле было победоносным для русских войск, героизм которых изумил весь мир. Михаил Илларионович Кутузов блестяще выполнил свой план, обескровив силы неприятельской армии. Полководческое искусство Кутузова, не выпускавшего инициативы из своих рук, оказалось выше про-

славленного искусства Наполеона. Французы, имевшие численный перевес, не достигли никаких существенных результатов и, понеся огромные потери, вынуждены были к исходу сражения отойти на первоначальные позиции.

«Из пятидесяти сражений, мною данных, — писал впоследствии Наполеон, — в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех. Русские стяжали право быть непобедимыми...»

Лишь недостаток подготовленных резервов и усталость войск заставили Кутузова принять решение об отходе к Москве. Русская армия сохранила полный боевой порядок, тогда как боевые качества и моральный дух неприятельских войск были чувствительно надломлены. Французы оказались неспособными к активному преследованию.

К тому же, продвигаясь в глубь страны, французы все сильнее испытывали недостаток в продовольствии и фураже. Продовольственные команды и шайки мародеров, следуя за армией по обеим сторонам дороги, опустошали в широкой придорожной полосе деревни и села, творили насилия над мирными жителями. Пожар разливался по всей окрестности. Народ бежал в леса. Повсюду создавалось добровольное ополчение поселян.

В такое время партизанский армейский отряд под начальством Дениса Давыдова, миновав Медынь, Шанский завод и Азарово, все более и более углублялся в неприятельский тыл.

Отряд хотя и мал был по численности, зато состоял из отважных и предприимчивых людей, отобранных самим Денисом. Ахтырскими гусарами командовали Николай Бедряга, Митенька Бекетов и поручик Макаров. Из казачьих офицеров Денис взял с собой известных ему своей храбростью хорунжих Григория Астахова и Василия Талаева. Старый приятель, урядник Иван Данилович Крючков, с трудом выпрошенный у начальства, тоже находился в отряде, радуясь опасному, но заманчивому предприятию не менее восторженного Митеньки Бекетова.

Путь отряда был нелегок. Почти во всех селениях ворота оказывались закрытыми. Принимая ахтырцев за французов, крестьяне угрожали топорами, вилами, а иногда пускали в ход и огнестрельное оружие. Приходилось у каждого селения останавливаться, вести долгие переговоры. Правда, как только крестьяне убеждались, что пришли русские, ворота гостеприимно распахивались и солдат встречали радушно.

— Отчего же вы полагали нас французами? — спрашивал Денис крестьян.

— Да видишь, родимый, — отвечали те, указывая на его нарядный гусарский ментик, — это, бают, на их одежду схоже...

— А разве я не русским языком говорю?

— Да ведь у них всякого сброду люди!

Эти объяснения заставили Давыдова призадуматься. Он понимал, что успех его партизанских поисков во многом зависит от помощи народа, что с крестьянами нужно жить в мире и дружбе. Денис преобразился даже внешне: надел крестьянский чекмень, отпустил бороду, украсил грудь вместо орденов образом «мужицкого угодника» Николая-чудотворца.

В конце августа отряд остановился в селе Скугарево, чуть южнее Царева Займища. Это село, укрытое со всех сторон густыми лесами, представлялось надежным убежищем.

Но все же опасности подстерегали на каждом шагу. Неприятельские транспорты прикрывались сильными, превосходно вооруженными войсковыми частями. А генерал Бараге д'Илье, назначенный Наполеоном смоленским губернатором, наводнил окрестность своими разведчиками и карательными отрядами.

Денис принимал строгие меры предосторожности. Днем, находясь близ Скугарева, партизаны зорко следили за каждым движением неприятеля, а вечером, разложив огни у села, отправлялись в противоположную сторону, где снова жгли костры и снова меняли место, уходя на ночь в лес. Для охраны от-

ряда выставлялись два парных казачьих пикета, всегда в боевой готовности находился резерв из двадцати человек. Для облегчения лошадей Денис установил порядок, применявшийся на аванпостах Юрковского и Кульнева: на определенное время часть лошадей расседлывалась и отдыхала, набиралась сил. Затем ставили на отдых других лошадей.

Поиски партизаны начинали часа за два до рассвета. Скрытно приблизившись к отбившемуся небольшому неприятельскому транспорту, нападали врасплох, брали, сколько было по силам, пленных, лошадей, фур с продовольствием и быстро исчезали в лесу. Иногда успевали напасть и на второй транспорт неприятеля или шайку мародеров, выслеженных еще днем. А уж после этого кружными путями возвращались с добычей к Скугареву [27].

Ночь на 2 сентября, как обычно, партизаны проводили в лесу. Погода была скверная. Дул холодный ветер, накрапывал дождь. Верхушки деревьев тоскливо шумели. Мокрые листья обильно сыпались на голову гусар и казаков, не имевших даже возможности обсушиться и обогреться в такое промозглое время. Костры на привалах зажигать было опасно: они могли привлечь внимание неприятеля.

Денис, покрытый буркой, лежал в шалаше, наскоро сооруженном для него заботливым Иваном Даниловичем Крючковым. Рядом, сладко посапывая, спал не разлучавшийся с любимым командиром Митенька Бекетов. Денис же, последние дни почти не слезавший с коня, хотя и чувствовал страшную усталость во всем теле, заснуть никак не мог. Его одолевали беспокойные мысли...

Вчера партизаны отбили двух русских военнопленных, которые сообщили печальную новость о тяжелом ранении Багратиона. А сегодня Денис узнал, что русская армия продолжает отступление и находится уже близ Москвы...

Будучи еще в Семеновском, Денис разыскал своих братьев Евдокима и Льва и, прощаясь с ними,

договорился, что, в случае если Москве будет угрожать опасность, они возьмут на себя заботу о матери и Сашеньке, отправят их заранее в орловскую деревню. С этой стороны все как будто обстояло благополучно. О разгроме своего бородинского имения и возможной потере последнего имущества в Москве, что окончательно оставило бы семью без средств, Денис не думал. Слишком велика была опасность, угрожавшая всей России, чтобы помышлять сейчас о личных делах.

Видя, с каким беспримерным самопожертвованием, презирая смерть, сражаются русские солдаты и партизаны, наблюдая, как селяне собственной рукой уничтожают свои дома и имущество, чтобы ничто не досталось чужеземцам, Денис наполнялся гордостью за свой народ, столь величественно проявлявший нравственную силу в годину бедствий отечества. И чувствовал, что он сам, не колеблясь ни минуты, готов поджечь родной дом, лишь бы не видеть в его стенах людей в ненавистных чужих мундирах. Вот это-то высокое патриотическое чувство, понимание личной ответственности за большое доверенное ему дело и заставляли его испытывать острую неудовлетворенность первыми партизанскими опытами.

Инструкция, составленная Багратионом, требовала не случайных нападений на слабые, отбившиеся в сторону, неприятельские транспорты, а систематических, решительных действий по расстройству обозов и парков, двигавшихся непрерывно по столбовой Смоленской дороге.

«Будь у меня хотя бы пять казачьих сотен, я бы давно на этой дороге хозяйничал, — размышлял Денис. — А как туда пойдешь, имея под командой всего сто тридцать человек? Ведь даже некоторые шайки мародеров превосходят нас числом... Неприятельские же обозы с оружием и военным имуществом охраняются такими прикрытиями, что ввяжись в драку — ног не унесешь...»

И Денису невольно вспомнилось, как он, простившись в Семеновском с Багратионом, пришел на

другой день с его предписанием к командиру ахтырцев генералу Васильчикову. В просторной избе, помимо самого Васильчикова, собралось за завтраком еще несколько знакомых генералов и офицеров. Узнав о назначении Дениса, они осыпали его градом язвительных насмешек.

— Тебе что, жить надоело? — говорили одни. — Так ступай, любезный, в переднюю цепь и подставляй голову. Зачем же еще гусар губить хочешь?

— Не забудь заранее сочинить свою некрологию! — советовали другие.

— Кланяйся Павлу Тучкову, — намекая на взятого недавно французами в плен генерала, говорили третьи, — да скажи ему, чтобы он уговорил тебя не ходить в другой раз партизанить!

Впрочем, ни тогда, ни теперь этим генеральским шуткам особого значения Денис не придавал. Сам знал, на что идет. Разделять же участь генерала Тучкова не собирался, потому и проявлял на первых порах такую осторожность. Однако заниматься мелкими партизанскими поисками и дальше, пропуская беспрепятственно крупные неприятельские обозы, было бессмысленно. Необходимо во что бы то ни стало нанести неприятелю чувствительный удар именно на главной его коммуникации, на столбовой Смоленской дороге. В памяти Дениса неожиданно возникла встреча с крестьянами-партизанами в лесах Смоленщины. Этот русобородый Терентий говорил верно: «Главное, чтоб сразу над неприятелем видимый верх одержать и удачей веру в себя сыскать». Да, если бы удался поиск на Смоленской дороге, он наверняка снискал бы отряду большее доверие не только со стороны главнокомандующего, но и со стороны местного населения. Тогда легче было бы пополнить свои силы добровольцами-крестьянами, а это дало бы возможность более решительно действовать в дальнейшем.

Каким же способом и где произвести нападение? Ворочаясь с боку на бок и вздыхая, Денис мучительно ломал голову над этим вопросом, когда послышался конский топот и вслед за тем к шалашу

подъехал Николай Бедряга, вернувшийся из ночной разведки. Денис поднялся навстречу.

— Где так долго пропадал, Николай Григорьевич? — спросил он у Бедряги.

— Почти до самого села Токарева добрался... Там шайка мародеров бесчинствует, Денис Васильевич...

— Много ли всех-то?

— Да за сто человек будет...

— Ладно... Хоть и надоело с этой сволочью возиться, да на безрыбье и рак рыба, — отозвался, слегка поморщившись, Денис. — Поднимай людей! Едем!

До большого села Токарево, расположенного на возвышенности у речки Вори, считалось около десяти верст. Токарево лежало почти на прямом пути к Цареву Займищу, где проходила столбовая дорога. Мародеры, чувствуя себя в безопасности, обобрали крестьян, нагрузили пожитками и продовольствием большой обоз и улеглись спать, выставив лишь небольшую охрану.

На рассвете, приблизившись к токаревской околице, партизанский отряд снял часовых, ворвался в село. Уничтожив всех мародеров, оказавших сопротивление, партизаны захватили обоз и взяли девяносто человек в плен. Из села не ушел ни один француз. Но вскоре сторожевые пикеты донесли о приближении к селу другой большой неприятельской команды. Денис отдал приказ: партизанам сесть на коней и укрыться за избами.

Французы шли по широкой улице осторожно, стройной колонной. Дойдя до середины села, остановились, огляделись, поставили ружья. Этого было достаточно. Со всех сторон с гиканьем и стрельбой налетели партизаны. Французы побежали, но их всюду настигали гусарские сабли и казачьи пики. А тех, кто вздумал прятаться в избах, топорами и вилами встречали ободренные партизанами крестьяне. Через несколько минут все было кончено. Десятки неприятельских трупов лежали у плетней и заборов. Толпа пленных, увеличившаяся до ста шестидесяти человек,

стояла на выгоне у церкви. Французы робко жались друг к другу, стараясь не глядеть на окружавших их все более плотным кольцом озлобленных мужиков и баб.

— Побить бы их всех, ваше высокоблагородие, — сказал подъехавшему Денису пожилой угрюмый крестьянин. — Неча с этой поганью возиться!

— Нельзя, любезный, — отвечал Денис. — За них начальство большой выкуп получит... Вот ежели с оружием в руках нападать и грабить будут — тогда бей!

— Чем бить-то? — резонно возразил крестьянин. — Неспособно с рогатиной против ружья. Вот ежели бы приказали выдать нам ихнее оружие, мы бы вдругорядь за себя постояли...

Денис, знавший, что выдача оружия крестьянам без особого разрешения начальства запрещена, все-таки решил взять на себя ответственность и помочь токаревцам.

— А вас сколько таких, что стрелять умеют? — спросил он у крестьянина.

— Да, почитай, десятка три наберется...

— Ну, хорошо... Ружья и патроны я прикажу вам выдать, защищайтесь впредь сами... Только будьте осторожны! Да оповестите всех соседей, что сюда скоро в больших силах наши войска прибудут, пусть никто неприятеля не страшится. А ты, брат староста, — обратился Денис к седобородому плечистому крестьянину с медной бляхой на груди, — имей надзор над всем да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были наготове три или четыре парня. Ежели завидите большую партию басурманов, пусть эти парни садятся на лошадей и скачут в разные стороны искать меня, — я приду к вам на помощь. Бог велит нам жить мирно между собой и не выдавать врагам друг друга!

Крестьянам речь молодого партизанского начальника пришлась по душе.

— Не сумлевайся, батюшка, мы Христовы заповеди помним, — отвечали старики, — сами послужить тебе рады. Все исполним, как прикажешь!

— Спасибо на ласковом слове, родимый, — низко кланяясь, говорили женщины. — Приободрил ты нас, утешил!

А день между тем уже клонился к вечеру. Отправив пленных под конвоем в ближайший город Юхнов для сдачи под расписку местному начальству, Денис, ободренный относительным успехом сегодняшнего поиска, решил не откладывать дела в долгий ящик и сразу же попытать счастья на большой столбовой дороге. Выехав из села, партизанский отряд взял направление на Царево Займище.

Дорога шла лесной опушкой. Гусары и казаки, растянувшись длинной цепью, ехали быстро. В сумерках, не доезжая шести верст до Царева Займища, заметили впереди неприятельский разъезд. Остановив отряд, Денис подозвал урядника Крючкова:

— Как, Данилыч, сумеем весь этот разъезд захватить?

— Почему же нет, ваше высокоблагородие? Попробовать можно! — отозвался Крючков. — Я с десятком доброконных казаков наперерез вдоль лощины пойду, а десяток других прямиком направим...

— Имей, однако, в виду, ежели хоть одного француза упустим, он может поднять тревогу в Царевом Займище и все дело погубить: я бы сам рисковать не стал, да «язык» до крайности нужен. Черт их знает, сколько там войск собрано!

— Постараемся без охулки, ваше высокоблагородие... Не извольте беспокоиться!

Казаки помчались. И управились с французами быстро. Разъезд, состоявший из десяти конных егерей при одном унтер-офицере, видя себя окруженным, сдался без боя. От пленных Денис узнал, что в Царевом Займище стоит транспорт со снарядами, прикрываемый сильным кавалерийским отрядом из двухсот пятидесяти человек. Численное превосходство противника не изменило смелого замысла Дениса. Свернув в лес, партизаны стали продвигаться вперед. Но около села они встретились с сорока неприятель-

скими фуражирами, которые, увидев партизан, быстро поскакали назад, к своему отряду.

Положение создалось рискованное. Фуражиры могли опередить партизан и предупредить своих... Но отступать после сегодняшних успешных дел не хотелось. «Повелевай счастьем, ибо одна минута решает победу», — припомнился вдруг Денису один из суворовских советов. И, оставив при пленных тридцать гусар, Денис помчался с остальной своей командой вслед за фуражирами.

В Царевом Займище, куда ворвались партизаны, нападения никто не ожидал. Французы не успели даже сесть на коней. Тех, кто вздумал защищаться, положили на месте. Лишь немногие, пользуясь темнотой, спаслись бегством.

Партизаны захватили еще сто двадцать пленных, несколько фур с патронами и провиантом, а главное — смелое нападение вселило в них уверенность в своем превосходстве над более сильным противником. Спустя три дня отряд Дениса Давыдова, выйдя опять на столбовую дорогу, с не меньшим успехом разгромил в селе Федоровском, близ Вязьмы, другой неприятельский транспорт.

Смелые действия армейских партизан, как и рассчитывал Денис, произвели огромное впечатление на местных жителей. Крестьяне соседних сел и деревень все чаще и чаще присылали к нему своих ходоков, оказывали всяческую помощь. Связь с народом устанавливалась крепкая. И Денис, отправив в главную квартиру армии рапорты о боевых действиях отряда, серьезно задумался над тем, чтобы из крестьян-добровольцев создать пехотный полк. Однако вскоре представился другой случай пополнить свои силы. Денис получил известие, что в Юхновском уезде простаивают без дела два казачьих полка, находившихся в ведении начальника калужского ополчения. А начальником был не кто иной, как старый знакомый, добрейший и милейший отставной генерал Василий Федорович Шепелев, некогда командир гродненских гусар.

Мысль о том, чтобы взять у него казачьи полки

под свою команду, показалась Денису весьма привлекательной. Но как ее осуществить? Денис не сомневался, что просьба о включении казачьих полков в его партию, несмотря на добродушие генерала, будет отклонена, ибо генеральское самолюбие в данном случае возьмет верх над соображением о целесообразности и пользе предложенного мероприятия. Поэтому Денис счел для себя извинительным применение небольшой хитрости. Вечером, на привале, Митеньке Бекетову, которого решил послать к генералу, Денис объявил:

— Мы добровольно поступаем под начальство его превосходительства! Понятно?

Зная, что командир больше всего на свете дорожит самостоятельностью своих действий, Бекетов пришел в удивление.

— Извини, Денис Васильевич, не могу поверить... Ведь тогда придется отказаться от независимости...

Денис рассмеялся, перебил:

— Ничего подобного, Митенька! Дело обстоит не так страшно... Я напишу генералу, что, избрав для своих поисков местность, смежную с губернией его превосходительства, считаю за особое счастье служить под его начальством и доносить обо всем происходящем, а посему прошу подкрепить меня означенными казачьими полками.

— Все же, следовательно, придется подчиняться его распоряжениям?

— Каким? Характер Василия Федоровича мне отлично известен. Он придет в восхищение от моего предложения, даст казаков, затем будет сочинять для меня длиннейшие и глупейшие инструкции, вовсе не обязательные для исполнения, ибо генерал при всех своих превосходных качествах обладает завидной привычкой быстро забывать все им написанное... Ну, а ежели, получая мои рапорты, он возмечтает, будто удары наносятся по его планам и инструкциям, в претензии я не буду... Человек превосходнейший, бог с ним! В общем, друг Митенька, — весело сказал Денис, похлопывая по плечу Бекетова, — скачи с моим донесением в Калугу.

Кланяйся почтительно его превосходительству и возвращайся с предписанием генерала в Юхнов. Я тем временем устрою там для партии трехдневный отдых и займусь созданием ополчения...

— Не перемудрить бы нам только, Денис Васильевич, — отозвался Бекетов.

— Да, мудрость-то, положим, не бог знает какая! — ответил Денис. — Мы со слабыми своими силами за десять дней триста семьдесят пять французов в плен взяли да на месте сколько положили... А ежели удастся отряд хотя бы раза в три усилить, — не на сотни, а на тысячи счет поведем! Отечество, Митя, в обиде на нас не будет.

VIII

Маленький тихий городок Юхнов с веселыми деревянными домиками в садах и широкими немощеными улицами был необычайно возбужден известием о прибытии партизанского отряда Дениса Давыдова.

Большая партия пленных, проследовавшая на днях через город, а также присланные сюда неприятельские фуры с оружием, патронами и военным имуществом достаточно убедили юхновцев в том, что партизанский отряд Давыдова является надежной их защитой. Имя предприимчивого командира повторялось всеми, и, как всегда в таких случаях, сплетая быль с небылицами, обыватели создавали различные истории, якобы связанные с деятельностью Давыдова. Это усиливало общий интерес к нему.

В доме юхновского предводителя дворянства, где с раннего утра от приготовлений стоял дым коромыслом, ожидали Дениса с особенным нетерпением, вызванным, впрочем, причинами более обстоятельными, нежели простое любопытство.

Семидесятилетний хозяин, Семен Яковлевич Храповицкий, полковник в отставке, когда-то служивший в потемкинских и суворовских войсках, обладал большой твердостью духа. Как только район военных действий приблизился к Юхновскому уезду и многие

помещики поспешно стали уезжать из своих имений, Семен Яковлевич с негодованием заявил:

— Мне прискорбно глядеть, когда дворянин, забыв честь и совесть, поступает подобным образом... Наш долг, не вдаваясь в панику, помышлять лишь о защите против иноземцев!

Оставшись со всем семейством в городе, Семен Яковлевич, несмотря на почтенные годы, ревностно занялся подготовкой местного ополчения. Помощь ему оказывали шестидесятилетний брат, мичман в отставке, Николай Яковлевич Храповицкий, а также титулярный советник Татаринов и землемер Макаревич.

Вскоре первый отряд юхновских ополченцев был создан. Он состоял из пятисот жителей города и крестьян, команду над отрядом принял отставной капитан Бельский.

Но оружия отряд не имел. Старинные самопалы, охотничьи ружья и пистолеты, собранные на месте, никого не устраивали. Поэтому неожиданная присылка в город трофейного оружия особенно всех порадовала. И хотя Денис Давыдов строго запретил кому бы то ни было прикасаться к этому оружию без его разрешения, Храповицкий находился в полной уверенности, что при личном свидании с командиром партизанского отряда вопрос будет разрешен благоприятно.

— Помилуйте, государи мои, — говорил предводитель своим помощникам, — мой сын Степан, состоя в павлоградских гусарах и проделав с Денисом Васильевичем всю прусскую кампанию, постоянно с великой похвалой о нем отзывался. Денис Васильевич, государи мои, не оставит в нужде людей, поднявшихся на защиту отечества.

Партизанский отряд, вступивший в город поздним дождливым вечером, нашел у местных жителей самый радушный прием. Для дорогих гостей топились бани, варились пиво и брага, готовилось обильное угощение.

Дом предводителя сиял яркими огнями. Здесь собрались командиры ополчения, именитые горожане

и оставшиеся в уезде дворяне. Дениса и офицеров встречали торжественно, с шампанским. Семен Яковлевич, отечески обнимая Дениса, от преизбытка чувств даже прослезился:

— Молодец, молодец! Меня-то, старика, ты не знаешь, а я уже давно знаком с тобою по рассказам сына. Таким и представлял!

Денис, лишь в городе узнавший фамилию предводителя и почему-то не подумавший о возможном родстве его с павлоградским гусаром, изумился:

— Как! Разве я имею честь видеть почтенного родителя доброго друга моего Степана Храповицкого?

— Сынок наш, сынок единственный, — отозвалась, вытирая глаза, жена предводителя Татьяна Харитоновна. — Бывало, как приедет, только о вас и разговору...

— Позвольте! Ведь насколько мне известно, Степан, коего видел я последний раз в Молдавии, служит теперь в армии Тормасова? — спросил Денис.

— Совершенно верно, — подтвердил предводитель. — Майором Волынского уланского полка.

— Месяц назад последнее письмо от него получили, — вздохнув, добавила Татьяна Харитоновна. — Писал Степушка, что, возможно, пошлют его в нашу сторону вербовать улан, обещал проведать, да, видно, не привел господь...

— А вы знаете, господа, — обратившись к гостям, сказал Денис, — как впервые познакомился я со Степаном Семеновичем?

И тут же, многое по привычке для красного словца прибавляя, Денис рассказывал, при каких обстоятельствах пять лет назад морозным январским днем повстречался он со Степаном на Морунгенской дороге.

Между хозяевами и гостями скоро установились непринужденные отношения. Зазвенели бокалы, зазвучали тосты. Денис и офицеры, окруженные общим вниманием, чувствовали себя как дома.

Юхновское ополчение как нельзя более устраивало Дениса. Договориться о дальнейшем людям,

стремившимся к одной цели, не представляло особого труда. Вопрос об оружии для местных ополченцев разрешился быстро. Семену Яковлевичу не пришлось даже просить.

Юхновский отряд добровольно поступал под начальство Дениса, передавшего ополченцам отбитое у неприятеля военное имущество и обещавшего в ближайшие дни полностью всех вооружить. Семен Яковлевич и его помощники приняли на себя заботу о снабжении продовольствием всей партии и на собственные средства решили создать в Юхнове лазарет для раненых. Двадцать два помещика согласились служить в ополчении командирами. Через земство решили разослать по всем селам составленную Денисом прокламацию, призывавшую всех жителей встать на защиту отечества.

Денис, довольный столь быстрым осуществлением одного из своих замыслов, впервые за время партизанского кочевья заснул в ту ночь на мягких хозяйских пуховиках безмятежным сном.

...На другой день к обеду неожиданно приехал Степан Храповицкий. Он мало изменился за последние годы. Разве только раздался в плечах да гуще и пышней стали рыжие усы.

Степан обнял родных и Дениса, встреча с которым его удивила и обрадовала, и тут же объявил:

— Не хочется портить вам настроение, господа, но и скрывать печальную весть не в силах... Москва занята французами!

Известие всех ошеломило. Несколько секунд никто не мог произнести ни слова. Лицо Семена Яковлевича покрылось багровыми пятнами, губы тряслись. На глаза у многих навернулись слезы. Денис, хотя и ожидал этого события и даже доказывал другим, что оно неминуемо, если отступление по Смоленской дороге будет продолжаться, все же почувствовал, как больно сжалось его сердце и спазмы сдавили горло.

— Как? Москва?.. Отдана без боя? — наконец спросил он, делая усилие, чтобы справиться с охватившим его волнением.

— Да, драться не пришлось, — со вздохом ответил Степан. — На военном совете в Филях позиции для сражения под Москвой были признаны непригодными...

— А что же сталось с жителями?

— Москвичи в большинстве своем выехали, а те, кто остался... разумеется, им придется не сладко... Говорят, французы устроили неслыханный грабеж и жгут дома... Чуть не за сто верст я видел огромное зарево над городом...

— Матушка наша... первопрестольная... — тихо произнес Семен Яковлевич и, будучи не в силах говорить дальше, поднес платок к глазам, отвернулся в сторону.

— А где же теперь Кутузов и наша армия? — задал новый вопрос Денис.

— Я оставил войска в Красной Пахре, откуда, как мне передавали, светлейший решил продолжать движение для заслона Калужской дороги, — ответил Степан. — Замечательно, что в армии настроение очень бодрое, никто о мире не помышляет...

— Еще бы! Кому же в голову теперь придет мириться со злодеем! — воскликнул Денис, обрадованный хорошей вестью о настроении в армии. — Нет, как хотите, господа, я склонен думать, что наши войска, подкрепленные свежими резервами, и отряды партизанские в скором времени совершенно истребят неприятеля.

— Дай бог, чтоб сбылось по-твоему, — отозвался Семен Яковлевич. — А тяжка, ох, как тяжка для россиянина, государи мои, потеря священного города нашего!

— Позвольте ответить вам, батюшка, — вставил Степан, — словами Кутузова: с потерей Москвы не потеряна Россия!

— Вот голос истинной мудрости, господа! — добавил Денис. — Не будем унывать и охлаждать рвения своего к защите того, что нам защищать надлежит...

Понемногу все успокоились. Общий разговор оживился. Степан, ни на шаг не отходивший от Дениса,

узнав о всех подробностях партизанских поисков, сразу загорелся желанием во что бы то ни стало принять в них участие.

— Как хочешь, Денис Васильевич, а меня под свою команду бери, — заявил он. — Я ведь, сам знаешь, в партизанстве кое-что смыслю!

— Я-то возьму с большой радостью, — ответил Денис, — да как начальство твое уломать?

— Очень просто. Я прибыл в распоряжение генерала Шепелева; если ты напишешь от себя ходатайство Василию Федоровичу, он, не сомневаюсь, все устроит. Тем более обстоятельства таковы, что некоторые формальности легко обойти.

— Хорошо, — согласился Денис. — Только, думается, в Калугу следует поехать тебе самому.

— Разумеется. Сегодня же туда отправлюсь.

— Кстати, если Бекетов не успел еще ничего добиться, может быть, сумеешь помочь ему. На всякий случай захватишь для его превосходительства Василия Федоровича второе мое красноречивое объяснение пользы единства в действиях. Бекетов что-то задержался. Я, признаться, опасаюсь, не заупрямился ли наш добрейший генерал?..

Опасения, однако, не оправдались. Начальник калужского ополчения к предложению Дениса отнесся благосклонно, партизанский отряд под свое начальство милостиво принял и казачьи полки к нему присоединил. А Бекетова задержал на сутки потому, что в самом деле имел пристрастие к пространным поучениям. Засев в кабинете, он занялся сочинением подробнейшей, на десяти листах, инструкции для партизан.

Получив это послание, Денис прочитал только начальные строки:

«Все свершилось, Москва не наша, она горит! Я от 6-го числа из Подольска, от светлейшего, имею уверение, что он, прикрывая Калужскую дорогу, будет действовать на Смоленскую. Ты не шути, любезный Денис Васильевич, твоя обязанность велика, прикрывай Юхнов и тем спасешь средину нашей гу-

бернии, но не залетай далеко, а держись Медыни и Мосальска. Мне бы хотелось, чтобы ты действовал таким образом...»

Дальше излагались столь глубокомысленные, но, увы, совершенно непригодные для партизанских действий мысли, что чтение пришлось отложить до более свободного времени. Совет генерала «прикрывать Юхнов и не залетать далеко», вызванный желанием сохранить воинскую силу для защиты своей губернии, был понятен, но невыполним. Во-первых, сосредоточив свои действия в определенном районе, партизанский отряд стал бы подвергаться большой опасности; во-вторых, вся суть партизанской войны состояла в том, чтобы залетать далеко, наносить удары неприятелю в самых неожиданных местах, нападать, расстраивать его коммуникации, а не ограничиваться защитой одной местности.

Конечно, вступать в бессмысленный спор с генералом о партизанской тактике не было никакой нужды. Получив предписание принять под свое начальство майора Храповицкого и требуемые казачьи полки, Денис ни одной лишней минуты в Юхнове не задержался. Местное ополчение пока оставил в селе Знаменском. Капитану Бельскому впредь до получения полного комплекта оружия приказал производить усиленные учебные занятия. А сам со своей кавалерией двинулся на Вязьму, где квартировал тогда смоленский губернатор Бараге д'Илье.

Хотя казачьи полки оказались малочисленными (Бугский, находившийся под командой майора Ченского, состоял из ста казаков; Тептярский, под командой майора Темирова, насчитывал всего шестьдесят человек), отряд значительно усилился. Пять дней назад под начальством Дениса находилось лишь пятьдесят гусар и восемьдесят казаков. Теперь он командовал тремя сотнями и имел все основания рассчитывать на пехотные резервы, подготовляемые из ополченцев. В голове Дениса созревали широкие и дерзкие замыслы. Все улыбалось пылкому его воображению. И знай добрейший генерал Шепелев, в каких далеких залетах обретались сейчас мысли

командира партизанского отряда, он, наверное, пришел бы в ужас!

13 сентября, ранним утром, партизаны лихо и стремительно атаковали в виду города Вязьмы большой неприятельский отряд, прикрывавший транспорт с провиантом и снарядами. Отпор был незначителен. Истребив свыше ста французов, партизаны взяли в плен шесть офицеров и двести семьдесят рядовых, отобрали триста сорок ружей, захватили двенадцать палубов со снарядами и патронами, двадцать провиантских фур.

Отправив пленных в Юхнов, а оружие и патроны в Знаменское, отряд пересек столбовую дорогу и двинулся по направлению к Гжатску. Разгромив на следующий день близ села Торбеево другой крупный неприятельский обоз, взяв при этом двести шестьдесят пленных и много оружия, отряд круто повернул назад и, скрытно пройдя свыше ста верст, снова вышел на большую дорогу у села Юренево, западнее Вязьмы. Проведав, что здесь ночует транспорт под прикрытием трехсот кавалеристов, Денис Давыдов произвел под утро обычную атаку, но... потерпел первую неудачу. Оказалось, ночью транспорт из Юренева ушел, а село заняли три батальона неприятельской пехоты. Основываясь на вечерних показаниях «языков», партизаны смело ворвались в село и попали под сильнейший огонь. Правда, майору Ченскому с бугскими казаками, ударившими с тыла, удалось растрепать один из батальонов и захватить сто двадцать пленных, однако силы неприятеля настолько превосходили силы партизан, что волей-неволей пришлось отступить, потеряв при этом тридцать пять человек убитыми.

Этот урок не прошел даром. Он научил Дениса более тщательно производить разведку и с крайней осторожностью штурмовать селения, занятые пехотой.

Вечером того же дня Давыдов получил донесение, что в одной из деревень расположилась на ночлег партия русских пленных, конвоируемая французской кавалерией и пехотой. На этот раз Денис применил

новую тактику нападения. Устроив отряд в засаде, в полуверсте от деревни, он приказал уряднику Крючкову с шестью казаками приблизиться как можно ближе к неприятелю, произвести несколько выстрелов и возвращаться обратно.

Денис рассчитывал, что стрельба вызовет переполох, принудит неприятеля искать другое место для привала. И не ошибся.

Едва казаки произвели выстрелы и удалились, как весь транспорт выступил из деревни, растянулся по дороге. Внезапный налет из засады, произведенный партизанами, позволил легко управиться с конвоем. Ни один француз не скрылся. Четыреста отбитых пленных со слезами на глазах благодарили своих избавителей. Все они выразили желание вступить в партизаны. Денис отобрал двести пятьдесят человек и создал целую пехотную роту, поручив начальство над ней отставному мичману Николаю Яковлевичу Храповицкому.

После этого партизанский отряд, обремененный огромной добычей, остановился для краткого отдыха в селе Городище и соседней деревне Луги на реке Угре, недалеко от Знаменского. За неделю партизаны взяли в плен пятнадцать офицеров и девятьсот восемь рядовых, захватили тридцать шесть палубов со снарядами и патронами, сорок провиантских фур, сто сорок четыре вола и больше двухсот лошадей.

Послав об этом рапорт в главную квартиру армии и не позабыв уведомить также генерала Шепелева, Денис помчался в Знаменское для личного осмотра ополчения.

Капитан Бельский встретил его радостным сообщением:

— Пятьсот человек полностью готовы к походу, Денис Васильевич. Помимо этого, вооружено еще полторы тысячи новых ополченцев, стоящих в соседних деревнях. Рвение крестьянства к защите отечества столь велико, что в случае нужды мы сможем поставить под ружье не менее шести тысяч.

— А как обстоит дело с командирами? — осведомился Денис.

Настроение капитана Бельского мгновенно изменилось. Лицо приняло почти сердитое выражение..

— Плохо, Денис Васильевич, скрывать нечего. Служившим в солдатах старикам приходится поручать взводы.

— Где же помещики, изъявившие согласие служить?

— Предпочли остаться дома, довольствуясь ношением охотничьих кафтанов и пистолетов за поясом, — иронически заметил Бельский.

— Как? Все до одного?

— Кроме известных вам господ Татаринова и Макаревича, кои с усердием начальствуют над ротами.

Поведение местного дворянства до такой степени возмутило Дениса, что он воскликнул:

— Ах, канальи! Под суд бы отдать за потерю дворянской чести!

И тут же вспомнилось Денису, как несколько дней назад в селе Теплухе, где заночевали партизаны, к нему явился пожилой, невысокого роста крестьянин в худом зипуне и лаптях. Звали его Федором Клочковым. Он был дворовым человеком господ Кирсановых, проживавших близ Царева Займища и при первом слухе о приближении неприятеля бежавших в столицу. Федор поступил иначе, чем его господа. Когда французы вошли в деревню, он впустил к себе нескольких солдат, напоил водкой и брагой, а ночью, закрыв окна ставнями, а двери добрыми засовами, поджег избу, затем бежал в лес, где заранее были укрыты жена и дети. Так сделали и другие крестьяне села.

И теперь Федор, оставив семью, пришел просить, как великой милости, позволения служить в армейском партизанском отряде.

— Зачем же тебе, любезный, непременно в наш отряд хочется? — сказал Денис. — Поступал бы в ополченцы, а мы люди военные... Слышал небось про ополчение?

— Слыхал... Да ведь там когда еще бог приведет переведаться с неприятелем, а тут всегда на тычку! — ответил Федор.

— Ну, если уж так любишь воевать, тогда в солдатах служить надо...

Федор поднял светлые кроткие глаза и неожиданно признался:

— Да что, ваше высокоблагородие, какой из меня солдат! По мне, сроду бы не воевать — куда лучше! Мы спокон веков на своей земле сидим, пашем, да сеем, да хлеб собираем, никого не обижаем, оттого мирянами и прозываемся...

— Но ты же сам только что высказал желание поскорей с неприятелем переведаться! — перебил Денис, несколько озадаченный признанием.

— Тут уж такой случай, — ответил Федор. — Как вора не бить, коли он в твою избу лезет? До сердца довели лиходеи... Вон бабы и те за вилы берутся... — И, чуть помедлив, добавил: — Я у покойного старого барина в охотниках ходил. И стрелять научен, и на конях езживал, и все места окрест мне известны, куда хошь приведу и выведу... Пригожусь вашей милости!

Последний довод оказался самым существенным. Денис оставил крестьянина при отряде. И скоро убедился, что приобрел не только хорошего проводника, но и прекрасного разведчика. В последних поисках Федор, не уступая в ловкости Крючкову, достал трех «языков», завоевав среди партизан славу храбреца.

«Насколько же простой народ возвышается в любви к отечеству над некоторыми потомками древних бояр», — подумал Денис, вспомнив этот случай.

А капитану Бельскому сказал:

— Делать нечего. Не желают господа дворяне помогать, без них обойдемся. Я дам вам нескольких ефрейторов и унтеров из отбитой нами партии пленных.

IX

Петр Петрович Коновницын, назначенный дежурным генералом главной квартиры, знал Дениса Давыдова как храброго, опытного, исполнительного офицера. Получив поздним вечером в Красной Пахре

первый рапорт об успешных действиях партизанского отряда в районе Царева Займища, Коновницын поспешил доложить об этом Кутузову.

— Я полагаю, ваша светлость, — добавил от себя Коновницын, — похвальное начало подполковника Давыдова заслуживает всяческого внимания. Выделение нескольких подобных армейских партизанских отрядов для действий в тылу и на флангах противника представляется мне мерой вполне разумной...

— Согласен, согласен, голубчик, — одобрительно кивнул головой Кутузов. — Сам постоянно об этом думаю... Дело нужнейшее! Давай-ка попробуем отрядить еще генерал-майора Дорохова, он давно уже счастья попытать охотится... А уж там, как дальше поступить, посмотрим! Да в приказах-то, голубчик, — тяжело вздохнул Кутузов, — легкие эти отряды партизанскими именовать воздержись. В Петербурге всему свое толкование дают. Как еще кому взглянется!

Оставшись один, Михаил Илларионович еще раз прочитал рапорт Давыдова, оставленный на столе Коновницыным, и, усевшись поудобнее в глубокое кресло, по привычке скрестив руки на животе, погрузился в размышления.

В огромной пользе, какую могут принести партизанские отряды, главнокомандующий не сомневался. Партизанская система при том положении, в каком находилась неприятельская армия, являлась одним из лучших способов быстрее истребить живую силу и материальные средства противника. Но существовали причины, требовавшие осторожности при разрешении этого вопроса. Получивший после Бородинского сражения чин фельдмаршала и как будто облеченный всей полнотой власти, Кутузов продолжал постоянно чувствовать скрытое недоброжелательство к себе императора Александра, особенно усилившееся после оставления Москвы.

Кутузов не искал ни чинов, ни почестей и не стремился к тому, чтоб заслужить царское благоволение. Кутузов, более всего дороживший доверием

народа и войска, ставил перед собой задачу: с наименьшими потерями и жертвами для русских поскорее освободить от неприятеля отечество, истребить чужеземцев, посягнувших на честь и независимость отчизны. И все свои силы, обширные знания и богатый военный опыт отдавал на выполнение этой задачи. Он был уверен, что при Бородине неприятельской армии нанесена смертельная рана, что в Москве эта армия станет разлагаться, что Наполеон вынужден будет рано или поздно начать отступление.

Кутузов с необычайной дальновидностью предвидел и то, что Наполеон, оставив Москву, попытается прежде всего прорваться на Калугу, в плодородные, не истощенные войной районы, и поэтому заранее принял меры, чтобы сорвать этот план, заставить неприятеля возвращаться обратно по разоренной Смоленской дороге.

Сохраняя в тайне свои планы, Кутузов на военном совете в Филях заявил, что намерен продолжать движение на Рязань, но как только русские войска дошли до Боровского перевоза, неожиданно приказал повернуть к Подольску, затем вывел всю армию на Калужскую дорогу в районе Красной Пахры.

Этот блестящий фланговый маневр был совершен так внезапно, что французы потеряли даже след русской армии и Наполеон лишь через двенадцать суток узнал, где она находится.

Заняв важнейший стратегический путь, пользуясь временной передышкой, Кутузов деятельно развернул подготовку к предстоящему контрнаступлению. В то время как силы французов истощались, русская армия беспрерывно пополнялась свежими резервами, артиллерией, снарядами, продовольствием.

И каждый русский солдат понимал, что Кутузов действует правильно, что соотношение сил начинает складываться в пользу русских и час окончательной расплаты с врагом приближается. В лагере солдаты уже распевали новую, только что сочиненную песню:

Хоть Москва в руках французов,
Это, братцы, не беда:
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть впустил туда.
Вспомним, братцы, что поляки
Встарь бывали также в ней,
Но не жирны кулебяки —
Ели кошек и мышей.
Свету целому известно,
Как платили мы долги;
И теперь получат честно
За Москву платеж враги...

Однако вероломный и двуличный император Александр, по-прежнему окруженный бездарными иностранными «теоретиками», не понимал, не ценил усилий Кутузова и всячески мешал осуществлению его замыслов.

Вместо благодарности из Петербурга сыпались строгие наставления и выговоры. Александр и его советники укоряли Кутузова в бездействии, требовали, не считаясь ни с чем, немедленных наступательных действий, присылали различные планы, один бессмысленнее другого. В штабе сидели царские шпионы, доносившие о каждом шаге фельдмаршала. Начальник главного штаба Беннигсен, мечтавший занять место главнокомандующего, возглавлял партию враждебно настроенных к Кутузову людей. Беннигсена неизменно поддерживал старый его приятель сэр Роберт Вильсон, как и в прошлую кампанию состоявший военным агентом английского правительства при русской армии.

Политика Англии как союзного государства особенно раздражала Кутузова. «Экие ведь подлецы, — непочтительно думал о союзниках фельдмаршал, — ни обещанной военной поддержки, ни оружия — ничего от них не видим, а этот ихний сэр Вильсон хозяином себя чувствует... Подгонять нас изволит с наступлением! Оно понятно, крови русской им не жалко; пожалуй, чем более силы наши истребятся, тем и выгодней для них, барышников».

И когда Беннигсен попробовал оправдать бездеятельность союзников, Кутузов, не сдержавшись, сказал:

— Мы никогда с тобой не сойдемся, Леонтий Леонтьевич. Тебе английские интересы дороже всего на свете, а по мне, если ихний остров проклятый завтра на дно моря пойдет, я и не охну...

Беннигсен не замедлил передать эти слова своему приятелю, и взбешенный сэр Вильсон в тот же день написал царю жалобу. Значит, следует ожидать новой неприятности!

Одним словом, обстановка сложилась такая, что просить императора о дозволении учредить армейские партизанские отряды представлялось делом рискованным. Ведь известно, что царь не выносит даже самого слова «партизан», ощущая в нем признаки проявления свободы и независимости действий. Что же касается народных партизанских выступлений против неприятеля, то они так встревожили Александра, что он особым рескриптом повелел губернаторам «отбирать ружья у поселян». Надо же до этого додуматься!

Взяв на свою ответственность создание первого армейского партизанского отряда Дениса Давыдова и разрешив выделить под командой генерала Дорохова второй отряд, Кутузов не счел нужным уведомить об этом императора. Но он ясно понимал, что так или иначе царя необходимо поставить в известность о создании этих отрядов, узаконить их существование, тогда можно будет более смело и широко поддерживать все партизанское движение.

11 сентября, будучи еще в Красной Пахре, Михаил Илларионович, получивший первое донесение от Дорохова об успешном нападении на французов, в самой осторожной форме, избегая ненавистного для царского уха слова, сообщил:

«Для действия на тыл неприятельский я, под командою генерал-майора Дорохова, послал 9 сентября сильный отряд, от которого имею сегодня рапорт, что он успел уже взять шесть офицеров и двести рядовых. Между тем Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов со 150 человек легкой кавалерии уже давно живет посреди неприятеля между

Гжатска и Можайска и удачно действует для преграждения неприятельских коммуникаций».

Не получив на это письмо никаких возражений со стороны императора, фельдмаршал приказал создать еще несколько армейских отрядов. И вскоре эти отряды под командой Фигнера, Сеславина, Ефремова, Вадбольского, Чернозубова и других отважных офицеров вместе с крестьянскими дружинами, плотным кольцом окружив Москву, ежедневно стали выводить из строя сотни французов.

Кутузов внимательно следил за действиями армейских отрядов, часто сам составлял для них инструкции, давал маршруты.

А в двадцатых числах сентября, вызвав генерала Коновницына, сказал ему:

— Войну сию партизанскую решил я именовать впредь войной малой... Отряды наши легкие и дружины крестьянские дают мне ныне более способов истреблять неприятеля, нежели действия большой армии, движения коей в осеннее время затруднительны... Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает! [28]

— Справедливое мнение, ваша светлость, — отозвался Коновницын. — Армейские отряды ежедневно неприятеля ослабляют... Сегодня второй рапорт от подполковника Давыдова получен...

— Ну, что у него? — оживился фельдмаршал. — Доложи, доложи, любопытно...

— За прошедшую неделю в районе Вязьмы несколько транспортов неприятельских уничтожено, свыше девятисот пленных захвачено...

— Ах, молодец какой! Славно, похвально! — одобрил Кутузов. — Напиши-ка ему, голубчик, про мою совершенную признательность... Да пора, пожалуй, и в полковники его представить... Как твое мнение?

— Вполне заслужил, ваша светлость.

— Да... Вот говорят, будто он стихами своими сам себе много повредил, — тихо произнес Кутузов. — Может быть, и не всем понравится повышение Давыдова в чине, зато совесть моя чиста будет... Офи-

цер боевой, храбрый... За отечество жизни не щадит... А быль молодцу не укор![29]

...Армейские и народные партизанские отряды во многом различались. Армейские отряды, создаваемые Кутузовым, находились под общим его командованием, действовали главным образом на основных дорогах и по планам, разработанным в главном штабе. В одном из первых официальных известий об армейских отрядах, напечатанном в «Журнале военных действий», сообщалось:

«Все разосланные партии хотя и находятся в различных от армии направлениях, но не менее того составляют между собою непрерывную связь, что удобно видеть можно, сообразя взаимное их положение. От Смоленска до Гжатска действует подполковник Давыдов, от Гжатска до Можайска генерал-майор Дорохов, а от Можайска до Москвы капитан Фигнер. Удачные нападения на неприятеля и множество пленных, доставшихся сим начальникам в то время, когда они имели малые токмо отряды, ручаются за верный и надежный успех, который им ныне предстоит, тем более что теперь партии их противу прежних гораздо сильнее и что они, как выше упомянуто, находятся между собою в связи и действуют согласно, по одному плану и к одной цели...»

Командирам армейских отрядов представлялась, правда, возможность проявлять собственную инициативу при нападениях, однако совершались эти нападения в районах, указанных командованием, зачастую дававшим тому или иному командиру и особые боевые задания.

Народные партизанские дружины и отряды возникали стихийно, без приказа начальства, в действиях своих были вполне независимы. В подавляющем большинстве отряды эти состояли из крестьян, вооруженных чем попало. Действовали они в своей местности, производя нападения на небольшие транспорты, фуражиров и мародеров. Иногда, если выслеженная неприятельская команда была велика, партизанские крестьянские отряды соединялись или доносили об этом ближайшим армейским отрядам.

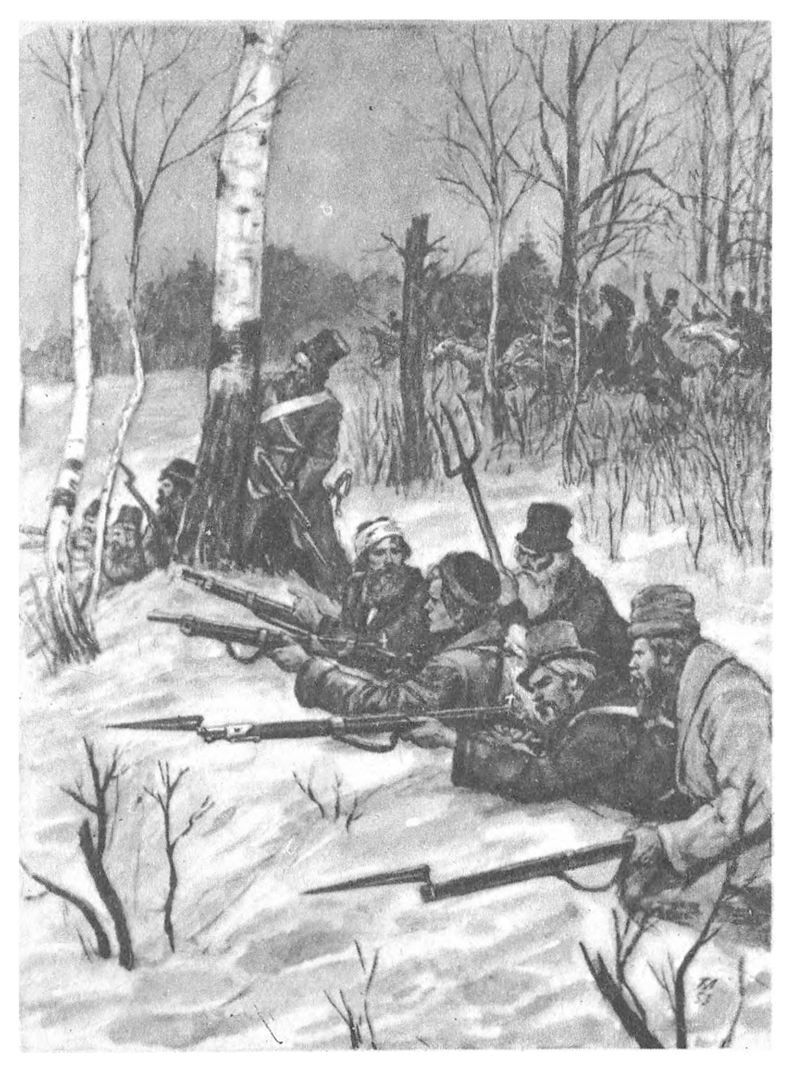
связь с которыми была установлена самая прочная. Армейские отряды по распоряжению Кутузова снабжали крестьян отбитым у неприятеля оружием и военным имуществом, инструктировали их командиров. Крестьяне-партизаны доставляли своим друзьям-армейцам, если имелась нужда, продовольствие, служили проводниками и лазутчиками, всегда охотно принимали участие в совместных нападениях.

Впрочем, некоторые крестьянские отряды, руководимые талантливыми, предприимчивыми людьми, численно вырастая и укрепляясь, выходили за пределы своей местности, вступали в бой с крупными неприятельскими силами. К числу таких принадлежал отряд Герасима Курина, действовавший в Богородском уезде Московской губернии.

Когда войска маршала Нея заняли Богородск и шайки мародеров рассыпались по уезду, отбирая у населения хлеб, скот и фураж, крестьянин села Павлова Вохтинской волости Герасим Курин собрал мирской сход и призвал всех крестьян защищаться против «нехристей». Мир единодушно поддержал Герасима, и тут же из двухсот человек составилась боевая партизанская дружина. Командиром избрали Курина; он славился как человек смелый, грамотный, умный. Старики, женщины и дети ушли в леса, а партизаны открыли действия против неприятеля. Так как во всех стычках с французами Герасим Курин почти всегда оказывался победителем, весть о нем разнеслась по всем окрестным деревням и селам, откуда сотнями повалили к нему добровольцы. Скоро Герасим Курин располагал уже целым войском: у него было пять тысяч восемьсот партизан, из них пятьсот конных. Вооружение отряда состояло из отбитых у неприятеля ружей, пистолетов и сабель, а также из самодельных пик.

Встревоженный действиями партизан, маршал Ней послал большую карательную экспедицию в составе двух эскадронов гусар и нескольких подразделений пехоты. Курин решил встретить неприятеля, дать ему «генеральное сражение».

Ранним пасмурным утром, отслужив молебен,

К стр. 289

партизаны вышли навстречу французам. Тысячу человек пехотинцев, под начальством своего помощника крестьянина Стулова, Курин оставил в засаде у села Меленки, а конных партизан спрятал в Юдинском овражке, недалеко от села Павлова.

В полдень показалась французская кавалерия, а следом за ней — пехота. Партизаны, расположившиеся в небольших окопах, встретили противника дружным ружейным огнем. В это время откуда-то сбоку выскочили конные партизаны. Гусары погнались за ними и, разгоряченные преследованием, не заметили, как очутились у засады. Партизанская пехота ударила с флангов, а конный отряд с тыла. Основные силы во главе с Куриным дрались с неприятельской пехотой. Бой был жестокий. Партизаны держались стойко, не отступали ни на шаг. Герасим Курин, управлявший боем, убил трех французов. Стулов заколол пятерых. Наконец неприятель не выдержал, побежал. Однако спастись удалось лишь нескольким гусарам.

Узнав о результатах этого боя, Кутузов вызвал к себе Герасима, при всех обнял, наградил георгиевским крестом.

В Смоленской губернии, где народная война разгорелась особенно жарко, тоже существовало несколько таких отрядов, снискавших широкую известность.

Гусар Елизаветградского полка Федор Потапов, тяжело раненный в арьергардном бою под Вязьмой, был подобран и укрыт в лесу местными крестьянами. Едва встав на ноги, Федор Потапов, по кличке Самусь, собрал небольшой партизанский отряд, который вскоре благодаря успешным действиям насчитывал уже три тысячи человек. Потапов разделил людей на роты и взводы, установил крепкую дисциплину и стал обучать партизан военному делу. Во всех ближних селах завел удивительный порядок: маяки, условные приметы и звон в различные по величине колокола извещали о приближении неприятеля, о его силах, сообщали, что нужно делать партизанам — прятаться или выступать, пешком или на лошадях. Разбив

эскадрон французских кирасир, Потапов одел в их латы двести партизан. А разгромив несколько неприятельских транспортов, он превосходно вооружил свою пехоту. Достал даже пушку.

За короткий срок отряд уничтожил больше трех тысяч французов.

С не меньшим успехом в Гжатском уезде действовал отряд, созданный драгуном Ермолаем Четвертаковым. Офицеры французских частей, имевшие боевые столкновения с Четвертаковым, поражались его искусству и никак не хотели верить, что командир партизанского отряда простой солдат. Французы считали его офицером в чине не ниже полковника.

В деревнях Сычевского уезда собирала свою дружину Василиса Кожина. Муж ее был сельским старостой. Его взяли на войну. Хату Кожиных сожгли французы.

Василиса принимала под свою команду не только мужчин, но и женщин, их насчитывалось в отряде не менее пятидесяти. Дружина нападала главным образом на небольшие транспорты. За все время она уничтожила и захватила в плен свыше четырехсот французов.

Однажды Василиса с тремя своими дружинницами конвоировала большую партию пленных. И когда по дороге один из них вздумал сопротивляться, стал подбивать своих товарищей на бунт, Василиса живо расправилась с ним и грозно прикрикнула на остальных:

— Всем вам, ворам, собакам, будет то же, если вздумаете бунтовать! Уж я двадцати семи таким голубчикам сорвала головы! Марш в город!

Смоленскому губернатору Бараге д'Илье действия партизан не давали покоя ни днем, ни ночью. Еще 8 сентября он написал начальнику главного французского штаба маршалу Бертье: «Число и отвага вооруженных поселян, по-видимому, увеличиваются; в глубине области 3 сентября крестьяне деревни Клушино, что возле Гжатска, перехватили транспорт с понтонами, следовавший под командою капитана Мишеля. Поселяне повсюду отбиваются от войск на-

ших, режут отряды, которые мы вынуждены посылать для отыскания пищи. Эти неистовства, чаще всего происходящие между Дорогобужем и Можайском, достойны, по моему мнению, внимания вашей светлости. Необходимо тотчас взять меры к прекращению новых беспокойств, возбуждаемых крестьянами, или примерно наказать их наглость за прошедшие преступления».

Не дожидаясь ответа на это письмо, губернатор послал в Клушино для наказания дерзких крестьян эскадрон кавалерии и роту пехоты, но через три дня от отряда осталось несколько человек, остальных истребили партизаны.

А вслед за этим неприятным известием губернатор получил другое, более тревожное. Партизаны до того осмелели, что появились близ Вязьмы и открыто напали на большой транспорт, разбив наголову два батальона прикрытия.

Взбешенный губернатор вызвал к себе жандармского полковника Жерара, приказал:

— Установите немедленно личность предводителя банды, совершившей сегодняшнюю диверсию. Надо во что бы то ни стало поймать и примерно наказать этого негодяя.

— Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, — ответил Жерар, — произведенное мною предварительное расследование неопровержимо доказывает, что неприятельский отряд, разбивший сегодня наш транспорт, не принадлежит к числу обычных крестьянских банд. Он состоит из регулярных кавалерийских и казачьих частей, посланных в наш тыл, по всей видимости, русским командованием.

Губернатор посмотрел на полковника удивленными глазами, наморщил лоб.

— Гм... Новость, признаюсь, не из приятных, полковник. Что же вам удалось узнать, кроме этого?

— Отряд насчитывает около трех сотен кавалеристов. Операции производит в Гжатском и Вяземском районах. Командует им некий Денис Давыдов.

— Звание?

— Подполковник одного из гусарских полков.

— Вот как! А приметы не обнаружены?

— Судя по показаниям одного из наших солдат, случайно бежавшего из плена, подполковник Давыдов мал ростом, черноволос, подвижен, голос имеет весьма тонкий, носит мужицкий кафтан...

— Превосходно! Благодарю за усердную службу! — сказал губернатор. — Сегодня же поставлю в известность всех начальников наших воинских команд... Можно объявить награду за поимку этого Давыдова... А вас попрошу, полковник, взять на себя формирование особой экспедиции для очищения от партизан Гжатского и Вяземского районов. Пора положить предел безобразиям! Вы получите в свое распоряжение две тысячи человек. Я даю лучшие войска, коими сам располагаю. Что вы скажете?

— О! С такими силами можно иметь успех, ваше превосходительство, — отозвался довольный полковник.

— Да, я тоже так полагаю. И надеюсь, вам скорее других посчастливится встретить и захватить разбойника Давыдова.

— Лишь бы напасть на его след, ваше превосходительство. Доставлю живым или мертвым!

X

Как-то ранним утром Денис, ночевавший вместе с Бедрягой и Бекетовым в Городище, получил с курьером, возвратившимся из Калуги, письмо от брата Левушки.

Давно Денис не имел известий от своих родных. И сейчас, сидя на кровати, он нетерпеливо разорвал пакет, прочитал несколько строк и вдруг, прикрыв лицо руками, глухо зарыдал.

Офицеры вскочили, забеспокоились:

— Что случилось, Денис? Несчастье?

Денис медленно поднял голову, не сдерживая катившихся по лицу слез, ответил кратко:

— Багратион... незабвенный благодетель мой... скончался...

Смерть Багратиона до глубины души потрясла

Дениса. Он постоянно справлялся о здоровье князя, знал, что после ранения Багратион был отправлен в село Симы Владимирской губернии, в имение своей тетки, княгини Голицыной. И лишь несколько дней назад порадовала весть, что Багратион начал поправляться и уже передвигается на костылях по комнате. Теперь же Левушка, снова ставший адъютантом Раевского, сообщал, что князь, услышав о занятии Москвы французами, в гневе сорвал с себя повязки, растравил раны, вызвав гангрену. Смерть последовала 12 сентября.

Денис, всегда с гордостью вспоминавший о своей службе у Багратиона, восхищавшийся им как замечательным полководцем суворовской школы, горячо любивший его как человека прекрасной, большой души, искренне и глубоко переживал тяжелую утрату.

Но предаваться горестным мыслям пришлось недолго. Казачий пикет, стороживший проселочную дорогу, ведущую в село Городище из Дорогобужа, известил о приближении двух неприятельских колонн.

— Вот случай, господа, поражением врагов отдать воинскую почесть праху великого героя, — сказал Денис офицерам, облачаясь в свой походный кафтан и пристегивая саблю.

В Городище стояли ахтырские гусары под командой Бедряги и Бекетова, а также пехотная рота старика мичмана Храповицкого. Остальная кавалерия, под начальством Степана Храповицкого и Чеченского, ночевала в соседней деревне Луги. Послав туда приказ ударить на неприятеля с тыла, Денис вывел гусар и пехоту на окраину села, укрыв часть войск за избами.

Вскоре на дороге в клубах пыли показалось около четырехсот французов. Встреченные у околицы ружейным огнем, они попятились, отстреливаясь, начали отступать к роще, примыкавшей к мелководной реке Угре, за которой тянулся сплошной лес до Мосальска.

— С богом, ребята! В штыки! — скомандовал старик Храповицкий своей пехоте и с саблей в руке

первым бросился за отступающим неприятелем. Рота с криком «ура» последовала за командиром. Обгоняя друг друга, солдаты ворвались в рощу на плечах французов, имевших намерение перебраться через реку и скрыться в лесу.

В это время показалась кавалерия во главе со Степаном Храповицким. Разгадав замысел противника, он обскакал со своим отрядом рощу и, став между рекой и рощей, отрезал неприятелю путь отступления. Видя себя окруженными, французы начали сдаваться. Партизаны взяли в плен пять офицеров и триста тридцать рядовых.

Возвратившись в Городище и отправив по распоряжению генерала Шепелева Тептярский полк в Рославль, Денис в тот же день со всей остальной кавалерией и пехотой выступил в направлении села Федоровского, близ Вязьмы, где однажды разгромил неприятельский транспорт.

Погода последние дни стояла теплая, сухая. Ранними утрами, правда, ощущалась осенняя свежесть, а в полдень солнце припекало совсем по-летнему. Отряд продвигался по лесу. Было тихо, приятно пахло грибами и прелой листвой. На деревьях между оголенными ветвями серебрилась паутинка; посвистывая, порхали синицы. На полдороге до Федоровского отряд устроил привал близ деревни Слукино, разбросавшей свои ветхие, крытые соломой избенки по берегам извилистого и узкого ручья.

Позавтракав с офицерами, Денис улегся отдохнуть и только что задремал, как из деревни возвратился неутомимый Иван Данилович Крючков. Вместе с ним на рослых кавалерийских французских лошадях приехало шесть неизвестных вооруженных всадников в самом разнообразном одеянии. Впереди одного из них, со связанными назад руками, полусогнувшись, сидел молоденький, с черными усиками французский офицер.

Подскакав к Денису, Крючков доложил:

— В деревне местные конные партизаны стоят, ваше высокоблагородие. Человек сто. Командир ихний со мною до вас напросился.

Офицеры с любопытством оглянулись. Рослый, плотный партизан с круглым, помеченным оспинами лицом и живыми глазами, ехавший впереди других, молодцевато, с хорошей военной выправкой, соскочив с лошади, сделал шаг вперед и, приложив руку к козырьку солдатской фуражки, представился:

— Киевского драгунского полка рядовой Ермолай Четвертаков!

Денис, слышавший мельком об отряде Четвертакова, посмотрел на драгуна с большим интересом. Скомандовал «вольно», спросил:

— А ты как же, любезный, в партизанах-то очутился?

— Поранили меня в грудь под Царевым Займищем и в полон забрали, ваше высокоблагородие, — неторопливо и толково отвечал Четвертаков. — А караулы у хранцев не дюже крепкие, я ден пять у них побыл, да и в лес ушел... А куда дальше деваться — не знаю, а без дела солдату сидеть вроде стыдно... Вот и обдумал в деревне Басманы мужиков под свою команду принять...

— А в какой армии с полком своим находился? — спросил Денис, желая удостовериться в правдивости драгуна.

— Во второй его сиятельства князя Багратиона, — четко отрапортовал Четвертаков и, очевидно разгадав смысл вопроса, улыбнулся: — Не извольте сомневаться, ваше высокоблагородие. Вам, конечно, меня заприметить трудно было, а я вас давно знаю... Вместе с ахтырскими гусарами до города Смоленска идти пришлось.

— А в бою под Миром был?

— Как же! Наш эскадрон в ту пору, как гусары вашего высокоблагородия бой с уланами у лесочка завязали, первым прибыл к вам на подмогу. Тут и видеть привелось, как вы хранцев-то рубили!

— Да, дрались там славно, — вздохнул Денис и добавил тихо, с грустью: — Скончался наш князь Багратион...

Лицо Четвертакова приняло растерянное выражение. Он сделал шаг назад, заморгал глазами:

— Да неужто так, ваше высокоблагородие?

Денис подтвердил. На глазах Четвертакова выступили слезы. Он медленным движением руки снял фуражку, перекрестился.

— Царство небесное... Батюшка наш, отец солдатский...

Между тем партизаны сняли пленника с лошади, развязали, подвели к Денису. Француз, разминая затекшие руки, беспокойным взглядом смотрел почему-то на верхушки деревьев, предполагая, очевидно, что его хотят повесить.

Четвертаков, обтерев лицо рукавом рубахи, пояснил, что его отряд, насчитывающий свыше двух тысяч человек, обычно пленных не берет, но этого офицера выхватили третьего дня из большой неприятельской партии, чтобы проведать, куда она направляется. А так как разговаривать с французами в этой местности может лишь один старик Назарыч, бывший прежде с барином за границей и проживающий сейчас в Слукине, то пленника и привезли к нему. Француз рассказал, что часть, к которой он принадлежит, сформирована недавно в Вязьме для уничтожения партизан и в первую очередь отряда Дениса Давыдова, приметы которого указаны всем командирам.

— Мы к вашему высокоблагородию сами хотели сегодня пленного отправить, — заключил Четвертаков, — да как раз казаков ваших повстречали.

— А ты разве знал, где я нахожусь? — спросил удивленный Денис.

— Слух давно о вас имеем... А по деревням здешним всюду наши партизаны. Разыскали бы!

Допросив француза и узнав подробности об экспедиции полковника Жерара, Денис изменил первоначальный план нападения. Необходимо было принять меры предосторожности от возможных случайностей, установить наблюдение за неприятельским отрядом, который, по словам пленного, сделал бесполезный маршрут в сторону Гжатска и теперь направился к Семлеву, верстах в двадцати пяти западнее Вязьмы. И потом... в голове Дениса зародилась

дерзкая мысль выследить неприятеля и самому напасть на него врасплох, разбить по частям.

Поблагодарив Четвертакова и поручив ему сообщать о всяком движении неприятельских частей в районе Гжатска, Денис отвел свой отряд в село Андреяны, южнее Вязьмы.

И здесь, весьма кстати, получил неожиданную помощь. Фельдмаршал Кутузов, довольный успехами давыдовского отряда, приказал усилить его казачьим полком Попова, только что прибывшим с Дона и состоявшим из пятисот доброконных казаков. Радость Дениса была велика. Теперь можно смело осуществить задуманное нападение на экспедицию Жерара! Приняв под свое начальство прибывших казаков, в большинстве молодых, Денис прежде всего занялся боевой подготовкой полка. Имея большой военный опыт, он усиленно обучал донцов партизанской тактике нападения, впервые испытал с этим полком так называемое рассыпное отступление.

Закончив военную подготовку, Денис в первых числах октября произвел несколько мелких поисков близ Вязьмы. Он захватил пятьсот пленных, много фур с оружием и провиантом. Отряду Степана Храповицкого удалось даже отбить целый транспорт с одеждой и новой обувью, предназначавшийся для Вестфальского полка.

А казаки и крестьяне-лазутчики, посланные в разные направления, зорко следили в это время за каждым шагом полковника Жерара. Не встречая на своем пути серьезного сопротивления, Жерар, как и ожидал Денис, допустил распыление своих сил, послав отдельные части отряда в деревни и села, где каратели, обозленные неудачными поисками партизан, расстреливали первых попавшихся им в руки жителей.

5 октября отряд Дениса Давыдова с большим трофейным обозом возвратился в Андреяны. Под вечер, проверяя сторожевые пикеты, Денис увидел, как по дороге из села Лосьмино, до которого считалось верст десять, сгибаясь под тяжестью ноши, медленно двигается какой-то человек. Посланные на-

встречу казаки признали крестьянина Федора Клочкова; он тащил на себе здоровенного, находившегося в обморочном состоянии французского гренадера.

Будучи в разведке, Федор приметил большую неприятельскую колонну, направлявшуюся по Вяземской дороге в Лосьмино. Дорога эта пролегала мимо леса, в котором скрывался Федор. Подкараулив двух французов, отбившихся от своей части, Федор одного из них убил топором, другого оглушил ударом, связал и, взвалив, словно куль муки, на плечи, отправился в Андреяны.

День выдался холодный, ветреный. Нести француза по раскисшей от дождей дороге было неимоверно трудно. Хотя Федора снабдили солдатскими сапогами, он, отправляясь в разведку, обувался обыкновенно в лапти: в таком виде меньше рисковал привлечь внимание неприятеля, да и вообще, по его мнению, ходить в лаптях было «способней». Теперь же лапти, на которые пластами налипала глина, затрудняли каждый шаг. Рубаха на Федоре взмокла, пот с лица падал крупными каплями. Пройдя несколько верст, Федор снял лапти и дальше пошел босиком. Но земля была ледяная, ноги вскоре начали мучительно ныть и подгибаться.

Клочков мог, конечно, сделать привал, отдохнуть или, оставив француза где-нибудь в канаве, дойти налегке до Андреян и, взяв подводу, возвратиться за пленником. Но такая мысль и в голову не приходила. Федор догадывался, что французские войска, встреченные близ Лосьмина, направлены против партизан, и сознавал, как важно поскорее, не теряя ни одной лишней минуты, доставить «языка» в отряд.

Тяжело дыша, с помутневшими от страшной усталости глазами, Федор безостановочно все шел и шел вперед, напрягая последние силы. Казаки вовремя подоспели к нему на помощь.

Выслушав крестьянина, Денис ясно представил, каких усилий стоила ему доставка «языка», и, поблагодарив за усердие, сказал:

— Буду просить начальство, чтоб тебя военным

орденом наградили... Отечеству служишь не хуже любого воина!

— Надо же лиходеев окорачивать, — произнес Федор, — мы их, окаянных, не звали...

Догадка Федора подтвердилась. Пленный француз, придя в себя, показал, что колонна войск, направлявшаяся на ночевку в Лосьмино, составляет бóльшую половину отряда полковника Жерара. Сам полковник возглавляет эту колонну. А другая часть отряда ушла вперед, по дороге к деревне Слукино.

Казачьи пикеты вслед за тем подтвердили эти сведения. А через некоторое время от Ермолая Четвертакова примчались двое партизан с донесением, что около тысячи французов заняли село Крутое, возле Слукина. Сомнений в том, что эти войска принадлежат карательной экспедиции полковника Жерара, ни у кого не было.

Денис быстро принял решение. Казачьей сотне под начальством хорунжего Бирюкова он приказал занять дорогу между Лосьмином и Крутым, чтобы не допустить никакого сообщения между неприятельскими отрядами. Вся же остальная кавалерия и пехота двинулась на Крутое.

Стояла темная ночь. Шел холодный дождь. Дорога сделалась скользкой; пехота, пройдя несколько верст, начала уставать. Пришлось замедлить движение. К селу Крутому подошли в глухую полночь.

Уничтожив без шума неприятельский сторожевой пикет, казаки и пехотинцы ворвались в село, открыли стрельбу по окнам изб, где ночевали французы. Закипел бой. Трескотня выстрелов, звон стекла, крики казаков, вопли французов — все смешалось.

Расстроенные группы неприятеля пытались спастись по Вяземской и Гжатской дорогам, но Денис заблаговременно поставил там две казачьи сотни. А тех французов, которым удалось бежать по дороге в Слукино, ожидали партизаны Ермолая Четвертакова.

Спустя два часа бой окончился. Триста семьдесят семь французов были захвачены в плен, остальные положены на месте.

Отправив пехоту в село Ермаки, а пленных в Юхнов, Денис на рысях повел кавалерию к Лосьмину, предполагая обойти село, выйти на Вяземскую дорогу и с тыла пасть на неприятеля, как снег на голову.

Однако когда в смутном рассвете партизаны подходили к Лосьмину, неприятельский конный разъезд заметил их и предупредил своих. Полковник Жерар быстро построил войска в боевой порядок — в три линии, посредине села. Бугские казаки под начальством Чеченского, первыми столкнувшись с неприятелем и не выдержав шквального огня, отступили.

Денис, выстраивавший остальную конницу перед селом, услышав гул выстрелов, сразу догадался, что произошло. Раздумывать было некогда. Оставив небольшой резерв, он начал общую атаку.

Сотня за сотней с криком, свистом и гиканьем понеслись вперед казаки. Первая линия неприятеля была смята и опрокинута. Но два эскадрона французских гусар во главе с Жераром держались стойко. Заметив их ожесточенное сопротивление, Денис вместе с ахтырцами и отборной казачьей сотней полетел в бой. Кругом свистели пули, звенели клинки.

— Руби всех к чертовой матери! Пусть помнят, как партизан ловить! — запальчиво кричал Денис, врезавшись в гущу неприятеля.

Французские гусары не выдержали бешеной атаки партизан. Полковник Жерар тщетно пытался остановить свои войска, охваченные паникой. Наконец, видя безнадежность положения, сам повернул коня, намереваясь спастись бегством. Но не успел. Николай Бедряга, вихрем налетевший откуда-то сбоку, одним ударом раскроил ему голову.

Преследование французов, бежавших в беспорядке по всем дорогам, продолжалось до самого полудня. Победа была полной. Потеряв четырех казаков убитыми и семнадцать ранеными, партизаны захватили весь походный обоз неприятеля, множество лошадей, оружие, а также четыреста пленных.

Экспедиция полковника Жерара перестала существовать.

XI

В тот же самый день, 6 октября, части главной русской армии по приказу фельдмаршала Кутузова внезапно атаковали на реке Чернишне, под Тарутином, войска Мюрата. Французы вынуждены были отступить, потеряв больше двух тысяч человек убитыми, две с половиной тысячи пленными и тридцать восемь орудий.

Наполеон производил в Москве смотр войскам маршала Нея, когда получил известие о тарутинском сражении. В кремлевский дворец он удалился в подавленном настроении. Приказав никого к себе не впускать, он долго сидел перед жарко натопленным камином, погруженный в тяжелое раздумье. Что оставалось ему делать? По всей вероятности, скоро наступят холода, а некоторые полки стоят на улицах и площадях города под открытым небом. Запасы продовольствия тают, на пополнение рассчитывать не приходится: почти все команды фуражиров, отправляемые в окрестные деревни, пропадают без вести; обозы с продовольствием и одеждой, посылаемые в Москву, становятся добычей партизан, дисциплина в войсках заметно ослабла, мародерство и грабежи принимают ужасающие размеры.

«Нужен мир, мир во что бы то ни стало! — возвращается Наполеон к прежней мысли, не покидающей его со Смоленска. Но как этого добиться? Дважды пробовал завязать с русскими мирные переговоры и дважды получил решительный отказ. Попытки прекратить народную партизанскую войну тоже ни к чему не привели. Карательные экспедиции против партизан усиливали лишь озлобление среди населения. А генерал Лористон, которому было поручено просить Кутузова «сообразовать военные действия с правилами, установленными во всех войнах», получил ответ, пресекающий последние надежды. «Народ разумеет эту войну нашествием татар, — заявил Кутузов, — и, следовательно, считает всякое средство к избавлению себя от врагов не только не предосудительным, но похвальным и священным».

Чего ожидать далее? Ведь не только обозы, но даже эстафеты, посылаемые из Парижа, и донесения начальников тыловых войсковых частей доходят все реже и реже. Генерал Коленкур приказал комендантам почтовых станций отмечать все, что происходит в их районах, на почтовом листке, куда обычно вписывают время прибытия и отбытия эстафеты. И эти дорожные донесения лучше всяких других документов свидетельствуют, какой широкий размах приобретает повсюду война народная...

«Мы рискуем остаться в конце концов без сообщений из Франции, — думал Наполеон, — но хуже всего, что и во Франции останутся без сообщений от нас... Нет, пора предпринять какие-то решительные меры! Поражение войск Мюрата — сквернейший симптом. Силы русской армии, очевидно, окрепли, и кто знает, что замышляет эта старая лисица Кутузов?»

Наполеон встал, подошел к столу, на котором лежала карта. Внимательно стал разглядывать дороги, ведущие от Москвы на запад.

Признать себя побежденным и решиться на отступление было трудно... Возмущалась гордость, краска стыда показывалась на лице. Сколько за плечами знаменитых кампаний, сколько блестящих побед, прославивших его как великого полководца на весь мир! Да и не он ли сам еще три-четыре месяца назад во всеуслышание заявил, что поставит Россию на колени? Какой поучительный урок самонадеянности!

И все же обстоятельства принуждали к отступлению. Он ясно понимал, что другого выхода нет. Надо лишь придать этому движению назад какую-нибудь форму нового искусного маневра, поддержать престиж, выпутаться из скверного положения с наименьшими жертвами.

Начальник главного штаба маршал Бертье, вызванный императором, застал его расхаживающим по комнате в лихорадочном оживлении.

— Надо наказать русских за сегодняшнее нападение под Тарутином... Как ваше мнение, мар-

шал? — спросил Наполеон. И, хорошо понимая, что это сказано лишь для отвода глаз, чтобы скрыть собственную растерянность, и что маршалу отвечать нечего, поспешно продолжил: — Мы засиделись в Москве, мы сами виноваты, что создаем возможность русской армии нападать на нас, тогда как можем действовать иначе, с большей пользой для себя... Я не говорю, что наши дела в отличном состоянии, но они не так дурны, как некоторые склонны думать. Оставив гарнизон в Москве, мы можем обойти левый фланг русских, выйти через Боровск к Малоярославцу и занять Калугу, где найдем в избытке необходимое нам продовольствие. Разве это не превосходный маневр?

— При условии, если Кутузов останется в бездействии, ваше величество, — заметил Бертье. — Однако выход русских к Тарутину заставляет опасаться, что фельдмаршал предполагает возможность подобного маневра с нашей стороны...

— Так что же? — перебил Наполеон. — Кутузов стар и не так поворотлив, как вы полагаете. Попробуем его предупредить! А если даже он решится встать на дороге — мы разобьем его! У нас под ружьем сто сорок тысяч, мы достаточно сильны, чтобы отразить все попытки задержать нас... Какие у вас еще сомнения?

Бертье, отлично знавший, что император преувеличивает силы армии, что значительная часть войск небоеспособна, спорить не стал. Он давно был уверен, что отступать так или иначе придется, а движение на Калугу, о чем сам не раз думал, представлялось все же лучшим решением вопроса.

— Должен согласиться, ваше величество, — сказал он, — ваш план слишком привлекателен во многих отношениях, чтобы отказаться от него... Заняв Калугу, мы легко установим сообщение со Смоленском через Мещовск и Ельню...

— Да, да, вы уловили мою мысль, я так и рассчитываю, — снова заговорил Наполеон. — Дальше Калуги и Смоленска мы не пойдем. Зимовать будем там. В соответствии с этим прикажите корпусу Жюно

передвинуться из Можайска в Вязьму, а стоящей там дивизии генерала Эверса выступить на Калугу через Знаменское в Юхнов. Войскам Жирарда следовать туда же ускоренным маршем из Смоленска...

— А когда прикажете назначить выступление наших главных сил из Москвы?

— Завтра, завтра, Бертье! Ни одной минуты нельзя медлить! Успех маневра — в быстроте и скрытности нашего движения! Садитесь и пишите приказ...

Но как ни старался Наполеон держать в тайне свой замысел, сделать этого не удалось.

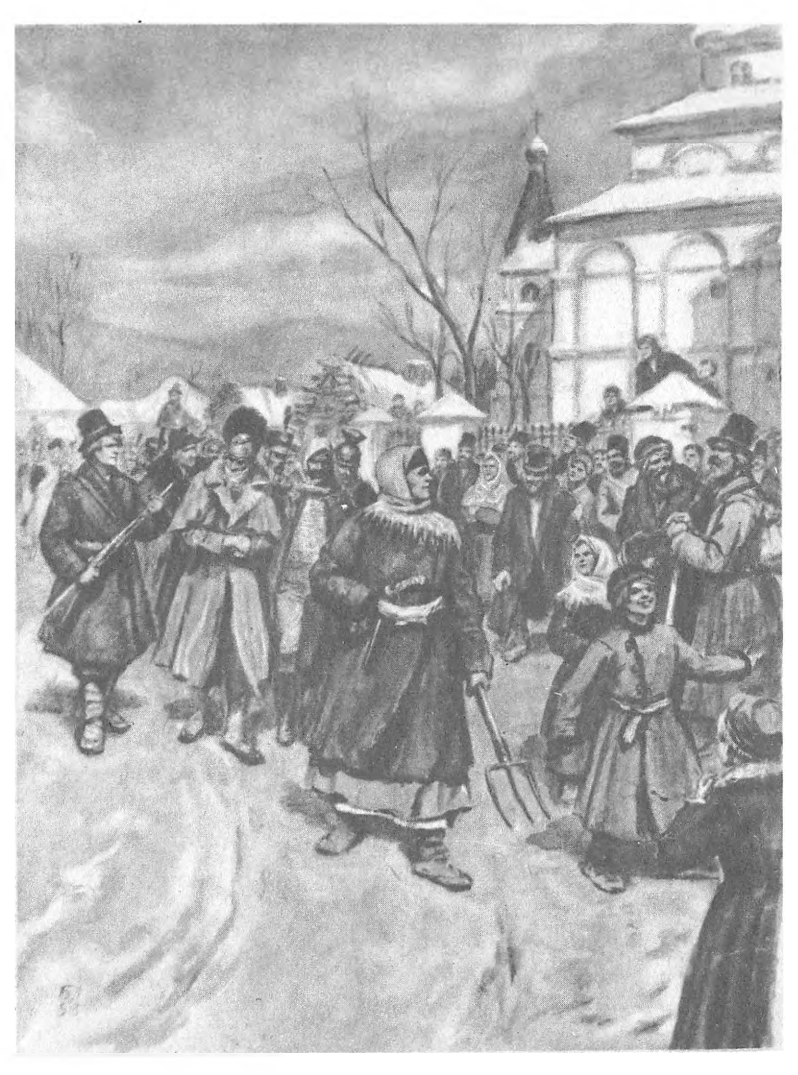
Генерал Дорохов, стоявший со своим отрядом на Боровской дороге, обнаружил подходившую к селу Фоминскому дивизию Брусье и немедленно известил об этом Кутузова. Не зная еще, что за дивизией Брусье следует вся неприятельская армия, Дорохов просил подкрепления, чтобы атаковать французов в Фоминском. Кутузов тотчас же вызвал к себе Ермолова, по-прежнему занимавшего должность начальника штаба первой армии, и сказал:

— Я посылаю к Фоминскому корпус Дохтурова, но тебя, голубчик, тоже прошу отправиться туда. Надо сначала разведать, с какой целью и куда этот Брусье направляется да нет ли за ним других каких-нибудь неприятельских сил? Смотри только, будь осторожен! Всякое бывает!

— Может случиться так, ваша светлость, — сказал Ермолов, — что обстоятельства потребуют изменить наше направление, а до получения вашего приказа никто на это не решится, и мы упустим время.

— Действуй в таком случае моим именем, — ответил Кутузов. — Я тебе доверяю. Да имей в виду, голубчик, что не все можно писать в рапортах, извещай меня о важнейшем записками...

Войска Дохтурова, дойдя в тот же день до деревни Аристово, близ Фоминского, остановились на ночлег. Дмитрий Сергеевич Дохтуров, последнее время сильно прихварывавший, расположился в деревне,

К стр. 290

а Ермолов вместе с прочими генералами остался на биваках.

Ночь была темная, дождь лил не переставая. Костры из предосторожности зажигать запретили. Но солдаты не роптали. Близость неприятеля и предстоящее давно ожидаемое сражение поддерживали силы у людей.

Неожиданно в полночь у палатки, где спал Ермолов, послышался конский топот, и чей-то возбужденный голос произнес:

— Где Алексей Петрович? Спешное дело!

Ермолов, только что задремавший, вскочил с походной койки. «Это Сеславин, значит что-нибудь серьезное», — подумал он, зажигая огарок, вправленный в самодельный деревянный подсвечник, стоявший на табурете.

Александр Никитич Сеславин, превосходно образованный и необычайно отважный артиллерийский офицер, когда-то начинал службу у Ермолова, был ему безгранично предан. Создав небольшой партизанский отряд, действуя в Подмосковье, Сеславин поддерживал постоянную связь с Ермоловым, не раз выполнял его важные поручения, отличался точностью в своих донесениях и по пустякам никогда не беспокоил.

Приезжая в штаб, Сеславин и друг его партизан Фигнер останавливались обычно у Ермолова, и тот дружески шутил:

— Право, господа, вы превращаете мою квартиру в вертеп разбойников!

Как раз перед отправлением в Фоминское, желая собрать сведения о неприятеле, Ермолов просил Сеславина пробраться к Боровску, и теперь ночное появление партизана обещало что-то интересное.

Войдя в палатку и не снимая еще мокрой, облепленной грязью шинели, Александр Никитич объявил:

— Бонапарт со всею армией из Москвы выступил, Алексей Петрович...

Ермолов, не ожидавший такого известия, опешил:

— Да полно, так ли это, Александр Никитич?

— Головой отвечаю, сам видел, — подтвердил

Сеславин. — Пробрался я, как вы приказали, почти к самому Боровску, оставил партию свою в стороне, а сам в лесочке засел, близ большой дороги... Вижу, глубокие неприятельские колонны к городу двигаются. Надо, думаю, как следует разведать! Отвел коня подальше, а сам на дерево залез, которое повыше и с листвой, еще не опавшей... Укрылся кое-как, наблюдаю... Что за черт, гвардия будто французская идет! Присмотрелся, так и есть... Да гвардия-то старая, императорская! Замер я, сижу, дыхания своего не чую... Гляжу, посредине колонны верхом на серой лошади, окруженный маршалами и свитой, сам Наполеон Бонапарт... Вот, думаю, встреча так встреча! И во сне такая картина не приснится! Просидел я на дереве не знаю сколько, а как показался хвост колонны, спустился потихоньку на землю, стал в уме прикидывать, как бы «языка» выхватить...

— Ну, это уж ты чересчур смело задумал, — прервал рассказ Ермолов. — Да я и без того тебе верю!

— Вы верите, другие сомневаться могут, — сказал Сеславин. — А с «языком» оно все-таки вернее... Достал как-никак!

— Помилуй, Александр Никитич! Шутишь ты, что ли?

— Какие там шутки! Отбился один ихний унтер от своих, а я тут как тут... Стукнул легонько по головке, дотащил до коня, перекинул на седло да к вам... Извольте сами его расспросить.

С этими словами Сеславин повернулся, вышел из палатки и сейчас же возратился обратно. Следом за ним дюжий казак втолкнул пленного французского унтера, державшегося на ногах весьма непрочно от чрезвычайного с ним происшествия. Ермолов распорядился дать ему стакан водки. Пленный охотно выпил, повеселел. И, не заставляя долго просить себя, подтвердил, что французская армия вышла из Москвы 7 октября, куда двигается — он не знает, это держится начальством в секрете, но император, верно, находится среди гвардии.

Ермолов и Сеславин, захватив пленного, отправились в деревню Аристово к Дохтурову.

Дмитрий Сергеевич не спал. Поеживаясь от одолевавшей его лихорадки, сидел в шинели над картой. Оказалось, поздно вечером казачьи пикеты известили его о занятии крупными неприятельскими силами Фоминского и Боровска, а также о появлении французских разъездов на Малоярославской дороге. Сведения Сеславина и показания пленного окончательно все разъяснили.

Ермолов, знавший, что Кутузов более всего опасался движения неприятеля на Калугу, сразу сообразил, что именно этот маневр и пытается теперь осуществить Наполеон.

— Нам ничего не остается, как спешить к Малоярославцу, чтобы заградить путь французам, — уверенно сказал Алексей Петрович.

— Согласен с вами, да надо же прежде приказ светлейшего получить! — заметил Дохтуров.

— Мы сию же минуту отправим фельдмаршалу донесение о нежданном событии, — отозвался Ермолов, — а времени терять нельзя... Фельдмаршал приказал мне действовать его именем. Ответственность я принимаю на себя.

— Ну, тогда и толковать нечего, — сказал, поднимаясь Дохтуров. — Я всегда готов, сами знаете.

Между тем передовые французские части находились уже под Малоярославцем. Им удалось занять северную окраину города, однако местные жители разобрали мосты через реку Лужу, вступили с французами в бой и задержали переправу до утра. Подоспевший с кавалерийскими эскадронами и конной артиллерией Ермолов занял город, но вскоре был выбит оттуда превосходящими силами противника.

Тем временем войска Дохтурова, спешившие к Малоярославцу, подойдя к реке Протве, натолкнулись на неожиданное препятствие. Ночью заскочивший сюда неприятельский разъезд сжег мост. А саперной части в корпусе не было, и леса поблизости, как на грех, не оказалось.

Войска, отчетливо слышавшие уже орудийную канонаду под городом, вынуждены были остановиться на берегу. Все понимали, как дорога сейчас каждая

минута. Но что же делать? Пехота могла еще с трудом перебраться вплавь через глубоководную речку. А как быть с орудиями?

Заметив селение, расположенное недалеко от переправы, Дмитрий Сергеевич поскакал туда.

— Братцы, выручать надо! — обратился генерал к крестьянам, собравшимся у хаты сельского старосты. — На помощь к своим спешим! Слышите, бой идет? Мост через реку нужен...

— Леса-то у нас подходящего нет, вот беда! — сказал со вздохом староста. — А то бы мы с великим удовольствием помогли...

— Как лесу нет? А избы наши на что? — крикнул, перебивая его, пожилой кривой крестьянин по имени Клим.

— Да ведь без жилья на зиму останешься, — робко произнесла какая-то баба.

Толпа зашевелилась, загудела:

— Эка важность! Землянухи выкопаем!

— Дело, вишь, какое: хранца окаянного колотить идут! Грех не помочь!

— Верно! Тащи топоры и веревки, ребята! Запрягай лошадей.

— С моего сруба начнем, мужики, — опять предложил Клим. — Летось только поставил...

Спустя какой-нибудь час мост был готов. Войска Дохтурова тронулись дальше. Следом шли войска Раевского.

Получив подкрепление, Ермолов вновь занял город. Но противник с часу на час тоже усиливался, подходили главные силы. Завязался ожесточенный, длительный бой. Город восемь раз переходил из рук в руки.

Поздно вечером Наполеон, остановившийся в деревне Городне, близ города, убедился, что замысел его разгадан. Кутузов со всей армией приближается к Малоярославцу. Одновременно русские войска по приказу фельдмаршала перехватили другую Калужскую дорогу — через Медынь.

На военном совете, собранном императором, маршал Бессьер одним из первых высказался за то, что-

бы, не принимая боя с Кутузовым, отойти к Можайску.

— Разве мы не видели поля битвы? — сказал он. — Разве не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одетые, шли на смерть?

— Надо как можно скорее убраться из этой проклятой страны, — с неожиданной солдатской откровенностью высказался генерал Мутон.

Император бросил на него мрачный взгляд, но ничего не возразил.

А на следующий день произошло событие, окончательно вынудившее Наполеона отказаться от осуществления своего первоначального плана.

Утром он решил осмотреть малоярославские позиции, занимаемые французами. Сопровождаемый маршалом Бертье, генералами Коленкуром, Раппом и конвойным эскадроном, император едва успел отъехать с полверсты от Городни, как из ближнего леса показался кавалерийский отряд, устремившийся прямо на императора и его свиту.

— Государь, это казаки! — первым догадался Коленкур.

— Не может быть, вы ошибаетесь, это наши! — отозвался, сдерживая коня, император.

Генерал Рапп схватил под уздцы и поворотил его лошадь:

— Это казаки, не медлите!

— Точно, они, нет сомнения, — заметил, бледнея, маршал Бертье.

В это время громовое «ура» и крики огласили воздух. Казаки быстро приближались. Генерал Рапп двинулся вперед с конвоем. Казацкая лава мгновенно смяла французов. Наполеон, оцепенев от ужаса, ожидал своей участи. Спасла случайность. Казаки, не зная, что в отряде находится французский император, заметили поблизости артиллерийский парк, обоз и бросились туда. Маршал Бессьер поспешил на помощь императору с конными гвардейцами и отбил нападение казаков.

Вернувшись в Городню, Наполеон отдал приказ

об отступлении войск через Можайск. Началось, как и предполагал Кутузов, бесславное бегство французов по разоренной Смоленской дороге.

XII

Ничего не зная о происходящих событиях, отряд Дениса Давыдова по-прежнему громил неприятельские войска и транспорты в районе Вязьмы.

12 октября отряд остановился на отдых верстах в тридцати от столбовой дороги, в пустовавшей помещичьей усадьбе близ села Дубрава. Деревянный господский дом, занятый партизанами, выглядел неприютно. Стекла в окнах разбиты, полы, двери и печки испорчены. В комнатах пусто, холодно. Хозяева, уехавшие из усадьбы в начале войны, забрали с собой мебель и домашнюю утварь. Но в доме можно было укрыться от холодного осеннего дождя, лившего беспрерывно вторые сутки.

Чувствуя небольшую простуду, Денис наскоро выпил горячего пунша и улегся спать на охапке соломы. Он уже задремал, когда в соседней комнате, где располагались гусары, возник оживленный разговор. Дощатая перегородка, отделявшая комнату, позволяла отчетливо различать голоса.

Денис невольно прислушался.

Крестьянин Федор Клочков, возвратившись из села, рассказывал гусарам, с которыми давно сумел подружиться, о том, как хорошо и вольготно живут в здешних местах мужики.

— Нынче, братцы мои, в каждой избе и пироги, и мясо, и брага не в диковину, — говорил радостным, взволнованным голосом Федор. — А уж как свадьбы али праздники богато справляют — отродясь не видывал!.. Кум Арефий девку в соседнюю деревню просватал — двух кабанов зарезали, три бочки пива наварили...

— Тебе-то самому много ль поднесли? — перебивая Федора, спросил с насмешкой угрюмый по виду гусар Шкредов.

— А галушки им не сами в рот сигают? — вставил басовитый гусар украинец Зворич.

Все засмеялись. Рассказу Федора явно не верили.

— Нечего зря зубы скалить, — обидчиво отозвался Федор. — Я вам правду-истину сказываю...

— Ты скажи лучше, с чего это мужики тут разбогатели? — спросил пожилой и степенный гусар Пучков.

— С того самого, что без господ они живут, по своей волюшке, — с особым значением произнес Федор.

Гусары сразу затихли. Слова Федора, видимо, всех поразили.

— Это... как же так, паря? — недоумевая, приглушенным голосом произнес, наконец, Пучков.

— Да ведь сами господа отсель уехали... Вишь, хоромина пустая! — ответил Федор. — Ну, а бурмистра под Вязьмой будто хранцы убили... А время подошло страдное! Как тут быть, что с барским хлебом делать? На корню оставлять жалко, в господские амбары ссыпать — нельзя: басурманы кругом шныряют, живо к рукам приберут... Вот всем миром и порешили мужики по душам и хлеб и скотину господскую поделить.

— Эх ты, мать честная, как ловко обдумали! — сочувственно заметил молчавший до сих пор гусар Егор Гробовой. — Этак и впрямь припеваючи жить можно!

— А разве мародеры-нехристи в село не заглядывали?

— Заглядывали, — подтвердил Федор. — На прошлой неделе целая команда заявилась, человек за двести. Мужики с хлебом-солью их встретили, угощения всякого наготовили и на брагу хмельную не поскупились, а ночью перевязали всех да в Калугу отправили.

— Здорово! — опять подал голос Егор Гробовой. — Значит, верно, что по своей волюшке живут... И хранцев признавать не желают и без господ не скучают.

— Подожди, возвратятся еще господа-то, — мрачно вставил Шкредов.

В горнице на несколько секунд наступила тишина. Кто-то тяжело вздохнул, и вдруг тишину всколыхнул взволнованный, страстный шепот. Голоса людей уже трудно стало различать. Говорили чуть не все сразу, перебивая друг друга, спеша высказать глубоко затаенные сокровенные свои думы:

— Слух-то был, будто после войны волю объявят...

— Верно, братцы! И я слыхал, что крепостных не будет...

— Указ давно уже заготовлен. Да пока скрывают...

— Половина барской земли, говорят, мужикам отойдет...

— Солдатам и ополченцам за верную службу по пять десятин нарежут...

— Жизни своей не жалели! Заслужили!

— Эх, привел бы господь дожить до волюшки!

На Дениса этот необычайный, случайно услышанный разговор произвел сильное впечатление. Денис был хорошим командиром. Следуя примеру Багратиона и Кульнева, он относился к нижним чинам взыскательно, но гуманно. Строго запрещал телесные наказания, заботился о хорошем снабжении отряда, часто запросто беседовал с гусарами, казаками и знал, что пользуется у них доверием и уважением. Видя, как сражаются с неприятелем его гусары и казаки, Денис объяснял эту отвагу общим патриотическим чувством и еще тем, что ему удалось суворовскими методами воспитать в людях воинскую доблесть и бесстрашие. Мужество крестьян-партизан казалось более удивительным, но и здесь было несомненно, что рождено это мужество беспредельной любовью народа к своему отечеству. Так на самом деле оно и было.

Поэтому мысли о возможности внутренних волнений, владевшие дворянством в начале войны, постепенно у Дениса исчезли. Защита родины, казалось ему, объединила все сословия, направив все усилия

к одной цели. А о том, что будет дальше, после войны, Денис не думал. «Якобинские мысли» об улучшении тяжелой участи народа, высказанные некогда Базилем, он считал и странными и несвоевременными. Да и сам Базиль в конце концов признал, что затеял разговор не вовремя.

И вот теперь приходилось опять возвращаться к этому тревожному и мучительному вопросу. По тому сочувствию, с которым отнеслись гусары к рассказу Федора о мужиках, живущих без господ, по той страстности, с какой обсуждались слухи о воле, Денис понял, как, в сущности, различны корни патриотических настроений дворянства и крепостного крестьянства. Все желали освобождения России от чужеземцев. Но при этом дворянство и он, Денис, хотели сохранить тот строй жизни, который существовал, а солдаты и крестьяне, сражаясь с общим неприятелем, надеялись на создание нового, лучшего для них общественного строя.

В глубине души Денис сознавал, что нельзя обвинять людей в стремлении улучшить свою жизнь, но вместе с тем не мог и сочувствовать этому стремлению, — оно грозило поколебать те незыблемые, как он полагал, устои жизни, без которых ему не представлялось собственное существование.

Денис долго лежал с открытыми глазами, тщетно стараясь найти ясность в беспокойных, противоречивых мыслях. Смутная тревога, охватившая его, не проходила, а все усиливалась. Он так и заснул под утро, ничего не придумав, ничего не решив.

Пробудил его приезд вахмистра Колядки, посланного с донесением в главную квартиру. По довольному виду вахмистра нетрудно было догадаться, что прибыл он не с плохими вестями.

— Ну? Что нового? Войска наши по-прежнему стоят на месте? — нетерпеливо спросил Денис.

— Никак нет, ваше высокоблагородие, — ответил Колядка. — Под селом Тарутином нападение на кавалерию Мюрата произведено... Слыхал, будто более трех тысяч ихних порубили, сорок пушек захвачено...

— Слава богу! Показали, стало быть, французам

кузькину мать! — повеселел Денис. — А писем для меня нет?

— Есть, ваше высокоблагородие, — отозвался Колядка, расстегивая сумку и доставая оттуда множество пакетов.

Зоркими глазами Денис сразу заметил на одном из них печать фельдмаршала. С большим волнением вскрыл он адресованный ему пакет. Письмо было написано третьего дня в деревне Леташево. Кутузов писал:

«Милостивый государь мой Денис Васильевич!

Дежурный генерал доводил до сведения моего рапорт ваш о последних одержанных вами успехах над неприятельскими отрядами между Вязьмою и Семлевом, а также письмо ваше к нему, в коем, между прочим, с удовольствием видел я, какое усердие оказывает юхновский предводитель дворянства г. Храповицкий к пользе общей. Желая изъявить пред всеми мою к нему признательность, я по мере власти, всемилостивейше мне предоставленной, препровождаю к вам назначенный для него орден св. Анны 2-го класса, который и прошу вас ему доставить, при особом моем отношении, на его имя. Буде же он прежними заслугами приобрел уже таковой знак сего ордена, то возвратить мне оный для украшения его другою наградою в воздаяние похвальных деяний, им чинимых, о коих не оставлю я сделать и всеподданнейшее донесение мое государю императору.

Волынского уланского полка майора Храповицкого поздравьте подполковником. О удостоении военным орденом командующего 1-м бугским казачьим полком ротмистра Чеченского сообщил я учрежденному из кавалеров оного ордена совету. Прочие, рекомендуемые вами, господа офицеры не останутся без наград соразмерно их заслугам. Отличившимся нижним чинам по представленным от вас спискам назначаю орденские серебряные знаки.

А за сим остаюсь в полном уверении, что вы, продолжая действовать к вящему вреду неприятеля, истребляя транспорты его и конвои, сделаете себе прочную репутацию отменного партизана и достойно

заслужите милость и внимание всеавгустейшего государя нашего.

Между тем примите совершенную мою признательность.

С истинным к вам почтением имею честь быть, милостивый государь мой, ваш покорный слуга

князь Голенищев-Кутузов»[30].

Денис дважды с благоговением прочитал письмо. Сердце его билось радостно. Сам Кутузов нашел время и написал ему теплые, ободряющие строки! Пусть люди сухой души и тяжкого рассудка, сидящие в штабах, кривят губы при каждом упоминании о партизанах. Письмо фельдмаршала окончательно узаконивало партизанскую систему, оно являлось полным признанием заслуг, оказанных отрядом отечеству. Денис чувствовал себя счастливым.

Второе письмо было от зятя Кутузова, старого приятеля Дениса по гвардии, князя Кудашева.

«Не удивляюсь нимало твоим подвигам, — писал он, — я так давно тебя знаю... Я сегодня, благословясь, пускаюсь сам отсюда вправо, по дороге Серпуховской, в намерении действовать в тыл неприятельского авангарда. Прощай, любезный друг. Помоги нам бог! В журналах военных действий имя твое гремит... Надо постараться и мне!»

А Матвей Иванович Платов, которого Денис известил об отличных действиях донских казаков в своем отряде, на «приятельское уведомление» ответил коротенькой, но характерной запиской:

«Бей и воюй, достойный Денис Васильевич, с нашедшею вражеской силой на Россию и умножай оружия российского и собственную свою славу...»

Письма доставили Денису большую радость и вызвали общий восторг у его товарищей. Особенно тронуло всех письмо Кутузова. Фельдмаршал никого не забыл! Даже старик Семен Яковлевич Храповицкий за помощь партизанам пожалован орденом Анны.

Однако о том, что французы покинули Москву, никаких намеков в письмах не было. Поэтому Денис

после однодневного отдыха, устроенного по случаю награждения партизан, решил продолжать партизанские поиски.

На следующий день отряд выступил в поход, взяв направление на Вязьму. Погода все еще не установилась. Дул холодный северный ветер. По небу низко ползли тяжелые серые тучи, моросил дождь. Ехали медленно. Дороги были сплошь покрыты лужами и вязкой грязью, лошади скользили и спотыкались.

Нахлобучив шапку-ушанку и подняв воротник шинели, Денис ехал рядом с Митенькой Бекетовым. Денису дремалось и в разговор вступать не хотелось, зато Бекетов, получивший несколько писем из дому, находился в возбужденном состоянии и ни на минуту не умолкал:

— Мне сестра из Пензы пишет, что у них большое ополчение собрано и от добровольцев отбоя нет... Прежде на войну со слезами провожали, а теперь матери и жены сами своих кровных на защиту отечества посылают. Муж сестры Дмитрий Васильевич Золотарев — он там уездным предводителем — целый полк собрал и сам в командиры записался.

— Дворянству и следует пример подавать, — буркнул Денис. — А то, брат, кончится война...

Он запнулся и не докончил того, что хотел сказать. Душевное беспокойство, вызванное разговором гусар, немного улеглось, но мысль о том, что после войны крестьяне могут потребовать «волюшки», не выходила из головы. Да стоит ли говорить об этом с Митенькой? Может быть, вообще ничего и не случится.

А Бекетов, пропустив мимо ушей слова командира, продолжал:

— После войны, Денис Васильевич, обязательно к нам поедем... Увидишь, какие люди у нас славные! И сестра, я уверен, тебе понравится... А детишки у нее — просто прелесть! Особенно младшая дочка, Евгения, крестница моя... Я уезжал в армию — ей всего четыре месяца было, а сейчас, пишет сестра, уже болтать начала...

— В дядю пошла, — усмехнувшись, тихо сказал

Денис, которому болтовня Митеньки порядком надоела.

— Ты что-то сказал, кажется? — повернулся к нему Бекетов.

— Имя, говорю, у племянницы твоей хорошее. Евгения...

Неожиданно из-за леса, показавшегося впереди, полыхнули орудийные выстрелы. Один из снарядов, не долетев нескольких шагов до дороги, шлепнулся в лужу, подняв вверх большой черный фонтан. В отряде произошло замешательство. Лошади шарахнулись в сторону. Кто-то из гусар вскрикнул. К Денису подскакал Степан Храповицкий, находившийся в разведке.

— Французы за лесом, Денис Васильевич! Несколько пехотных и кавалерийских колонн из Вязьмы двигаются...

— Что за черт? Неужели опять нас ловить?

— Не думаю... Войска, по всей видимости, регулярные и в составе не менее дивизии...

— Что ж, делать нечего, придется нам маршрут изменить. Прикажи, чтоб казаки на Медынскую дорогу отходили... Да хорошо бы «языка» выхватить, узнать поверней, кто и куда путь держит?

Отряд свернул в сторону и вскоре подошел к бурлившей от осенних дождей реке Угре. Французы преследовали. Пришлось отбиваться от наседавшей кавалерии фланговыми нападениями и перестрелкой. И лишь в сумерках, переправившись через реку, узнали, в чем дело. Захваченный в плен французский драгун показал, что войска Эверса по приказу Наполеона двигаются на Калугу.

Послав в главную квартиру уведомление о неприятельском маневре, Давыдов, не знавший истинного положения, отвел свой отряд в большое торговое село Красное.

Настроение у Дениса было скверное. Отступление всегда его удручало, а сейчас к тому же — и это было главное — возникли серьезные опасения за судьбу плодородных калужских районов, куда, очевидно, намеревались прорваться французы.

На другой день, в полдень, в село Красное прискакал Ермолай Четвертаков, сопровождаемый конным отрядом своих партизан.

Войдя в избу сельского старосты, занятую командирами, Четвертаков с обычной молодцеватостью вытянулся по-военному и, глядя на Дениса улыбающимися глазами, отрапортовал:

— Явился поздравить, ваше высокоблагородие... Москва от неприятеля очищена!

Неожиданная новость всех присутствующих просто ошеломила.

— Москва... освобождена? — только и мог выговорить Денис, чувствуя, как от большой нахлынувшей радости слова словно застревают в горле.

— Неделю назад!.. — подтвердил Четвертаков. — Ежели сами увериться желаете, мы двух пленных доставили...

— Москва наша! Москва наша! — совсем по-детски воскликнул Бекетов и бросился обнимать товарищей.

— А куда же в таком случае французы двигаются? — спросил Храповицкий, обращаясь к Четвертакову.

— Сказывают, будто на Калужскую дорогу войско свое Бонапарт направил, да наши под городом Малоярославцем остановили... Ныне по старому пути, через Вязьму, неприятель бежит...

— Вот оно что! — сообразил, наконец, Денис. — Значит, предполагалось соединение с войсками Эверса в Калуге, да не вышло дело...

— Так точно, ваше высокоблагородие! Не вышло! — сказал, широко улыбаясь, Четвертаков. — Француз боек, да русский стоек. Наступил Бонапарт на Москву, да оступился!

Денис не выдержал. Подошел к Ермолаю, крепко его обнял.

— Ну, спасибо за добрые вести, любезный... Об усердии твоем не премину начальству доложить! А теперь давай-ка сюда пленных, попробуем от них еще что-нибудь выпытать...

Тем временем слух об освобождении Москвы от

французов всполошил все село. Когда Денис закончил допрос пленных и вышел на улицу, он увидел большую толпу крестьян, собравшихся около избы. Тут были и старики и женщины с грудными детьми на руках. Всем не терпелось услышать, что скажет командир отряда.

— Правда ль, кормилец, Москву-то освободили? — спросил стоявший впереди других сгорбленный старик в рваном армяке, опиравшийся на толстую суковатую палку.

— Правда, правда, — подтвердил Денис. — Бежит неприятель из России.

Толпа, на минуту притихшая, колыхнулась и забурлила. Люди с просветлевшими лицами крестились, плакали, обнимали друг друга. Со всех сторон послышались радостные голоса и восклицания:

— Слава тебе, господи! Дожили до светлого дня!

— Матушка наша белокаменная...

— Не сладко, знать, гостилось в Москве басурманам!

— Калачи московские не по вкусу!

— Зато пару там нехристям поддали и кости прогрели!

А стоявший в сторонке высокий безрукий крестьянин в солдатской рубахе, с медалью на груди, пояснял окружившим его сельчанам:

— Москва всем городам город... Понимать надо! От нее вся земля русская зачалась... Без Москвы, как без головы... За нее и на черта полезешь!

В это время ударил колокол. Празднично настроенный народ потянулся в церковь. К Денису и командирам подошел староста, приземистый щербатый мужик в суконной поддевке и смазанных дегтем сапогах.

— Батюшка наш молебен и крестный ход надумал... Ежели желаете с народом помолиться, милости просим, — радушно пригласил он, степенно разглаживая окладистую, начавшую седеть бороду.

— Да, да, непременно... Спасибо, любезный! — отозвался Денис.

Командиры охотно согласились. Все направились вслед за старостой.

Дениса тронула и умилила картина народного торжества. «Ведь, наверное, в Москве не многие из них и были, — думал он, — а сколько чистой, бескорыстной любви к священному городу... И как чудесно выражают они свои чувства. «Без Москвы, как без головы... За нее и на черта полезешь!» Да, именно так думает и этот крестьянин, и я, и каждый русский... За тебя на черта рад, наша матушка Россия!»

Последняя фраза родилась неожиданно. Она выражала собственное чувство Дениса. Фраза хорошо звучала, так и просилась в стихи. Денис мысленно разбил ее на строки и повторил еще раз:

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

«Ей-богу, не плохо, — подумал он, — надо записать, пригодится...» И, довольный своей поэтической находкой, улыбнулся.

А на улице начинало вечереть. В небе сквозь редкие облака просвечивали первые неяркие звезды. Кругом не умолкал оживленный говор. Из церкви выносили иконы и хоругви. Веселые, ликующие звуки колоколов плыли над селом.

XIII

«Туча казаков» под начальством Платова, посланная Кутузовым наперерез неприятельским колоннам, отступающим к Вязьме, покрыла пространство, где последние полтора месяца действовали лишь одни партизаны. Войска Эверса были частью истреблены, частью убежали к Дорогобужу.

20 октября, прибыв в Знаменское и оставив здесь юхновских ополченцев для охраны уезда, Денис со всей остальной конницей выступил к селу Рыбки, лежавшему на Смоленской дороге, между Вязьмой и Дорогобужем.

— Ну, господа, теперь для нас самая жаркая по-

ра наступает, — предупредил своих товарищей Денис. Он ясно представлял, какое огромное значение приобретают подвижные партизанские отряды при отступлении неприятельской армии, растянутой на многие версты.

Настроение у Дениса было отличное. Ободренный хорошими вестями и благодарностью главнокомандующего, имея под начальством людей опытных и отважных, он желал лишь скорейшей встречи с противником и не сомневался в успехе будущих своих предприятий.

И вдруг казачьи пикеты донесли, что справа и слева в одном направлении с отрядом двигаются крупные кавалерийские части под командой генерал-адъютантов Орлова-Денисова и Ожаровского.

Денис насторожился. До сих пор он находился в глубоком неприятельском тылу, вдали от главной квартиры. Его партизанский армейский отряд отличался от других тем, что, находясь под общим руководством главнокомандующего, сохранял почти полную независимость в своих действиях. Теперь этой независимости, так ценимой им, угрожала опасность. Любой из генералов мог приказать младшему в чине командиру отдельного отряда, не имеющего особого задания, стать под свое начальство. А тогда попробуй вывернуться!

Денис знал, что такое военная дисциплина и чинопочитание. Но вместе с тем знал и другое. Генерал-адъютанты граф Орлов-Денисов и граф Ожаровский, пользуясь милостивым вниманием царя, никогда не отличались военным дарованием, хотя Орлову-Денисову и нельзя было отказать в личной храбрости. Спеша украсить себя лаврами при нападениях на отступающие неприятельские войска, генералы были совершенными новичками в организации и ведении войны в тылу противника. Попасть под их начальство, выполнять, может быть, бессмысленные распоряжения, когда чувствуешь себя более опытным в подобных действиях, Денису показалось обидным. «Будь на месте этих генералов покойный Багратион, или Платов, или Милорадович, или какой-нибудь другой

заслуженный начальник, — размышлял он, — я бы слова не сказал, сам охотно бы под начальство их встал... А для этих графов каштаны из огня таскать дураков нет!»

А генерал-адъютанты, проведав об отряде Дениса Давыдова, в самом деле замышляли прибрать его к рукам. Получить под начальство несколько сотен опытных партизан каждому из них было лестно!

Первым прибыл к Денису адъютант графа Орлова-Денисова.

— Его сиятельство приказали, — без обиняков объявил адъютант, — если ваше высокоблагородие никаких повелений от светлейшего не имеет, незамедлительно поступить с отрядом под его начальство...

Денис, принявший адъютанта с отменной вежливостью, покручивая кудрявую бородку, легонько вздохнув, ответил:

— Был бы счастлив исполнить повеление его сиятельства, да при всем желании лишен этой завидной возможности... Спешу к Смоленску по приказу графа Ожаровского.

— Как? Разве вы состоите под его начальством? — удивился адъютант.

— Увы, увы, мой друг, — сказал, покачивая головой, Денис. — Вчера лишь принят... Судьба!

— Какая досада! — отозвался адъютант. — А граф Орлов-Денисов весьма на вас надеялся... он так к вам расположен...

— Передайте его сиятельству мое искреннее сожаление... Впрочем, если в дальнейшем представится случай, я не премину воспользоваться тем, чтобы быть полезным графу...

Едва успел отъехать адъютант Орлова-Денисова, как прискакал посланный графом Ожаровским гвардии ротмистр Палицын. Офицер этот, с которым Денис был знаком, славился изящными манерами и тонким обращением. Начал деловой разговор не сразу.

— Бог мой, как старит тебя борода, любезный друг! — воскликнул он, с любопытством осматривая Дениса. — И этот кафтан мужицкий... — ротмистр

слегка поморщил нос. — Ну, что за охота, право... Я ведь тебя помню щеголем!

— Ничего, брат, скоро опять щеголем стану, — произнес невесело Денис. — Кончилась моя партизанская волюшка!..

— Прости, не совсем понимаю.

— История, брат, скверная со мною произошла, — пояснил Денис, сразу разгадавший цель визита ротмистра. — Прибрал меня к рукам граф Орлов-Денисов.

— Позволь! Как это прибрал? Ты шутишь, что ли? — всполошился Палицын.

— Да какие там шутки! Присылает вчера приказ стать под его начальство. Что поделаешь!

— И ты... ты, стало быть, теперь в его отряде?

— В этом вся штука! Сам понимаешь, мы люди маленькие, не отвертишься. Вот приказал мне спешить к Смоленску, а что буду дальше делать...

— Ах, боже мой, какая неприятность! — не сдержав себя, перебил ротмистр. — А ведь граф Адам Петрович Ожаровский просил меня с тобой договориться. Мы бы совместно могли действовать. Ты ведь знаешь графа, это золотое сердце, у него всегда приятно служить...

— Да, что и говорить, лестно, лестно! — вздохнул Денис. — Почел бы за особое счастье, да сам видишь, как обстоятельства сложились. Прошу засвидетельствовать мое совершенное и глубочайшее почтение графу...[31]

Спровадив ротмистра, Денис тотчас же написал генералу Коновницыну подробное письмо. Доказывая, что в настоящее время особенно выгодно размножение партий, а не сосредоточивание их, он просил доложить Кутузову о неприятном положении, в котором находился, и предоставить отряду право действовать самостоятельно, как и прежде. Отослав это письмо с урядником Крючковым в главную квартиру, стоявшую близ Вязьмы, Денис повел свой отряд дальше.

Когда на следующий день партизаны достигли столбовой Смоленской дороги, их глазам открылось

необычайное зрелище: несметное число экипажей, телег, карет и повозок, нагруженных своим и награбленным добром, сопровождаемых конными и пешими солдатами, бесконечной вереницей двигалось на запад. Чистый осенний воздух оглашался неумолчным разноязычным говором, скрипели телеги, ржали лошади... «Словно татарская орда после нашествия», — злобно подумал Денис, наблюдая из лесочка за французами. И приказал казакам:

— А ну, ребята, катите головней по всей дороге! Задайте им жару!

Казаки помчались. Среди французов поднялась невообразимая паника... Выстрелы, боевые крики и ужасные вопли обезумевших людей потрясли всю окрестность... Но вот показалась неприятельская регулярная кавалерия, а вслед за ней стройными рядами вышла старая гвардия.

Денис дал сигнал. Казаки моментально отхлынули от дороги.

Произведя еще несколько успешных партизанских поисков в районе сел Рыбки и Славково, Денис получил приказ Кутузова: действовать самостоятельно и спешить к Смоленску. Облегченно вздохнув, он немедленно отправился по указанному направлению. Впереди был обогнавший в дороге отряд графа Орлова-Денисова, позади — партизаны Сеславина и Фигнера.

Подойдя ускоренными переходами к селу Богородицкому и услышав, что там ночевал граф Орлов-Денисов, Денис счел нужным навестить его. Граф принял любезно, однако, как заметил Денис, «вид партизана, ускользнувшего от генеральского «владычества» и пользовавшегося одинаковыми с ним правами», был ему явно неприятен.

Отряд Орлова-Денисова направлялся к Соловьевой переправе, и граф приглашал следовать вместе, обещая большой успех. Денис, убежденный в бесполезности этого поиска, вежливо отказался, сославшись на повеление главнокомандующего спешить к Смоленску.

Граф ничего не сказал, но простился с кислой улыбкой.

...Не дойдя нескольких верст до села Ляхова близ Смоленска, отряд Дениса Давыдова остановился в небольшой деревушке, куда ночью приехали Сеславин и Фигнер.

Денис встречался с ними и прежде. Александра Никитича Сеславина помнил еще по прусской кампании, не раз приходилось бывать вместе у Ермолова. С Фигнером, служившим во время турецкой войны в корпусе Раевского, познакомился под Рущуком, где этот храбрый офицер вызвался измерить ширину и глубину крепостного рва, за что был награжден георгиевским крестом.

Про последние подвиги Фигнера рассказывали чудеса. Как только французы вошли в Москву, он переоделся торговцем и, опираясь на толстую палку, в которую искусно было вделано ружье, пробрался в город с целью убить Наполеона. Но осуществить этого не смог. Зато превосходно владевшему французским, итальянским и немецким языками Фигнеру удалось собрать ценные сведения о расположении на московских окраинах отдельных воинских частей неприятеля. Части эти вскоре были уничтожены казаками.

Создав затем с помощью Ермолова свой партизанский отряд, действуя между Тулой и Звенигородом, Фигнер наводил такой страх на французов, что одно имя его заставляло вздрагивать даже бывалых вояк. За его голову французское командование обещало большие деньги.

Дерзость Фигнера не знала предела. Однажды он и поручик Сумского гусарского полка Орлов, переодевшись во французские мундиры, отправились в главную квартиру Мюрата. Благополучно пробравшись через передовые неприятельские цепи, храбрецы подошли к биваку. Французы сидели у костра, варили ужин.

— Qui vive? * — окликнул их часовой.

---

* Кто идет?

Назвав себя офицером, Фигнер обрушил на часового поток ругательств. Тот оторопел, пропустил.

Собрав нужные сведения, Фигнер и Орлов вскочили на французских лошадей и, провожаемые беспорядочными выстрелами, ускакали.

Очень привязанные друг к другу, Фигнер и Сеславин по внешности и характеру резко отличались. Сеславин был высок ростом, худощав, немногословен. Александр Самойлович Фигнер имел рост ниже среднего, был расположен к полноте. Обычно невеселое лицо его с небольшим круглым носом и серыми глазами оживлялось всякий раз, как только появлялась опасность, или когда, находясь среди друзей, после двух-трех рюмок он начинал рассказывать о своих похождениях. При этом Фигнер любил немного прихвастнуть.

Так было и теперь в крестьянской избе, где собрались партизаны. Денис сидел на лавке против Фигнера. Сам мастер подобных рассказов, он не смотрел на рассказчика такими восторженными глазами, как Митенька Бекетов. Денис не сомневался в личной храбрости Александра Самойловича и настроен был по отношению к нему вполне благодушно. Однако когда Фигнер разошелся и стал хвастать своим жестоким обращением с пленными, он не выдержал и вмешался:

— Не выводи меня, Александр Самойлович, из заблуждения, оставь мне думать, что героизм есть душа твоих славных подвигов.

— Да ты не очень верь ему, Денис Васильевич, он на себя иной раз бог знает что наговорить способен... Ну, чего это ты, право, зверем себя выставляешь, Александр Самойлович? — обратился Сеславин к Фигнеру. — А кто третьего дня распорядился двум пленным сапоги выдать, чтоб ноги не поморозили?

— Так это же старики были... — отозвался, внезапно покраснев, Фигнер. — Я не говорю, что со всеми жестокость нужна...

— То-то и оно! — продолжал Сеславин. — Слов нет, в нашем деле и жестокость необходима бывает, да не в этом суть воинской доблести нашей. Муже-

ством, необычайной силой духа, рожденными любовью к отечеству, — вот чем достойно каждому россиянину гордиться! Мне недавно, господа, — обратился он ко всем, — такой случай передавали... Привезли в один из наших лазаретов раненного пулей в грудь русского гренадера. Лекарь, из пленных французов, стал гренадера осматривать, с боку на бок поворачивать, искать, где пуля засела. Боль, представляете себе, адская, а гренадер стиснул зубы и ни звука. Офицер наш, легко раненный и лежавший рядом, поинтересовался: «Тебе, братец, что ж, не больно разве?» — «Как не больно, ваше благородие, — ответил тихо гренадер, — мочи нет, да ведь лекарь-то хранц, нельзя перед ним слабость свою показывать...»

— Ах, какой молодец! — не удержался Бекетов. — Неужели так ни разу и не вскрикнул?

— А вы послушайте, что дальше произошло, — ответил Сеславин. — Лекарь-то, очевидно, неопытный был, искал пулю долго... Офицер, который лежал рядом, ответ гренадера передал своим соседям. В палате все притихли, наблюдают. И вдруг слышат, как гренадер зубами заскрипел, а следом стон тихий у него вырвался... Что такое? А гренадер, с трудом повернув голову к офицеру, говорит: «Я не от слабости, а от стыда, ваше благородие... Прикажите, чтоб лекарь меня не обижал». — «Да чем же он, — спрашивает офицер, — тебя обижает?» — «А зачем он спину мне щупает, я русский, я грудью шел вперед!» Представляете, господа, — заключил Сеславин, — в чем суть? Для русского солдата одна мысль, что его могут заподозрить, будто он не устоял перед неприятелем, мучительней любой боли... Удивительно ли, что непобедимая доселе армия Бонапарта вспять обратилась!

— Вполне с тобой согласен, Александр Никитич, — произнес Денис, — такого солдата, как русский, во всем мире не сыщешь... Да и что бы стоили все усилия наши, господа, если б не беспримерное мужество народа нашего...

В это время в избу вошел Степан Храповицкий,

ездивший с казаками на разведку к селу Ляхову. Он доложил, что село занято корпусом генерала Ожеро, имеющим свыше двух тысяч регулярной пехоты и кавалерии. Взятые казаками пленные эти сведения подтвердили.

— Соединим свои силы, господа, и немедленно ударим! — первым предложил Фигнер, и в серых глазах его блеснул задорный огонек.

— Подожди горячиться. Дело не шуточное, надо сначала силы свои подсчитать, — резонно заметил Сеславин.

Подсчитали. Оказалось, в трех партизанских отрядах имеется всего немногим больше тысячи гусар и казаков. Денис, поразмыслив, предложил:

— Для большей верности успеха можно пригласить графа Орлова-Денисова...

— Да на кой черт он нам нужен? — запротестовал Фигнер. — Ручаюсь, без него обойдемся! Я сейчас же отправлюсь в Ляхово, сам там все разведаю, — добавил он, надевая свой артиллерийский спенсер и меховой картуз.

— Нет, я склонен присоединиться к предложению Дениса Васильевича, — сказал Сеславин. — Подожди, Александр Самойлович, давай сперва договоримся...

— Э, да ну вас! — пробурчал с недовольным видом Фигнер. — Поступайте, как хотите.

Договориться с Сеславиным было нетрудно. Через час Бекетов уже скакал к графу Орлову-Денисову с письмом своего командира.

«Из встреч и разлуки нашей я приметил, граф, — сообщал Денис, — что вы считаете меня непримиримым врагом всякого начальства; кто без честолюбия и самолюбия? Я, при малых дарованиях своих, предпочитаю быть первым, а не вторым; но честолюбие мое простирается до черты общей пользы. Вот вам пример: я открыл в селе Ляхове неприятеля. Сеславин, Фигнер и я соединились. Мы готовы драться, но дело не в драке, а в успехе. У нас не более тысячи двухсот человек конницы, а у французов две тысячи

пехоты и еще свежей. Поспешите к нам, возьмите нас под свое начальство, — и ура! с богом!»

Граф от лестного приглашения не отказался. Партизаны начали тщательно готовиться к предстоящему сражению.

28 октября утром, пользуясь густым туманом, отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера вплотную, с трех сторон, подошли к Ляхову, заняли соседние деревушки. Вскоре к партизанам присоединился граф Орлов-Денисов. Он известил, что его кавалерия идет следом.

Между тем казаки, захватив под Ляховом нескольких пленных, узнали от них, что войска Ожеро находятся в боевой готовности, намереваясь идти на соединение с войсками смоленского губернатора Бараге д'Илье, стоявшими в Долгомостье, на столбовой дороге. Посовещавшись, партизаны решили прежде всего преградить путь отступления Ожеро. Подведя свой отряд к Смоленской дороге, Денис спешил казаков, снабженных ружьями, затем приблизился к Ляхову и завязал бой. Сеславин, расположивший на небольшой высоте, позади стрелков, четыре орудия, открыл картечный огонь по неприятельским колоннам, выходившим из села. Отряд Фигнера построился за сеславинской батареей. Орлов-Денисов, выславший разъезды по дороге к Долгомостью, находился со своей кавалерией справа от них. А бугские казаки, под командой Чеченского, стоявшие с левой стороны, заняли дорогу, идущую на деревню Язвино, где разместилась другая неприятельская часть.

Невзирая на картечный и сильный ружейный огонь, французы, выйдя из Ляхова, стали занимать прилегавший к селу болотистый лес. Тогда ахтырские гусары и конница Фигнера ударили на неприятельскую кавалерию с фланга, загнали ее в болото, а спешенные казаки-стрелки ворвались в лес.

Генерал Ожеро приказал своим расстроенным войскам отступить в Ляхово.

В это время Орлов-Денисов получил неприятное донесение: две тысячи кирасир из корпуса Бараге д'Илье спешат из Долгомостья на помощь генералу Ожеро. Оставив под Ляховом одних партизан, Орлов-

Денисов со всей своей кавалерией обратился на неприятельских кирасир, стремительно их атаковал и рассеял.

Возвратился граф уже под вечер. Сражение под Ляховом еще продолжалось. Партизанам удалось в нескольких местах поджечь село, но французы оказывали упорное сопротивление. Очевидно, генерал Ожеро ожидал, что к нему вот-вот придет помощь. Увидев вдали кавалерию, приближавшуюся к селу, и приняв ее за французскую, генерал построил свои войска для общей атаки на партизан. Однако вскоре убедился в своей ошибке. Кавалерия оказалась русской: это были гусары и казаки Орлова-Денисова.

Признав положение безнадежным, генерал Ожеро послал к графу парламентеров. Он сдавался в плен со всем своим корпусом. Шестьдесят офицеров и две тысячи рядовых положили оружие.

Эта победа партизан имела большое значение в общем ходе военных действий. Кутузов, уведомляя о ней императора Александра, написал:

«Победа сия тем более знаменита, что в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус положил перед нами оружие».

А генерал Арман Коленкур, находившийся в постоянном общении с Наполеоном, сделал следующее признание:

«Эта неудача была для нас несчастьем во многих отношениях. Император счел это событие удобным предлогом, чтобы продолжить отступление и покинуть Смоленск, после того как всего лишь за несколько дней и, может быть, даже за несколько минут до этого он мечтал устроить в Смоленске свой главный авангардный пост на зимнее время!»

XIV

Продолжая партизанские поиски в районе южнее Смоленска, отряд Дениса Давыдова 31 октября вышел на Мстиславльскую дорогу, приблизившись к главным силам русской армии.

Денис нарочно избрал этот путь. Большое коли-

чество пленных и обоз с трофейным имуществом, следовавший за отрядом, замедляли движение: необходимо было разгрузиться. Кроме того, зная, какую острую нужду в продовольствии, особенно в мясе, испытывают передовые русские войска, преследующие по пятам французов, Денис хотел сделать приятный подарок: в его обозе шло свыше двухсот волов, отбитых партизанами в последние дни у неприятеля.

Какова же была радость Дениса, когда от встреченных на пути гусар он узнал, что в ближайшей деревушке, скрытой за холмами, стоят войска генерала Раевского. Оставив отряд на марше под начальством Степана Храповицкого, Денис, пришпорив коня, помчался в деревню. «Я словно корсар, открывающий после долгого крейсирования берега своей родины», — счастливо улыбаясь, подумал он, завидев вдали биваки своих товарищей, так давно, казалось ему, оставленных.

Николай Николаевич Раевский в компании генерала Васильчикова и Паскевича, а также нескольких штабных офицеров сидел в избе, заканчивая походный завтрак. Неожиданно дверь шумно распахнулась, и Денис, как был в казацкой папахе и чекмене, обросший бородой, вбежал в горницу и, не обращая ни на кого внимания, бросился обнимать Раевского.

— Ты меня испугал, право, — отшучивался Николай Николаевич. — Ведь этакий вид у тебя разбойничий... Да откуда ты взялся-то?

— Следую со своей партией из лесов смоленских, — весело ответил Денис. — Извините, господа, за появление в таком виде, — обратился он ко всем присутствующим, — два месяца в постоянных поисках и стычках с неприятелем, некогда туалетом заниматься.

— Читали, брат, про твои подвиги в журналах! — с усмешкой сказал генерал Васильчиков. — Что и говорить, грому ты наделал много!

— А меня, признаюсь, крайне удивляет, — подхватил генерал Паскевич, — что светлейший дозволяет партизанство... Как хотите, это недостойный метод, противный всяким воинским правилам!

— Зато не столь опасный, как боевые действия лицом к лицу с противником, — язвительно добавил кто-то из штабных офицеров.

Денис, понимавший, что недоброжелательство к нему вызвано в значительной степени завистью, ибо частое появление его имени в журналах кололо глаза многим, ответил довольно спокойно:

— Скажу по чести, господа, расписки о сдаче сорока трех офицеров и трех с половиной тысяч рядовых, захваченных в плен моим отрядом до двадцать третьего октября, столь надежно ограждают мою совесть, что мне нечего более добавить...

— И все же даже это обстоятельство не оправдывает партизанства как системы, — возразил Паскевич. — Надо смотреть на дело глубже, господин Давыдов. Партизанство имеет далеко идущие дурные последствия. Оно развращает солдат и мужиков произвольными действиями с оружием в руках, внушает неподобающие мысли о возможности пустить это оружие когда-нибудь против нас...

Денис давно недолюбливал Паскевича. Этот молодой генерал с красивыми тонкими чертами лица и презрительно поджатыми губами казался бездушным человеком и завистливым карьеристом. Но сказанные им слова в какой-то степени настораживали. Денису припомнился ночной разговор гусар. «А что, если в самом деле прав Паскевич?» — подумал он. Однако, взглянув на Раевского, успокоился. Николай Николаевич оставался совершенно невозмутимым, слова Паскевича, видно было по всему, не считал достойными внимания.

— Ну, это уж вы через край хватили, Иван Федорович, — вмешался Раевский. — Не скрою, я сам в начале войны весьма опасался внутренних беспокойств, однако ж ничего такого, слава богу, не случилось. А признаться, справедливости ради, что мужики помогли войскам победить французов, хотим мы того или не хотим, все равно придется...

— Боюсь, ваше высокопревосходительство, как бы нам сия помощь мужицкая дорого не обошлась, — заметил Паскевич, вставая из-за стола.

— Напрасно заранее себя пугаете, Иван Федорович, ведь этак здоровье испортить недолго, — со скрытой иронией произнес Раевский.

Генералы и офицеры вскоре разошлись. Денис остался вдвоем с Николаем Николаевичем.

— Что же я Сашу и Николеньку не вижу, да и Левушка мой исчез куда-то? — спросил Денис.

— Николеньку на днях домой отправил, лихорадку где-то подхватил, — ответил Раевский. — А Саша в своем полку, брата же твоего к Дмитрию Сергеевичу Дохтурову послал, он находится верстах в десяти отсюда.

— А где же теперь Базиль? В лейб-гусарах?

— Представь, отказался, как и ты от гвардии... К себе звал — тоже не идет. «Не хочу, — говорит, — никакими привилегиями пользоваться». Странный какой-то стал! В армейской кавалерии служит. Да оно, может быть, и к лучшему...

Разговор перешел на военные темы. Раевский принадлежал к числу сторонников и любимцев Кутузова, под командой которого служил в молодости. Одобряя действия фельдмаршала, Николай Николаевич с возмущением рассказывал о тех сложных интригах, которые плелись в главной квартире штабными господами во главе с Беннигсеном и Робертом Вильсоном против главнокомандующего.

— И представь, теперь, когда события столь неопровержимо подтверждают мудрость и прозорливость Михаила Илларионовича, — продолжал Раевский, — эти господа, постоянно ему противодействующие, имеют наглость уверять, будто своими успехами мы обязаны им и будто успехи эти могли быть более значительными, если б светлейший всегда внимал их советам... Да, любезный Денис, — закончил Николай Николаевич, — подлости в наших высоких сферах столько, что, право, побудешь иной раз в главной квартире, послушаешь всех этих критиканов светлейшего, от коих на версту английским душком попахивает, и тошно станет!

— Неужели светлейший обязан терпеть около себя этих господ? — спросил Денис.

— Да что поделаешь, коли они в Петербурге поддержку находят, — прямо ответил Раевский. — Плетью обуха не перешибешь! Впрочем, кажется, Беннигсена из главной квартиры фельдмаршал собирается все-таки выпроводить...

Разговор прервался приездом Левушки. В мундире армейского поручика, с анненским орденом за сражение под Малоярославцем, Левушка выглядел неплохо. Он был выше брата ростом, темно-рус, худощав, однако схожесть между ними легко улавливалась и по очертаниям лица, и по густым темным бровям над живыми глазами, и по быстрым, порывистым движениям.

Семейные новости, сообщенные Левушкой, были благоприятны. Московский дом, оказывается, уцелел, хотя дочиста ограблен. Мать с сестрой собираются туда переезжать из орловской деревни. Брат Евдоким с кавалергардами следует за главной квартирой, произведен в ротмистры. Все живы, здоровы.

— Более всего за тебя беспокоимся, — весьма обрадованный неожиданной встречей с братом, продолжал Левушка. — А тут недавно, как на грех, поручик Павел Киселев, он теперь адъютантом у Милорадовича, меня встревожил. Рассказывал, будто французы за твою голову награду объявили...

— Позволь! Откуда же это Киселеву известно? — заинтересовался Денис.

— Канцелярия смоленского губернатора к ним в руки попала... Киселев говорил, что сам объявления читал, где все твои приметы указаны. И даже будто против тебя целую экспедицию послали под начальством какого-то полковника Жерара...

— Э, брат, было дело, да сплыло! — с довольной усмешкой сказал Денис. — Мы от этой экспедиции одни ножки да рожки оставили. И полковник Жерар давно в покойниках!

Партизанская деятельность, о которой Денис красочно рассказывал весь вечер, Левушку до такой степени увлекла, что он тут же стал просить Раевского о дозволении поступить в отряд брата. Николай Николаевич возражать не стал.

Тем временем отряд Дениса вошел в деревню, сдал интендантам пленных, оружие и, наделив войска мясом, за что особенно все благодарили партизан, тронулся дальше, к селу Красному, находящемуся за Смоленском, где, по сведениям, сосредоточились большие толпы отступавших французов. Отряд вел Степан Храповицкий. Денис же, ночевавший у Раевского, отправился догонять свою партию на следующий день вместе с Левушкой.

Был легкий мороз. Порошил снежок. Денис и Левушка на сильных донских лошадях ехали быстро, без остановок. Не доезжая до одной из деревень, где остановился на привал отряд, увидели мчавшегося навстречу вестового казака. «Что такое? — тревожно подумал Денис. — Уж не наскочили ли наши на главные силы французов?»

Но казак, поравнявшись с ними, объявил:

— Подполковник Храповицкий уведомляет, что в деревню прибыл со своим штабом главнокомандующий и требует к себе ваше высокоблагородие...

— Какой главнокомандующий? Толком говори!

— Фельдмаршал, светлейший князь Кутузов...

Денис, ни слова не говоря, хватил коня нагайкой и бешено поскакал вперед.

...Обычная курная изба, занимаемая Кутузовым, ничем не отличалась от других изб разоренной смоленской деревушки. В тесной горнице с бревенчатыми стенами, низким закопченным потолком и маленькими оконцами едва нашлось место для походной кровати фельдмаршала, дубового стола и нескольких раскладных кресел.

Когда Денис с бьющимся сердцем вошел и почтительно остановился на пороге, Кутузов в распахнутом теплом сюртуке без эполет, сидя у стола, рассматривал карту, делая на ней карандашом отметки.

Медленно приподняв голову и увидев Дениса, он отложил карандаш в сторону и тихим, усталым голосом пригласил:

— Ну, подойди, подойди поближе, голубчик... Я еще лично не знаком с тобою, но прежде хочу поблагодарить тебя за твою службу...

С этими словами он тяжело поднялся и, ласково взглянув на Дениса, привлек его к себе и слегка коснулся лба теплыми губами. Денис стоял молча. Сердечность и родственная простота, с какими встретил его фельдмаршал, тронули до слез. Неизъяснимое чувство любви и благодарности к этому человеку, спасителю отечества, охватило и взволновало так сильно, что все слова, заранее подготовленные, казались теперь ненужными, глупыми.

А Кутузов между тем продолжал:

— Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая нанесла, наносит и нанесет еще неприятелю много вреда...

Он сделал короткую паузу. Денис, запинаясь от волнения, произнес:

— Прошу простить, ваша светлость, что осмелился предстать пред вами в мужицком одеянии[32]...

Глаз Кутузова, бегло скользнув по Денису, прищурился, на лице появилась легкая улыбка.

— В народной войне это необходимо, — сказал он. — Действуй, голубчик, как ты действуешь: головою и сердцем. Мне нужды нет, что одна покрыта шапкой, а не кивером, а другое бьется под армяком, а не под мундиром... Ты скажи-ка лучше, — продолжал он, усаживаясь снова в кресло, — каким способом удалось создать большое ополчение в Юхнове? Мне генерал Шепелев говорил, будто дворянство там, кроме предводителя и нескольких мелкопоместных, не очень-то помогало? Кто же в таком случае крестьян побуждал в ополчение вступать?

— Ненависть к поработителям отечества, ваша светлость, — ответил Денис. — На призыв наш, разосланный через земство, откликнулось свыше шести тысяч крестьян, пожелавших с оружием в руках защищаться от неприятеля, тогда как большинство дворян, к сожалению, уклонилось от службы... Оружие же ополченцам и крестьянам, поднявшимся в других селениях, выдавалось мною из отбитого у неприятеля... Прошу простить, ваша светлость, что решился на это без особого приказания.

— Ничего, ничего, — одобрительно кивнул голо-

К стр. 335

вой Кутузов. — Тут и приказания никакого ожидать не надобно, чтоб народу в таком деле, как защита отечества, помощь оказать. Только в донесениях своих об этом, голубчик, не пиши... Больно много уж нынче охотников все вкривь и вкось толковать!

В это время в горницу вошел главный квартирмейстер полковник Толь, положил перед фельдмаршалом объемистую кипу разных бумаг.

— Ох, Карлуша, замучил ты меня совсем своей канцелярией, — сказал со вздохом Кутузов. Затем, снова обратившись к Денису, произнес: — Ты иди пока, отдохни... Петр Петрович скажет тебе все, что нужно...

Денис поклонился, вышел. И сразу попал в толпу знакомых и незнакомых штабных офицеров и должностных лиц. Всем не терпелось узнать, о чем говорил с ним фельдмаршал. Толстенький, румяный флигель-адъютант граф Потоцкий, славившийся как «первейший обжора российской армии», с которым Денис ранее несколько раз встречался, подхватив его предупредительно под руку, сказал:

— Я тебя обедать жду, любезный Денис... Пожалуйста, не возражай! Мне сегодня доставили таких стерлядок и устриц — пальчики оближешь...

Полагая, что аудиенция у Кутузова окончилась, сильно проголодавшийся Денис предложение Потоцкого принял. Изба, где остановился этот польский магнат, снаружи выглядела такой же убогой, как и все остальные, зато внутреннее убранство ее представляло поразительный контраст с тем, что пришлось видеть у фельдмаршала.

Граф Потоцкий, смотревший на войну как на увеселительную прогулку, возил с собою огромный обоз. Повара, кондитеры, камердинеры, лакеи имели все необходимое для того, чтобы барин чувствовал себя как дома в любом месте.

Потолок и стены горницы, куда граф привел Дениса, были задрапированы цветным бархатом, пол покрыт ковром. Столы роскошно сервированы. Ярко горели свечи, вставленные в позолоченные канделябры. Сверкал хрусталь. Искрилось в бокалах шампанское.

За столами сидело около пятнадцати штабных чиновных господ. И первым, кого Денис заметил, был сэр Роберт Вильсон, поднявшийся навстречу с деланной улыбкой на каменном лице.

— Я, кажется, имел удовольствие не раз встречать вас в прошлую кампанию, — любезно произнес он, протягивая руку.

— Так точно, сэр, в штабе генерала Беннигсена, — подтвердил Денис, невольно настораживаясь. «А ведь, пожалуй, мне не стоило сюда приходить; очевидно, этот сэр не случайный здесь посетитель, — промелькнула мысль. — Им что-то хочется от меня выведать, надо держать ухо востро».

Денис хотя и слышал от Раевского о неблаговидных поступках сэра Роберта Вильсона, интриговавшего против Кутузова, но, разумеется, не мог знать о всей той подлой подрывной работе, какую проводил в главной квартире этот агент английского правительства. Англия, для могущества которой Наполеон представлял величайшую опасность, желала как можно скорее покончить с ним, но, как всегда, стремилась осуществить это чужими руками и чужой кровью.

Выполняя данное ему наставление, сэр Роберт Вильсон требовал решительных наступательных действий и сражений, не считаясь ни с излишними жертвами русских, ни с национальными интересами России. Получая английские субсидии, недальновидный император Александр, ослепленный ролью «избавителя всего света от тирании Бонапарта», не замечал позорного кнута в руках сэра Роберта Вильсона. Кутузов, наоборот, быстро отгадал стремления английского правительства. Осуществляя собственный план уничтожения французской армии, он избегал напрасных кровопролитных сражений, всемерно сохраняя русские силы.

Вильсон понял, что в лице Кутузова он имеет неутомимого защитника национальных русских интересов, никак не склонного идти на поводу английского правительства, и повел упорную борьбу за смещение фельдмаршала с поста главнокомандующего. Бенниг-

сен и группа штабных тунеядцев, к которой принадлежал и граф Потоцкий, были лишь орудием в ловких руках английского шпиона.

Вильсон за несколько дней до встречи с Денисом писал императору Александру:

«Лета фельдмаршала и физическая дряхлость могут несколько послужить ему в извинение, и потому можно сожалеть о той слабости, которая заставляет его говорить, что «он не имеет иного желания, как только того, чтобы неприятель оставил Россию», когда от него зависит избавление целого света. Но такая физическая и моральная слабость делает его неспособным к занимаемому им месту».

Зная, как не любит и опасается император Александр всяких народных и партизанских действий, поощряемых Михаилом Илларионовичем, Вильсон и его друзья не раз доносили о «зловредной» деятельности Кутузова в Петербург. И, конечно, им бы весьма пригодилось каждое неосторожное слово, сказанное фельдмаршалом партизану.

Но Денис надежд не оправдал. Он искусно отделывался от вопросов общими фразами. Любознательность сэра Роберта Вильсона была слишком подозрительна, чтобы способствовать откровенности. Впрочем, и времени для этого не оказалось. Едва Денис успел выпить бокал вина, как явился денщик фельдмаршала и объявил, что светлейший ожидает его к своему столу. Денис поспешил оставить гостеприимного хозяина и его приятелей с намерением никогда больше в эту компанию не попадать.

За обедом у Кутузова не было никаких особых лакомств, и блюда подавались самые незатейливые, зато чувствовал себя Денис как дома. За столом, кроме фельдмаршала, находились Коновницын, Толь, Кудашев. В дружеских их чувствах к себе Денис не сомневался.

Михаил Илларионович, отличавшийся необыкновенным даром слова, был интересным собеседником. Оказалось, он хорошо знал деда Дениса с материнской стороны — генерала Щербинина и помнил Василия Денисовича, некоторые остроты его,

неизвестные даже Денису, передавал с большим мастерством.

Говорили о литературе, о стихах Дениса, о письме к госпоже Сталь, только что написанном светлейшим. И все искренне посмеялись, когда Денис по просьбе Коновницына рассказал, как удалось ему отделаться от «владычества» генерал-адъютантов.

После обеда, пользуясь благосклонным отношением фельдмаршала, Денис сказал:

— Я прошу, ваша светлость, о новом награждении отличившихся партизан моего отряда...

— Будь покоен, голубчик, — отозвался Кутузов. — Ты подай Петру Петровичу записку, я все сделаю, что в моих силах... Бог меня забудет, если я вас забуду!

Простившись с фельдмаршалом, Денис заехал к кавалергардам повидаться с братом Евдокимом, затем пустился догонять свой отряд. В сумке Дениса лежал один из последних приказов Кутузова, обращавшегося к войскам со следующими замечательными словами:

«Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюги и морозы; вам ли бояться их — дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и славе русского народа».

Будучи под впечатлением своей встречи с фельдмаршалом, Денис находился в радостно-приподнятом настроении. Все казалось замечательным в Кутузове: и необыкновенная душевность, и простота в обхождении, и огромные разнообразные познания, обнаруженные им в разговоре за обедом, и эти простые, доходившие до сердца слова приказа.

Денис подгонял коня: не терпелось поскорее рассказать обо всем товарищам.

XV

Продолжая следовать на запад параллельно движению французов, партизаны разбили большую неприятельскую колонну у местечка Ляды и, захватив в плен до пятисот солдат и офицеров, подошли к городу Копысу на Днепре.

Узнав, что там находится кавалерийское депо под начальством майора Бланкара, сумевшего уже переправить на ту сторону реки большую половину войск и тяжестей, партизаны ворвались в город. Днепр еще не был скован морозом, лишь у самых берегов его образовалась тонкая ледяная кромка. Появление казаков у переправы вызвало замешательство и панику среди французов. Многие из них стали кидаться в реку, чтобы вплавь добраться до противоположного берега. Но казаки, очистившие город от неприятеля, двумя колоннами под командой Дениса пустились через Днепр вплавь. Кавалерийское депо было полностью разгромлено. В плен партизаны захватили десять офицеров и шестьсот рядовых, на месте положили не меньше.

Возвратившись в Копыс, Денис приказал доставить к нему поставленного французами мэра города, по слухам расстреливавшего русских пленных и всячески притеснявшего жителей. Казаки привели рябого и невзрачного, перепуганного насмерть человека, за которым вся в слезах прибежала молодая жена.

— Как твоя фамилия, негодяй? — сурово спросил Денис арестованного.

— Попов, ваша милость, — пролепетал тот.

— Как же ты осмелился служить врагам отечества? — возвысил голос Денис. — Предатель, изменник!

Попов еще более побледнел и что-то невнятно забормотал. Жена, рыдая, упала в ноги.

— Сударыня, вам здесь не место, — обращаясь к ней, сказал Давыдов. — Ваш муж недостоин никакого сожаления...

— Простите... Он всего три дня работал в магистрате. Его Калецкий заставил бумаги подшивать...

— Какой Калецкий? Кто таков?

— Из Могилева сюда присланный... который мэром служил...

— Позвольте, сударыня! А разве не ваш муж был мэром?

— Нет, нет, у кого угодно спросите...

Выяснилось, что Попов, мелкий канцелярист, на самом деле только три дня работал в магистрате, казаки взяли его по ошибке. Калецкий, оказавшийся дворянином, укрылся в пригороде, собираясь бежать, но с помощью Попова его удалось захватить. Умоляя о пощаде, предатель рассказал, что в Могилеве, где он жил, первым присягнул на верность Наполеону архиепископ Варлаам, затем несколько видных чиновников и помещиков, помогавших неприятелю. Записав их фамилии, Денис хотел отправить список изменников в главную квартиру вместе с Калецким, затем раздумал. Дело представлялось совсем необычным, и кто знает, в какие руки попадет список!

Случай этот навел Дениса на тяжелые размышления. Гордясь своим дворянским родом, самозабвенно любя отечество, Денис в начале войны не сомневался, что все дворянство, как и он, предпочитая смерть позору иноземного порабощения, полно решимости бороться до конца с наглым неприятелем. Но что же пришлось видеть? В то время как крестьяне, мещане, ремесленники — весь простой народ всюду брался за оружие и, не щадя жизни, дрался с чужеземцами, поведение дворянства во многих случаях вызывало негодование. Денис теперь достоверно знал, что не в одном Юхновском уезде дворяне уклонялись от службы. Всюду, при первых слухах о неприятеле, эти «потомки древних бояр» трусливо бежали в отдаленные губернии и, как с краской стыда на лице записал Денис в свой дневник, «пока достойные и незабвенные их соотчичи подставляли грудь свою штыку врагов отчизны, они, опрыскиваясь лишь духами, плясали там на могиле отечества и спокойно ожидали известия об исходе войны».

А недавно Денис столкнулся и с более возмутительным случаем.

Отряд ночевал в одной из деревень близ Дорогобужа. На рассвете в избу, где спал Денис, вошел урядник Крючков, доложил:

— Крестьянин из соседнего села к вашему высокоблагородию...

— По каким таким делам? — пробурчал, поднимаясь, Денис.

— Говорит, будто ваш старый знакомый...

— Хорошо. Давай его сюда.

Крестьяне повсюду были надежными помощниками партизан. Денис не раз получал от них ценные сведения о нахождении неприятельских команд, и появление крестьянина, именовавшего себя «старым знакомым», не представляло ничего необычного. Однако того, кто вошел в избу, Денис никак не ожидал здесь встретить. И удивления своего скрыть не мог.

Перед ним в коротком овчинном полушубке, теребя шапку в руках, стоял партизан Терентий. Тот самый русобородый, немного похудевший начальник партизанской дружины, с которым повстречался летом в лесах Смоленщины.

— Доброго здоровья, ваше высокоблагородие, — произнес Терентий. — Простите, что обеспокоил...

— Позволь... Как же ты здесь очутился, любезный? — все еще недоумевая, спросил Денис.

— А я ведь сказывал вам, ежели не забыли, что из здешних мест родом, — отозвался Терентий. — Барин мой, господин Масленников, в пяти верстах отсюда проживает...

— Так что же? Разве ты ушел из дружины?

— Пришлось... Третью неделю дома...

— Почему?

— Не моя воля, ваше высокоблагородие, — вздохнув, ответил Терентий. — Народ-то будто доволен мною был... Не меньше полтыщи басурманов перебили, сколько обозов ихних забрали...

— Ну? И что же потом произошло?

— Да вот, как услыхал я, что хранцы в наших местах озоруют, — продолжал Терентий, — надумал сюда тайком пробраться. Баба моя с ребятами тут осталась, надо было укрыть их куда ни на есть, а то

хранцы могли дознаться, что я в партизанах, да отквитать на них... Случаи такие были!

— Понимаю, понимаю... Но здесь-то почему задержался? — нетерпеливо перебил Денис.

— В подвале на цепи сидел...

— Как? — еще более удивляясь, воскликнул Денис. — Значит, тебя все-таки французы схватили?

— Схватили, да не они, — с горькой усмешкой проговорил Терентий. — По господскому приказу... Сначала на конюшню отвели, пятьдесят розог всыпали, а потом в подвал...

— За что же? Чем ты провинился?

— Вина одна... Проведал барин, что я в партизанах находился.

— Быть того не может! Вздор! — перебил Денис. — Голову ты мне, что ли, морочишь, любезный?

— Эх, ваше высокоблагородие, стал бы я жаловаться, кабы в другом чем виноват был! — горячо возразил Терентий. — Да у кого угодно в деревне спросите... Барин-то наш хранцам продался. Заодно с ними мужиков грабит, а партизан ловить и наказывать приказывает...

Денис слушал убедительные доводы партизана молча. Сомнения постепенно исчезали, Отвратительный образ помещика-изменника вырисовывался довольно ярко. «Мерзость какая!» — думал Денис, еле сдерживая негодование.

И, наконец, обратившись к Терентию, сказал:

— Вот что, Терентий, я сам сейчас к вам поеду, разберусь. Если господин Масленников виновен, он получит по заслугам...

— А как партизанам поступать, ваше высокоблагородие? У нас в селе, помимо меня, человек пятнадцать... Можно нам с хранцами-то драться?

— Можно. Насчет этого я особое внушение сделаю господину Масленникову [33]...

Обширная помещичья усадьба, куда приехал сопровождаемый сотней казаков Денис, казалась благословенным островом. Соседние селения сплошь были разорены и полусожжены, а здесь во всем ощущались порядок и полное благополучие. И уже одно это под-

тверждало справедливость тяжелых обвинений, возведенных на хозяина.

Сумрачный и безмолвный, Денис переступил порог уютного барского дома.

Низкорослый помещик с круглым румяным лицом и белесыми бегающими глазками встретил необыкновенно учтиво и, рассыпаясь в любезностях, не замедлил пригласить дорогого гостя к завтраку.

Денис приглашение отклонил, сказал жестко:

— Я приехал не с визитом, господин Масленников. — И, глядя в глаза хозяину, добавил: — Весьма странно, почему общее бедствие не коснулось вашего имения?

Масленников, видимо, к подобному вопросу подготовился. Он слегка смутился, но оправдывался бойко, самоуверенно:

— Что вы, помилуйте! У меня и лошадей французы взяли и все амбары обчистили... Семян даже не оставили... Я, видите ли, на свое несчастье, не сумел вовремя отсюда выехать и столько ужасов пережил... Не знаю, как жив остался... Да вот сами можете видеть, что злодеи наделали, — он поспешно распахнул дверь в одну из комнат, где на полу валялась поломанная мебель, а на стенах висели изорванные обои. — Ведь этаких разбойников свет не видел! Они, представьте, даже стреляли в меня...

Денис саркастически усмехнулся. Доказательства были шиты белыми нитками. «Нарочно, подлец, комнату подготовил, чтоб хоть немного оправдаться», — подумал Давыдов. И тут же заметил:

— Однако ж, господин Масленников, основное ваше имущество сохранилось... Интересно знать, каким образом?

— О, это совершенно случайно... Мне, представьте, удалось подкупить одного французского офицера и через него достать охранный лист...

— Вот как! Любопытно! Позвольте-ка взглянуть на чудесную сию бумажку...

Масленников нехотя достал из комода документ. И все окончательно разъяснилось. Сам смоленский губернатор Бараге д'Илье подтверждал, что госпо-

дин Масленников освобождается от всяких военных постоев и реквизиций в уважение к добровольно принятой им на себя обязанности продовольствовать французов, находившихся в Вязьме.

По мере чтения бумаги лицо Дениса принимало все более мрачное, зловещее выражение. Заметив это, Масленников пришел в замешательство, пробормотал:

— Вы не подумайте... У них такая форма... Неприятеля я не снабжал...

— Молчите, сударь! — угрожающе прикрикнул Денис. — Я не судья и не буду копаться в совершенных вами мерзостях. Вы дадите за них ответ в ином месте. А теперь извольте выслушать меня... Помимо всего прочего, вы осмеливаетесь задерживать крестьян-партизан и даже наказывать их за усердие, проявленное в борьбе с любезными вам иноплеменниками...

— Никогда того не было, богом клянусь! — вновь попытался оправдаться уже не на шутку струсивший помещик. — Людишки разбаловались... От работ уклоняются, неизвестно где шатаются, а потом партизанами себя объявляют... Оброчный мой Терешка полгода домой глаз не казал, пьянствовал на стороне, партизан-то и во сне не видел, а тоже...

— Лжете! — перебил выведенный из себя Денис. — Я сам Терентия в лесу встречал и могу свидетельствовать о заслугах его перед отечеством... Прикажите сейчас же, сударь, чтоб Терентий и другие партизаны могли свободно возвратиться в свои дружины...

— Слушаюсь... Будет исполнено... — низко склонив голову, пробормотал помещик.

— А если узнаю, что вы снова вздумали повторить свои гнусности... Берегитесь! Я найду скорый способ отучить от них! — грозно и внушительно предупредил Денис на прощанье.

Но дело на этом не кончилось. Крестьяне из соседних деревень, прослышав о приезде казаков, собрались около дома. Когда Денис, провожаемый хозяином, показался на крыльце, крестьяне, почтительно сняв шапки, стали жаловаться:

— Управы ищем, кормилец, на господина Масленникова...

— Вместе с хранцами он нас грабил, а хлеб и скот наш в Вязьму посылал...

— Всех разорил, ни синь-пороху не оставил!

Слушая эти справедливые нарекания, Денис чувствовал большое смущение. Он сознавал, в какое рискованное положение поставлен. Масленников был дворянин и помещик. Выругать с глазу на глаз, сообщить о его поступках начальству — это одно, а осудить открыто, при крестьянах — другое. Денис колебался. Крестьяне могли по-своему истолковать его слова и учинить над Масленниковым самосуд, подав тем самым дурной пример другим. И в то же время заступиться за изменника не позволяла совесть.

— Попробуйте перед ними оправдаться, сударь, — злым шепотом произнес Денис, обращаясь к стоявшему позади него посиневшему от страха помещику.

— Они бунтовщики... разбойники... мошенники... — заплетающимся языком еле слышно ответил Масленников. — Их пороть надо... пороть...

Это было уже слишком. Подобные доводы, ничуть не оправдывая помещика, незаслуженно обижали ограбленных им же крестьян. Почему-то в памяти Дениса всплыл вдруг тот ночной разговор гусар. «Вот через таких помещиков и недовольство в народе пробуждается, — промелькнуло в мыслях. — Люди за отечество ни достояния, ни жизни не жалеют, а этот подлец только о шкуре своей заботится...» Дениса взорвало. Забыв всякую осторожность, сжимая в руке нагайку и еле сдерживаясь, чтобы не пустить ее в ход, он подступил к изменнику и, задыхаясь от ярости, крикнул:

— Каналья ! Негодяй! И ты еще смеешь клеветать на честных людей! Опозорил дворянский мундир, так уж лучше прикуси поганый свой язык, собака! Я тебя научу уму-разуму... И, повернувшись к казакам, приказал: — Всыпать за измену отечеству двести нагаек...

Казаки схватили помещика, разложили и, не обра-

щая внимания на его угрозы и вопли, с особым удовольствием проучили по всем правилам [84].

Крестьяне затихли, относясь к происходящему с видимым одобрением. Поглядев на них, Денис нахмурился. «Как бы они все-таки беды здесь не наделали, — тревожно подумалось ему, — надо им тоже внушение сделать...» И когда экзекуция была закончена, обратившись к крестьянам, сказал строгим голосом:

— А вы ступайте по домам, принимайтесь за свои дела... Искать взятое у вас продовольствие негде, оно израсходовано французами, сами знаете... Будьте довольны, что господин Масленников наказан за измену да ответит еще за свои поступки где положено... Но предупреждаю вас, — повысил он голос, — чтоб никакого шуму и сборищ не было, и упаси вас бог от самовольства... Иначе вам самим не миновать расправы. Запомните крепко! Прощайте!

Крестьяне молча разошлись. Денис уехал, чувствуя на душе какую-то тяжесть... Совесть упрекала, что не расстрелял изменника на месте, хотя и сильно чесались руки. Не посмел, ибо знал, что за такое самоуправство над дворянином угрожает каторга.

И вот теперь, в Копысе, он узнал об измене могилевского архиепископа и чиновного дворянства. Какой позор! Нет, никак нельзя прощать этих высокопоставленных предателей! «А что ты сделаешь? Ведь у каждого из них, — подсказывало сознание, — наверное, и деньги, и связи найдутся, откупятся, дело замнут, да на тебя же еще и пасквиль сочинят».

В конце концов Денис решил, что лучше всего доложить обо всем лично фельдмаршалу, передав светлейшему из рук в руки список изменников. «Пусть судит, как хочет, зато моя совесть спокойна будет», — подумал он.

XVI

Под командой Дениса осталась одна кавалерия: ахтырцы, бугские казаки и донской полк. Такой состав отряда позволял совершать быстрые марши, представлял большое удобство для партизанских поисков, но на дальнейшем пути лежали города и ме-

стечки, занятые сильными гарнизонами противника, и выбивать их без пехоты и артиллерии было затруднительно.

Узнав о приближении к Копысу русских авангардных войск под начальством Милорадовича, Давыдов обратился к нему за помощью. Милорадович, один из любимцев Суворова, славившийся молодецкой удалью, действия партизан одобрял, к Денису относился дружелюбно. И хотя не смог дать пехоты, зато снабдил двумя легкими пушками с достаточным запасом снарядов. Денису эта артиллерия в ближайшие же дни весьма пригодилась.

Довольно быстро овладев Шкловом и Головчином, партизаны подошли к местечку Белыничи, где находились большие продовольственные склады и госпитали французов. Местечко, расположенное на возвышенном берегу реки Друцы, охраняли два батальона свежей неприятельской пехоты и два эскадрона улан.

Заметив партизан, противник, уверенный в своем превосходстве, не выказал никакой паники. Напротив, уланы вышли навстречу. Денис с ходу произвел контратаку, улан смяли, однако когда казаки, увлекшись преследованием, ворвались в местечко, неприятельская пехота открыла такой огонь, что волей-неволей пришлось отступить.

Тогда Денис попробовал обойти Белыничи, но убедился, что болотистые берега реки и оттепель представляют еще большее препятствие, чем огонь противника. А единственный мост через реку находится в конце спускавшейся к ней главной улице и крепко охраняется. Пришлось снова среди белого дня штурмовать неприятеля, укрепившегося за строениями и заборами.

Французы отбивались храбро. Казаки и лошади падали, попав под смертоносный ружейный огонь. Левушка, командуя отборной сотней донцов, под градом пуль проскакав вдоль главной улицы почти до моста, тоже вынужден был возвратиться назад. Стрельба картечью по домам, где засели французы, не достигала цели.

Кусая от досады губы, Денис приказал прекра-

тить нападение. Оставалось последнее средство: зажечь брандкугелями строения, хотя этого никак не хотелось делать, — могли погибнуть в огне провиантские склады и магазины.

— Вот что, друг любезный, — обратился Денис к командиру орудий поручику Павлову, — зажги-ка осторожно крайнюю избу да пусти для острастки гранатами вдоль улицы... Пусть поймут, что от них одного хотят, чтоб поскорей отсюда убирались!

Расчет оказался правильным. Лишь только загорелась первая изба, как французы, ясно представив, что ожидает их, если обстрел брандкугелями будет продолжаться, зашевелились, стали выстраиваться, готовясь к отступлению.

Заметив это движение противника, Левушка подскакал к Денису.

— Разреши, я их опрокину...

— Голову себе и мне сломать хочешь? — посмотрев сердито на брата, произнес Денис. — Я того и жду, чтоб они сами ушли...

— Дорога впереди лесистая, можем упустить...

— Не беспокойся! Им больше некуда идти, как на Эсмоны, а там мы сумеем предупредить...

Дав возможность неприятельской колонне выбраться в поле, захватив в Белыничах госпитали и склады, партизаны, не задерживаясь, направились следом за противником. Пушки, выдвинутые вперед, вели стрельбу картечью, причиняли французам большой урон. Однако колонна их держалась стойко, медленно продвигаясь по дороге к Эсмонам.

Денис приказал Бекетову скрытно, стороной, пробраться к этому селу с казачьей сотней, разобрать мост на реке и укрыться близ переправы. Одновременно он поручил Левушке и находившемуся в его сотне уряднику Крючкову устроить другую засаду в лесу, немного ближе Эсмон. Сам же с остальной кавалерией продолжал следовать по пятам противника, превосходящего численностью в три-четыре раза.

Начальнику французской колонны, очевидно, надоели беспрерывные наскоки партизан, и он решил

дать бой, развернув в цепь большую половину своих войск.

Левушка с донцами находился поблизости. Увидев неприятельских застрельщиков, он лихо ударил на них с тыла. Донцы, перерезав цепь противника, захватили в плен подполковника, двух офицеров и сотню рядовых.

Среди французов произошло замешательство. Партизаны снова налетели на них. Но все же окончательно разбить колонну не удалось. Смыкаясь и отстреливаясь, она продолжала свой путь.

Залюбовавшись отважными действиями брата, Денис не спускал с него глаз. И вдруг заметил, как Левушка, в полуверсте от него преследовавший с казаками расстроенных улан, странно взмахнул руками, затем исчез из виду. «Убит!» — промелькнула в голове страшная догадка. Не помня себя, Денис пришпорил коня и помчался к тому месту, где видел брата.

Левушка лежал на казацкой шинели. Он был в бессознательном состоянии. Несколько спешенных казаков молчаливо стояли вокруг, Иван Данилович Крючков склонился над Левушкой и, разрезав окровавленную рубашку, бережно перевязывал глубокую рану на груди.

Опустившись на колени, Денис пристально вглядывался в изменившееся до неузнаваемости смертельно-бледное лицо брата и еле удерживался от рыданий.

— Ничего, ваше высокоблагородие, жив будет, — тихо произнес Крючков. — Пуля, слава богу, наскрозь прошла...

— Надо немедленно отправить в Белыничи, в госпиталь, — отозвался Денис. — Распорядись побыстрей носилки сделать, Данилыч...

— Я уж и сам так сообразил, ваше высокоблагородие. Послал ребят в лесок, сейчас готовы будут...

А бой с отступающим противником продолжался. Денис знал, что его присутствие там необходимо. Прискорбно было оставлять на поле битвы брата, да нельзя иначе. Чувство долга пересиливало все остальное.

Поручив Левушку заботам Ивана Даниловича,

наказав найти в Белыничах среди пленных лекарей опытного хирурга, Денис поскакал к своему отряду.

Развязка дорого стоившего боя наступила скоро. Бекетов отлично выполнил приказ. Как только французы показались у разобранной переправы, спешенные казаки, укрытые в зарослях ивняка, встретили их ружейными залпами. И в ту же минуту на растерявшегося от неожиданности противника обрушилась вся кавалерия Дениса.

Колонна почти полностью была уничтожена. Спастись вплавь через реку удалось немногим.

Побывав ночью в Белыничах, выяснив, что тяжелая рана Левушки не внушает опасения за его жизнь, Денис распорядился об отправке брата в тыл и, простившись с ним, отправился в дальнейший путь.

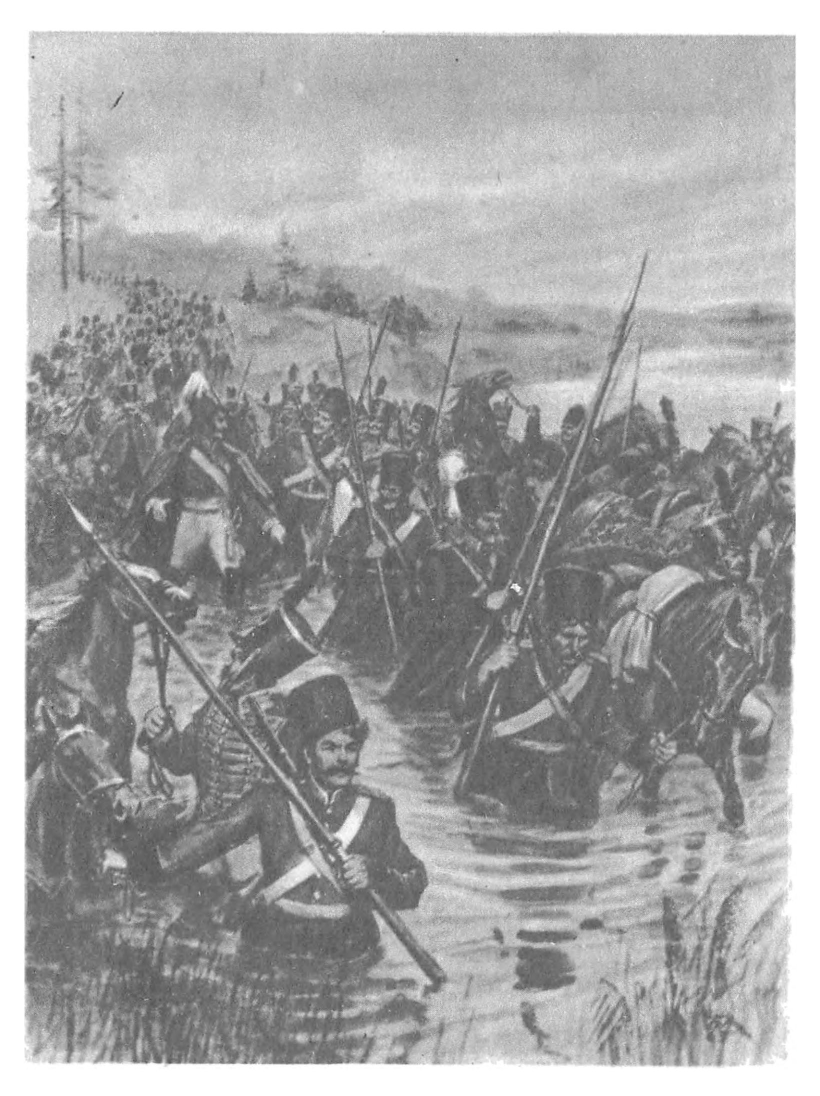
Партизаны приближались к лесистым берегам Березины, где в то время разыгрывался один из самых драматических эпизодов кампании.

...Кутузов стремился осуществить собственный план полного окружения и истребления наполеоновской армии в районе между Оршей и Борисовом. Для этой цели по его приказу с юга стягивалась к Березине пятидесятитысячная Молдавская армия под начальством адмирала Чичагова, а с севера наступали войска генерала Витгенштейна. Соединившись, они должны были преградить дальнейший путь отступления неприятелю.

Дальновидность Кутузова была поразительна. Еще 23 октября, когда французы находились в Вязьме и Наполеон предполагал зимовать в Смоленске, Кутузов знал, что это намерение не осуществится, и тогда же, точно определив дальнейший маршрут противника, стал принимать меры к тому, чтобы войска Чичагова не опоздали прийти к Борисову. Именно в тот день Кутузов писал адмиралу:

«Сколь бы полезно было, если бы ваше высокопревосходительство как можно поспешнее, оставя обсервационный корпус против австрийских войск, с другою частию обратились в направлении через Минск на Борисов».

В другом письме к адмиралу, указывая, что не-

К стр. 341

приятель держит путь на Вильно через Борисов, Зембин, Плещаницы и Вилейку, фельдмаршал предлагал немедленно занять «дефилею при Зембине, в коей удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля».

Своевременно обо всем был уведомлен и генерал Витгенштейн, которому Кутузов писал, что «одна и главнейшая цель наших действий есть истребление врага до последней черты возможности»[35].

Однако Чичагов и Витгенштейн оказались ненадежными исполнителями дальновидных предначертаний главнокомандующего. Зная о неприязни к нему императора Александра, они дельные советы Кутузова пропускали мимо ушей, предпочитали сноситься с самим царем, дававшим путаные и глупые указания.

Витгенштейн, недружелюбно настроенный к Чичагову, не желал ему подчиниться и не спешил на соединение с ним. Не выполнив ни одного из кутузовских указаний, Чичагов растянул свои войска и был введен в заблуждение Наполеоном, отвлекшим внимание адмирала подготовкой ложной переправы ниже Борисова. Чичагов направился туда, в то время как французские саперы под начальством генерала Эблэ строили мосты у деревни Студянки, выше Борисова.

14 ноября, под прикрытием установленной на берегу сорокапушечной батареи, французская армия во главе с Наполеоном начала переправляться через реку Березину. Оттеснив слабые русские кавалерийские отряды, маршал Удино поспешил занять зембинское дефиле. Когда войска Чичагова и Витгенштейна подошли к Студянке, Наполеон со старой гвардией был уже в Плещаницах.

Но всей неприятельской армии все-таки перейти на тот берег не удалось. На переправе французы потеряли около сорока тысяч человек, всю тяжелую артиллерию и обозы.

Тем не менее весть о том, что Наполеону удалось ускользнуть, произвела большой переполох в главной квартире русской армии. Отыскивая причины и предугадывая последствия, штабные господа раздували это событие до размеров огромного общенародного

несчастья. Злорадствуя, враги фельдмаршала обвиняли во всем одного его.

Сам же Кутузов, отлично знавший, кто является истинным виновником неудачного исполнения его замыслов, наружно ничем своего огорчения не выдавал [36].

Кутузов не первый год знал Чичагова. Этот адмирал, не менее Беннигсена пристрастный ко всему английскому, был неплохим царедворцем, но военного дарования никогда не обнаруживал. Будучи морским министром, он прославился лишь тем, что уничтожил часть Балтийского флота, лишил из зависти заслуженной награды адмирала Сенявина, одного из лучших русских флотоводцев, и изменил покрой морского мундира.

Заменив Кутузова на посту главнокомандующего Молдавской армии, Чичагов прежде всего занялся собиранием сплетен о мнимых злоупотреблениях своего предшественника. Конечно, из этой затеи ничего не вышло, но императору Александру, которому доставляла удовольствие любая сплетня о Кутузове, адмирал угодил.

Просвещенный англоман и поклонник шпицрутенов, Чичагов совершенно терялся при столкновении с неприятельскими войсками и обычно в таких случаях поручал командование начальнику своего штаба.

Что же мог сделать фельдмаршал, чтобы избавиться от Чичагова, назначенного на должность лично императором? В Петербурге, перед отправлением в армию, Кутузов попробовал осторожно намекнуть Александру, что желательно иметь более способного командующего молдавскими войсками. Александр не подумал изменить своего решения. Не утерпев, он подло и обидно кольнул:

— Вы напрасно, Михайла Илларионович, поддаетесь чувству личной неприязни к адмиралу. Сейчас не время для того.

— Я имею в виду лишь пользу отечества, государь, — едва сдерживая негодование, ответил Кутузов. — Одно это заставляет меня говорить вашему величеству не всегда угодное.

— Хорошо, хорошо, — поспешил сгладить разговор император, — я приму во внимание ваше замечание...

Теперь, когда адмирал, постоянно советовавшийся с царем, допустил непростительный промах, все «шишки» посыпались на седую голову фельдмаршала. Оставаясь среди близких людей, Кутузов давал волю гневным словам, резко осуждал лицемерного царя и его бездарных любимцев. Но какой смысл для него имели теперь бесцельные споры о том, почему не удалось при Березине захватить Наполеона? И стоило ли унижать свое достоинство тем, чтобы отвергать вздорные обвинения, возводимые на него враждебной партией штабных господ, в первую очередь сэром Робертом Вильсоном, которого выводит из себя спокойное, кажущееся безразличным, отношение фельдмаршала к березинской истории.

Разговор с английским агентом был вежливым, дипломатичным и острым.

— Я бы желал, ваша светлость, осведомить мое правительство о причинах несчастья, постигшего нас при березинской переправе, — сказал Вильсон, — но я лишен возможности это сделать, не зная мнения на этот счет вашей светлости...

— Не понимаю, о каком несчастье вы говорите? — невозмутимо произнес Кутузов. — Мне известно, что при переходе через Березину доблестные русские войска совершенно поразили неприятельскую армию, коя вынуждена далее спасаться бегством...

— Однако при этом общий наш враг и злодей Бонапарт счастливо избежал и гибели и пленения.

— Ах, вот что! А я, простите великодушно, никак в толк не возьму слов ваших...

— Меня интересуют истинные причины, способствовавшие спасению Бонапарта, — начиная выказывать раздражение, заметил Вильсон.

— Да какие же причины? — пожал плечами Кутузов. — Мне, признаюсь, и этот вопрос неясен. Почему же вы полагали, будто мы должны непременно поймать Бонапарта?

— При Березине представлялся к тому превосходный случай, ваша светлость...

— Случай! — повторил Кутузов. — Вполне согласен с вами, сэр, что иначе и определить невозможно такое дело, как пленение предводителя неприятельской армии... Но не кажется ли вам, милостивый государь мой, что англичане, например, находясь в близком соседстве с Францией и долгие годы воюя с Бонапартом, имели более, чем мы, случаев к тому, чтоб захватить его?

— Я вижу, что вы не желаете удостоить меня ответом на прямой вопрос, — выходя из себя, сказал Вильсон. — При таких обстоятельствах мне позволительно думать, что скорейшее спасение всего света от ига Бонапарта, эта благородная цель наших союзных держав, не находит сочувствия у вашей светлости.

— Я могу, сэр, повторить то, что не раз говорил, — с прежним хладнокровием ответил Кутузов. — Моя цель, как и цель народа русского, видеть свое отечество свободным от какого бы то ни было неприятеля... Что же касается спасения «всего света», — фельдмаршал передохнул и чуть-чуть усмехнулся, — я не склонен полагать, чтоб англичане, прибегающие к инквизиционным мерам в своих колониях, столь пеклись о его благоденствии. Скорей можно предположить другое. Могущество Бонапарта лишает англичан многих преимуществ и выгод, а блокада, устроенная им, сильно уменьшает английские прибыли. А посему мне тоже позволительно думать, сэр, что ваша истинная цель несколько отлична от той, коя вами постоянно указывается...

Стрела, пущенная Кутузовым, угодила не в бровь, а в глаз. Вильсон, как на иголках сидевший в кресле, вскочил. Холодные серые глаза его не скрывали озлобления. Мускулы на каменном лице непривычно подергивались. Он еле сдерживался от бешенства.

— Прошу извинить, что осмелился вас побеспокоить, — сказал он, — мне остается теперь обратиться за некоторыми разъяснениями к русскому императору...

Кутузов, кряхтя, приподнялся, улыбнулся:

— И отлично сделаете! Ежели вздумаете проехать в столицу, лошади и достаточный конвой, приличный вашему званию, всегда к вашим услугам, сэр...

XVII

Слух о березинской переправе Наполеона, дойдя до партизанского отряда Дениса Давыдова, находившегося близ Козлова Берега, вызвал, как всюду, оживленные разговоры. Но никто из офицеров осуждать фельдмаршала не подумал. Всем было ясно, что вина лежит на Чичагове и Витгенштейне.

Надо сказать, что мысль о том, как бы «поймать Бонапарта», волновала многих. Об этом мечтал в свое время Кульнев. Об этом втайне думали почти все начальники партизанских отрядов. И Денису, хотя он никому об этом не говорил, тоже не чужда была такая мысль. Но, столкнувшись со старой французской гвардией, отступавшей в полном боевом порядке, он убедился, что если даже удастся окружить и уничтожить французов, то Бонапарт все равно найдет возможность избежать пленения. На пленение можно рассчитывать лишь как на чистую случайность. Вот почему известие о березинской переправе Дениса особенно не смутило. «Кому бы не хотелось, чтоб берега Березины содеялись гробницей всей наполеоновской армады и он сам стал нашим пленником, — размышлял Денис, — однако ж, вправе ли мы, русские, изгнавшие из недр отечества полчища величайшего завоевателя, роптать на провидение, что не исполнилось одно из наших желаний?»

Более существенным было другое. В связи с происшедшим событием маршрут отряда изменился, необходимо было немедленно уточнить его.

Услышав, что фельдмаршал прибыл в Шеверницы, находившиеся верстах в пятнадцати от Козлова Берега, Денис, оставив отряд на марше к Борисову, поскакал в главную квартиру.

Изба, занимаемая Кутузовым, стояла в центре деревни, была окружена деревянным забором. Вход, возле которого, как обычно, толпились штабные господа, был устроен со двора.

Подойдя к крыльцу, Денис, сам того не ожидая, опять столкнулся с сэром Робертом Вильсоном.

После недавнего разговора с фельдмаршалом английский агент, несколько остыв, тщетно пытался вновь к нему проникнуть. Отговариваясь занятостью, Кутузов неизменно отказывал в приеме. Войти же без позволения Вильсон не осмеливался.

И теперь, бродя по двору с вечной сигарой в зубах и деланной улыбкой на лице, он был в неважном настроении.

— Вы, кажется, чего-то ожидаете здесь, сэр? — вежливо с ним поздоровавшись, осведомился Денис.

— Вы угадали, любезный друг, — ответил Вильсон, беря Дениса под руку и отводя в сторону. — Жду известия о решительном направлении армии после того несчастья, которое я давно предвидел и которое не может не терзать каждое истинно английское и русское сердце...

— Извините сэр, — понимая, что дело идет о березинской переправе, сказал Денис, — я слышал, будто вина за это падает на адмирала Чичагова...

— Ах, милый друг! Я не имею ни малейших оснований обвинять адмирала, он делал то, что ему было приказано, — отозвался Вильсон. — Но если б светлейший не был так упрям и прислушивался к моим увещаниям и разумным советам других лиц, Бонапарт был бы теперь вне всякой сферы зловредного влияния на сем свете...

Денису эта самоуверенная фраза показалась оскорбительной. Не зная еще всех подробностей дела, он твердо был убежден, что Кутузов сделал все от него зависящее, чтобы помешать переправе Наполеона. Даже если бы все было и иначе, какое право имеет этот надменный англичанин вечно совать нос куда не надо и критиковать действия главнокомандующего русских войск? Денису сразу припомнился происшедший пять лет назад разговор между Раевским и этим сэром. «Мало тебе одного урока, — мелькнула мысль, — хорошо же, получишь сейчас другой».

— Как! — отступая шаг назад, воскликнул он. —

Вы считаете, что фельдмаршал, коего наш народ и войско называют спасителем отечества, обязан слушать какие-то советы каких-то лиц?

— Позвольте, любезный друг, возразить вам, что разумные советы...

— Советы Кутузову! — чувствуя, как гнев еще более распаляет его, перебил Денис. — Да знаете ли вы, кто такой Кутузов? Если б вы, прежде чем в чем бы то ни было упрекать фельдмаршала, взяли на себя труд раскрыть книгу жизни этого полководца, то увидели бы, что служба его отечеству продолжается непрерывно свыше пятидесяти лет; что две пули, прошедшие в разные времена сквозь могучую голову полководца, нимало не ослабили высоких его умственных способностей; что он, независимо от многих блистательных подвигов, совершенных им, командовал крайней колонною левого фланга в Измаильском приступе, заслужив известный отзыв Суворова: «Кутузов был на моем левом крыле, но был моей правой рукою». Знаете ли вы, — запальчиво продолжал Денис, — что этот самый Кутузов, истребив на Дунае турецкую армию, вооружением коей занимались не только французы, но и англичане, заключил славный мир, столь способствующий ныне изгнанию от нас всей ополченной Европы с ее доселе непобедимым полководцем...

— А вы почему так горячитесь, полковник? — сердито и беспокойно оглядываясь по сторонам, сказал Вильсон. — Разве я оспариваю достоинства фельдмаршала?

— Вы не смогли бы этого сделать при всем желании, сэр, — продолжал Денис, — ибо Кутузов сохранил во всем блеске честь русского оружия, тогда как честь оружия союзников наших сокрушалась о гранитные колонны, предводительствуемые Наполеоном, а их армии были рассеяны! Простите, сэр, мою солдатскую откровенность... Но я потерял бы уважение к себе, если б не сделал этих замечаний о полководце, глубокими соображениями которого спасено мое отечество и чье имя для нас, русских, драгоценно и священно...[37]

С этими словами, не дожидаясь ответа, Денис отвесил поклон недоумевающему англичанину и направился к дверям избы.

...Кутузов, как и прошлый раз, принял его словно сына. Усадил рядом с собой, подробно расспросил о делах при Копысе и Белыничах. При этом не удержался от шутки, вспомнив о ранее слышанной истории с мнимым мэром Поповым:

— Как у тебя духа стало пугать его? У него такая хорошенькая жена!

Осмелев от ласкового обращения фельдмаршала, Денис высказался откровенно:

— Полагаю, у могилевского архиерея еще более жен, которые, может быть, красивее жены Попова, но я желал бы, чтоб сия неоценимая особа попалась мне в руки, я бы с нею рассчитался по-приятельски...

— За что же ты так на пастыря духовного рассердился? — спросил Кутузов.

— За присягу французам, к коей он приводил могилевских жителей, и за поминание в церквах Наполеона...

— Да что ты? — удивился, покачав головой, Кутузов. — Прямо и верить не хочется... Экая ведь пакость!

— Чтоб в этом удостовериться, — продолжал Денис, — прикажите нарядить следствие. Ваша светлость, не награждайте почестями истинных сынов России, ибо какая награда может сравниться со спокойной совестью после исполнения своего долга, но щадить изменников столь же опасно и вредно, как истреблять карантины в чумное время.

И Денис тут же передал фельдмаршалу список могилевских дворян и чиновников, присягавших и помогавших неприятелю.

Прочитав его, Кутузов тяжело вздохнул:

— Видно, верно в пословице говорится, что в одно перо и птица не родится... Согласен с тобой, голубчик, щадить негодяев сих нельзя, да придется обождать до поры до времени. Пока неприятеля не изгнали, не стоит оглаской этой народ смущать. А спи-

сочек твой я сам поберегу, со всеми, даст бог, рассчитаемся...[38]

Денис пробыл на этот раз в главной квартире недолго. Получив от Коновницына более верные сведения о переправе на Березине и повеление следовать с отрядом в Ковно, чтобы истребить там все неприятельские запасы, Денис спустя два-три часа после беседы с фельдмаршалом уже находился в дороге, догонял свою партию.

Но до Ковно, как ни спешили туда партизаны, дойти не удалось. 30 ноября, когда отряд, несколько обойдя город Вильно, занятый два дня назад русскими войсками, пришел в Новые Троки, Денис получил предписание снова явиться в главную квартиру к Кутузову, остановившемуся в виленском замке.

«От Новых Трок до села Понари мы следовали весьма покойно, — записал впоследствии в своем дневнике Денис. — У последнего селения, там, где дорога разделяется на две, идущие одна на Новые Троки, другая на Ковно, груды трупов, человеческих и лошадиных, множество повозок, лафетов и палубов едва давали мне возможность следовать по этому пути; множество раненых неприятелей валялось на снегу или, спрятавшись в повозках, ожидало смерти от холода и голода. Путь мой был освещен заревом пылавших двух корчем, в которых горело много несчастных. Сани мои ударялись об головы, руки и ноги замерзших или почти замерзших; это продолжалось во все время движения нашего от Понарей до Вильно. Сердце мое разрывалось от стонов, воплей разнородных страдальцев. То был страшный гимн избавления моей родины!

1 декабря явился я к светлейшему. Как главная квартира изменилась! Вместо разоренной деревушки и курной избы, окруженной караульными, выходившими и входившими в нее должностными людьми и проходившими мимо войсками, вместо тесной горницы, куда прямо входили из сеней и где видели мы светлейшего на складных креслах, рассматривавшего планы во время борьбы своей с гением величайшего завоевателя, я увидел улицу и двор, уставленные ве-

ликолепными каретами, колясками и санями. Толпы подобострастных польских вельмож в русских мундирах, множество наших и неприятельских пленных генералов, штаб- и обер-офицеров, из которых многие с костылями, изувеченные, другие же бодрые и веселые, — всё, теснясь, стремилось к крыльцу, в переднюю и в залы человека, за два года перед этим в этом же городе заведовавшего лишь одним гарнизонным полком, несколькими гражданскими чиновниками, а ныне предводительствующего всеми русскими силами и спасителя своего отечества! Когда я вошел, одежда моя обратила на меня всеобщее внимание. Среди облитых золотом генералов, красиво одетых офицеров и литовских граждан я явился в черном чекмене, красных шароварах, с круглой курчавой бородой и черкесской шапкой. Поляки шепотом расспрашивали обо мне; некоторые из них отвечали: «Партизан Давыдов»; самолюбие мое было живо затронуто, когда я услыхал несколько прилагательных, обративших внимание этой толпы. Через две минуты я был позван в кабинет светлейшего, который сказал мне, что граф Ожаровский идет на Лиду, австрийцы прикрывают Гродно и что он весьма доволен мирным поведением Ожаровского относительно их; желая совершенно изгнать неприятеля из пределов России, он посылает меня прямо в Гродно для занятия этого города и очищения окрестностей его от неприятеля; он при этом приказал действовать более дружелюбными переговорами, чем оружием».

XVIII

Никогда еще неприязнь императора Александра к Кутузову не достигала, кажется, такой степени, как морозным вечером 11 декабря, когда он, сидя в санях с Аракчеевым и Волконским, приближался к Вильно.

Вся эта война, ныне победоносно завершаемая, доставила ему, императору, столько унижений и оскорблений, что он, лишь пересиливая себя, мог с улыбкой принимать поздравления по случаю изгнания неприятеля.

Александр с детства мечтал о лаврах полководца. Аустерлиц, где впервые так ярко обнаружилась его бездарность, несколько поколебал, но не убил стремления к военной деятельности. «Я был молод, неопытен, Кутузов должен был удержать меня от сражения», — оправдывая себя, говорил император приближенным, хотя сам отлично сознавал, что Кутузов, фактически отстраненный им от командования, никак «удержать» его не мог.

Но вот началась эта война. И все планы императора, подсказанные Пфулем, снова оказались никуда не годными. Теперь уже было трудней найти себе оправдание. Сестра Екатерина Павловна, не щадя его самолюбия, первой в откровенном письме высказала то, о чем думали многие. «Ради бога, — писала она брату, — не берите командования на себя, потому что необходимо без потери времени иметь вождя, к которому войско питало бы доверие, а в этом отношении вы не можете внушить никакого доверия». Вслед за этим близкие люди вежливо посоветовали ему покинуть армию.

Молча проглотив обиду, Александр последовал этим советам. Войска Наполеона быстро продвигались вперед, создавалось угрожающее положение. Дальнейшее вмешательство царя в военные дела могло окончиться катастрофой.

Александр уехал в Петербург и, опять-таки вопреки своему желанию, вынужден был назначить главнокомандующим Кутузова.

Разобраться в сложившихся обстоятельствах и тем более понять дальновидность кутузовских замыслов император был не в состоянии. Сидя во дворце, он всецело поддерживал сэра Роберта Вильсона и Беннигсена, требуя от фельдмаршала решительных сражений и заявляя всем, что «скорее отрастит себе бороду и уйдет в Сибирь», чем заключит мир с Наполеоном. Такая «твердость» Александра объяснялась просто. Он хорошо понимал, что дворянство, проявившее столь резкое недовольство Тильзитским миром, никогда не простило бы ему нового соглашения с Францией; он

был бы убит, как его отец, на что и намекал проницательный Наполеон в беседе с Коленкуром.

Один животный страх за свою жизнь, а не твердость характера и интересы отечества, управлял действиями императора, вызывая у него ежедневные припадки раздражения против кажущейся «бездеятельности» Кутузова.

Блестящие маневры фельдмаршала, забота его о пополнении армии, попечение о солдатах, широкое применение суворовских методов, «малая война» и поощрение народного партизанского движения — все эти действия были глубоко чужды тупому приверженцу прусской военной системы, каким продолжал оставаться Александр.

Доверяя более доносам Беннигсена и Вильсона, чем рапортам главнокомандующего, он, как все бездарные люди, завистливые неудачники, замечал в действиях Кутузова лишь одни «упущения». Оставление Москвы казалось совершенно неоправданным, движение на Калужскую дорогу бессмысленным, переход Наполеона через Березину — злым умыслом фельдмаршала. Все делалось не так, как желал император!

Последнее сообщение сэра Вильсона о том, что фельдмаршал отказывается «спасать Европу» и нарочно медлит с преследованием неприятеля, окончательно вывело из себя Александра. Будь его воля, он, не колеблясь ни минуты, отстранил бы от командования непокорного и ненавистного фельдмаршала. Но воля была скована трезвыми соображениями о необычайной популярности этого человека, называемого всеми спасителем отечества. Приходилось скрывать свои чувства, на виду у всех лгать, лицемерить, писать главнокомандующему любезные письма, награждать его. И, может быть, именно потому, что обстоятельства опять заставляли поступать не так, как хотелось, он испытывал с такой остротой озлобление против Кутузова теперь, подъезжая к горевшему яркими огнями виленскому замку.

Кутузов в парадном мундире и при всех регалиях, ожидавший государя в одной из комнат нижнего этажа, отлично понимал его настроение. Кутузов знал,

что ничего хорошего приезд царя не обещает, но обычного своего спокойствия не терял. Ведь Бонапарт, этот величайший завоеватель, позорно бежал из России, оставив на произвол судьбы свою армию. жалкие остатки коей перебираются ныне через Неман. Россия спасена! Доверие народа и войска оправдано! Все остальное по сравнению с этим представлялось не столь важным.

Когда Коновницын доложил, что тройка государя приближается, фельдмаршал неторопливо, с привычным кряхтением, поднялся и, взяв в руки приготовленный рапорт, усталой походкой, словно нехотя, стал спускаться со ступенек крыльца.

— Как я рад свиданию с вами, Михаил Илларионович, — с улыбкой, приятным голосом произнес царь, выходя из саней и раскрывая объятия. — Мне так не терпелось изъявить вам лично, сколь новые заслуги, оказанные вами отечеству, усилили во мне уважение, которое я неизменно к вам питал!

Кутузов по-стариковски хлюпнул носом. Это должно было означать, как сильно он растроган. Затем молча почтительно наклонил голову. Приятные улыбки и поцелуи двуличного царя никогда его не обманывали.

Поздоровавшись с офицерами и гвардейским караулом, Александр снова взял пухлую руку фельдмаршала и, пожимая ее, добавил:

— Благодарю, еще раз благодарю за бессмертные подвиги ваши. Я навсегда сохраню в своем сердце глубочайшую мою признательность к вам!

И, продолжая расточать любезности, слегка поддерживая фельдмаршала под локоть, проследовал с ним в замок.

Находившийся в толпе придворных сэр Роберт Вильсон, хотя и знал о лицемерии царя, увидев его необыкновенную благосклонность к фельдмаршалу, обеспокоился не на шутку. Кто знает, не сумеет ли Кутузов, пользуясь столь милостивым вниманием государя, повредить английским интересам?

Однако на следующий день, приняв английского агента, Александр поспешил его успокоить.

— Я знаю, фельдмаршал не сделал ничего, что должен был сделать, — заявил он, не скрывая своего раздражения. — Все его успехи были навязаны ему. Он разыграл некоторые из своих прежних турецких штучек, но... московское дворянство поддерживает его и настаивает на том, что он первенствует в национальной славе этой войны. Поэтому я должен через полчаса, — Александр поморщился, — дать этому человеку орден Георгия первой степени... Но у меня нет выбора, — продолжал он со злобной ноткой в голосе, — я должен подчиниться повелительной необходимости... Во всяком случае, могу вас заверить, я уже не покину вновь мою армию и потому не будет дано возможности к продолжению дурного управления фельдмаршала... [39]

Сэр Роберт Вильсон смотрел на царя благодарными глазами. Английские интересы находились под надежной защитой.

...Прошло несколько дней. Кутузов оставался главнокомандующим, но та власть, которой он пользовался до сих пор, постепенно у него отбиралась. Штаб по распоряжению царя переформировывался. Наиболее важные посты получали угодные ему люди. Передвижения войск, перемещения командиров, награждения отличившихся — все стало проходить через руки императора.

Ссылаясь на недомогание, Кутузов все чаще уклонялся от свиданий с ним. Противно было слушать невежественные рассуждения и поучения, видеть, как опять заводятся в войсках старые порядки в прусском духе.

Получив рапорт Дениса Давыдова о занятии его отрядом города Гродно, фельдмаршал вызвал остававшегося еще при нем Коновницына и, передавая рапорт, сказал:

— Пойди сам к государю, голубчик, доложи ему. Гродно, слава богу, в наших руках. Молодец Давыдов, огромные провиантские склады там захватил и шестьсот шестьдесят пленных взял... [40] Да похлопочи, чтобы без награды он оставлен не был...

— Разрешите напомнить, ваша светлость, мы уже

дважды полковника Давыдова к награждению представляли.

— Знаю, знаю, — перебил Кутузов, — причины-то молчания ясны. Не могут никак старых грешков его забыть. Да, сам посуди, справедливо ли большие заслуги, оказанные отечеству Давыдовым, забвению предавать? Партизанские опыты его не токмо в сей войне, но и в будущих примером для многих послужат.

— Какое же награждение, по мнению вашей светлости, надлежит испрашивать? — спросил Коновницын.

— Полагаю, Давыдов заслужил не менее как орден Георгия третьего класса и чин генеральский, — ответил Кутузов и, тяжело вздохнув, добавил: — Впрочем, мнение мое высказывать воздержись, голубчик... Потому и не могу сам за это взяться, что нынче мнению моему все наперекор делается... А тебе случай удобный представляется о награждении Давыдова просить при подаче рапорта его... Последний большой город на границе от неприятеля очищен!

Коновницын принадлежал к числу тех скромных и умных генералов, которые считали великой честью для себя служить под непосредственным начальством Кутузова, пользовались его полным доверием, разделяли его взгляды, были до конца ему преданы. Коновницын, хорошо осведомленный обо всем, что знали немногие, с доводами фельдмаршала согласился. И немедленно отправился к императору, понимая, что ходатайствовать о награждении Дениса Давыдова надо с большой осторожностью.

Александр, только что возвратившийся с бала, находился в приподнятом настроении. Изобилие почтительности, подобострастные, льстивые улыбки и оголенные женские плечи до сих пор кружили голову. Он сидел в глубоком кресле у камина. Коновницына принял весьма благодушно.

— Вы с чем ко мне, Петр Петрович? Надеюсь, не с дурными вестями?

— Напротив, государь... Получено известие о взятии Гродно...

Не зная, что Кутузов направил к Гродно отряд Давыдова, Александр распорядился недавно, без согласия главнокомандующего, послать туда же одну из кавалерийских частей под начальством своего любимца генерал-адъютанта барона Корфа. И, полагая, что город взят этим генералом, поднявшись с кресла, воскликнул:

— Ах, как вы меня порадовали! Я всегда был уверен в решительности Корфа... Он еще в прошлом году так славно отличился на маневрах! И с какой быстротой все сделал! Превосходно. Я дам ему орден Георгия второго класса... Гродно этого стоит!

— Осмелюсь заметить, ваше величество, — подавая рапорт и несколько смущаясь, произнес Коновницын, — город занят кавалерийским отрядом полковника Давыдова...

Император от неожиданности совершенно растерялся:

— Что? Каким Давыдовым? А где же Корф?

Затем, поднеся рапорт к близоруким глазам, прочитал несколько строк и, взглянув на подпись, сказал с раздражением:

— Я не понимаю фельдмаршала... Как можно было поручать такое дело простому офицеру, ничем особенным себя не проявившему? И потом... я слышал, будто этот Давыдов, именующий себя партизаном, бог знает как ведет себя.. Отпустил бороду, обрядился в мужицкий кафтан... Какая распущенность! Какое канальство!

— Простите, государь, полковник Давыдов при самых труднейших условиях два месяца находился в тылу неприятельском, — твердо сказал Коновницын, — показал необыкновенную ревность при истреблении войск и транспортов противника...

— Так что же? Офицер российской армии при всех условиях должен прежде всего соблюдать уставы!

— Вполне согласен с вами, государь... Но позвольте вместе с тем взять на себя смелость обратить внимание вашего величества и на то обстоятельство, что полковник Давыдов находчивостью и отвагой своей содействовал капитуляции корпуса генерала Ожеро,

а также отличился в боях при Копысе, Белыничах и во многих других местах. Боевые заслуги полковника Давыдова слишком всем известны, оставление его без награждения может показаться странным...

Александр задумался. Как бы там ни было, а заслуги Давыдова в самом деле столь очевидны, что скрыть этого нельзя. Оставь без награды — и пойдут всякие неприятные толки, нарекания... Приходилось поступать опять вопреки желанию.

— Хорошо, — сказал сердитым тоном царь. — Если вы так настаиваете, я согласен дать ему за указанные вами сражения Георгия четвертого класса... А за Гродно достаточно и Владимира третьей. Да записать в формуляр, за что ордена пожалованы, дабы не думал, будто я ценю все его действия и затеи...

— Слушаюсь, государь, — отозвался Коновницын. — Я бы просил еще милостивого вашего дозволения и о производстве в следующий чин...

— Все, что мог, я сделал, генерал! — резко ответил царь. — Прикажите одновременно самостоятельные действия отряда Давыдова и всех других так называемых партизанских отрядов прекратить... Давыдова я назначаю в авангардные войска под команду барона Винценгероде... Надеюсь, — не скрывая своей неприязни, заключил он, — барон приучит его к порядку и дисциплине!

...Партизанская деятельность Дениса Давыдова со взятием Гродно закончилась. Получив краткое сообщение Коновницына о наградах, а вслед за тем приказ о новом назначении, Денис, достаточно осведомленный о том, что творилось в главной квартире, верно определил отношение царя к себе.

Ему нетрудно было догадаться, что радовавший его, высоко ценимый георгиевский крест, в котором отказали за финскую кампанию, несмотря на представление покойного Багратиона, выдан теперь лишь потому, что иначе уж очень наглядно обнаружилась бы личная неприязнь и несправедливость царя.

Это соображение доставило большое внутреннее удовлетворение Денису. Он получил этот крест не в обычном порядке, а преодолев все преграды, вы-

рвал его из рук императора! Он имел право гордиться своими заслугами, которые принуждали признавать их даже враждебно настроенных к нему людей!

Но, с другой стороны, мизерность награды по сравнению с заслугами несколько задевала честолюбие. Два креста последних степеней — ничего более! Да еще с записью в формуляр, что пожалованы за Ляхово, Копыс, Белыничи и Гродно... Ни звука о партизанской деятельности, словно ее никогда и не существовало![41] А многие сверстники, пребывавшие всю войну в штабах и резервных частях, давно обогнали его в чинах и украсились орденами куда солидней. Даже Дибич, женившийся на племяннице Барклая, был уже генералом.

Денису невольно припомнилась некогда рассказанная Ермоловым история дошедшего до нищеты храброго майора Кузьмина, не имевшего протекции у сильных мира сего... «Да, нелегко служить без протекции, — думал Денис, — а каково служить, когда тебя всюду преследует царская неприязнь?»

И будущая военная деятельность, особенно под начальством барона Винценгероде, тупого и злого австрийца, одного из виновников Аустерлицкого поражения, представлялась не в розовом свете.

Однако все эти грустные размышления о личных делах быстро улетучивались, как только приходили в голову мысли об огромных исторических событиях, совершившихся на его глазах. Денис предчувствовал, что пройдут годы, и чужеземные историки, везде и всюду клеветавшие на русский народ и войско, постараются объяснить причины поражения наполеоновской армии стечением всяких обстоятельств и случайностей. И Денис, сам участник этих событий, регулярно производивший записи о них в своем дневнике, готовился уже острым пером отстаивать честь отечества. Нет, не случайности, а необыкновенные качества русского народа и войска погубили армаду величайшего завоевателя! «Какой еще другой народ, — с гордостью думал Денис, — способен так полно раскрыть свою безмерную любовь к отечеству? А кто во всем мире может соперничать в доблести с нашим солдатом?»

Денису, как офицеру суворовской школы, особенно радостно было сознавать, что эта победа, озарившая немеркнущей славой русский народ, одновременно неоспоримо утверждала и мировое преимущество русского суворовского военного искусства.

Хваленые прусские военные доктрины, за которые безнадежно держался царь, на глазах у всех были развеяны гением Наполеона. А суворовская система выдержала все невзгоды и испытания. Воспитанные в суворовском духе войска доказали свою непобедимость. Генералы, следовавшие суворовским заветам, превзошли в искусстве прославленных наполеоновских маршалов. Кутузов, любимый ученик и соратник бессмертного Суворова, продолжавший развивать и углублять его идеи, стал победителем Наполеона.

И когда офицеры, товарищи по славным партизанским делам, среди которых были Храповицкий, и Бедряга, и Митенька Бекетов, собрались отпраздновать награждение Дениса, он, чувствуя наплыв ясных и зрелых мыслей, подняв первый бокал, сказал:

— Да, господа, когда думаешь о том, что Россия одна, своими собственными усилиями, без всякой помощи доброжелателей и союзников, совершила непосильное для всей Европы дело, тогда, не краснея, можно говорить об Аустерлице и Фридланде, о нечестивых иноземных надсмотрщиках, о всех испитых нами горьких каплях, поглощенных широким потоком двенадцатого года; и тогда, подняв с гордостью голову, скажешь себе: я русский! Но, — все более вдохновляясь, с присущей ему страстностью продолжал Денис, — пусть не пытаются наши неприятели утешать себя мыслью, будто усилия, проявленные в этой войне, являются пределом наших возможностей. Нет, господа! Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоило многим завоевателям, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее... Еще Россия не поднималась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь поднимется!

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

В процессе долголетней работы над «Денисом Давыдовым» мною собрано много книжных и архивных материалов, на основе которых и написана историческая хроника.

Разумеется, для автора исторического художественного произведения, где действительные события тесно сплетаются с вымыслом, не обязательно указание всех источников, питавших его творчество. Однако ввиду того, что полная биография Д. В. Давыдова до сих пор не написана, считаю небесполезным дополнить хронику некоторыми примечаниями, в какой-то степени расширяющими характеристику выведенных в ней исторических лиц, а также указать, откуда взяты встречающиеся в тексте малоизвестные цитаты, отдельные подробности.

[1] Имя великого русского полководца А. В. Суворова пользовалось уже тогда большой европейской славой. Назначение Суворова командующим военными силами на юге России произвело огромное впечатление в ряде стран. В январе 1793 года русский резидент писал Суворову из Константинополя: «Слух о бытии вашем на границах сделал и облегчение мне в делах, и великое у Порты впечатление, одно имя ваше есть сильное отражение всем внушениям, кои со стороны зломыслящих на преклонение Порты к враждованию нам делаются» («Русский архив», 1878 г., кн. 2).

[2] У мальчиков имелись и другие учителя, преподававшие арифметику, катехизис, географию, но все же домашнее образование было очень скудным. Впоследствии сам Денис Давыдов писал: «Как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества; учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке» («Автобиография», напечатанная в собрании сочинений Д. В. Давыдова, изданном Е. Евдокимовым. СПБ, 1893 г.).

[3] Встреча с А. В. Суворовым написана по воспоминаниям самого Д. В. Давыдова. Слова полководца и все характерные детали взяты из давыдовского текста (статья «Встреча с великим Суворовым»).

[4] За три года Павел уволил со службы 7 фельдмаршалов (среди них Румянцева, Суворова, Каменского), 333 генерала, 2 260 офицеров. Многие другие поспешили сами выйти в отставку. Общее число уволенных и ушедших из гвардии и армии генералов и офицеров достигало 12 тысяч («Русская старина», 1877 г., статья «Военные деятели 1796—1801 годов»).

[5] Александр Михайлович Каховский, служивший при штабе А. В. Суворова, принадлежал к числу верных учеников и близких людей великого полководца.

Одаренный «умом выше обыкновенного», превосходно образованный, имевший множество друзей среди офицеров, полковник Каховский при вступлении на престол Павла пытался уговорить Суворова «взбунтовать войска и восстать против государя».

Однажды Каховский, явившись к Суворову, сказал ему:

— Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу?

Суворов, услышав такие слова, подпрыгнул и перекрестил Каховского.

— Молчи, молчи, — сказал он, — не могу! Кровь сограждан!

Но Каховский не оставил своих намерений и, «имея план к перемене правления», стал действовать самостоятельно. Ему удалось, главным образом из офицеров воинских частей, расквартированных в Смоленской губернии, создать довольно значительную, едва ли не первую в России, тайную антиправительственную организацию.

В Центральном государственном архиве древних актов хранятся чрезвычайно интересные материалы следствия, произведенного в 1798 году генерал-лейтенантом Ф. И. Линденером по делу «смоленских заговорщиков». Из этого дела (фонд Госархива, разряд VII, № 3251) видно, что «смоленские заговорщики» не ограничивались одной подготовкой убийства всем ненавистного Павла, их цели были значительно шире. Сам генерал Линденер называет заговорщиков «якобинцами» и «приверженцами вольности», свидетельствуя, что на своих собраниях они произносили «вольные или, паче сказать, дерзкие рассуждения о правлении, о налогах, о военной строгости и об образе правления», а также производили «чтение публичное в своей квартире запрещенных книг, как-то Гельвеция, Монтескье, «натуральную систему» и прочие таковые книги, развращающие слабые умы и поселяющие дух вольности, хваля французскую республику, их правление и вольность...» (лист 298).

Тайные группы, создаваемые А. М. Каховским, соблюдали строгую конспирацию. Большинство членов имели условные имена, так, например, Каховский был известен под кличкой «Молчанов», капитан Стрелевский — под кличкой «Катон», Алексей Петрович Ермолов, тоже находившийся среди заговорщиков, звался «Еропкиным» и т. д. Переписка участников тайных групп

зашифровывалась, новые члены принимались после тщательной предварительной проверки.

Как видно из материалов следствия, в тайных группах состояло свыше тридцати человек, однако Линденер не без основания предполагал, что их значительно больше, и только по не зависящим от него обстоятельствам ему не удалось выявить всю тайную организацию «от Калуги до литовской границы и от Орла до Петербурга», как предполагал генерал.

«Смоленские заговорщики» проводили антиправительственную пропаганду не только среди офицеров, но делали попытки обращаться и непосредственно к народу. В одном из своих донесений Линденер сообщает: «Каховский и Замятин, который, конечно, во всем есть подражатель той шайки, едучи по дороге, разговаривали с извозчиком, не иначе как в намерении их возмутить против государя императора, о умножающихся налогах и угнетениях и что при нынешнем правлении будто против прежнего народ отягощен, на что извозчик сей отвечал: «каково вам, дворянам, таково и нам». За сие Каховский, мужика обняв, поцеловал в бороду» (лист 182, оборот).

Император Павел расправился со смоленскими «якобинцами» сурово. А. М. Каховский был лишен чинов, дворянства и навечно заточен в Динамюндскую крепость. Такому же наказанию были подвергнуты другие главари; остальные заговорщики, в том числе Ермолов, были сосланы в разные города на поселение.

Для Василия Денисовича Давыдова это дело, в котором были замешаны два родных племянника, не прошло бесследно. Член тайной организации капитан В. С. Кряжев в своих показаниях сообщил следователю, что Каховский, задумав военное восстание, прежде всего «хотел ехать в Полтаву, где дядя его, Давыдов, стоял с легкоконным полком, и если б он с полком своим не пошел к Суворову, и сам бы принял полк и с ним пошел» (лист 199).

Император Павел, уведомленный об этом показании, конечно, не мог уже оставить В. Д. Давыдова на прежней должности. Именно в этом кроется истинная причина внезапной ревизии и последующего разорения Давыдовых. Более подробно об этом же деле см. статью Т. Г. Снытко «Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века», опубликованную в журнале «Вопросы истории» № 9 за 1952 год. Небольшая разница в цитатах этой статьи с нашими объясняется тем, что, просматривая дело в подлиннике, мы выписывали цитаты или более полно, или более сокращенно.

[6] В конце 1800 года Павел резко изменил свою внешнюю политику и разорвал отношения с Англией, куда русские помещики и купцы продавали в то время хлеб, лес, пеньку и другие сырьевые продукты. «Разрыв с Англией, — писал декабрист М. А. Фонвизин, — нарушая материальное состояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом. Мысль извести Павла каким бы то ни

было способом сделалась почти общею» («Декабристы», т. I, СПБ, 1905 г.).

[7] В. Н. Орлов, много лет работающий над литературным наследством Д. Давыдова, говоря о том, что молодой Давыдов вращался в кругу военно-дворянской фронды и целиком разделял ее интересы, делает нижеследующее разъяснение: «Деспотизм Павла восстановил против него значительную часть кадрового офицерства и гвардейской молодежи. В резко изменившейся обстановке общественно-политического и военного быта люди этого круга, хотя и были зажаты в тиски гатчинского режима, не мирились с абсолютистским произволом Павла и продолжали жить иллюзиями «великого осьмнадцатого столетия» — века дворянского процветания, гвардейских «вольностей» и фаворитизма, упрочившегося в условиях женских царствований. Воодушевленные суворовскими традициями, они открыто враждебно относились к прусской военной системе и ненавидели Павла I как тирана и узурпатора. На почве подобных настроений сложилась военно-дворянская фронда 1790—1800 годов, резервы которой пополнялись по преимуществу из рядов гвардейской молодежи. Никакого революционного значения эта фронда, конечно, не имела. Отражая противоречие интересов, обнаружившееся внутри господствующего помещичьего класса, она знаменовала всего лишь конфликт, возникший между аристократическим дворянством и примыкавшими к нему более широкими дворянскими кругами, с одной стороны, и осуществлявшим невыгодную этим дворянам политику, «самовластительным злодеем» Павлом I, с другой стороны. Переворот, совершенный силами военно-дворянской фронды, не принес ей ожидавшихся ею результатов. В особенно невыгодном положении очутилась гвардейская молодежь, надежды которой на возвращение «златого века» дворянских «вольностей» не осуществились. Едва улеглись первые восторги по поводу устранения Павла, как эта молодежь убедилась, что гатчинский режим (правда, в несколько иных формах) восторжествовал с новой силой... В условиях нового царствования оппозиционные настроения отдельных групп дворянства сохраняли свою актуальность» (вступительная статья В. Н. Орлова к «Стихотворениям Д. Давыдова». Изд-во «Советский писатель», 1950 г.).

[8] Узнав о расстреле герцога Энгиенского, арестованного по приказу Наполеона на территории независимого Баденского герцогства, Александр послал в Париж протест против нарушения международного права. Наполеон ответил, что герцог был замешан в заговоре против его жизни, при этом ядовито намекнул, что он, Наполеон, не стал бы протестовать, если б Александр, хотя бы на чужой территории, арестовал убийц своего отца. Наполеон, конечно, хорошо знал, что Александр сам принимал участие в убийстве отца и не тронул пальцем ни одного из заговорщиков. Понятно, что намек на отцеубийство смертельно оскорбил императора Александра. Но тогда, разумеется, об ответе Наполеона знали лишь немногие.

[9] Среди других портретных характеристик Д. Давыдова, сделанных его современниками, обращает на себя внимание следующая: «Д. В. Давыдов был не хорош собою; но умная, живая физиономия и блестящие выразительные глаза — с первого раза привлекали внимание в его пользу. Голос он имел пискливый, нос необыкновенно мал; росту был среднего, но сложен крепко и на коне, говорят, был как прикован к седлу. Наконец, он был черноволос и с белым клоком на одной стороне лба» (*М. Дмитриев,* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869 г.).

[10] Сильное и благотворное влияние генерала Раевского на Дениса Давыдова совершенно бесспорно, хотя нигде в биографиях его этот факт не отмечен. Д. Давыдов в течение семи лет (1805—1812), то есть когда складывались его общественные взгляды и совершенствовались военные знания, находился в самом тесном общении с Николаем Николаевичем, принадлежавшим, несомненно, к числу наиболее образованных, гуманных и патриотически настроенных генералов. Стоит вспомнить, как высоко ценил его А. С. Пушкин, который писал в 1820 году брату Льву из Крыма: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привлечет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

[11] Разговор Наполеона с Евдокимом Давыдовым впервые был опубликован в «Русском архиве» (1866 г., стр. 916).

[12] Беннигсен ставил задачу: «...овладев течением нижней Вислы, открыть сообщение с Данцигом и освободить от обложения Грауденц», в которых находились немецкие гарнизоны. В распоряжении Беннигсена с резервами было 107 тысяч человек. У наполеона — до 150 тысяч, не включая сюда войск, блокировавших крепости на Висле (*М. Богданович,* История царствования императора Александра I, т. II, СПБ, 1869 г.).

[13] Этот эпизод, приведенный в сокращенном виде, описан Д. Давыдовым в статье «Урок сорванцу».

[14] Д. В. Давыдов в своих воспоминаниях о войне 1807 года и сражении при Прейсиш-Эйлау допускает многие неточности. Так, он считает, что русская армия при Прейсиш-Эйлау имела 80 тысяч человек, тогда как М. Богданович, производивший подсчет по официальным документам, более верно определяет численность русских войск при Прейсиш-Эйлау в 58 тысяч. Со стороны французов в сражении участвовало, по свидетельству французского генерала Дюма, 68 500 человек, а по мнению М. Богда-

новича — до 80 тысяч. Во всяком случае, численное преимущество было у французов. Значительно преувеличены Д. В. Давыдовым и потери наших войск. На самом деле русские потеряли не 37 тысяч, как сообщает Давыдов, а 8 тысяч убитыми и 18 тысяч ранеными. Французы исчисляли свои потери в 18 тысяч человек, но на самом деле у них выбыло из рядов до 25 тысяч. Не потеряв в этом сражении ни пушек, ни знамен, русские взяли у французов пять орлов, несколько орудий и около двух тысяч пленных.

Необходимо отметить и другое. Из воспоминаний Д. В. Давыдова видно, с каким явным негодованием он относился к деятельности Беннигсена и его штаба. Однако, обрабатывая эти воспоминания в то время, когда Беннигсен был жив, и даже пользуясь его личной консультацией, Давыдов кое-где попытался «выгородить» Беннигсена, противореча сам себе. Так, например, утверждая в одной статье, что после сражения французы не могли сделать «малейшего шага вперед», что отступление Беннигсена было вызвано лишь его трусостью (факты, подтверждаемые другими историками), Давыдов в другой статье пишет, что «Беннигсену трудно было после понесенных потерь вновь сразиться с неприятелем». Таким образом, он оправдывал отступление.

Подобных «натяжек», иной раз вызванных и цензурными условиями, в воспоминаниях Д. В. Давыдова немало. Поэтому при работе над исторической хроникой это всегда учитывалось, использовались другие источники, материалы архивов.

Наименования населенных пунктов в воспоминаниях Д. В. Давыдова тоже не всегда точны. В хронике они выверены по официальным реляциям и военным картам того времени.

[15] В императорском рескрипте, сохранившемся в бумагах Д. В. Давыдова, говорится, что он «во все время отступления арьергарда к Гейльсбергу отдаваемые генерал-лейтенантом князем Багратионом приказания доставлял в самые опаснейшие места с точностью и особенною деятельностью и оказал как в сем, так и в сражении при Гейльсберге 29 мая храбрость и примерную неустрашимость, причем получил сильную контузию». За это Д. В. Давыдов был награжден орденом Анны второго класса и получил золотую саблю с надписью: «За храбрость» (*В. Жерве,* Партизан-поэт Д. В. Давыдов. СПБ, 1913 г.).

[16] В своих воспоминаниях о Тильзите подобных «крамольных» мыслей Д. В. Давыдов, разумеется, не высказывает. Но настроен он тогда был, несомненно, так. Академик Е. Тарле по этому поводу делает следующее справедливое замечание: «Денис Давыдов уже по цензурным условиям не мог в своих воспоминаниях передать, как не только он, но и большинство русского офицерства смотрело в тот день на Александра. Но мы и без Давыдова хорошо знаем это из многочисленных позднейших свидетельств. В русских военных кругах на Тильзитский мир сохранился взгляд, как на гораздо более постыдное событие, чем аустерлицкое или фридландское поражение. И в данном случае

позднейшая либеральная дворянская молодежь сошлась в воззрениях с непосредственными участниками этих войн» (*Е. Тарле,* Наполеон. М., Госполитиздат, 1941 г.).

[17] Пользуясь полным доверием Беннигсена, сэр Роберт Вильсон занимался шпионажем почти открыто. «Во время свидания двух императоров в Тильзите он собрал некоторые нужные для английского правительства сведения, для чего даже переодевался казаком; и потом он первый привез из Петербурга в Стокгольм и в Лондон известие о намерении России вторгнуться в Финляндию и разорвать мир с Англией» («Русский вестник», 1862 г., кн. I, «Записки сэра Роберта Вильсона»).

[18] Интересно отметить, что Багратион, проявивший заботу о своих войсках, сумел все же получить на содержание госпиталей два с половиной миллиона и на добавочное жалованье солдатам и офицерам два миллиона рублей. Эта огромная по тому времени сумма значится в росписи государственных расходов за 1811 год (*М. Богданович,* История царствования Александра I, т. III, 1869 г.).

[19] Д. Давыдов, как и в прошлую кампанию, принимал непосредственное участие во всех боевых операциях авангарда. Особенно отличился он в боях под Шумлою, командуя 2-м Уральским казачьим полком. «Атаковав гору с правого фланга, он занял ее спешенными стрелками от всего полка и выгнал неприятеля из деревни. Когда же находившиеся впереди казаки полка Барабанщикова были сбиты, он ударил турок во фланг и сильным ружейным огнем опрокинул их, удержав за собою деревню, весьма важную по своему значению в общем ходе боя. Во время кавалерийской атаки он снова нанес туркам удар с левого фланга и преследовал их до вала крепости, проявив при этом большую храбрость и в особенности — присутствие духа» (*В. Жерве.* Партизан-поэт Д. В. Давыдов. СПБ, 1913 г.).

[20] Д. Давыдов все время поддерживал с «опальным» Раевским самые тесные, дружеские отношения. В середине августа выхлопотав отпуск, Давыдов две недели гостил у Николая Николаевича в Яссах, а потом оттуда опять поехал в Каменку. 23 августа 1810 года Раевский пишет А. Н. Самойлову: «Денис Давыдович очевидец всему, и очевидец не молчаливый, перескажет вам, милостивый государь дядюшка, о наших военных действиях, прошлых и настоящих». А в другом письме, от 31 августа, Раевский сообщает дяде: «Денис Давыдов занемог жабой, но ему теперь легче. Но посему письмо он продержал до сего числа» («Русский вестник», 1898 г., кн. 6, «Письма Раевского»).

[21] Настоящее письмо публикуется по копии с отношения господину военному министру генерала-от-инфантерии князя Багратиона от 26 марта 1812 года, сохранившейся в бумагах

Д. В. Давыдова (Филиал ЦГВИА в Ленинграде, фонд 717, опись 1, дело 1, лист 19).

Любопытно отметить, что впоследствии, поместив письмо в первоначальном варианте «Дневника партизанских действий», сам Д. В. Давыдов зачеркнул в этом письме фразу «и за неимением способов содержать себя в корпусе гвардии по весьма небогатому состоянию». Д. В. Давыдов, очевидно, считал, что эта фраза его компрометирует, хотя она довольно точно характеризовала его материальное положение.

[22] Эта фраза Николая Раевского-младшего, будущего друга А. С. Пушкина, взята нами, как и подлинная выписка из донесения Багратиону, из «Архива Раевских», сборника писем и документов, изданных в 1908 году.

[23] *Арман де Коленкур.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Госполитиздат, 1943 г.

[24] Н. Н. Раевский, с которым Денис Давыдов находился в тесном общении, на биваках близ Несвижа писал 29 июня своему дяде. «Я боюсь прокламаций, чтобы не дал Наполеон вольностей народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств. Матушка и жена, будучи одни, не будут знать, что делать» («Русский вестник», 1898 г., кн. 8, «Письма Раевского»).

[25] *Ф. Н. Глинка,* Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года. Издание 1821 г.

[26] Речь Давыдова, как и следующий разговор с Багратионом, приводятся по записям самого Д. В. Давыдова из «Дневника партизанских действий».

[27] В первоначальном варианте «Дневника партизанских действий», описывая эти первые дни партизанской деятельности, Д. В. Давыдов записал: «Так, полагаю я, начинал Пугачев, но с намерением противоположным». Затем эта фраза была им исправлена на следующую: «Так, полагаю я, начинал Ермак, одаренный высшим против меня дарованием, но сражавшийся для тирана, а не за отечество» (Филиал ЦГВИА, фонд 717, дело 9, лист 9, оборот).

Печатая «Дневник партизанских действий», Д. В. Давыдов по требованию цензуры снял и эту фразу, тем не менее она представляет немалый интерес, как свидетельство об определенной патриотической настроенности поэта-партизана.

[28] В письме к генералу Витгенштейну от 20 сентября 1812 года Кутузов следующим образом определяет свое понимание «малой войны»: «Поелику ныне осеннее время наступает, через то движения большею армией делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую

войну, ибо разделенные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50-ти верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего, вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля» («Фельдмаршал Кутузов», сборник документов и материалов. Госполитиздат, 1947 г).

[29] Руководя непосредственно армейскими партизанскими отрядами, координируя их действия с действиями народных партизанских отрядов, М. И. Кутузов с особым вниманием следил за отрядом Д. В. Давыдова, сообщал ему о движении армии и войсковых частей, выделяемых для поисков в тылу противника, а также своевременно уведомлял о неприятельских транспортах, шедших к Москве по Смоленской дороге.

В бумагах Д. В. Давыдова сохранилось много писем и записок, которые по указанию М. И. Кутузова присылал поэту-партизану генерал П. П. Коновницын.

Публикуем полностью одно из таких писем:

«Ахтырского гусарского полка господину подполковнику и кавалеру Давыдову.

Его светлость, отдавая должную справедливость и похвалу успехам вашего высокоблагородия, приказал мне сообщить вам следующее:

1-е. Посланный с отрядом довольно значащим к стороне Можайской же дороги Мариупольского гусарского полка полковник князь Вадбольский, после истребления довольного числа мародеров и взятия курьера по Можайской дороге, находился 23-го числа в городе Верее.

2-е. С таковой же партиею направлен по Боровской дороге к стороне Москвы гвардии поручик Фон-Визин.

3-е. Курьер, перехваченный нами, имел повеление остановить все транспорты, идущие со стороны Смоленска, Вязьмы и Гжатска к Москве, и, сложив провиант, отправить на тех фурах раненых и больных, в местах, на большой дороге находящихся, к Вязьме и далее к Смоленску.

Армия расположена по старой Калужской дороге у села Тарутино; ежели же воспоследует какое-нибудь движение, то вы об этом будете извещены.

Генерал-лейтенант Коновницын

№ 83. Сентября 24-го 1812.

Гл. квартира деревня Леташевка».

Под текстом собственноручная приписка Коновницына: «О подвигах ваших г. фельдмаршал велел отдать в приказе. Всех рекомендованных вами без должной награды не оставит, о чем поручил мне вас уведомить. П. П. Коновницын» (Филиал ЦГВИА, фонд 717, опись 1, дело 10, лист. 17).

А на следующий день, 25 сентября, генерал Коновницын сообщил Д. В. Давыдову: «Поиски ваши и поверхность в разных

случаях над неприятелем по Смоленской дороге обратили к вам совершенную признательность его светлости. При сем случае уведомляю вас, что вы представлены в полковники».

[30] Письмо М. И. Кутузова публикуется по подлиннику, находящемуся в бумагах Д. В. Давыдова (Филиал ЦГВИА, фонд 717, опись 1, дело 1, листы 20 и 21).

[31] Случай этот описан мною в соответствии с рассказом самого Д. В. Давыдова, однако документально не подтвержден. В записке Орлова-Денисова, посланной Давыдову, заключается лишь просьба «уведомить о своем нахождении». Но, думается, что все же подобный остроумный способ отделаться от «владычества генералов» вполне мог быть осуществлен Давыдовым, столь ценившим самостоятельность своих действий. А о том, что Орлов-Денисов каким-то образом все-таки «покушался» на «независимость» Д. В. Давыдова, свидетельствует ниже публикуемое письмо генерала Коновницына, посланное Д. В. Давыдову в ответ на его донесение: «Секретно. Господину подполковнику Давыдову. В предписании моем от вчерашнего числа усмотрите, ваше высокоблагородие, что вам действовать должно как можно ближе к Смоленску. Посему, соглашаясь с желанием вашим, сего числа дано от меня знать генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову, что вы с отрядом вашим будете действовать отдельно. Генерал-лейтенант Коновницын. № 323, октября 23. 1812» (Филиал ЦГВИА, фонд 717, опись 1, дело 10, лист 40).

[32] Эти, как и предыдущие, слова Кутузова взяты из «Дневника партизанских действий». Однако, сличая напечатанный текст с рукописью «Дневника поисков и набегов партизана Дениса Давыдова, приведенного в порядок 1814 года», я обнаружил, что встреча и разговор с Кутузовым описывались там несколько иначе. После кутузовских слов «удачные опыты твои» и т. д. в рукописи идет следующий текст: «Я отвечал ему, что «награда моя в признательности спасителя отечества». — «Как я тебя по сю пору не знал?» — «Вы изволили запамятовать, я тот самый, которого ваша светлость, быв С.-Петербургским военным губернатором, призывали журить за сатиры и за разные юношеские залеты воображения». — «Как! Неужто это ты? Да кто тебя узнает в этой одежде» (Филиал ЦГВИА, фонд 717, опись 1, дело 9, лист 53, оборот и лист 54).

Вероятно, не желая напоминать о своих юношеских «залетах воображения», Д. В. Давыдов вычеркнул при издании «Дневника» этот текст, который тем не менее свидетельствует о том, что Д. В. Давыдов встречался с М. И. Кутузовым еще в ранней молодости, когда служил в кавалергардском полку и писал известные свои басни.

[33] В записках и письмах Д. В. Давыдова имя партизана Терентия нигде не упоминается. И тем не менее имя это не вымышлено.

В 1944 году, будучи в селе Верхняя Маза, под Сызранью, где провел последние годы своей жизни и умер Д. В. Давыдов, я отыскал среди других стариков почти столетнего Николая Борисовича Волкова, отец которого служил личным камердинером у Дениса Васильевича.

Со слов своего отца старик Волков передал мне много любопытных подробностей о последних годах жизни Д. В. Давыдова и, между прочим, сообщил историю партизана Терентия. По словам старика, Терентий «прежде с Денисом Васильевичем на войне был», а затем, возвратившись домой, подвергся каким-то гонениям со стороны своего барина, «не стерпел мучительства» и стал «беглым». Услышав, что Денис Васильевич находится в Верхней Мазе, а может быть и по случайности, Терентий очутился в этом селе. Они свиделись. Терентий рассказал про свою беду. Денис Васильевич, отличавшийся большой гуманностью, отнесся участливо к бывшему партизану. Терентий, выкупленный у своего барина, поселился в Верхней Мазе, где и прожил до глубокой старости.

Николай Борисович Волков знал его стариком, всегда со слезами на глазах вспоминавшим покойного генерала Дениса Васильевича, который будто бы дал ему вольную, определил в конюхи и всегда при нужде оказывал помощь. Волков показал даже место, где стояла изба партизана Терентия. Другие верхнемазинские старики это подтвердили.

Терентий, по воспоминаниям Волкова, представляется мне таким, каким я его описываю.

[34] В «Дневнике партизанских действий» Д. В. Давыдов не решился сказать об этой экзекуции помещика, но в рукописи собственной его рукой написано следующее: «Крестьяне стали жаловаться на Масленникова, который уверял, что они изменники и бунтовщики, но бледнел и трепетал. «Глас божий, глас народа!» — отвечал я ему и немедленно велел казакам разложить его и дать двести ударов нагайками» (Филиал ЦГВИА, фонд 717, опись 1, дело 9, лист 42).

[35] Цитируемые письма, свидетельствующие о необычайной прозорливости великого русского полководца, опубликованы в сборнике «Фельдмаршал Кутузов» (Госполитиздат, 1947 г.).

[36] Кутузов с насмешкою говорил, что березинскую неудачу «простить даже можно Чичагову по той причине, что моряку нельзя уметь ходить по суше и что он не виноват, если государю угодно было подчинить такие важные действия в тылу неприятеля человеку хотя и умному, но не ведающему военного искусства» (*К. Военский,* Отечественная война 1812 года в записках современников. «Записки о войне 1812 года князя А. Б. Голицына». СПБ, 1911 г.).

[37] Блестящая оценка деятельности М. И. Кутузова, данная Давыдовым, заимствована из его письма к Вальтеру Скотту.

[38] Впоследствии архиепископ Варлаам Шишацкий за присягу Наполеону был расстрижен в монахи. Понесли наказание и остальные могилевские чиновники-изменники.

[39] Речь эту, приводимую самим Робертом Вильсоном в его «Записках», цитирую по переводу, опубликованному в книге Е. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию».

[40] В «Журнале военных действий» значится следующая, сделанная в Вильно 16 декабря запись: «Партизан полковник Давыдов рапортом от 14-го числа доносит, что при занятии города Гродно освобождено российских раненых, находившихся в плену, 14 офицеров и 467 рядовых, а солдат неприятельских взято пленных 660 человек. Сверх того, взяты весьма обширные магазины, все полные с хлебом разного рода и вином, которые и сданы им пришедшему туда с отрядом генерал-адъютанту Корфу».

[41] В формулярном списке Д. Давыдова имеется следующая отметка: «В действительных сражениях находился... Под Ляховом 28 октября, под Смоленском 29, под Красным 2 и 4 ноября, под Копысом 9 ноября, где разбил наголову депо французской армии, под Белыничами 14-го и за отличие награжден орденом св. Георгия 4-го класса; занял отрядом своим г. Гродно 8 декабря и за отличие награжден орденом св. Владимира 3-й степени».

Так был скудно награжден царским правительством отважный партизан.

Однако народ оценил действия Д. В. Давыдова иначе, окружил его имя почти легендарной славой. «Самые разные люди сходились на любви и уважении к Давыдову как национальному герою и человеку, владевшему секретом какого-то особого обаяния. Поэты всех рангов и направлений, начиная с Пушкина, Жуковского, Вяземского, Баратынского и кончая провинциальными дилетантами, наперерыв воспевали Давыдова в хвалебных стихах. Лучшие живописцы эпохи запечатлели его образ. Слава о воинских подвигах Давыдова вышла далеко за пределы России: о нем писали в европейских газетах и журналах, портрет его висел в кабинете Вальтера Скотта. Впоследствии Лев Толстой увековечил Давыдова в романе «Война и мир» в образе партизана Василия Денисова» (Вступительная статья В. Н. Орлова к «Стихотворениям Д. Давыдова». Изд-во «Советский писатель», 1950 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

Задонский Николай Алексеевич

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Историческая хроника. Книга первая, М., «Молодая гвардия». 1962, 384 с.

Редактор *О. Мамаева*
Худож. редактор *Н. Печчикова.* Техн. редактор *Н: Ныркова*
Подписано к печати 26/XII 1961 г. Бумага 84×108 1/32.
Печ. л. 12(19,68)+13 вкл. Уч.-изд: л: 19,4: Тираж 100 000 экз:
Заказ 1938. Цена 80 коп., в ледерине 85 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

85 коп.